МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ФОРМАТ

№ 1 / 2019

THE INTERNATIONAL SCIENCE MAGAZINE

HISTORICAL FORMAT

№ 1 / 2019

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ФОРМАТ

ОСНОВАН В 2015 ГОДУ

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

* * *

* * *

E-mail редакции: **mail@histformat.com**
Официальный сайт: **http://histformat.com/**

ISSN 2411-9415

THE INTERNATIONAL SCIENCE MAGAZINE

HISTORICAL FORMAT

ESTABLISHED IN 2015

SCIENTIFIC PUBLICATION

* * *

* * *

E-mail: **mail@histformat.com**
Website: **http://histformat.com/**

ISSN 2411-9415

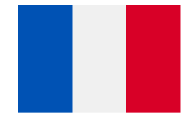
Международный научный журнал «Исторический формат» посвящён публикации результатов актуальных научных исследований по истории России и других стран мира. Журнал публикует оригинальные статьи с результатами научных исследований на русском, английском, французском и немецком языках, относящиеся к исторической тематике, а также сообщения о проводимых под эгидой или при участии журнала научных мероприятиях.

The international science magazine «Historical Format» is dedicated to the publication of the results of relevant scientific research on the history of Russia and other nations. The magazine publishes original articles in Russian, English, French and German, presenting the results of scientific research on historical themes, as well as notifications of research conducted under the umbrella of the magazine or with its direct participation.

Die internationale wissenschaftliche Zeitschrift «Historisches Format» veröffentlicht die aktuelle Ergebnisse der wissenschaftlichen Forschung der russischen Geschichte und der Geschichte der anderen Länder. Die Zeitschrift veröffentlicht Publikationen zu historischen Themen in russischer, englischer, französischer und deutscher Sprache, sowie die Berichte über die unter der Leitung oder mit Teilnahme der Zeitschrift verlaufenden wissenscahftlichen Veranstaltungen.

La Revue internationale scientifique «Format historique» est consacrée à la publication des résultats des recherches scientifiques actuelles sur l’histoire de la Russie et d’autres pays du monde. La Revue publie des articles originaux sur les résultats des recherches scientifiques en russe, anglais, français et allemand et aussi l’information sur des activités scientifiques organisées sous la tutelle de la Revue ou avec sa participation.

ПАМЯТИ

ДОКТОРА ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК,
ПРОФЕССОРА
ЧЛЕНА-КОРРЕСПОНДЕНТА РАН

АНДРЕЯ НИКОЛАЕВИЧА САХАРОВА

ПОСВЯЩАЕТСЯ...

2 ИЮНЯ 1930 — 26 ИЮНЯ 2019

СОДЕРЖАНИЕ / CONTENTS

ВЫДАЮЩИЙСЯ РУССКИЙ ИСТОРИК АНДРЕЙ НИКОЛАЕВИЧ САХАРОВ (1930-2019)

М.И. Жих[1], В.И. Меркулов[2]
Российско-немецкий исторический семинар
[1]e-mail: max-mors@mail.ru
Scopus Author ID: 55358941500
Researcher ID: F-3154-2014
http://orcid.org/0000-0003-2212-6416
SPIN-код: 6149-3974
[2]e-mail: mail@histformat.com
Scopus Author ID: 55848349600
ResearcherID: E-5671-2014
http://orcid.org/0000-0003-0555-0813
SPIN-код: 1519-7585

АВТОРСКОЕ РЕЗЮМЕ
В статье рассматривается жизнь и творчество выдающегося историка Андрея Николаевича Сахарова (1930-2019), известного специалиста по истории Киевской и Московской Руси, Российской империи, теории и цивилизационным аспектам исторического процесса.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: А.Н. Сахаров, история, историография, Древняя Русь, дипломатия, цивилизация.

DISTINGUISHED RUSSIAN HISTORIAN ANDREY NIKOLAEVICH SAKHAROV (1930-2019)

Maksim Zhikh[1], Vsevolod Merkulov[2]
The Public and Scientific Project «Russian-German Historical Seminar»
[1]e-mail: max-mors@mail.ru
[2]e-mail: mail@histformat.com

ABSTRACT
The article is devoted to the life and work of distinguished historian Andrei Nikolaevich Sakharov (1930-2019), a reputed specialist in the history of Kievan and Muscovite Rus, the Russian Empire, and in theory and civilizational aspects of the historical process.

KEYWORDS: A.N. Sakharov, history, historiography, Ancient Russia, diplomacy, civilization.

27 июня 2019 года российская историческая наука понесла невосполнимую утрату – скончался известный советский и российский историк Андрей Николаевич Сахаров, доктор исторических наук (1982), профессор (1988), член-корреспондент РАН года по Секции гуманитарных и общественных наук (история России, с 7 декабря 1991 г.), директор Института российской истории РАН (1993-2010), член Союза писателей России.

В сферу разносторонних исследовательских интересов А.Н. Сахарова входили история дипломатии, внешней политики, идеологии и культуры Древней Руси; социально-экономические отношения в Российском государстве в XVII в.; история реформаторства XVIII – начала XX вв.; становление и развитие тоталитарной системы СССР в 1920-1930-е гг.; личность в истории; отечественная и зарубежная историография истории России.

Андрей Николаевич Сахаров[1] родился 2 июня 1930 г. в рабочем посёлке (с 1932 г. городе) Кулебаки Нижегородского края (с 1936 г. Горьковская область, с 1990 г. Нижегородская область) в семье преподавателя политэкономии Николая Леонидовича Сахарова, впоследствии инженера-строителя, репрессированного в конце 1930-х гг.; мать, Елена Константиновна, преподавала историю в средней школе.

В 1953 г. А.Н. Сахаров окончил исторический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, после чего в течение пяти лет работал учителем истории в средней школе, одновременно с чем учился в заочной аспирантуре МГУ.

В 1958 г. А.Н. Сахаров становится сотрудником отдела печати Комитета молодёжных организаций СССР.

1 Жизни и творчеству А.Н. Сахарова посвящены следующие работы: Севостьянов Г.Н., Вандалковская М.Г., Сидорова Л.А. Юбилей Андрея Николаевича Сахарова // Отечественная история. 2000. № 2. С. 122-128; Алексеев В.В., Тихвинский С.Л., Вандалковская М.Г., Сидорова Л.А. К юбилею Андрея Николаевича Сахарова // Российская история. 2010. № 3. С. 142-151.

В 1961-1962 гг. он работал в Агентстве печати «Новости». В 1962 г. Андрей Николаевич был назначен на должность заведующего редакцией истории СССР журнала «Вопросы истории».

В 1965 г. А.Н. Сахаров защитил кандидатскую диссертацию по истории на тему «Русская деревня XVII в. (по материалам патриаршего хозяйства)» (научный руководитель Л.В. Черепнин). На основе своего диссертационного исследования он опубликовал серию статей[2] и монографию[3].

XVII век в советской исторической науке относился к наиболее дискуссионным историческим периодам, как эпоха, в которую, возможно, зарождались в России элементы капиталистических отношений. В своих работах А.Н. Сахаров провёл комплексный источниковедческий анализ документации хозяйства патриарших вотчин, преимущественно приходно-расходных книг, на основе которых попытался показать борьбу в русской деревне XVII в. двух тенденций: крепостнической и антикрепостнической. Именно борьба между ними и составляла, по мнению учёного, основное содержание аграрной истории России данного периода. Крепостнические тенденции по А.Н. Сахарову прослеживались там, где наблюдалась тяга к барщинному хозяйству, ведшему к усилению внеэкономического принуждения, к закрепощению крестьян; антикрепостнические – там, где нарушалось барщинное хозяйство, ослаблялась личная зависимость крестьянина и утверждалось его собственное хозяйство.

По мысли А.Н. Сахарова, антикрепостнические тенденции не являясь сами по себе отрицанием феодальных отношений, вели, тем не менее, к созданию почвы для развития буржуазных отношений в будущем. Учёный обратил внимание на генетическую связь явлений капитализма с антикрепостническими тенденциями уже в XVII веке: именно там, где антикрепостнические явления выражены наиболее четко, процесс имущественной дифференциации крестьянства вплотную подходит к социальному расслоению, именно там замечается переход крестьянских зажиточных хозяйств к расширенному воспроизводству, в частности, наряду с потребительской арендой появляется предпринимательская, а наряду с ростом товарного земледелия отмечается стремление состоятельных крестьян к использованию наёмного труда.

Рис. 1. Андрей Николаевич Сахаров вручает награды победителям конкурса «Наследие предков — молодым», Москва, 2011 год. Слева направо: лауреат конкурса М.И. Жих, член-корр. РАН, д.и.н., проф. А.Н. Сахаров, председатель московского отделения Русского Исторического Общества В.В. Грицков.

Сквозная тема книги и диссертации А.Н. Сахарова – противоборство крепостнических и антикрепостнических тенденций развития русской деревни. Учёный рассмотрел эволюцию форм ренты, отходничества, крестьянской аренды, найма и категорий крестьянства в контексте обстоятельств, тенденций и исхода борьбы этих двух полярных начал. Главную арену столкновения интересов феодалов и крестьянства А.Н. Сахаров видел в борьбе за форму и размеры ренты. Если в начале XVII в. доминировали изделье и натуральные оброки, а денежные повинности не были зафиксированы, то в конце столетия натуральные повинности перестают существовать в чистом виде. Более того, население сел и деревень, особенно тесно связанных с рынком (за исключением Московского уезда), добилось перевода на денежный или денежно-продуктовый оброк. Разделение вотчин на барщинные и оброчные совершалось на фоне общего роста размеров повинностей. А.Н. Сахаров установил тенденцию к вытеснению барщины унифицированным денежным оброком и отвёл усилению крепостнического гнета роль своеобразной лакмусовой бумажки, испытывавшей на прочность крестьянские хозяйства.

По мнению А.Н. Сахарова, вызревающий под феодальной оболочкой наем представляет собой предкапиталистический наем, поскольку здесь наличествуют черты как феодальных, так и развивающихся буржуазных производственных отношений. Эволюция подневольного труда в вольный по мысли А.Н. Сахарова шла от «домового работничества» к «работникам-специалистам» и далее к оброчным наемным людям, какими, по-видимому, являлись вольнонаемные «работники» и «деловые люди». А.Н. Сахаров в своей работе проследил эволюцию отдельных категорий крестьянства.

К теме истории русской деревни XVII в. примыкает серия работ А.Н. Сахарова, посвящённых крестьянской войне 1667-1671 гг. под руководством Степана Разина[4], в том числе посвящённая русскому народному герою книга, изданная в серии «Жизнь замечательных людей»[5], которая ярко и увлекательно, но вместе с тем точно и достоверно, при строгой опоре на источники,

---

2 Сахаров А.Н. 1) Антикрепостнические тенденции в русской деревне XVII века // Вопросы истории. 1964. № 3; 2) Эволюция категорий крестьянства в XVII в. // Вопросы истории. 1965. № 9; 3) О диалектике исторического развития русского крестьянства // Вопросы истории. 1970. № 1.

3 Сахаров А.Н. Русская деревня XVII в. (по материалам патриаршего хозяйства). М., 1966.

4 Сахаров А.Н. 1) Из истории крестьянской войны под руководством Степана Разина // Исторический архив. 1957. № 4; 2) Степан Разин – предводитель Крестьянской войны // Крестьянские войны в России XVII-XVIII вв.: проблемы, поиски, решения. М., 1974.

5 Сахаров А.Н. Степан Разин (хроника XVII века). М.: Молодая гвардия, 1973; 2-е изд. 1987; 3-е изд. 2010 (в серии «ЖЗЛ»; переведена в Японии, Чехословакии, Венгрии, Болгарии).

рассказывает о Разине и его последователях и о жизни России «бунташного» XVII в.

В 1968-1971 гг. А.Н. Сахаров был инструктором Отдела пропаганды ЦК КПСС; в 1971-1974 гг. работал заместителем директора и главным редактором издательства «Наука»; в 1974-1984 гг. состоял членом коллегии, начальником главка (управления художественной литературы) Государственного комитета по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Параллельно, в 1970-е гг. А.Н. Сахаров был доцентом кафедры истории КПСС исторического факультета МГУ, где вёл семинары, читал спецкурсы, готовил аспирантов. В 1981 г. А.Н. Сахаров вступил в Союз писателей СССР.

Новый этап научной работы А.Н. Сахарова связан с его обращением к теме становления дипломатической системы рождающегося Древнерусского государства в IX-X вв. – проблематике практически не разработанной в науке. Учёный публикует серию статей[6], две капитальные монографии[7], две научно-популярные книги[8], и в 1982 г. защищает докторскую диссертацию «Зарождение дипломатии Древней Руси. IX – первая половина X вв.», в которой рассматривает становление дипломатической службы древних руссов в IX-X вв. в контексте становления древнерусской государственности и в тесной связке с общим развитием государственности в странах Европы и Ближнего Востока в конце I тыс. н.э., в сравнении и переплетении с дипломатией Византии, Болгарии, Арабского халифата и других государств того времени. Критически проанализировав огромный корпус источников и разобрав применительно к каждой конкретной проблеме существующую историографию, А.Н. Сахаров блестяще раскрыл содержание первых договоров Руси с Византией, уграми, варягами, печенегами, болгарами, хазарами, дипломатию Олега, Игоря и Ольги на широком историческом фоне.

Во второй книге рассматривается период 60-70-х гг. X в., когда Русь, опираясь на предшествующий опыт, предпринимает дипломатические усилия для достижения своих внешнеполитических целей. Этот период является одной из ярких страниц в истории древнерусского государства, связанной с деятельностью великого князя Святослава Игоревича. А.Н. Сахаровым были рассмотрены средства, методы и приемы дипломатии Руси в этот период.

В 1984 г. А.Н. Сахаров становится заместителем директора по научной работе Института истории СССР АН СССР, а в 1993-2010 гг. он занимал пост директора Института российской истории РАН, в 1994-2000 гг. был заместителем академика-секретаря Отделения истории, с 2010 г. советником РАН. В 1999 г. вместе с академиком Г.Н. Севостьяновым А.Н. Сахаров написал письмо тогдашнему директору ФСБ В.В. Путину о необходимости рассекречивания и публикации информационных обзоров органов государственной безопасности об экономическом и политическом положении в СССР. В 2007 г. А.Н. Сахаров представлял императора Александра II в телепроекте «Имя Россия», позднее не раз принимал участие в съёмках телепередачи «Суд времени».

Рис. 2. М.И. Жих и А.Н. Сахаров на конференции «Начала русского мира», Санкт-Петербург, 2010 год.

В конце 1980-х – начале 1990-х гг. в ряде публикаций А.Н. Сахаров выступил за необходимость пересмотра методологии исторических исследований, за отказ от абсолютизации классового и формационного подхода к истории.

В 2009 г. А.Н. Сахаров вошёл в состав Комиссии по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России и участвовал в работе Комиссии до её упразднения. В 2011 г. А.Н. Сахаров стал членом Российского совета по международным делам, был членом бюро Совета по работе с иностранными членами РАН и учёными-соотечественниками, проживающими за рубежом. В 2012 г. А.Н. Сахаров принял участие в съёмках научно-популярного фильма Михаила Задорнова «Рюрик. Потерянная быль» (научный консультант фильма – В.И. Меркулов).

А.Н. Сахаров был соруководителем международного семинара «От Рима к Третьему Риму» (1985-2010). Доклады, прочитанные А.Н. Сахаровым на заседаниях семинара, составили со временем отдельную книгу учёного[9]. Она была посвящена проблеме преемственности цивилизаций Древнего Рима, Восточно-Римской империи (Византии) и Московской Руси, «Третьего Рима», позднее – Российской империи. Важнейшее место в этой системе преемственности занимала Древняя Русь, которая стала своеобразным историческим мостом, посредством которого транслировался культурный, социальный, политический, религиозный опыт древних империй в земли восточных славян и созданных ими государств.

А.Н. Сахаров был руководителем центра «Историческая наука России» ИРИ РАН (с 1987 г.), главным редактором историографического ежегодника «История и исто-

6 Сахаров А.Н. 1) Кий: легенда и реальность // Вопросы истории. 1975. № 10; 2) «Дипломатическое признание» Древней Руси (860 г.) // Вопросы истории. 1976. № 6; 3) Страницы русской дипломатии начала X в. // Восточная Европа в древности и средневековье. М., 1978; 4) Русско-византийский договор 907 г.: реальность или вымысел летописца? // Вопросы истории. 1978. № 2; 5) Дипломатия княгини Ольги // Вопросы истории. 1979. № 10; 6) Балканские походы Святослава и дипломатия Древней Руси // Вопросы истории. 1982. № 2.

7 Сахаров А.Н. 1) Дипломатия Древней Руси: IX – первая половина X вв. М., 1980 (переведена в Болгарии); 2) Дипломатия Святослава. М., 1982; 1991 (в серии «Из истории дипломатии»).

8 Сахаров А.Н. 1) «Мы от рода русского…»: рождение русской дипломатии. Л., 1986; 2) Дипломатия Древней Руси. М., 1987 (в серии «Учёные – школьнику»).

9 Сахаров А.Н. Русь на путях к «Третьему Риму». Тула, 2010.

▲ вернуться к оглавлению

рики». В 1990-е гг. учёный руководил академическим изданием «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина. Итогом историографических исследований А.Н. Сахарова стала книга[10], в которой он попытался показать конкретные проявления российской цивилизации как части мирового исторического процесса, выявить, в частности, роль такого фактора, как имперская государственность в развитии страны. Другой частью работы является публикация материалов, показывающих новые подходы к ряду ключевых внутри- и внешнеполитических тем российской истории, искаженных и оболганных в прошлые годы. К ним относятся участие России в «Священном союзе», Русско-японская война, история советско-финляндских отношений XIX-XX вв., начало сталинского «большого террора», демократическая революция 1989-1993 гг. и другие темы.

В 1999 г. А.Н. Сахаров становится сопредседателем Научного совета РАН «История международных отношений и внешней политики России», с 2004 г. – заместителем председателя Экспертной комиссии по анализу и оценке научного содержания ФГОС и учебной литературы для начальной, средней и высшей школы, один из разработчиков системы анализа и оценки учебников (2007), учёный был соавтором и редактором ряда учебников для школ и ВУЗов.

В 2004 г. вышла книга А.Н. Сахарова[11], суммирующая его работы, посвященные ключевым теоретическим проблемам отечественной истории. В ней учёным были рассмотрены становление и эволюция российской цивилизации с древнейших времен до конца XX в., в первую очередь соотношение исторических факторов развития страны и формирование облика народа, его элиты, правителей, а также преемственность этой эволюции на протяжении веков.

Разносторонняя научная и административная деятельность А.Н. Сахарова была отмечена следующими званиями и наградами: Орден «Знак Почёта»; Орден Дружбы народов; Орден «За заслуги перед Отечеством» IV степени (2000) – за заслуги перед государством, многолетний добросовестный труд и большой вклад в укрепление дружбы и сотрудничества между народами; Медаль «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения Владимира Ильича Ленина» (1970); Орден Заслуг перед Республикой Польша; Заслуженный работник культуры РСФСР (1980); Заслуженный деятель науки Республики Мордовия; Почётная грамота Президента Российской Федерации (2010); Премия Правительства Российской Федерации в области образования (2012); Лауреат Всероссийской историко-литературной премии «Александр Невский»; в 2010 году Будапештским центром русистики А.Н. Сахарову присвоено звание Socius Honoris causa.

Вспоминается, как в 2010 году Андрей Николаевич Сахаров, возглавлявший Институт российской истории РАН, предложил одному из авторов этих строк, Меркулову В.И., подключиться к работе ИРИ РАН. Но этому не суждено было тогда состояться. Путём интриг на уровне Историко-филологического отделения РАН Андрей Николаевич был отстранён от должности, хотя коллектив института проголосовал за него на перевыборах директора. Все кадровые решения А.Н. Сахарова были также заблокированы.

Память об А.Н. Сахарове навсегда останется у нас, а его работы по праву входят в золотой фонд науки о Древней Руси.

10 Сахаров А.Н. Исторические обретения на рубеже XXI века: очерки. М., 2011.
11 Сахаров А.Н. Россия: народ, правители, цивилизация. М., 2004.

Жих Максим Иванович
– Общественно-научный проект «Российско-немецкий исторический семинар» (Санкт-Петербург, Россия).

Maksim Zhikh
– The Public and Scientific Project «Russian-German Historical Seminar» (Saint Petersburg, Russia).

E-mail: max-mors@mail.ru

Меркулов Всеволод Игоревич
– Кандидат исторических наук, Общественно-научный проект «Российско-немецкий исторический семинар» (Москва, Россия).
Vsevolod Merkulov – Candidate of historical sciences, Public and scientific project «The Russian-German Historical Seminar» (Moscow, Russia).

E-mail: mail@histformat.com

860 ГОД: НАЧАЛО РУСИ

А.Н. Сахаров
Институт российской истории РАН
Россия, 117292, г. Москва, ул. Дмитрия Ульянова, 19
e-mail: mail@histformat.com
SPIN-код: 2513-0207

АВТОРСКОЕ РЕЗЮМЕ
В русской истории есть событие и есть дата, которые, если не говорят о создании государственности, то, по меньшей мере, возвещают об официальном признании государства Русь остальным миром. Эта дата 18-25 июня 860 г. В эти дни, после нападения русской рати на Константинополь 18 июня 860 г. и недельной осады столицы Византийской империи, между Русью и Византией состоялась договоренность о заключении мирного соглашения, которое через некоторое время впервые связало доселе безвестную Русь и великую империю стереотипным для того времени межгосударственным договором и дало начало череде других аналогичных соглашений уже в X-XI вв., вписав Русь в систему тогдашних международных отношений. Поход Руси на Константинополь был организован той частью славяно-русских земель, которые к этому времени достигли определенного социально-экономического, культурного, политического развития. Таким регионом во второй половине IX в. стало Поднепровье. В 860 г. государство Русь оповестило о своем государственном рождении остальной мир.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Русь, Византия, дипломатия, Христианство, военные походы, государственность, славяне.

860 YEAR: THE START-DATE OF RUSSIA

Andrei Nikolaevich Sakharov
Institute of the Russian History of RAS (Moscow, Russia)
e-mail: mail@histformat.com

ABSTRACT
In Russian history there are an event and a date which signify if not the establishment of the statehood, then, at least, the official recognition of the Rus' state by the rest of the world. This date is June 18-25, 860 A.D. – when after the attack of the Russian army on Constantinople on June 18, 860 and a week-long siege of the capital of the Byzantine Empire, Rus and the Byzantium concluded a peace agreement, which bound the unknown until then Rus and the great empire with a typical for that time interstate treaty and gave origin to a series of other similar agreements later, in the 10th-11th centuries, having involved Rus into the then international relations. The Rus' campaign on Constantinople was arranged by that part of the Slavic-Russian territories, which had reached a certain socio-economic, cultural, political development by that time. The Dnieper region became such a territory in the second half of the 9th century. In 860, the Rus' state notified the rest of the world of its birth.

KEYWORDS: Russia, Byzantium, diplomacy, Christianity, military campaigns, statehood, Slavs.

Уже не один десяток лет среди историков идет спор о дате, с которой следует исчислять начало Российского государства. Спор длительный, острый, но порой совершенно беспредметный.

Кто хоть мало-мальски знаком с мировым историческим процессом, тот прекрасно понимает, что государственность того или иного народа не выскакивает как чертик из табакерки, а имеет в своей основе длительную цивилизационную эволюцию. Эта мысль неоднократно звучала в исторической и историософской литературе.

Само государство предстает в истории как «огромный прогресс» человечества, как один из важнейших компонентов цивилизации, который организует, защищает, возвышает народ, усиливает его технологические и научные возможности, развивает его социальные отношения, культуру, определяет «место под солнцем» среди иных стран и народов (История человечества 2003: 44-45).

Но главное – государство в конечном итоге, несмотря на его глубокие социально-политические противоречия, на давящую репрессивную силу, обеспечивает защиту жизни и собственности своих соплеменников, в дальнейшем – права и свободы человека, которые сквозь тернии веков постепенно прокладывают свой путь в истории.

Понятно, что точку отсчета этой эволюции определить невозможно. Государство, его институты, рычаги воздействия на общество и его взаимодействие с обществом развиваются постепенно, и это развитие становится признаком цивилизационной зрелости народа, степени его вклада в развитие всего человечества.

Однако в истории становления государственности у многих народов существует такое событие, которое как бы высвечивает этот длительный и медленный исторический процесс, аккумулирует все предшествующие государственные тенденции, безоговорочно утверждает реальность, определенные черты государственного строительства народа, возвещает об этой реальности и необратимости остальной мир.

В российской истории издавна таким знаковым событием считался 862 год – год призвания новгородскими словенами, кривичами, а также жившими по соседству угро-финнами и балтами в качестве князя-управителя, сберегателя, арбитра варяжского князя Рюрика с братьями и «с роды своими» под которыми можно понимать и дружину, и, скорее всего, какое-то родоплеменное объединение (ПВЛ 1996: 13). Фактом является то, что в российской истории применительно к северо-западным землям появляется упоминание о вокняжении властелина, положившего начало княжеской, а позднее царской династии в российском государстве. И все. Этим, собственно, значение данного факта и исчерпывается.

Понятно, что именно это значение представлялось важнейшим элементом государственного строительства в России во времена Рюриковичей, а позднее и Романовых. Однако никакого реального исторически переломного смысла факт призвания варяжского князя в российскую историю не привнес. Более того, сам этот факт лишь подчеркнул цивилизационную зрелость восточнославянского общества, воспринявшего появление приглашенного князя как вполне обыденное явление, учитывая, что по данным летописи княжеская власть существовала на Руси и до призвания варягов – как в северо-западном регионе, так и на юге, в Поднепровье (упоминание о Кие). Корни этого института государственности восходят еще к антским временам.

Кажется, на этом можно было бы поставить точку. Но, увы. Сам по себе малозначительный факт намного перерос подобающее ему место в истории.

Во-первых, он стал мощным идеологическим подспорьем в утверждении династических претензий в России. Во-вторых, его использовали, начиная с первых лет XVII в., западные, в первую очередь, шведские, позднее – немецкие идеологи в своих геополитических притязаниях на северо-западные русские земли, объявив Рюрика выходцем из Скандинавии, норманном, а заодно и принизив цивилизационный уровень развития восточнославянских земель, население которых само, якобы, так и не смогло создать государственность. В этом неразумным и отсталым восточным славянам помогло призвание варягов.

Двести с лишним лет потребовалось российским, в том числе советским, а также зарубежным объективным ученым для того, чтобы, в конце концов, отбросить бредовую идею о привнесении государственности на Русь с Запада. Однако до сих пор существуют отзвуки этой глобальной исторической фальшивки в виде отождествления Рюрика и варягов с выходцами из Скандинавии, хотя российские, польские и даже шведские специалисты как в прошлые времена, но особенно активно в последние годы, убедительно доказывают принадлежность варягов в IX – начале X в. к южно-балтийским славянам, к их государственным анклавам в Поморье, чье население было родственно ильменским славянам по языку, верованиям, бытовым традициям, находилось в вековых исторических контактах с восточными славянами (см. подробнее: Фомин 2005). В ответ ученые слышат брань, политические обвинения в шовинизме, объявление их «вне науки» и прочую идеологическую дребедень.

А дело сводится к элементарной русофобии и к возрождению все той же обветшалой теории о неспособности восточных славян создать по образу и подобию соседних народов собственную государственность.

Учитывая все эти моменты, но, прежде всего, политическую составляющую развития русских земель в IX в., было бы исторически наивным считать 862 год – годом рождения Российского государства. А уж если в этом вопросе без варягов не обойтись, то следовало бы более пристальное внимание обратить на дату – 882 г., когда князь Олег, который «поимъ воя многи, варяги, чюдь, словени, мерю, весь, кривичи» (ПВЛ 1996: 14) сумел, шествуя с севера, захватить Киев и объединить северную новгородскую Русь и южную Русь в единое государство – Русь, как стали с этого времени называть свои земли не только руссы, но и их соседи, в том числе византийцы, о чем говорят знаменитые договоры «Руси с греками» от 907, 911, 944, 971 гг.

Заметим, что обе эти даты, независимо от споров по поводу происхождения варягов, заслуживают внимание с точки зрения российской государственности.

Первая говорит о стабилизации государственной власти у северо-западной части восточного славянства и появлении четко очерченной территории славянской северной Руси с центром в Новгороде, центром, который постепенно подчинил себе окрестные угро-финские и балтские племена и начал мощное наступление на юг, готовя вторжение в южную Русь.

Вторая дата является также одним из этапов создания российской государственности – объединения северной и южной Руси под властью выходцев с Севера и появления единого государства Русь или Русской земли.

Но ни та, ни другая даты не могут являться определяющими в деле создания Русского государства, исходя все из той же посылки, что появление государственности – это длительный исторический процесс, и ни та, ни другая даты не говорят о рождении этого государства.

Однако есть в русской истории событие и есть дата, которые, если не говорят о создании государственности, то, по меньшей мере, возвещают об официальном признании государства Русь остальным миром. Эта дата 18-25 июня 860 г.

В эти дни, после нападения русской рати на Константинополь 18 июня 860 г. и недельной осады столицы Византийской империи, между Русью и Византией состоялась договоренность о заключении мирного соглашения, которое через некоторое время впервые связало доселе безвестную Русь и великую империю стереотипным для того времени межгосударственным договором и дало начало череде других аналогичных соглашений

вернуться к оглавлению ▲

уже в X-XI вв., вписав Русь в систему тогдашних международных отношений.

Что же произошло в эти дни на берегах Босфора?

18 июня русский флот (по русским источникам – 200 судов, несущих около 8000 человек; по данным венецианского хрониста – 350 судов, что увеличивало количество нападавших до 12-14 тыс. человек) атаковал Константинополь с моря, атаковал внезапно, скрытно, в то время, когда византийская армия во главе с императором Михаилом III ушла в Малую Азию на борьбу с арабами, а греческий флот действовал в Средиземном море против критских пиратов. Затем последовал десант русской рати и недельная осада византийской столицы. Судя по данным византийских источников, нашедших отражение и в русских летописных сводах, город оказался в реальной опасности. Жители встали на его защиту, гонцы срочно поскакали к императору, моля того о помощи. Михаил III с трудом пробрался в столицу и вместе с патриархом Фотием возглавил оборону города.

Нечасто столица империи подвергалась такой опасности. Источники сохранили описание лишь одного такого крупного потрясения – это осада города объединенными силами аваров, славян и других народов в 626 г., когда судьба Константинополя висела на волоске.

И вот, спустя два с лишним века, история повторилась. И снова славяне оказались участниками этого исторического действа: в первый раз в виде вспомогательной военной силы, подневольного военного контингента своих сюзеренов – аваров; во второй раз – в виде войска самостоятельного, мощного государственного образования под именем Русь.

Как первое нападение 626 г., так и второе, позднейшее, поразило воображение современников.

Анализ событий показывает, что нападение Руси было, во-первых, беспрецедентным по своим масштабам; во-вторых, оно оказалось тщательно подготовленным и блестяще осуществленным. Руссы, видимо, располагали прекрасной информацией о том, что и флот, и армия Византии ушли из города; а это означало, что впервые мы можем говорить о военной разведке молодого русского государства. Историки даже предполагали, что налицо имелись союзные отношения между руссами и арабами, скоординировавшими свои антивизантийские действия, при действительном нейтралитете Хазарии.

Если появление в приильменских местах Рюрика и его соратников осталось в истории Европы незамеченным и сохранилось в памяти лишь русских летописцев, то события 860 г. буквально потрясли тогдашний мир. О нем в течение IX-XIII вв. сообщали византийские и европейские хронисты, государственные деятели, церковные прелаты. В частности, о нем возвещали знаменитые проповеди константинопольского патриарха Фотия, посвященные непосредственно факту нападения на город русского войска и недельной осады города. Римский папа Николай I в своем письме в Константинополь возмущался тем, что Византия смогла допустить такой беспрецедентный факт, как осаду города малоизвестным доселе народом (см. подробнее: Сахаров 1980: 49-51). Нашли отражение события 860 г. и в Повести временных лет, которая, изложив кратко историю нападения Руси на столицу Византии, состоявшееся при императоре Михаиле III, как бы подвела исторический итог этой потрясающей военной эпопее IX в. – «отсюда почнемъ и числа положимъ». По мысли Нестора, именно с этого события и начинается реальная, в том числе хронологическая, история Руси.

Несколькими строками ниже Нестор вновь возвращается к нападению Руси на Константинополь и на основании греческих хроник, о которых он упоминал выше, повествуют о ходе событий. Он сообщает, что нападение состоялось тогда, когда Михаил III находился на Черной Речке (в Малой Азии) и лишь с трудом вернулся в свою столицу, а затем вместе с патриархом Фотием всю ночь молился в храме Святой Богородицы во Влахернах (район Константинополя, близкий к крепостной стене, к которой подступали руссы). Наутро молящиеся обнесли хранившуюся в храме ризу Богородицы вокруг стен. Это действие и спасло город. Разразилась буря, разметавшая суда руссов. Они отступили, и город был спасен. Руссы возвратились «во своясi» (ПВЛ 1996: 13). Заметим, что византийские источники ничего не говорят о буре, а повествуют лишь о тяжком положении осажденного города, о ночных молитвах осажденных и о начале мирных переговоров, избавивших город от беды.

Описанные события Нестор датирует 866 годом, что и дает норманистам основание говорить о нападении Руси на Византию уже после призвания варягов. Впоследствии дата была уточнена, однако, норманистская датировка несмотря на это в историографии сохранилась.

С тех пор как в 1894 г. бельгийский ученый Франц Кюмон обнаружил в Париже византийский манускрипт, включавший Хронику Манасии, где четко было сказано, что 18 июня 860 г. произошло нападение Руси на Константинополь и осада византийской столицы (см.: Василевский 1894: 258-259), опровергнуть уточненную дату практически невозможно. Через неделю осада была снята, и состоялось прелиминарное мирное урегулирование противоборства. В сочетании с другими сведениями, содержащимися в русских летописях, византийских хрониках, эпистолярной литературе, известных проповедях патриарха Фотия, посвященных нашествию Руси, выявляется масштабное историческое событие, связанное с появлением Руси на европейской арене как самостоятельного суверенного государства.

До настоящего времени эта дата недооценивается в российской историографии, не знает о ней и российская общественность, хотя о походе Руси на Константинополь было известно давно. На основании данных русских летописей о нем писали М.В. Ломоносов, В.Н. Татищев, историки XIX в., а также уже, учитывая дату, открытую Ф. Кюмоном, – советские историки М.Н. Тихомиров, Б.А. Рыбаков, М.В. Левченко и другие. Большинство их придавали походу важное значение в истории становления Российской государственности (см.: Сахаров 1980: 48-49).

И все-таки в полном объеме события 860 г. так и не вышли из тени истории призвания варягов. И это не случайно. Долгое время дата – 862 г., год призвания

варяжских князей, затмевала события 860 г. Кроме того, выросший на «варяжском вопросе» норманизм плотной пеленой окутал эпопею 860 г., мешавшую норманистам проповедовать историю начала Руси якобы связанную с варяжским пришествием. Парижская находка случилась уже после того, как норманнская теория прочно обосновалась в отечественной и мировой историографии. Установление памятника 1000-летия России, сооруженного в Новгороде в 1862 г., за двадцать с лишним лет до находки Ф. Кюмона, как бы придавило все возможные разночтения по этому вопросу.

Однако наука не подвластна официальным теориям, династическим интересам и идеологическим клише. Сразу же после публикации Ф. Кюмона ученые обратили внимание на события 860 г. Но в России в ходе общественных катаклизмов начала XX в. сделать это было трудно. А затем в советской историографии прочно укоренилась классическая норманнская концепция варяжского вопроса, даже несмотря на то, что идея о создании варягами-норманнами российской государственности была как немарксистская отброшена.

Первыми к событиям 860 г. в исследовательском плане обратились историки-эмигранты. В 1946 г. в США на английском языке вышла монография А.А. Васильева «Русская атака на Константинополь в 860» (см.: Vasiliev 1946), появились упоминания о походе 860 г. в некоторых зарубежных работах. Однако норманнское этническое покрывало плотно окутывало это военное предприятие Руси. Да, поход был. Да, событие это эпохальное, но провели его… норманны.

Первым, кто впервые определил историческое значение событий 860 г. как «начала Русской земли» был М.Н. Тихомиров. В своей статье 1962 г. он подчеркнул, что не с началом династии Рюриковичей связано первое упоминание о Руси, Русской земле, а именно с событиями 860 г., случившимися за два года до летописного призвания варягов. М.Н. Тихомиров, опираясь на сообщения Ф. Кюмона, сопоставляет эту дату с известием Нестора о нападении Руси на Царьград и со словами русского летописца о том, что именно с этого события и начала «прозывати Руска земля». М.Н. Тихомиров справедливо указывает на то, что первое упоминание является основанием не только для установления даты возникновения, скажем, древних русских городов, но, следуя этому принципу, и для определения начала русской государственности, хотя и обращает внимание на некую условность этого определения, исходя все из того же, что возникновение государства – длительный исторический процесс (Тихомиров 1962: 40-42).

На рубеже 80-х гг. прошлого века я обратил внимание на события 860 г. с точки зрения дипломатической истории Руси (см.: Сахаров 1980: 47-82). Позднее вышла в свет работа П.В. Кузенкова «Поход 860 г. на Константинополь и первое крещение Руси в средневековых письменных источниках», в которой он обратил внимание на первое государственное крещение Руси, состоявшееся как результат похода 860 г. (Кузенков 2003). С.В. Цветков в своей книге «Поход русов на Константинополь в 860 г. и начало Руси» вновь возвратился к событиям 860 г., ставя вопрос о том, что именно поход Руси на Константинополь означал истинное начало российской государственности, не связанное с призванием варягов (Цветков 2010).

И все же думается, что до сих пор не выявлен действительный смысл событий 860 г., потрясших нашего древнего летописца и поразивших тогдашних современников событий в Византии и на Западе. Этот смысл, по нашему мнению, заключается во всем комплексе внутри- и внешнеполитических явлений, вызывавших этот поход, сопутствовавших ему и отразивших его результаты. Июнь 860 г. стал своеобразным зеркалом этих явлений, что и дает основание определить данное время как действительное «начало Руси». К сути событий 860 г. уже на исходе XX в. и в начале XXI в. ученые приходили постепенно. Каждый из них внес свой весомый вклад в разработку важнейшей проблемы рождения государственности у восточных славян, чья история стала исторической колыбелью русского, украинского и белорусского народов. В равной степени все они являются правопреемниками событий 860 г. Начало Руси – это совместное государственное начало трех народов.

Но вернемся к событиям 860 г.

Известно, что весьма масштабные походы против своих соседей восточнославянские дружины во главе со своими князьями предпринимали и ранее. Хрестоматийными являются сведения о нападении славян на границы Византийской империи в VI в., войнах и мирных переговорах с аварами, атаке русской рати Крымской фемы Византии в начале IX в. и захвате города Сурожа, нападении в 30-е гг. IX в. на малоазиатское побережье Византии и захвате богатого торгового и административного города края – Амастриды. Но, повторю, одни из этих событий были вообще неизвестны русскому летописцу, другие – не произвели на него особого впечатления.

860 г. привнес в российскую историю нечто совершенно качественно новое, что и дало Нестору возможность без ошибки квалифицировать эту дату особенным образом. Весь ход событий и его результаты остались сокрытыми для русского летописца; он ухватил лишь наиболее яркую их сторону – сам факт атаки и осады Константинополя. Но само это военное предприятие и противостояние с могучей империей настолько, видимо, поразило воображение летописца, что он счел необходимым именно с этого времени начать исчисление русской истории.

Заметим, что других, равнозначных и достоверных исторических событий применительно к истории рождения древнерусского государства в распоряжении Нестора не было, если не считать такие туманные сообщения, как история основания Киева князем Кием и появление в восточнославянских землях варяжских князей. Ни то, ни другое не впечатлило летописца и не сподвигло на столь ответственный вывод.

Но при всей ограниченности информации относительно событий 860 г. историческое чутье не обмануло Нестора: в реальности эпопея 860 г. намного выходила за рамки просто истории военного похода.

Прежде всего, следует сказать о государственно-дипломатической стороне событий, т.е. о военно-политическом результате противоборства.

После недельной осады Константинополя руссами стороны заключили мирный договор. Этот договор

явился итогом острейшего военного противостояния Руси и Византии, открывшегося 18 июня 860 г. нападением огромного по тем временам русского войска на византийскую столицу.

Согласно проповедям патриарха Фотия, письму папы Николая I, данным византийских хроник вскоре между Русью и Византией был заключен договор «мира и любви», т.е. полномасштабное соглашение, ведущее к мирному устроению и установлению между двумя государствами равноправных политических и экономических и военно-союзных отношений.

Договор прекращал состояние войны и устанавливал между государствами мирные и добрососедские отношения. Византия уплачивала Руси дань и обязывалась впредь выплачивать определенную ежегодную сумму за соблюдение мира со стороны Руси. Русь со своей стороны обязывалась вступить с империей в военно-союзные отношения и помогать ей в случае необходимости военными силами, что на практике и произошло уже в последние десятилетия IX в. и в начале X в. Русь и Византию по этому соглашению связали стабильные торгово-экономические отношения; русским купцам был открыт (возможно, льготный) доступ на греческие рынки. Следы условий этого договора сохранились в сведениях византийских и западных источников. Часть их реконструируется по позднейшим соглашениям между Русью и Византией.

Этот договор во многом явился стереотипным для того времени. Подобные же соглашения связывали Византию в разные периоды истории с Персией, Арабским халифатом, Франкской империей, Хазарией, Болгарским царством, другими сопредельными государствами. Теперь в их состав вошла и Русь.

Подобные договоры, как правило, заключались между государственными партнерами на 30 или 50 лет. Такие долговременные миры назывались «глубокими». И действительно: следующее противоборство Руси и Византии произошло через 47 лет, в 907 г., когда, судя по данным источников, Византия стала нарушать условия «ветхого мира» 860 г., как его называет «Повесть временных лет». В первую очередь это касалось либо условия уплаты ежегодной дани Руси со стороны Византии, либо нарушения статуса русских купцов в империи.

Вслед за урегулированием отношений после войны 907 г., новое противостояние случилось в 941 г., т.е. через тридцать с небольшим лет, а последующее – снова через тридцать лет. Русь прочно встраивалась в систему европейских международных отношений.

Одним из важнейших условий договора между Русью и Византией в июне 860 г. стало согласие Руси принять крещение из рук империи. Это условие само по себе было вполне ординарным и входило составной частью в мирные соглашения и в мирные отношения Византии с окружающими «варварскими» странами. Крещение по византийскому образцу приняли Сербия, Болгария, Алания. Теперь в составе византийских христианских епархий под номером 61 появилась и русская. Сообщение о крещении Руси имеется в византийских хрониках, а также в «Окружном послании» патриарха Фотия восточным архиепископам. «Повесть временных лет» молчит об этом условии договора, но позднейшая Никоновская летопись уже располагает сведениями греческих хронистов (ПСРЛ IX: 13).

И несмотря на то, что в дальнейшем северная языческая Русь с захватом Олегом Киева в 882 г. сокрушила христианство и его инициаторов князей и дружинную элиту, принявших по благословению греческих миссионеров христианство в начале 60-х гг. IX в. и удерживавших его в течение, по меньшей мере, двадцати лет, новая религия теперь вполне ассоциировалась в европейском восприятии и с государством Русь. Это было второе по счету крещение Руси после крещения русского вождя во время захвата Сурожа, но крещение Руси после победоносного похода 860 г. было первым масштабным государственным крещением. Что касается последующей языческой реакции, то подобные же религиозные откаты наблюдались в Англии, Швеции, в других странах, где христианство, даже несмотря на поддержку верхов общества, с трудом добывало себе историческое место на европейском континенте.

Само по себе это крещение не представляло для империи из ряда вон выходящего события. Для Руси же оно было исполнено глубокого и масштабного международного значения: языческая Русь благодаря своей победе приобщалась к тогдашнему цивилизационному христианскому миру. В совокупности с другими условиями мирного устроения Русь представала в истории как признанное империей, полноправное, получившее европейскую известность государство. Это было действительно международное государственное рождение, начало международной жизни Руси.

В нем присутствовали такие важные исторические составляющие, как, во-первых, наличие достаточно сильной и хорошо организованной государственной власти, способной провести тщательно подготовленный, масштабный по своим целям военный поход большой рати, а также вполне компетентного в части заключения стереотипного для того времени дипломатического соглашения, которое подвело итог военной кампании. Во-вторых, события 860 г. показали, что новое государство имеет определенную территориальную пространственность (днепровско-донецкий регион, как ее определяют историки), а также хронологическую протяженность. Это государство заключило с империей мирный договор, условия которого должны были действовать на годы вперед. В-третьих, налицо оказался достаточный для того времени цивилизационный уровень Руси, согласившейся, как и другие известные страны, принять крещение по византийскому образцу с образованием самостоятельной епархии. В-четвертых, 860 г. продемонстрировал наличие на Руси определенного уровня развития хозяйственно-экономических отношений, что выразилось в способности государства экономически обеспечить грандиозный поход, стремлении русских вождей добиться от Византии выгодных условий в торговой сфере.

И все эти черты жизни и деятельности молодого государства аккумулируются в событиях 860 г. и в первую очередь в договоре, говорящем о государственном признании Византией Древней Руси.

А как же скандинавы?

Сегодня не может быть сомнений в том, что масштабный поход с севера на Византию не имеет никакого

отношения к скандинавам. В византийских и западных источниках речь идет о «народе», «многих народах», вышедших с севера и обрушившихся на границы империи. В этих оценках на первый план выходит государственно-этническое определение нападавших. Русские летописи непосредственно идентифицируют поход как военное предприятие государства Русь, как выходцев из Поднепровья. Если к тому же вспомнить, как организовывали свои походы на Византию позднее великие киевские князья Олег и Игорь, привлекая практически к участию в них все население Руси, каким образом в договорах «Руси с греками» было представлено государство Русь, Русская земля, ответ на этот вопрос может быть лишь один: никаких скандинавов в качестве организаторов этого похода не просматривается, хотя участие варягов – выходцев с южно-балтийских земель в качестве союзников Руси вовсе не исключается.

Заметим, что само это военное предприятие, сбор большого войска, оснащение флота требовало длительного и масштабного государственного обеспечения. Это могла сделать уже сложившаяся и успешно функционировавшая государственная система, которая впервые попробовала свои внешнеполитические мускулы уже ранее, во время ударов по крымским и малоазиатским владениям Византии.

К тому же при определении этнической принадлежности государства Русь необходимо учитывать общеисторическую обстановку в Восточной Европе.

Повсюду в этом регионе, на обширных пространствах существовали этнонимы «русь», «русины», «рутены», «руссы», «руги» и другие, близкие им, которыми характеризовались (в том числе германскими источниками) различные славянские племена, племенные конфедерации и славянские государственные образования, часть их была географически связана с южно-балтийским Поморьем. Не случайно, восточный автор IX в. Ибн-Хордадбех писал о том, что купцы «ар-Рус» – «это одна из разновидностей славян» (Ибн-Хордадбех 1986: 124). Не случайно также в Рафельштатском уставе начала X в. русские купцы, которые приходят из Ругов (из Руси) на Дунай, отождествляются со славянами (Васильевский 1888: 123). Но этих этнонимов, как и этнонима «русь», не знает Скандинавия.

Таким образом, «русь» как этническое понятие одновременно возникает как на юге будущего единого государства, в Поднепровье, так и на севере, в Южной Прибалтике, позднее с приходом варягов – в районе Приильменья.

При определении этнической принадлежности варягов следует иметь в виду и постоянные миграционные процессы славянского элемента как из Южной Европы в Поднепровье, что также отмечено в наших летописях, так и из Южной Прибалтики на Восток, особенно под натиском немецкой агрессии. Не случайно лингвисты отмечают, что новгородский диалект древнерусского языка во многом сходен с наречиями прибалтийских славян. Не случайно Х. Ловмяньский обратил внимание на то, что Рюрик взял с собой в земли восточных славян «всю Русь», т.е. не только дружинников, но и жителей того славянского района, откуда он вышел. По данным А. Гильфердинга, в рамках государства ранов существовало несколько десятков знатных родов, возглавлявшихся родовыми вождями. Так что понятие «с роды своими» прямо накладывается на раннеполитическую систему южно-балтийских славян.

В рамках постоянных миграционных контактов, древних связей славян Восточноевропейского региона, мирных, в том числе торговых, отношений и военных конфликтов и состоялось призвание варягов (см. подробнее: Сахаров 2005: 48-64).

Поход Руси на Константинополь был организован той частью славяно-русских земель, которые к этому времени достигли определенного социально-экономического, культурного, политического развития. Таким регионом во второй половине IX в. стало Поднепровье. В 860 г. государство Русь оповестило о своем государственном рождении остальной мир.

ЛИТЕРАТУРА

Василевский 1888 – Васильевский В.Г. Древняя торговля Киева с Регенсбургом // Журнал Министерства народного просвещения. 1888. Июль.

Василевский 1894 – Василевский В.Г. Год первого нашествия русских на Константинополь // Византийский временник. Т. I. СПб., 1894.

Ибн-Хордадбех 1986 – Ибн-Хордадбех. Книга путей и стран / Перевод и комментарии Н. Велихановой. Баку, 1986.

История человечества 2003 – История человечества. Т. II. III тыс. до н.э. – VII в. до н.э. М., 2003.

Кузенков 2003 – Кузенков П.В. Поход 860 г. на Константинополь и первое крещение Руси в средневековых письменных источниках // Древнейшие города Восточной Европы. 2000. Проблемы источниковедения. М., 2003.

ПВЛ 1996 – Повесть временных лет / Подготовка текста, перевод, статьи и комментарии Д.С. Лихачёва; Под редакцией В.П. Адриановой-Перетц. Второе издание (подготовил М.Б. Свердлов). СПб., 1996.

ПСРЛ. IX – Полное собрание русских летописей. Т. IX. Никоновская летопись. М., 2000.

Сахаров 1980 – Сахаров А.Н. Дипломатия Древней Руси. IX – первая половина X в. М., 1980.

Сахаров 2005 – Сахаров А.Н. Рюрик, варяги и судьбы российской государственности // Сахаров А.Н. Россия: Народ. Правители. Цивилизация. М., 2005.

Тихомиров 1962 – Тихомиров М.Н. Начало Русской земли // Вопросы истории. 1962. № 9.

Фомин 2005 – Фомин В.В. Варяги и варяжская Русь. К итогам дискуссии по варяжскому вопросу. М., 2005.

Цветков 2010 – Цветков С.В. Поход русов на Константинополь в 860 г. и начало Руси. СПб., 2010.

Vasiliev 1946 – Vasiliev A.A. The Russian Attack on Constantinople in 860. Cambrige, 1946.

REFERENCES

Cvetkov 2010 – Cvetkov S.V. Pohod rusov na Konstantinopol' v 860 g. i nachalo Rusi [Campaign of rus to Constantinople in 860 g and the beginning of Russia], St. Petersburg, 2010 [in Russian].

Fomin 2005 – Fomin V.V. Varyagi i varyazhskaya Rus'. K itogam diskussii po varyazhskomu voprosu [Varangians and Varangian Russia. To discussion results on a Varangian question], Moscow, 2005 [in Russian].

Ibn-Hordadbekh 1986 – Ibn-Hordadbekh. Kniga putej i stran / Perevod i kommentarii N. Velihanovoj [Book of ways and countries / Translation and comments N. Velikhanova], Baku, 1986 [in Russian].

Istoriya chelovechestva 2003 – Istoriya chelovechestva. T. II. III tys. do n.e. – VII v. do n.e. [Mankind history. Volume II], Moscow, 2003 [in Russian].

Kuzenkov 2003 – Kuzenkov P.V. Pohod 860 g. na Konstantinopol' i pervoe kreshchenie Rusi v srednevekovyh pis'mennyh istochnikah [Campaign of 860 g to Constantinople and the first Christianization of Kievan Rus' in medieval written sources], in: Drevnejshie goroda Vostochnoj Evropy. 2000. Problemy istochnikovedeniya [The most ancient cities of Eastern Europe. 2000. Source study problems], Moscow, 2003 [in Russian].

PSRL. IX – Polnoe sobranie russkih letopisej. T. IX. Nikonovskaya letopis' [Complete collection of the Russian chronicles. Volume IX. The Nikon Chronicle], Moscow, 2000 [in Russian].

PVL 1996 – Povest' vremennyh let / Podgotovka teksta, perevod, stat'i i kommentarii D.S. Lihachyova; Pod redakciej V.P. Adrianovoj-Peretc. Vtoroe izdanie (podgotovil M.B. Sverdlov) [Primary Chronicle / Preparation of the text, translation, articles and comments of D.S. Likhachyov; Editor-in-chief V.P. Adrianova-Peretts. Second edition (prepared of M.B. Sverdlov)], St. Petersburg, 1996 [in Russian].

Saharov 1980 – Saharov A.N. Diplomatiya Drevnej Rusi. IX – pervaya polovina X v. [Diplomacy of Ancient Russia. IX – the first half of the 10th century], Moscow, 1980 [in Russian].

Saharov 2005 – Saharov A.N. Ryurik, varyagi i sud'by rossijskoj gosudarstvennosti [Rurik, Varangians and destinies of the Russian statehood], in: Saharov A.N. Rossiya: Narod. Praviteli. Civilizaciya [Russia: People. Governors. Civilization], Moscow, 2005 [in Russian].

Tihomirov 1962 – Tihomirov M.N. Nachalo Russkoj zemli [Beginning of the Russian land], in: Voprosy istorii [History questions], 1962, № 9 [in Russian].

Vasilevskij 1888 – Vasil'evskij V.G. Drevnyaya torgovlya Kieva s Regensburgom [Ancient trade of Kiev with Regensburg], in: Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya. 1888. Iyul' [Magazine of the Ministry of national education. 1888. July] [in Russian].

Vasilevskij 1894 – Vasilevskij V.G. God pervogo nashestviya russkih na Konstantinopol' [Year of the first invasion of Russians to Constantinople], in: Vizantijskij vremennik. T. I [Byzantine vremennik. Volume I], St. Petersburg, 1894 [in Russian].

Vasiliev 1946 – Vasiliev A.A. The Russian Attack on Constantinopole in 860, Cambrige, 1946 [in English].

Сахаров Андрей Николаевич
– Доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, руководитель Центра «Историческая наука России» Института Российской истории РАН (Москва, Россия).

Andrei Sakharov
– Doctor of historical sciences, the corresponding member of RAS, the Head of the Historical Science of Russia Center of Institute of the Russian History of RAS (Moscow, Russia).

E-mail: mail@histformat.com

ПЛЕТЁНЫЙ ОРНАМЕНТ В ДРЕВНОСТЯХ ПРУССОВ

В.И. Кулаков
Институт археологии Российской академии наук
Россия, 117036, г. Москва, ул. Дмитрия Ульянова, 19
e-mail: drkulakov@mail.ru
Scopus Author ID: 26038228300
SPIN-код: 3764-2260

АВТОРСКОЕ РЕЗЮМЕ
В статье впервые в отечественной науке рассматривается один из вариантов прусского орнамента, представленного косицеобразными плетениями. Он появляется на украшениях в VI в. и доживает до финала эпохи викингов. Прусскими мастерами XIV в. плетёный орнамент был уже прочно забыт и отсутствует на их творениях. Проведённый в статье анализ прусского плетёного орнамента позволяет кратко изобразить историю его развития.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Балтия, эпоха Великого переселения народов, эпоха викингов, пруссы, орнамент.

WOVEN ORNAMENT IN PRUSSIANS ANTIQUITIES

Vladimir Kulakov
Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences
Russia, 117036 Moscow, Dm. Ulyanov Street, 19
e-mail: drkulakov@mail.ru

ABSTRACT
For the first time in domestic historical science, the article examines one of the variants of the Prussian ornament represented by braid-like weavings. It appears on jewelry in the 6th century and persists till the end of the Viking era. By the 14th century the Prussian masters fully forgot the braid-like ornament, and it is absent on their artefacts. The analysis of the Prussian woven ornament in the article briefly depicts the history of its development.

KEYWORDS: Baltics, era of the Great Migration of Peoples, Viking Age, Prussians, ornament.

На этапе распада родоплеменных отношений в самых разных уголках нашей планеты, в том числе – на Американском и Африканском континентах возникают орнаменты симметричной композиции. В массив таких орнаментов входит орнамент, составленный из переплетённых на манер косицы полос, в археологическом лексиконе именуется «плетёным» (нем. Bandornament). Плетёный стиль (шведск. Bandstil) возник в североевропейском декоративном искусстве VII-VIII вв. (Karlsson 1983: 102, 103) как деградировавшая форма II Общегерманского звериного стиля, отражающая восприятие жителями севера Европы диалектики окружающего их мира. Позднее, в эпоху викингов плетёный орнамент является результатом слияния элементов стиля Еллинг и стиля «Большого Зверя» (Сакса 2010: 120), представляя собой в значительной степени стилизованные композиции, возникшие из переплетённых тел зверей/птиц/людей. Семантически обозначая древнегерманские представления о диалектическом единстве окружающего мира, образцы плетёного орнамента уже с Меровингского времени распространялись в виде матриц в различных регионах континента (Werner 1970: 74).

В изучении раннесредневековых древностей Восточной Европы археологи значительно продвинулись в анализе плетёного орнамента, выяснив, в частности, что он был наиболее популярен (во всяком случае – в Нижнем Поволжье) вместе с циркульным декором на костяных накладках (Флёрова 1998: 91). В балтийской археологии такой орнамент особого внимания археологов не привлекал.

Ранее автором этих строк было выдвинуто предположение о том, что ведущей декоративной композицией западнобалтского искусства I тыс. н.э. является орнаментальная полоса, имевшая несомненно культовое значение преграды воздействию на обладателя орнаментированного предмета враждебных человеку мистических сил (Кулаков 2002: 251).

Примечателен факт обнаружения такого же источника у монгольского плетёного орнамента, восходящего к плетёным застёжкам-завязкам, являющихся «…пожеланием богатства, счастья и благоденствия» (Кочева 2013: 64).

Один из первых в европейской археологии раннесредневековых образцов плетёного (косицеобразного) декора представлен на южной границе прусского племенного ареала на пластинах пальчатых фибул типа Wolfskehlen, причём упомянутый декор считается формой «более или менее стилизированного звериного стиля II» (Hilberg 2005: 209). Фибулы упомянутого типа фигурируют в составе погребального инвентаря на могильниках западной части Мазурского Поозерья на завершающем этапе эпохи Великого переселения

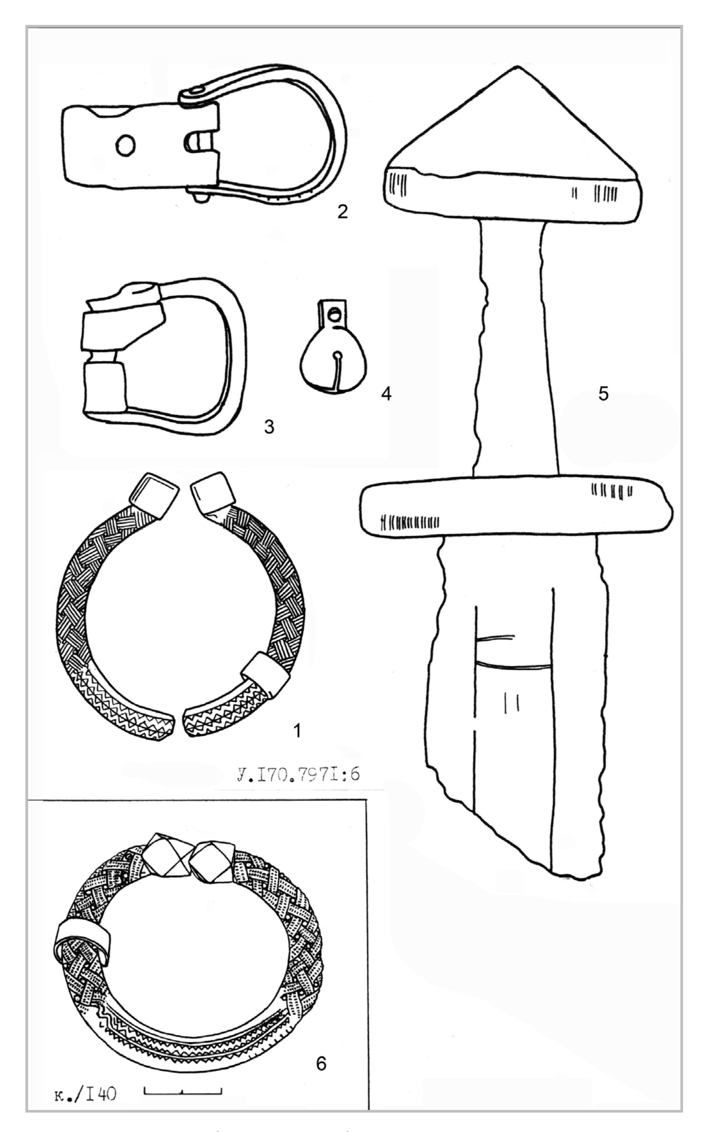

Рис. 1. Подковообразные фибулы вар. Andersson TRA: HRA, обнаруженные на курганном могильнике в уроч. Кауп: 1-5 – погребальный инвентарь кург. Inv. Nr. Prussia-Museum V.170.7971:6 (1 – бронзовая фибула; 2, 3 – бронзовые пряжки; 4 – бронзовый бубенчик; 5 – обломок меча); 6 – бронзовая фибула из кург. К140 (Kulakov, Syrovatko 2006: Abb. 4).

народов. Там же на могильнике Daumen/Tumiany в погр. Da-147 была обнаружена пара лангобардских серебряных с золочением фибул типа Montale-Weimar. На их верхней пластине миндалевидной формы работавший в Подунавье в сер. VI в. златокузнец попытался представить структурно непонятую им плетёную маску зверя, в некоем прототипе представленную в I Общегерманском зверином стиле, что привело к появлению почти полностью бессмысленной фигуры с одним узлом плетения (Hilberg 2009: 236, Abb. 7,19).

Древнейшие образцы плетёного орнамента в земле пруссов известны по находкам серебряных оковок культовых/статусных питьевых рогов, обнаруженных при раскопках погребений второй пол. VII в. на могильнике Neuendorf/Nowinka (gm. Elbląg, Polska) (Кулаков 2017а: 136). Три полосы декора, охватывающие серебряную оковку устья рога, составлены из «косиц», сплетённых из двух лент. Так как аналоги этим артефактам в прусском археологическом материале отсутствуют, можно предположить импортное (скандинавское ?) происхождение подобных рогов в материале юго-восточной Балтии.

Первыми серийными образцами плетёного орнамента в племенном ареале раннесредневековых пруссов является декор на подковообразных фибулах вар. Andersson TRA:HRA (рис. 1), датируемые X в. (Carlsson 1988: 72).

Такие фибулы производились на Готланде и, возможно, в восточной части Балтии, поступая на Самбию посредством куршей. Плетёный орнамент, украшавший дуги фибул, был изготовлен в восковой форме, после остывания модели углублён резцом. В местах пересечения лент «плетёнки» для создания объёмного эффекта сверлом делались небольшие углубления. Плетёный декор, целиком или частично покрывающий корпус фибул вар. Andersson TRA:HRA и близких к ним застёжек, имея полную аналогию в упоминавшейся выше привозной в ареал пруссов оковке устья рога из могильника Neuendorf/Nowinka, мог выполнять мистически охранную функцию, в ежедневном обиходе осуществлявшуюся плетёной лентой (прусск. saninsle), по данным исторической этнографии игравшей важную роль в уборе балтов. Однако прусское происхождение такого орнамента хотя бы на некоторых из подковообразных фибулах ещё не доказано.

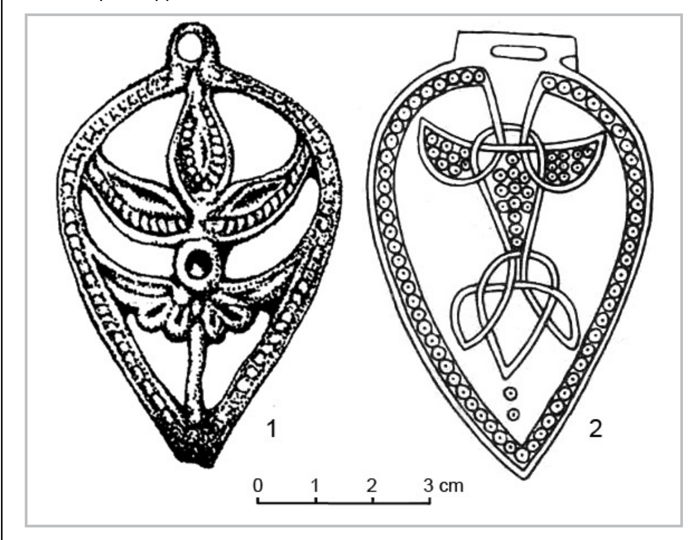

Рис. 2. Миндалевидные подвески в древностях печенегов и пруссов: 1 - бронзовая нагрудная подвеска из женского захоронения в Истрии (Румыния); 2 – железная с серебряным покрытием подвеска конского оголовья из погр. Y-91 могильника Yrzekapinis/Клинцовка-1 (1 – Курта 2013: рис. 6; 2 – Кулаков 1990: табл. LXX).

Первым образцом собственно прусской версии плетёного декора можно считать налобную подвеску конского оголовья из погр. Y-91 могильника Yrzekapinis/Клинцовка-1 (ныне – западная окраина г. Cranz/Зеленоградск), датируемого сер. X в. Здесь прусский мастер создал миндалевидную композицию, в центре которой представлены изображения двух сопряжённых фигур (обе заплетены в виде триплетов - рис. 2). Данный предмет напоминает миндалевидные подвески из погребальных уборов женщин печенегов (Курта 2013: 12). Так как подвеска из погр. Y-91 не находит прямых аналогий вне Самбии, следует признать её местное происхождение. Мастер этой подвески осуществил плетение

Рис. 3. Варианты изображений миндалевидных фигур и родственных по значению фигур в древностях Скандинавии и Восточной Европы: 1а, 1б – фрагмент серебряной с чернением фибулы из Ельца (Воронежская обл.); 2 – медная подвеска (Черниговская обл.); 3 – медная подвеска (Витебская обл.); 4 – медная подвеска (Велижский р-н Смоленской обл. (1а,1б – Neiß, Wärmländer, Sholts 2012: fig. 14,b,c; 2-4 – Белецкий 2015: рис. 2, кат. №№ 146, 158, 162).

двух упомянутых фигур (очевидно, имеют некое культовое значение) в рамках скандинавского стиля Еллинг. В пределах этой композиции имеется несколько узлов, что больше никогда не встречается в прусском декоративном искусстве, но вполне характерно для скан-

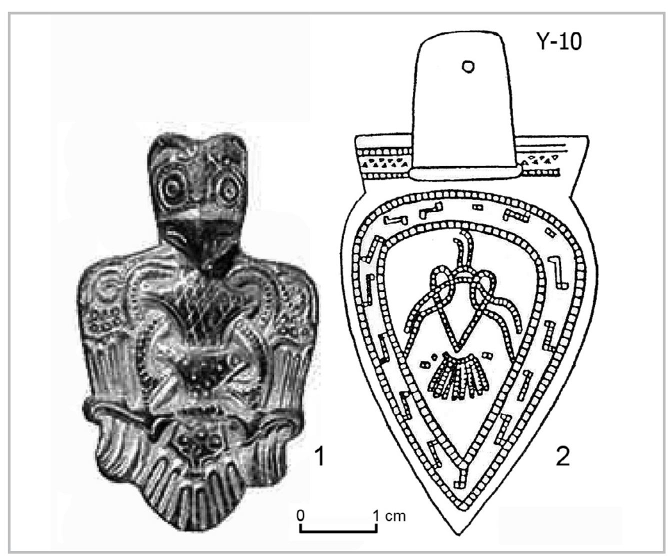

Рис. 4. Изображение птицы в скандинавском и прусском декоративных традициях: 1 – бронзовая фигурка из Нисимковичей (Гомельская обл., Беларусь); 2 – бронзовая с серебрением подвеска из погр. Y-10 могильника Yrzekapinis/ Клинцовка-1 (1 – Шпилёв 2009: рис. 2,6; 2 – Kulakov, Markowets 2004: fig. 3,5).

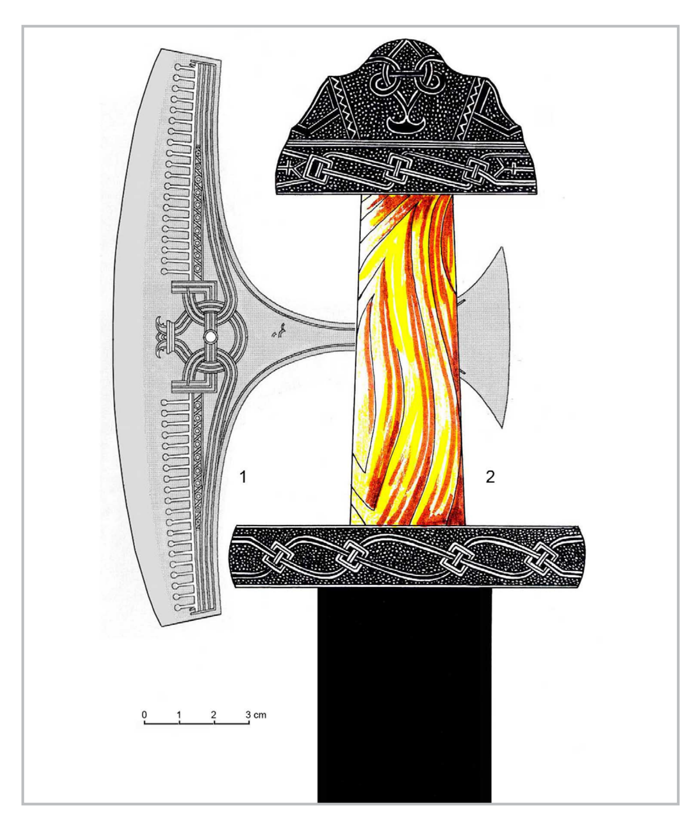

Рис. 5. Реконструкции изображений жертвенных птиц на оружии пруссов и скальвов эпохи викингов: 1 – секира из могильника Laptau/Муромское; 2 – погр. 53 могильника Linkuhnen/Ржевское; (1, 2 – реконструкции автора по: La Baume 1941: Abb. 2, 3b).

динавской художественной традиции. Так, например, известен открытый М. Найссом (Neiß, Wärmländer, Sholts 2012: 164, 166) феномен копирования восточноевропейскими ювелирами X в. сложной многоузловой композиции в стиле Еллинг, ставшей центральной на некоторых «знаках Рюриковичей» (рис. 3).

Прусским мастерам эта сложная работа, очевидно, не удавалась, поэтому, создавая фигуру первого в истории Европы воинского знака для членов самбийской дружины, местные ювелиры упростили скандинавский образец в виде фигуры сложно заплетённой в стиле Еллинг птицы (рис. 4,1) и на своей реплике пернатой фигуры ограничились лишь одним узлом (рис. 4,2). Правда, этот узел является ведущим в данной фигуре, передавая место соединения плечевых мускулов и крыла кречета, которое обеспечивает мощь его полёта. Даже небалтские мастера, украшавшие по определённым причинам (например – заказ от знатного балтского дружинника) свои дорогостоящие изделия воинским прусским знаком, всегда соблюдали правило одного узла (рис. 5).

Также единственный узел присутствует на фигуре божества (?), сопровождаемого двуглавым драконом (рис. 6), являясь, очевидно, балтской версией языческого канона «Один и во́роны».

При этом наконечники ножен мечей, на которых представлен балтский вариант «Одина», являются очевидными репликами (правда – довольно далёкими от оригиналов) соответствующих по принадлежности скандинавских изделий.

Имеются случаи взаимовстречаемости в одном погребальном комплексе на накладках к ремням конско-

вернуться к оглавлению ▲

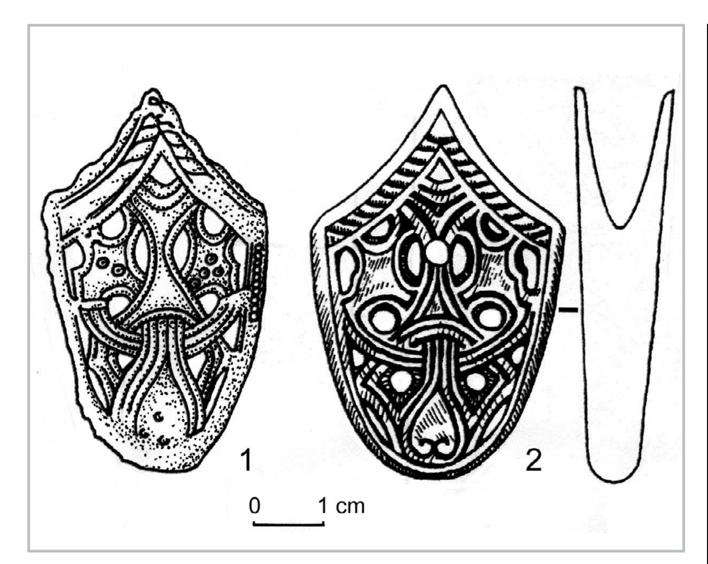

Рис. 6. Фигуры мужчины с руками, упёртыми в бока: 1 – Раскоп III могильника Dollkeim/Коврово; 2 – погр. 117 могильника Yrzekapinis/Клинцовка-1 (Кулаков 2003: рис. 1).

го оголовья образцов плетёного декора с одним узлом, имеющего при своей очевидной простоте прусское происхождение (рис. 7,В, К72) и сложных конструктивно многоузелковых фигур, изготовленных в стиле Еллинг скандинавскими резчиками по кости (рис. 7,А-Г,Д).

Очевидно, в нач. XI в., времени создания упомянутых накладок из погр. К39а могильника Малый Кауп, воины Самбии одновременно могли заказать детали убранства своего коня как местным, так обитавшим в округе Каупа скандинавским мастерам. На упомянутом могильнике есть погребальные комплексы, содержащие изделия только прусских мастеров. С одной стороны, эти творения безвестных резчиков отличаются простотой и угловатостью линий (рис. 7,К34), с другой стороны, из-под их резцов выходили изображения людей (рис. 7,К70), также снабжённые единственным декоративным узлом.

В прусском археологическом материале X-XI вв. редки примеры длительной деятельности скандинавских мастеров. Они известны лишь в материале грунтового могильника Dollkeim/Коврово и представляют собой серию накладок, в стиле Еллинг изображавших некое насекомое, напоминающее муху. В материалах упомянутого могильника известны минимум три фазы деградации таких накладок (рис. 8,1-3), приходящиеся на кон. X – нач. XI вв.

Надо полагать, что эти изображения различаются между собой лишь несколькими годами. Современный исследователь скандинавского духовного наследия Ф.Б. Успенский пишет: «…муха, насколько мы можем судить, не имеет здесь (в скандинавским героико-эпическом бестиарии – К.В.) сколько-нибудь самостоятельного статуса, не наделяется она и какими-либо геральдическими функциями в позднейшей традиции» (Успенский 2017: 87). К счастью, московский историк ошибся, детали воинского снаряжения дружинников Самбии дают нам целую серию изображения мухи, сакральный смысл которых вполне допустим. Более того, изображение некоего насекомого на щитовидной подвеске из погр. К34 могильника Малый Кауп (рис. 9, внизу) ранее я считал изображением пчелы, весьма почитавшейся пруссами (Кулаков 2012: 292). Оставляя эту интерпретацию как вариант, многоузловое изображение насекомого из погр. К34 явно относится к продукции скандинавских мастерских и может изображать прото-геральдический символ Мухи Победы.

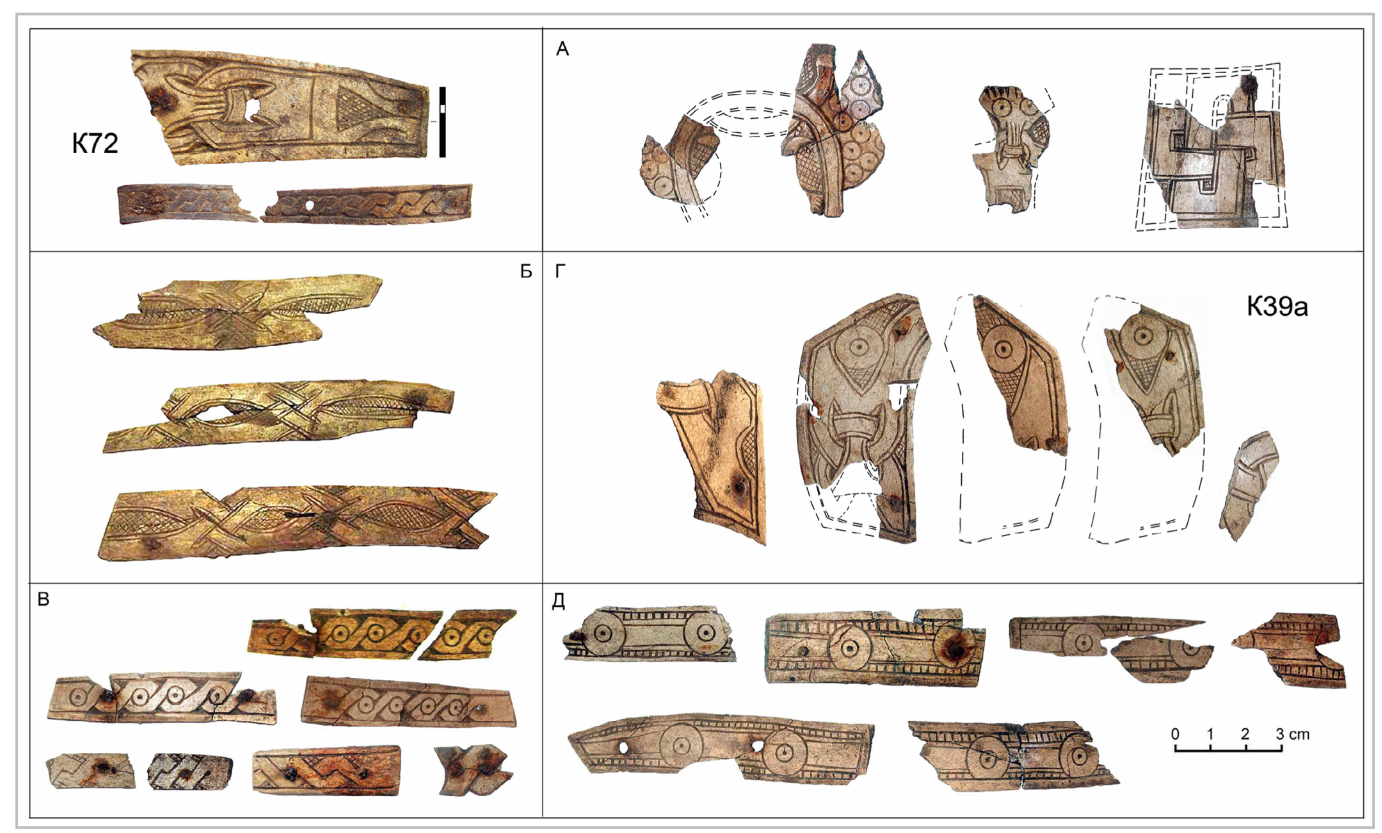

Рис. 7. Костяные накладки из погр. К-72 и К39а могильника Малый Кауп (Архив ИА РАН; Кулаков 2010): А – одиночные накладки сложных форм; Б – накладки со свастикообразными узлами; В – накладки с косицеобразным орнаментом; Г – накладки с «птицей»; Д – накладки с циркульным орнаментом.

Рис. 8. Накладки из погр. К70 и подвеска из погр. К34 могильника Малый Кауп (Кулаков 2015: рис. 4, 9).

Прусские плетёные изображения с одним узлом известны не только на Янтарном берегу, но и в Центральной Литве, куда на рубеже XI-XII вв. устремились воины самбийской дружины (Кулаков 1994: 154). На держателе ремня стремени из погр. 64 Veršvai балтский мастер не совсем умело в технике таушировки попытался воссоздать некий скандинавский образец фигурки дракона (?), выполненного первоначально в стиле Еллинг (рис. 10,3,4). Плетёный крест на боковой пластине ступеньки этого стремени также выглядит как не совсем уверенная работа (рис. 10,2). Тем не менее пруссы на финальной стадии эпохи викингов могли наблюдать на стременах своих современников и довольно сложные плетёные фигуры, исполненные, очевидно, иноземными мастерами (рис. 10,5).

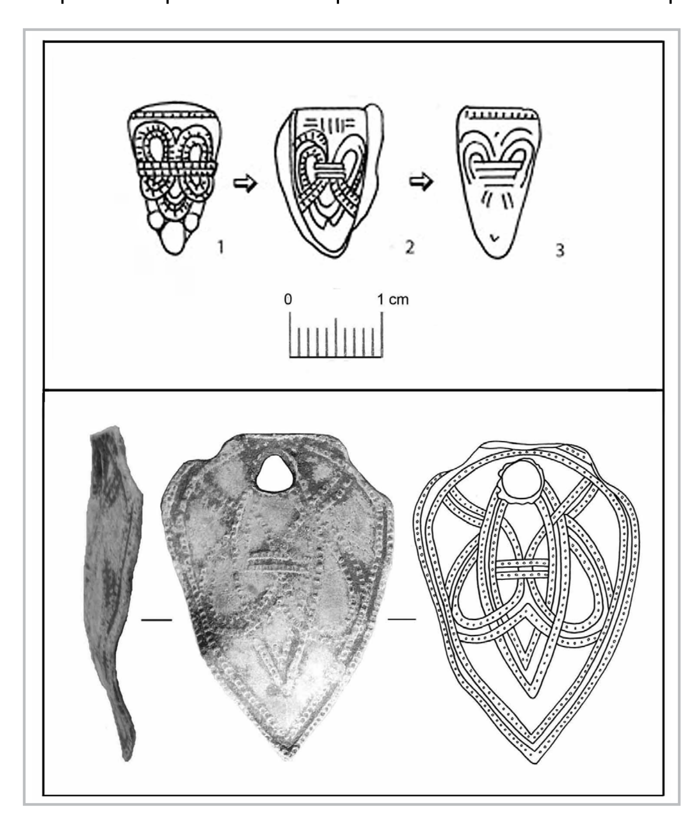

Рис. 9. Изображения насекомых в прусской торевтике эпохи викингов: А – этапы деградации изображения «мухи победы» на деталях конского снаряжения в погребениях могильника Dollkeim/Ковровo: 1 – Do-344, 2 - Do-339, 3 – Do-309; Б – «геральдическая» подвеска из погр. К31 могильника Малый Кауп (А – Кулаков 2017: рис. 4; Б – Кулаков 2012: рис. 6).

Эти мастера оставили довольно значительное количество реплик скандинавского декора, в частности – таушированный пламевидный орнамент в стиле Рингерике на втулках наконечников копий.

В XIV в., уже под властью администрации Тевтонского Ордена, прусское изобразительное искусство переживает очередной и, к сожалению, последний свой взлёт. Причины этого триумфа западнобалтских изобразительных традиций в Янтарном крае, при формальном господстве христианской идеологии сохранивших свою традиционную культовую сущность, ещё ждут своих исследователей. Однако важно отметить: плетёный орнамент прусскими мастерами XIV в. был уже прочно забыт и отсутствует на их творениях.

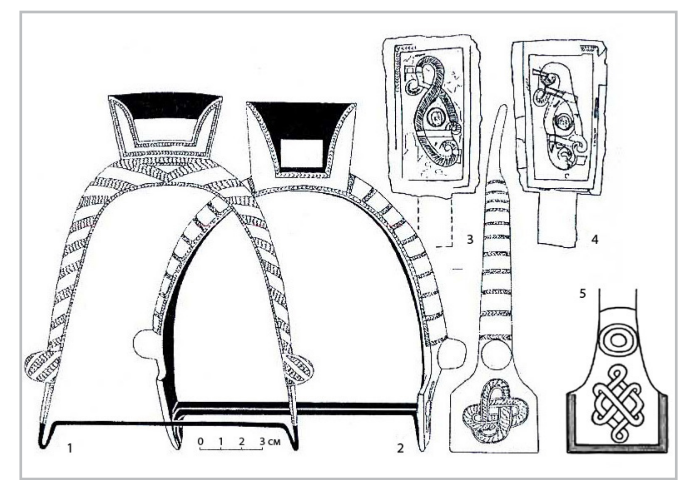

Рис. 10. Реконструкция прусских стремян XI в. и их детали: 1 – Schugsten/Стрелково; 2 – первое стремя из погр. 64 Veršvai, Kauno raj., Lietuva; 3 – держатель ремня второго стремени из погр. 64 Veršvai; 4 – держатель ремня первого стремени из погр. 64 Veršvai; 5 – Kleinheyde, (1-4 – Кулаков 2002: рис. 6; 5 – Широухов 2012: рис. 5,1).

Итак, проведённый в статье анализ прусского плетёного орнамента позволяет таким образом кратко изобразить историю его развития:

1. Первые в древностях пруссов образцы плетёного орнамента представлены на импортных оковках питьевых рогов второй пол. VII в. Несколько ранее такой декор появляется на пальчатых фибулах типа Wolfskehlen на западе Мазур, заселённом одним из балтских племён (галинды ?) - южными соседями пруссов.

2. В древностях Самбии X в. представлены подковообразные фибулы импортного происхождения, дуги которых украшены косицеобразным декором. Судя по нахождению этих застёжек в скандинавских курганах могильника Кауп, такой орнамент не использовался пруссами.

вернуться к оглавлению ▲

3. Впервые собственно прусские плетёные изображения (не полосы орнамента, а одиночные фигуры) появляются в сер. X в. на подвесках конского оголовья. Эти артефакты можно считать первыми воинскими знаками Европы, обозначавшими принадлежность их владельцев к местной дружине. Главный признак прусской «плетёнки», имитировавшей скандинавские фигуры, выполненные в стиле Еллинг – одиночный узел.

4. В XI в. археологический материал Самбии позволяет полагать наличие на Янтарном берегу на финальной стадии эпохи викингов как скандинавских мастеров, изготавливавших изделия с многоузелковой «плетёнкой», так и прусских ювелиров, придерживавшихся в изготовлении плетёных композиций местной «одноузелковой» традиции. Как правило, этой традиционной схеме соответствуют одинарные фигуры, такая многократно повторяемая схема выдерживает правило симметрии (в частности – на костяных накладках), тем самым соответствуя общему для многих культур закону «строгой симметрии, регулярного повтора одинаковых узлов и петель» (Соколов, Соколова 2013: 94).

5. В XII в. производство плетёных композиций прусскими (да и скандинавскими) мастерами в юго-восточной Балтии прекращается.

6. Сакральность прусского плетёного орнамента вполне очевидна прежде всего из-за его сохранения в исторической этнографии жителей Янтарного края вплоть до наших дней. Сходный феномен известен у многих народов Евразии, в том числе – у наших соотечественников (Радчук 2017: 6; Елкина 1983: 7).

В итоге следует признать факт возникновения плетёных орнаментов в прусском декоративном искусстве под постоянным влиянием скандинавских традиций начиная с эпохи Меровингов. С прекращением контактов между населением северных и южных берегов Балтии после эпохи викингов попытки прусских мастеров имитировать социально и художественно престижные скандинавские орнаменты уже не были удачными. Скандинавские мотивы в прусской художественной традиции (пожалуй, за исключением приёмов плакировки металлических изделий) исчезают. Кстати, та же тенденция видна и на примере прусских дериватов скандинавской militaria.

ЛИТЕРАТУРА

Белецкий 2015 – Белецкий С.В. Новые находки геральдических подвесок X-XI вв. // Stratum plus. 2015. № 6. С. 215-230.

Елкина 1983 – Елкина А.К. Исторические и теоретические принципы построения плетеного орнамента // Художественное наследие. № 8 (38). М.: ВНИИР, 1983 / Электронный ресурс: http://art-con.ru/node/2982 (дата обращения – 09.11.2018).

Кочева 2013 – Кочева Т.В. О происхождении и особенностях монгольского плетёного орнамента // Вестник Томского государственного университета. История. 2013. № 4 (24). С. 63-67.

Кулаков 1988 – Кулаков В.И. Пруссы и восточные славяне // Труды V Международного конгресса славянской археологии. Т. III. М.: Институт археологии АН СССР, 1988. С. 116-124.

Кулаков 1990 – Кулаков В.И. Древности пруссов VI-XIII вв. Свод археологических источников. Вып. Г1-9. М.: Наука, 1990. 167 с.

Кулаков 1994 – Кулаков В.И. Пруссы (V-XIII вв.). М.: Геоэко, 1994. 212 с.

Кулаков 2002 – Кулаков В.И. Стилистика и символика прусского орнамента I-XI вв. // Nuo kulto iki simbolio. Senovės baltų kultūra. T. 6. Vilnius: Academia, 2002. С. 248-273.

Кулаков 2003 – Кулаков В.И. Варианты иконографии Одина и Перуна/Перкуно // Российская археология. 2003. № 1. С. 60-71.

Кулаков 2012 – Кулаков В.И. Подвеска с геральдической фигурой из погр. К31 могильника Кляйне Кауп (полуостров Самбия) // Stratum plus. 2012. № 5. С. 287-296.

Кулаков 2015а – Кулаков В.И. Малый Кауп, Коралленберге и Штангенвальде – свидетельства освоения куршами Куршской косы на исходе эпохи викингов // Проблемы изучения и охраны природного и культурного наследия национального парка «Куршская коса». Сборник научных статей. Вып. 11. Калининград: Издательство Балтийского Федерального университета им. И. Канта, 2015. С. 157-171.

Кулаков 2015б – Кулаков В.И. Резная кость могильника Малый Кауп // Гістарычна-археалогічны зборнік. Вып. 30. Минск, 2015. С. 284-292.

Кулаков 2016а – Кулаков В.И. Пруссы эпохи викингов. Жизнь и быт общины Каупа. М.: Книжный мир, 2016. 350 с.

Кулаков 2016б – Кулаков В.И. Прусские дериваты скандинавской militaria // Acta militaria mediaevalia. Vol. XII. Kraków; Sanok; Wrocław: Polska Akademia Umiejętności, 2016. С. 25-33.

Кулаков 2017а – Кулаков В.И. Питьевые рога балтов с декорированными деталями // Исторический формат. 2017. № 1-2. С. 127-150.

Кулаков 2017б – Кулаков В.И. Прусская чеканка по серебру в XI-XIV вв. // Stratum plus. 2017. № 5. С. 247-258.

Кулаков 2017в – Кулаков В.И. Басма в искусстве балтов // Res Humanitariae. Vol. XXII. Klaipėda: Klaipėdos universitetas, 2017. С. 104-124.

Курта 2013 – Курта Ф. Образ и археология печенегов // Stratum plus. 2013. № 5. С. 1-32.

Радчук 2017 – Радчук Е. Секреты русских народных обрядов, одежды и домашней утвари. М.: Издательские решения, 2017. 82 с.

Сакса 2010 – Сакса А.И. Древняя Карелия в конце I – начале II тысячелетия н.э. Происхождение, история и культура населения летописной Карельской земли. СПб.: Нестор-История, 2010. 400 с.

Соколов, Соколова 2013 – Соколов М.В., Соколова М.С. Декоративно-прикладное искусство. М.: Гуманитарный издательский центр «Владос», 2013. 95 с.

Успенский 2017 – Успенский Ф.Б. Под Мухой Победы. Конунг Сверрир и его знамя // Polystorya: Зодчие, конунги, понтифики в средневековой Европе. М.: Высшая школа экономики, 2017. С. 87-108.

Флёрова 1998 – Флёрова В.Е. Орнаментированные костяные изделия Саркела – Белой Вежи: проблемы специализации ремесла // Российская археология. 1998. № 2. С. 86-99.

Широухов 2012 – Широухов Р.А. Импорты древнерусских типов на территории пруссов в X/XI-XIV вв. // Русь в XI-XII вв. Общество, государство, культура / Редакторы Леонтьев А.Е., Макаров Н.А. Вологда: Древности Севера, 2012. С. 386-412.

Шпилёв 2009 – Шпилёв А.Г. Украшения круга «скандинавских древностей» из Курской области // Средневековый город Юго-Востока Руси: предпосылки возникновения, эволюция, материальная культура. Материалы международной научной конференции, посвящённой 100-летию начала археологических исследований Гочевского археологического комплекса. Курск: Курский государственный музей археологии, 2009. С. 232-250.

Carlsson 1988 – Carlsson A. Vikingatida ringspännen från Gotland. Text och katalog. Stockholm: Stockholms universitet, 1988. 274 s.

Hilberg 2005 – Hilberg V. Griesheim Grab 400. Die Bügelfibekn der jüngeren Merowingerzeit im Rhein-Main-Gebiet // Reliquiae Gentium. Festschrift für Horst Wolfgang Böhme zum 65. Geburstag. Teil I. Rahden: Verlag Marie Leidorf GmbH, 2005. S. 195-222.

Hilberg 2009 – Hilberg V. Masurische Bügelfibeln. Daumen und Kellaren – Tumiany i Kielary. Bd. 2. Neümunster: Wachholtz Verlag, 2009. 615 s.

Karlsson 1983 – Karlsson L. Nordisk form om djurornamentik. Stockkholm: Statens Historiska Museum, 1983. 196 s.

Kulakov, Markowets 2004 – Kulakov V.I., Markowets M.Yi. Birds as Companions of Germanic Gods and Heroes // Acta Archaeologica. T. 75. Kopenhagen: Blackwell Munksgaard, 2004. S. 179-188.

Kulakov, Syrovatko 2006 – Kulakov V.I., Syrovatko A.S. Horseshoe-shaped Fibulas with cubic Terminals in Scandinavia, the Baltic and the Moscow Region // Archäologisches Korrespondenzblatt. Jg. 36. H. 4. Mainz, 2006. S. 591-597.

La Baume 1941 – La Baume W. Zur Technik der Verziehrung ostpreußischer Waffen der Wikingerzeit // Alt-Preußen. 6. Jg. H. 2. Königsberg: Prussia-Museum, 1941. S. 22-29.

Neiß, Wärmländer, Sholts 2012 – Neiß M., Wärmländer S., Sholts S. 3D-laserskanning som verktyg vid vikingatidsstudier // Viking. Norsk arkeologisk årbok. B. LXXV. Oslo: Norsk Arkeologisk selskap, 2012. S. 145-180.

Washburn, Crowe 1970 – Washburn D.K., Crowe D.W. Symmetries of Culture. Theory and Practice of plane pattern Analysis. 3rd printing. University of Washington Press, Seattle WA u. a., 1998. 243 s.

Werner 1970 – Werner J. Zur Verbreitung frühgeschichtlicher Metallarbeiten (Werkstatt – Wanderhandwerk – Handel – Familienverbindung) // Early Medieval Studies. Vol. 1. Antikvariskt arkiv. Vol. 38. Stockholm: Bocktyckeri ab Thule, 1970. S. 65-84.

REFERENCES

Beleckij 2015 – Beleckij S.V. Novye nahodki geral'dicheskih podvesok X-XI vv. [New finds of heraldic suspension brackets of the 10-11th centuries], in: Stratum plus, 2015, № 6, pp. 215-230 [in Russian].

Carlsson 1988 – Carlsson A. Vikingatida ringspännen från Gotland. Text och katalog [Monuments of Vikings on the island of Gotland. Catalog], Stockholm, Stockholms universitet Publ., 1988, 274 p. [in Swedish].

Elkina 1983 – Elkina A.K. Istoricheskie i teoreticheskie principy postroeniya pletenogo ornamenta [Historical and theoretical principles of creation of a wattled ornament], in: Hudozhestvennoe nasledie [Art heritage], № 8 (38), Moscow, VNIIR Publ., 1983, Electronic resource: http://art-con.ru/node/2982 (Date of access – 09.11.2018) [in Russian].

Flyorova 1998 – Flyorova V.E. Ornamentirovannye kostyanye izdeliya Sarkela – Beloj Vezhi: problemy specializacii remesla [The ornamented bone products of Sarkel – Belaya Vezha: problems of specialization of craft], in: Rossijskaya arheologiya [Russian archeology], 1998, № 2, pp. 86-99 [in Russian].

Hilberg 2005 – Hilberg V. Griesheim Grab 400. Die Bügelfibekn der jüngeren Merowingerzeit im Rhein-Main-Gebiet [The grave of Griesheim 400. Bone brooches of the early Merovingian time in the Rhine-Main district], in: Reliquiae Gentium. Festschrift für Horst Wolfgang Böhme zum 65. Geburstag. Teil I, Rahden, Verlag Marie Leidorf GmbH Publ., 2005, pp. 195-222 [in German].

Hilberg 2009 – Hilberg V. Masurische Bügelfibeln. Daumen und Kellaren – Tumiany i Kielary. Bd. 2 [Masurian brooches. Volume 2], Neümunster, Wachholtz Verlag Publ., 2009, 615 p. [in German].

Karlsson 1983 – Karlsson L. Nordisk form om djurornamentik [The Scandinavian ornament in the form of animals], Stockholm, Statens Historiska Museum Publ., 1983, 196 p. [in Swedish].

Kocheva 2013 – Kocheva T.V. O proiskhozhdenii i osobennostyah mongol'skogo pletyonogo ornamenta [About an origin and features of the Mongolian wattled ornament], in: Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya [Bulletin of the Tomsk state university. History], 2013, № 4 (24), pp. 63-67 [in Russian].

Kulakov 1988 – Kulakov V.I. Prussy i vostochnye slavyane [Prussa and east Slavs], in: Trudy V Mezhdunarodnogo kongressa slavyanskoj arheologii. T. III [Works V of the International congress of Slavic archeology. Volume III], Moscow, Institut arheologii AN SSSR Publ., 1988, pp. 116-124 [in Russian].

Kulakov 1990 – Kulakov V.I. Drevnosti prussov VI-XIII vv. Svod arheologicheskih istochnikov. Vyp. G1-9 [Antiquities of pruss of the 6-13th centuries. Arch of archaeological sources. Release of G1-9], Moscow, Nauka Publ., 1990, 167 p. [in Russian].

Kulakov 1994 – Kulakov V.I. Prussy (V-XIII vv.) [Prussa (the 5-13th centuries)], Moscow, Geoeko Publ., 1994, 212 p. [in Russian].

Kulakov 2002 – Kulakov V.I. Stilistika i simvolika prusskogo ornamenta I-XI vv. [Stylistics and symbolics of a Prussian ornament of the 1-11th centuries], in: Nuo kulto iki simbolio. Senovės baltų kultūra. T. 6 [From cult to symbol. Volume 6], Vilnius, Academia Publ., 2002, pp. 248-273 [in Russian].

Kulakov 2003 – Kulakov V.I. Varianty ikonografii Odina i Peruna/Perkuno [Options of an iconography of Odin and Perun/ Perkuno], in: Rossijskaya arheologiya [Russian archeology], 2003, № 1, pp. 60-71 [in Russian].

Kulakov 2012 – Kulakov V.I. Podveska s geral'dicheskoj figuroj iz pogr. K31 mogil'nika Klyajne Kaup (poluostrov Sambiya) [Suspension bracket with a heraldic figure from погр. Burial ground K31 Klein Kaup (peninsula Sambiya)], in: Stratum plus, 2012, № 5, pp. 287-296 [in Russian].

Kulakov 2015a – Kulakov V.I. Malyj Kaup, Korallenberge i Shtangenval'de – svidetel'stva osvoeniya kurshami Kurshskoj kosy na iskhode epohi vikingov [Small Kaup, Korallenberg and Shtangenvalda – the evidence of development of a kurshama of Curonian Spit on an outcome of an era of Vikings], in: Problemy izucheniya i ohrany prirodnogo i kul'turnogo naslediya nacional'nogo parka «Kurshskaya kosa». Sbornik nauchnyh statej. Vyp. 11 [Problems of studying and protection of natural and cultural heritage of national park Curonian Spit. Collection of scientific articles. Release 11], Kaliningrad, Izdatel'stvo Baltijskogo Federal'nogo universiteta im. I. Kanta Publ., 2015, pp. 157-171 [in Russian].

вернуться к оглавлению ▲

Kulakov 2015b – Kulakov V.I. Reznaya kost' mogil'nika Malyj Kaup [Carved bone of a burial ground Small Kaup], in: Gistarychna-arheologichny zbornik. Vyp. 30 [Historical and archaeological collection. Release 30], Minsk, 2015, pp. 284-292 [in Russian].

Kulakov 2016a – Kulakov V.I. Prussy epohi vikingov. Zhizn' i byt obshchiny Kaupa [Old Prussians eras of Vikings. Life and life of a community of Kaup], Moscow, Knizhnyj mir Publ., 2016, 350 p. [in Russian].

Kulakov 2016b – Kulakov V.I. Prusskie derivaty skandinavskoj militaria [Prussian derivatives of the Scandinavian militaria], in: Acta militaria mediaevalia, Volume XII, Kraków; Sanok; Wrocław, Polska Akademia Umiejętności Publ., 2016, pp. 25-33 [in Russian].

Kulakov 2017a – Kulakov V.I. Pit'evye roga baltov s dekorirovannymi detalyami [Baltic drinking horns with decorated details], in: Istoricheskij format [Historical format], 2017, № 1-2, pp. 127-150 [in Russian].

Kulakov 2017b – Kulakov V.I. Prusskaya chekanka po serebru v XI-XIV vv. [Prussian stamping on silver in the 11-14th centuries], in: Stratum plus, 2017, № 5, pp. 247-258 [in Russian].

Kulakov 2017v – Kulakov V.I. Basma v iskusstve baltov [Basma in art of Balts], in: Res Humanitariae, Volume XXII, Klaipėda, Klaipėdos universitetas Publ., 2017, pp. 104-124 [in Russian].

Kulakov, Markowets 2004 – Kulakov V.I., Markowets M.Yi. Birds as Companions of Germanic Gods and Heroes, in: Acta Archaeologica, Volume 75, Kopenhagen, Blackwell Munksgaard Publ., 2004, pp. 179-188 [in English].

Kulakov, Syrovatko 2006 – Kulakov V.I., Syrovatko A.S. Horseshoe-shaped Fibulas with cubic Terminals in Scandinavia, the Baltic and the Moscow Region, in: Archäologisches Korrespondenzblatt, Jg. 36, H. 4, Mainz, 2006, pp. 591-597 [in English].

Kurta 2013 – Kurta F. Obraz i arheologiya pechenegov [Image and archeology of Pechenegs], in: Stratum plus, 2013, № 5, pp. 1-32 [in Russian].

La Baume 1941 – La Baume W. Zur Technik der Verziehrung ostpreußischer Waffen der Wikingerzeit [About technology of destruction of east Prussian weapon of an era of Vikings], in: Alt-Preußen. 6. Jg. H. 2 [Ancient Prussia. Volume 6. Part 2], Königsberg, Prussia-Museum Publ., 1941, pp. 22-29 [in German].

Neiß, Wärmländer, Sholts 2012 – Neiß M., Wärmländer S., Sholts S. 3D-laserskanning som verktyg vid vikingatidsstudier [3D laser scanning as the tool in researches of an era of Vikings], in: Viking. Norsk arkeologisk årbok. B. LXXV [Viking. Norwegian archaeological year-book. Volume LXXV], Oslo, Norsk Arkeologisk selskap Publ., 2012, pp. 145-180 [in Norwegian].

Radchuk 2017 – Radchuk E. Sekrety russkih narodnyh obryadov, odezhdy i domashnej utvari [Secrets of the Russian national ceremonies, clothes and house utensils], Moscow, Izdatel'skie resheniya Publ., 2017, 82 p. [in Russian].

Saksa 2010 – Saksa A.I. Drevnyaya Kareliya v konce I – nachale II tysyacheletiya n.e. Proiskhozhdenie, istoriya i kul'tura naseleniya letopisnoj Karel'skoj zemli [Ancient Karelia at the end of I – the beginning of the II millennium AD. Origin, history and culture of the population of the annalistic Karelian earth], St. Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2010, 400 p. [in Russian].

Shirouhov 2012 – Shirouhov R.A. Importy drevnerusskih tipov na territorii prussov v H/XI-XIV vv. [Imports of Old Russian types in the territory of pruss in X/XI-XIV of centuries], in: Rus' v XI-XII vv. Obshchestvo, gosudarstvo, kul'tura / Redaktory Leont'ev A.E., Makarov N.A. [Russia in the 11-12th centuries Society, the state, cultures / Editors Leontyev A.E., Makarov N.A.], Vologda, Drevnosti Severa Publ., 2012, pp. 386-412 [in Russian].

Shpilyov 2009 – Shpilyov A.G. Ukrasheniya kruga «skandinavskih drevnostej» iz Kurskoj oblasti [Decoration of a circle of «the Scandinavian antiquities» from Kursk region], in: Srednevekovyj gorod Yugo-Vostoka Rusi: predposylki vozniknoveniya, evolyuciya, material'naya kul'tura. Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, posvyashchyonnoj 100-letiyu nachala arheologicheskih issledovanij Gochevskogo arheologicheskogo kompleksa [Medieval city of the Southeast of Russia: emergence prerequisites, evolution, material culture], Kursk, Kurskij gosudarstvennyj muzej arheologii Publ., 2009, pp. 232-250 [in Russian].

Sokolov, Sokolova 2013 – Sokolov M.V., Sokolova M.S. Dekorativno-prikladnoe iskusstvo [Arts and crafts], Moscow, Gumanitarnyj izdatel'skij centr «Vlados» Publ., 2013, 95 p. [in Russian].

Uspenskij 2017 – Uspenskij F.B. Pod Muhoj Pobedy. Konung Sverrir i ego znamya [Tipsy Victories. Konung Sverrir and his banner], in: Polystorua: Zodchie, konungi, pontifiki v srednevekovoj Evrope [Architects, konungs, pontiffs in medieval Europe], Moscow, Vysshaya shkola ekonomiki Publ., 2017, pp. 87-108 [in Russian].

Washburn, Crowe 1970 – Washburn D.K., Crowe D.W. Symmetries of Culture. Theory and Practice of plane pattern Analysis. 3rd printing, University of Washington Press, Seattle WA u. a., 1998, 243 p. [in English].

Werner 1970 – Werner J. Zur Verbreitung frühgeschichtlicher Metallarbeiten (Werkstatt – Wanderhandwerk – Handel – Familienverbindung) [For distribution of early history of a metalwork (masterful-mobile craft-trade-family relation)], in: Early Medieval Studies, Volume 1, Antikvariskt arkiv, Volume 38, Stockholm, Bocktyckeri ab Thule Publ., 1970, pp. 65-84 [in German].

Кулаков Владимир Иванович
– Доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела археологии эпохи Великого переселения народов и раннего средневековья Института археологии РАН (Москва, Россия).

Vladimir Kulakov
– Doctor of Historical Sciences, Leading researcher of Department of Archeology of Migration Period and early Middle Ages of Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences (Kaliningrad, Russia).

E-mail: drkulakov@mail.ru

АРХЕОЛОГИЯ В ВОЛГОГРАДСКОМ КРАЕВЕДЧЕСКОМ МУЗЕЕ

Е.В. Круглов[1], А.С. Лапшин[2], И.Н. Наумов[3]
[1]Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры (Волгоград, Россия)
e-mail: khasar@vlpost.ru
SPIN-код: 8297-8710
[2]Волгоградский государственный социально-педагогический университет
Россия, 400131, г. Волгоград, проспект им. В.И. Ленина, 27
e-mail: alapsh@mail.ru
SPIN-код: 7392-2250
[3]Волгоградский государственный технический университет
Россия, 400005, г. Волгоград, проспект им. В.И. Ленина, 28
e-mail: naumov1510@yandex.ru
SPIN-код: 1172-4532

АВТОРСКОЕ РЕЗЮМЕ
Необходимость усложнения научно-фондовой работы в повседневной деятельности ведущих региональных музеев Российской Федерации определяется возложенной на них государственной обязанностью выполнения научно-исследовательских функций. Непрерывный процесс пополнения фондов современных музеев требует перехода от чисто хранительских функций к более сложным формам организации работы и научной деятельности. Открытие при Волгоградском областном краеведческом музее специализированного Отдела археологии отражало усиление роли и значения этой науки. Функцией Отдела являлась координация научно-просветительской деятельности в сфере археологии на территории всей Волгоградской области. Одна из форм работы Отдела – подготовка культурно-просветительских выставок, сопровождаемых научными каталогами. Другая форма – организация деятельности в виде «Открытых фондов». Развитие музейного дела требует дальнейшего расширения набора выполняемых функций, усложнения организации работы и научной специализации. Необходимо оформление Собрания научных отчетов в самостоятельный научно-архивный Фонд. Требуется выделение нескольких узкоспециализированных Собраний: древних тканей, оружия, некоторых видов украшений и торевтики, изделий из кости и рога и создание для них индивидуальных температурных режимов фондового хранения. Для поддержки сохранности артефактов необходима организация собственной реставрационной мастерской. Решение этих и ряда иных проблем руководители сферы культуры области подменили созданием целого ряда дополнительных, чисто бюрократических вопросов: от обсуждения совершенно бессмысленного и губительного переезда фондов на непрофильные площади до реального закрытия самого Отдела археологии.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: музей, специализированный отдел, археологические коллекции, научная деятельность, «Открытые фонды», культурно-просветительские выставки, научные каталоги.

ARCHAEOLOGY IN THE VOLGOGRAD LOCAL LORE MUSEUM

Evgeniy Kruglov[1], Andrey Lapshin[2], Igor Naumov[3]
[1]All-Russian Community for Nature and Culture Monuments Protection (Volgograd, Russia)
e-mail: khasar@vlpost.ru
[2]Volgograd State Social-Pedagogical University
Russia, 400131, Volgograd, V.I. Lenin Avenue, 27
e-mail: alapsh@mail.ru
Volgograd State Technical University
Russia, 400005, Volgograd, V.I. Lenin Avenue, 28
e-mail: naumov1510@yandex.ru

ABSTRACT
The state has imposed a duty to perform research functions on the leading regional museums of the Russian Federation, which dictates necessity of improvement of scientific work with collections in their daily activities. Continuous process of replenishing the collections of modern museums requires a transition from purely custodial functions to more complex forms of organization of work and scientific activity. Opening of a specialized Department of Archeology at the Volgograd Regional Museum of Local Lore reinforced the role and importance of such research work. The function of the Department was to coordinate scientific and educational activities in the field of archeology throughout the Volgograd region; in particular, the Department prepares cultural and educational exhibitions, complemented by scientific catalogs, and organizes operations of the museum sites in the «open» storage mode. Development of the museum business requires further expansion of the set of functions performed, as well as deepening scientific research and specialization. Scientific reports must be segregated into a collection and described

as an autonomous scientific-archival fonds. Several highly specialized collections must be formed – for ancient fabrics, weapons, some types of jewelry and toreutics, items made of bone and horn - and kept under individual temperature controlled storage regimes. To support preservation of the artifacts, their own restoration workshop is needed. Regional executives that deal with culture have substituted solution of these and a number of other problems by discussions on a few additional, purely bureaucratic questions like a completely meaningless and destructive relocation of the collections onto non-core premises or the actual closure of the Department of Archaeology itself.

KEYWORDS: Museum, specialized department, archaeological collections, scientific activity, «open» storage, cultural and educational exhibitions, scientific catalogues

Волгоградский областной краеведческий музей (далее ВОКМ) – первый публичный музей современного типа, появившийся в Волгограде (в то время – г. Царицыне) в 1914 г. В период Сталинградской битвы коллекции довоенного времени практически полностью оказались утрачены (Рябец 2018: 72-73). В эвакуации началась новая жизнь музея и только в 1954 г. он вернулся в г. Волгоград (тогда – г. Сталинград) (Материкин 2005: 49-98).

Сегодня ВОКМ является одним из признанных узловых компонентов информационной системы Волгоградской области, в которой на основе синтеза прошлого (материализованного в музейных коллекциях) и настоящего (достижения современной науки и техники) достаточно успешно формируются образы будущего. В современном культурном поле музей сохраняет свою основную государственную обязанность выполнения научно-исследовательских функций, что и определяет значимость научно-фондовой работы в структуре повседневной деятельности.

Однако в последнее время из ВОКМ поступают разные, порой довольно неожиданные известия организационного характера. Понятно, что вопросы неожиданно частой смены руководства, в целом, находятся в ведении учредителя данного предприятия – Комитета культуры Волгоградской области. Но упразднение и затянувшееся отсутствие штатной должности заместителя директора по научной работе в крупнейшем краеведческом музее области при наличии большой группы научных сотрудников вызывает, мягко говоря, недоумение. На фоне высказываний Министра культуры Российской Федерации В.Р. Мединского о том, что основной функцией музея является не организация досуга, а наука и популяризация (Борисова 2019) это, как минимум, странно. Согласно п. 1.24 Приказа Минкультуры РФ от 8 декабря 2009 г. при отсутствии в штатном расписании должности заместителя директора по научной работе его функции (организация комплектования фондов музейными предметами, их инвентаризация, научное изучение и публикации) осуществляет директор (Приказ Минкультуры РФ 2009). Но вот уже несколько лет руководителями ВОКМ фактически являются приходящие на 1/2 ставки совместители, не только мало знакомые с реальной музейной практикой, но и весьма далекие от современной культуры и науки вообще. Конкретные элементарные научные вопросы для них малопонятны и, соответственно, не приоритетны. Именно поэтому, например, до сих пор не опубликованы материалы уже шести областных краеведческих чтений. Доверие волгоградских, да и не только, краеведов к ВОКМ по линии издательской деятельности сведено к минимуму, а прежнее лидерство в этом вопросе уже безнадежно утрачено.

Внезапное появление в начале 2017 г. совершенно непроработанных идей возможного переезда фондов музея в мало подготовленные на тот момент помещения у широкого круга заинтересованной общественности г. Волгограда и ряда других регионов России вызвало общее состояние шоковой озабоченности (Волгоградский областной 2019). Не менее неожиданным оказалось внезапное появление в декабре 2018 г. у действующего руководства ВОКМ идеи ликвидации в структуре музея Отдела археологии (Торжество неучей 2018). Десятки неравнодушных российских и зарубежных исследователей, от начинающих до уже признанных ученых с мировым именем не смогли пройти равнодушными мимо этих новостей. Авторы от лица волгоградских археологов выражают им свою благодарность и признательность. Во многом опираясь на столь широкую поддержку, волгоградские археологи в конце декабря 2018 г. обратились за разъяснениями вопроса к заместителю губернатора Волгоградской области, председателю комитета культуры Волгоградской области В.И. Попкову и председателю Комитета по культуре, делам национальностей и казачества, вопросам общественных объединений, религиозных организаций и информационной политики Думы Волгоградской области А.В. Осипову. На тот момент было решено ничего не ломать.

Философия жизни подсказывает, что путь вперед возможен лишь через диалог и поиск разумного консенсуса. Однако есть истины, усвоенные и проверенные многолетним личным профессиональным опытом одних людей, но, вероятно, совершенно непонятные другим. В связи с этим приходится напоминать, что Отдел археологии в структуре ВОКМ не был придуман «по щучьему велению» и открыт он был отнюдь не для того, «чтобы увеличить зарплату одной из сотрудниц, которая много работает» (Серебряков 2019). Только после того, как музею в 1984 г. были переданы помещения бывшего Дворца пионеров, появились возможности создания полноценной экспозиции по археологии края и организации процесса подлинно научного хранения. В результате, в соответствии с Приказом министра культуры РСФСР в ВОКМ в 1987 г. и появился Отдел археологии, что было признанием усиления роли и значения этой науки в краеведении Волгоградской области (Материкин 2005: 90-98; Лохова, Щербакова 2018: 65).

Задачей Отдела изначально была определена координация научно-просветительской деятельности в сфере археологии на территории всей Волгоградской области. Месторасположение музея и его новые возможности идеально подходили для этого. Важнейшим условием начала функционирования Отдела было принципиальное согласие ведущих археологов ВолГУ и ВГСПУ (в то время – ВГПИ) и на передачу в фонды

ВОКМ коллекций находок, как уже накопленных в период полевых работ 1960-1980-х гг., так и еще только предстоящих. В результате реализации именно этого решения на постоянное хранение в ВОКМ начиная со 2-й половины 1980-х гг. стали передаваться уникальные коллекции. Это были результаты полевых работ археологических экспедиций А.Н. Дьяченко, Б.Ф. Железчикова, П.Е. Захарова, А.В. Кияшко, В.М. Клепикова, В.А. Кригера, И.П. Лисицына, А.В. Лукашова, В.И. Мамонтова, Е.П. Мыськова, И.В. Сергацкова, Н.Б. Скворцова, А.С. Скрипкина. В дальнейшем традицию продолжили археологи нового поколения.

В 1987-2017 гг. бессменным руководителем Отдела археологии ВОКМ была Наталья Владимировна Хабарова. В тесном контакте с учеными-археологами ВолГУ и ВГСПУ, она постоянно участвовала в подготовке и проведении не только всех ежегодных краеведческих чтений самого музея, но и ряда специализированных научных конференций регионального и международного уровня (Кривошеева и др. 2018). Итогом многолетней научно-фондовой работы Натальи Владимировны по систематизации археологических коллекций ВОКМ стало проведение ряда тематических выставок: «Сокровища сарматских вождей» (1994, 2008, 2012), «Кочевники и города Золотой Орды» (1992-1993), «Золотая Орда. История и культура» (Санкт-Петербург – Казань, 2005-2006), «Путешествие Ибн Фадлана. Волжский путь от Багдада до Булгара» (Казань, 2016), в том числе сопровождавшихся выпуском совместных с Государственным Эрмитажем и Фондом Марджани авторских каталогов (Золотая Орда 2005; Путешествие Ибн Фадлана 2016), а также участие в издании нескольких региональных энциклопедий (см.: Круглов и др. 2018).

Неожиданный уход Н.В. Хабаровой из жизни оказался невосполнимым ударом и создал некоторые кадровые проблемы. Сотрудникам, оставшимся без признанного лидера, сейчас нелегко. Возможно, сказывается отсутствие опыта, как личного, так и производственного. Но опыт – дело наживное, он приходит уже в процессе работы. В наше время развитие инноваций открывает широкие возможности для диалога с посетителем и формирования общественного мировоззрения. Пополнение фондов в современных музеях стимулирует усложнение организационной структуры хранения экспонатов. Развитие музейного дела требует расширения набора выполняемых функций и получения новых дополнительных помещений, усложнения общей организации работы и научной специализации сотрудников. Сложность и масштабность этих задач, несомненно, требует широкого использования передовых технологий не только от рядовых сотрудников, но и от действующего руководства, от которого не менее важным является умение создавать не только прессинг, но и благоприятный психологический климат для работы.

Общая численность археологических артефактов, хранящихся в музее, в том числе – изделий особой культурно-художественной ценности, более 50 тыс. ед. хр. Это 1/3 хранительского фонда (10 тыс. – специальное хранение, 30 тыс. – основной фонд и 10 тыс. – научно-вспомогательный). Собрание широко используется. Одним из брендов ВОКМ стала выставка «Золото сарматов». Не сомневаемся, что и в дальнейшем хранимые коллекции будут широко использоваться не только в научных разработках российских и зарубежных ученых, но и в научно-просветительских каталогах, представлять региональную археологию на разнообразных специализированных выставках, в том числе международных.

По предложению научной общественности г. Волгограда в 2018 г. выставочно-хранительский кабинет «Открытые археологические фонды» ВОКМ получил имя Натальи Владимировны Хабаровой и стал мемориальным, о чем теперь сообщает установленная в музее памятная доска. Имя Н.В. Хабаровой, ее жизнь и беззаветная популяризаторская деятельность – это еще один устойчивый бренд ВОКМ. Однако культурно-воспитательное, педагогическое и общечеловеческое значение этого бесспорного факта и возможность широкого использования его также и в плановой экскурсионной производственной деятельности остается в ВОКМ не просто недооцененным, а, скорее всего, даже и не предполагается. Понятно, что текущую работу кабинета в некоторой степени затрудняет необходимость проведения внеплановой сверки фондовой коллекции. Но, во-первых, установленные нормы и общий годовой план по сверке в силу сложных личных взаимоотношений уже давно перестали быть адекватными и реально выполнимыми, а, во-вторых, отношение руководства к рядовым сотрудникам на уровне: «не успеваете что-то – вас здесь никто не держит!!!» совершенно неприемлемо для любого государственного учреждения. В экскурсионно-воспитательной деятельности можно с большим успехом использовать даже сам факт проведения сверки, показывая любопытствующим посетителям музейную «кухню» изнутри. Мы искренне надеялись, что действующее руководство музея, а именно – директор и главный хранитель смогут проявить несколько бóльшую гармонию человеческих и производственных взаимоотношений. Для этого можно было легко найти в целях популяризации археологии Волгоградской области гораздо более достойные и приемлемые для всех формы, необходимые не только для завершения плановой сверки, но и для дальнейшего функционирования в структуре ВОКМ кабинета «Открытые археологические фонды». К сожалению этого не произошло. Уже во 2-й половине 2018 г. выставочно-хранительский кабинет, успешно работавший все предшествующие десятилетия, де-факто перестал функционировать. Вероятно, формальным основанием для этого явился п. 40.5 Приказа Минкультуры РФ о запрещении доступа к хранилищам посторонних лиц, в том числе и исследователей (Приказ Минкультуры РФ 2009). В результате, специалистам иных научных организаций теперь необходимо заранее согласовывать получение пропусков не только для непосредственного пребывания в закрытой части хранилища, что никем и не оспаривается, но даже и для ничем не регламентированного производственного контакта с самими сотрудниками. Возможно, именно такие ситуации проф. ВолГУ, доктор исторических наук А.С. Скрипкин, всю свою сознательную жизнь посвятивший беззаветному служению археологии, с тяжелым чувством и болью назвал «утратой атмосферы, ко-

вернуться к оглавлению ▲

торая присутствовала при Наташе Хабаровой» (Скрипкин 2018: 30). Надо полагать, что и простые граждане Российской Федерации (студенты, магистранты, аспиранты, краеведы, научные сотрудники), сталкиваясь с подобным требованием, со временем просто перестанут обращаться в музей не только с консультационными вопросами, но и в связи с проблемами возможной передачи разного рода случайных находок – историко-археологических предметов.

Между тем приоритетным направлением развития музейного дела в России уже длительное время признается функционирование именно Открытых Фондов (Союз музеев России 2019). Пункт 42.4 Приказа Минкультуры РФ предельно четко и прямо определяет, что «открытое хранение может использоваться для проведения эпизодического или периодического показа музейных предметов в форме тематической экскурсии, как для исследователей, так и более широкого круга посетителей» (Приказ Минкультуры РФ 2009). Отметим, что именно Отдел археологии ВОКМ в свое время являлся одной из пилотных площадок музеев СССР, а потом и России, где подобная практика начинала отрабатываться и выверяться. Ее прекращение даже на короткое время не только не допустимо, но и не позволительно, так как отбрасывает музей в 1-ю половину XX века.

Текущий год является годом 750-летия Таласского курултая (1269 г.), результатом которого стало отделение Улуса Джучи (Золотой Орды) от созданной Чингисханом Монгольской империи и фактическое получение политической независимости. Это событие имеет прямое отношение, как истории российской государственности, так и к местному краеведению. Одна из столиц Золотой Орды находилась на территории нашего региона. В преддверии этого юбилея, осенью 2018 г. сотрудники Отдела археологии совместно с руководством ВОКМ подготовили свою первую самостоятельную тематическую научно-просветительскую выставку «Золотая Орда. Тайны исчезнувшей цивилизации» (Золотая Орда 2018). Уже сейчас ясно, что и эта выставка тоже станет новым брендом музея.

В начале 2019 г. в издательстве ВолГУ увидел свет сборник статей, посвященный памяти Н.В. Хабаровой, подготовленный общими совместными усилиями музейных работников ВОКМ и широкой научной общественностью г. Волгограда (Проблемы археологии и музееведения 2018).

В рамках XXX юбилейных «Волгоградских областных краеведческих чтений» в феврале 2019 г. была проведена конференция «Памяти Евгения Павловича Мыськова (1955-2018)».

Завершается подготовка научно-просветительского каталога выставки «Конь и всадник», оказавшейся последней в жизни Н. В. Хабаровой (Лапшина и др. 2019).

Появление на этом фоне мало обоснованных непроработанных идей переезда фондов в неподготовленные помещения, равно как и обсуждение темы ликвидации самого Отдела археологии свидетельствуют не только об отсутствии прямого диалога управленцев с научными сотрудниками, но и о полной неготовности, нежелании или неспособности местных властей обсуждать и решать реальные проблемы региональной археологии. Полагаем, что решение дирекции ВОКМ о сохранении Отдела археологии (декабрь 2018 г.) с прямым подчинением его Отделу фондов было не вполне соответствующим нормативам и Приказам Минкультуры РФ. Но вместо активного обсуждения вопросов расширения сфер научной деятельности и усложнения специализации производственных функций самих музейных сотрудников налицо общая ориентация на укрупнение лишь одного направления музейной деятельности, а именно – чисто хранительского. Однако практика показывает, что при отсутствии в краеведческих музеях специализированного отдела археологии рано или поздно такой подход приводит к ограничению производственной деятельности только лишь хранительскими функциями. В результате, даже имея великолепные коллекции, отдельные музеи (их примеры специалистам хорошо известны) постепенно становятся недоступными как исследователям, так и населению. Подготовка тематических выставок, выпуск научно-информационных каталогов в них и вовсе прекращается. Со временем, такие музеи начинают требовать от археологов передачи на хранение только лишь экспонируемых вещей. Но те, согласно законодательству, обязаны передавать коллекции полностью, включая и все не экспонируемые предметы. В результате исследователи начинают искать другие хранительские площади.

В цепочке: «археологические раскопки» – «научный отчет» – «апробация обнаруженного материала» современным музеям принадлежит одно из ключевых мест. Сами раскопки, строго говоря, являют собой лишь первый, безусловно, наиболее ответственный этап первичной фиксации особенностей исследуемых памятников. Но результаты полевых работ являются лишь началом формирования научного понимания о памятнике, как о конкретном историческом источнике. Изучение информации, полученной после раскопок –фактического уничтожения памятников, обычно не заканчивается написанием научного отчета. Очень часто бывает так, что правильная оценка зафиксированной информации не наступает даже после введения материалов в научный оборот. Иногда этот процесс растягивается на долгие годы, а понимание природы памятника в качестве полноценного исторического источника может прийти тогда, когда его первоисследователя уже не оказывается в живых. Процесс понимания зависит от очень многих вещей. Одним из его важных составляющих, безусловно, является надежное сохранение не только обнаруженных в ходе раскопок артефактов, но и первичных архивных документов, к анализу которых исследователям приходится обращаться многократно.

В настоящее время одновременно с накоплением коллекций в Отделе археологии ВОКМ сформировалось и весьма внушительное Собрание научных отчетов экспедиций, проводивших свои исследования на территории области. Оно насчитывает уже более 400 отчетов. Некоторые из них представлены только здесь и в силу разных причин не продублированы даже в отраслевом Архиве Института Археологии РАН. Сам факт существования подобного Собрания во многом уникален и, несомненно, отражает востребованный обществом процесс слияния двух институтов социальной памяти – Архива

и Музея. К сожалению, хранилище, имеющее вполне самостоятельное научное значение и, безусловно, востребованное, в структуре ВОКМ до сих пор не имеет никакого правового статуса. Как минимум, требуется оформление данного Собрания в отдельный научно-архивный хранительский Фонд. Такой фонд стал бы базой, куда могли бы передаваться также и личные архивы известных краеведов, археологов или даже целых экспедиций. Со временем это позволило бы еще выше поднять статус музея, как крупнейшего комплексного научно-исследовательского учреждения своего профиля не только в Волгоградской области, но и во всем Нижнем Поволжье.

В настоящее время Отдел археологии хранит предметы, как основного, так и научно-вспомогательного Государственного Фонда Российской Федерации. Существование общих неразрозненных коллекций вполне оправдало себя и востребовано специалистами. При этом артефакты, обнаруженные в ходе раскопок и поступившие на хранение в музей, фактически получают там новую жизнь, протекающую уже независимо от самих памятников. Материалы, в целом, доступны для ознакомления российским и зарубежным исследователям. Однако ведущие специалисты в настоящее время достаточно жестко ставят вопрос необходимости корректировки сложившейся системы хранения с целью выделения нескольких узкоспециализированных собраний, а именно: древних тканей, оружия, некоторых видов украшений и торевтики, изделий из кости и рога. Все это требует незамедлительной разработки вопросов особых индивидуальных режимов хранения и использования в научных целях имеющихся коллекций.

Вопрос сохранения накопленных многих десятков тысяч экспонатов и необходимость их постоянной профилактической реставрации был и остается основным в музейной деятельности. Он же является и одним из чрезвычайно болезненных вопросов. Реальные возможности единственного штатного реставратора ВОКМ крайне ограничены. Музею как можно быстрее необходимо инициировать перед Учредителем постановку вопроса о начале целевой подготовки нескольких специалистов соответствующего профиля и организации при ВОКМ собственной реставрационной мастерской по примеру того, как это своевременно было сделано в Ростовской области в Азовском историко-археологическом и палеонтологическом музее-заповеднике.

В настоящее время целые категории археологических находок находятся в почти критическом состоянии. Нестабильность температурно-влажностного режима, как известно, является основной причиной старения и гибели музейных коллекций. Температурным колебаниям подвержены практически все материалы, но особенно разрушительными они оказываются для предметов археологии. Необратимые физические и химические изменения в археологических предметах идут абсолютно независимо от желания людей (Флёров 2018). Колебания влажности вызывают бурные процессы кристаллизации и рекристаллизации солей даже в керамике и мягких породах камня и способны привести к полному разрушению значительного числа предметов. Бусы из гагата и янтаря (10% имеющихся украшений этого типа) могут быть полностью потеряны из-за перепадов температур уже в самые ближайшие годы (Мошеева 2019). Под угрозой находятся многие другие уникальные изделия из черных, цветных металлов и сплавов. Целые категории находок требуют незамедлительного создания индивидуальных температурных режимов хранения, что, в принципе, предусмотрено и Приказом Минкультуры РФ от 8 декабря 2009 г. (Приказ Минкультуры 2009).

Согласно «Перечню поручений по итогам заседания Совета при Президенте по культуре и искусству», состоявшегося 21 декабря 2017 г. и утвержденного Президентом РФ В.В. Путиным 4 февраля 2018 г. № Пр-191 создание сети специализированных археологических хранилищ было определено в качестве приоритетного направления Государственной политики Российской Федерации. За счет ассигнований федерального бюджета, начиная уже с 2018 г. предусматривается финансирование работ по созданию такой сети, в том числе финансирование ее содержания (Перечень поручений 2017). К сожалению, Администрация Волгоградской области не довела до специалистов информацию о начале разработки в РФ государственных программ по расширению и модернизации сети имеющихся специализированных хранилищ археологических материалов и не предприняла каких-либо усилий по включению региона в вышеуказанные программы. Между тем, опираясь именно на них, имел бы смысл поднять вопрос об открытии на основе п. 8.1 Приказа Минкультуры РФ от 8 декабря 2009 г. на базе Отдела археологии ВОКМ научно-вспомогательного Фонда временного содержания – т.н. Сырьевого фонда. Туда археологи могли бы передавать все не экспозиционные предметы – обломки керамики, кости животных, а также достаточно объемный антропологический материал. Именно так весьма успешно работает вышеупомянутый Азовский историко-археологический и палеонтологический музей-заповедник. Все находки из текущих раскопок, а это десятки тысяч артефактов сначала поступают на временное хранение. Постепенно идет их сортировка и обработка специалистами разного профиля (Яворская 2019). В Волгоградской области в настоящее время для обработки подобных материалов вообще нет никаких хранилищ. Работа с таким материалом основана на энтузиазме и личном научном интересе отдельных исследователей. И хотя достижения волгоградских антропологов давно признаны уже и на международном уровне, некоторая часть материалов данного профиля, к примеру, хранится у соответствующих специалистов в их личных подсобных помещениях (гаражах и т.п.!), что абсолютно не нормально и неприемлемо.

В дополнение к антропологии в Волгоградской области могли бы появиться и постоянно работающие местные палеозоологи и археозоологи, а кроме них – еще и специалисты по изучению и реставрации керамики. Все эти направления также не имеют ни нормальных условий, ни какой либо технической базы для полноценной научно-исследовательской деятельности.

Возвращаясь к болезненной теме возможного переезда ВОКМ в иное здание, следует сказать, что и этот

вопрос отнюдь не закрыт, а лишь временно приостановлен. «Краеведческий музей мы переносим полностью. Каланча будет базовым зданием музея…. 4 января мы определились, что музей переносим. И не надо больше рассуждать!!!» (Волгоградский областной 2019; Ященко 2019). Безусловно, для дальнейшего развития ВОКМ крайне необходимы дополнительные площади, не только выставочные, но и хранительские. Город-герой Волгоград достоин того, чтобы иметь при региональном краеведческом музее специально построенные хранилища современного типа. Однако областное руководство основным вариантом предоставления музею дополнительных помещений определяет отнюдь не строительство нового современного хранилища, а лишь передачу в управление здания бывшей Пожарной части и Каланчи г. Царицына. Это памятник истории и культуры конца XIX – начала XX вв. Здание, несомненно, привлекательное в плане необычной архитектуры и первоначального производственного назначения, но оно совершенно не подготовлено для использования в качестве музейного. Оно даже не приспособлено для постоянного хранения десятков тысяч уникальных экспонатов. Соответственно, перевоз их из одного в другое, практически равноценное по площади и техническому состоянию помещение, для ВОКМ не имеет никакого практического смысла и может привести лишь к крайне негативным последствиям в плане сохранности государственных коллекций.

Следует сказать, что в г. Волгоград в настоящее время вообще нет организаций, способных осуществить подобный переезд на основании технических нормативов п. 62.2 – 67.7 Приказа Минкультуры РФ от 8 декабря 2009 г. (Приказ Минкультуры 2009). В тоже время средства, требуемые для обязательного страхования переезда подобной сложности вполне эквивалентны стоимости строительства небольшого современного здания производственного назначения. Надо также полагать, что музей, оказавшись в состоянии переезда, довольно неопределенное время вообще не сможет принимать какие-либо новые артефакты. Следовательно, исследователи для передачи своих коллекций будут вынуждены начинать искать какие-то другие хранительские площади.

Вопрос предоставления ВОКМ дополнительных площадей неоправданно закрыт от обсуждения. К сожалению, он решается одновременно с вопросом отчуждения в пользу Администрации Волгоградской области здания бывшего Волго-Камского банка, ныне находящегося на балансе ВОКМ. Поэтому, даже после ожидаемой и разрекламированной передачи здания Пожарной части и Каланчи г. Царицына никаких дополнительных площадей областной краеведческий музей реально не получит. Более того, его ныне существующая целостность и компактность окажется существенно нарушенной.

Сравнительно недавно А.В. Осипов, председатель Комитета по культуре, делам национальностей и казачества, вопросам общественных объединений, религиозных организаций и информационной политики Волгоградской областной Думы, на встрече с группой региональных археологов (декабрь 2018 г.) весьма четко сформулировал личное пожелание о необходимости открытия в г. Волгоград самостоятельного Музея археологии. Такая идея сама по себе не нова. С 1993 г. существует Курский областной музей археологии, изначально созданный в 1991 г. как филиал областного краеведческого музея (Курский государственный 2019). Предложение, ответственно высказанное авторитетным депутатом, можно оценить весьма положительно и принять за основу. Но, на наш взгляд, более целесообразным и менее затратным был бы вариант преобразования остающегося за ВОКМ здания бывшей Царицынской Городской Думы, расположенного по проспекту им. В.И. Ленина, 5а, в самостоятельный Филиал ВОКМ – Музей археологии и природы Волгоградской области. За счет высвобождения некоторых структур здесь можно предусмотреть наличие нескольких последовательно расположенных экспозиционных залов, конференц-зала, научного архива, а в цокольных помещениях – долгожданных реставрационной мастерской и «Золотой кладовой» (рис. 1). Финансирование работ в этом случае было бы минимальным – в рамках выполнения пункта 2г поручений Президента РФ по итогам заседания Совета при Президенте по культуре и искусству от 21.12 2017 г. (утв. Президентом РФ 4.02 2018 г. № Пр-191) за счет подключения ассигнований федерального бюджета. Организация Музея археологии и природы Волгоградской области в статусе Филиала ВОКМ стала бы реальным выполнением поручений Президента РФ В.В. Путина и привела бы:

1) к появлению в регионе комплексного государственного специализированного музейного Фонда археологических коллекций;

2) созданию нескольких полнопрофильных археологических экспозиций современного типа;

3) развитию самого ВОКМ как регионального научного археологического центра.

Полагаем, что Дума Волгоградской области могла бы на законодательном уровне принять решение об обязательной передаче всех предметов археологии, находимых в будущем на территории области, исключительно в фонды Филиала ВОКМ – Музея археологии и природы Волгоградской области. Другие местные организации (такие как закрывающийся краеведческий музей «Истории донских казаков» Клетского муниципального района), иные непрофильные производственные или школьные музеи, постепенно могли бы передать именно сюда все имеющиеся у них коллекции и отдельные предметы археологии либо на постоянное хранение, либо для подготовки постановки их на Государственный учет. В результате, Филиал ВОКМ – Музей археологии и природы Волгоградской области стал бы основным специализированным научно-исследовательским многоотраслевым музеем археологии, антропологии, палеозоологии, археозоологии на территории региона. Именно это и могло бы оказаться долгожданным движением вперед в данной отрасли.

Недавно, 30 марта 2019 г. в городе Саров (Нижегородская область) состоялась конференция «Сквозь века: от мордовского городища до Саровской обители», приуроченная к 100-летию академической археологии в России. В выступлении на ней директор Института

археологии РАН, академик РАН, доктор исторических наук Николай Андреевич Макаров выразил готовность сотрудничать с властями всех регионов в деле открытия музеев на местах археологических раскопок, в том числе охранных. Он отметил: «Без этого сохранение и защита исторического наследия в масштабах огромной страны становятся практически невозможными (Институт археологии 2019). Действующий губернатор Нижегородской области Глеб Сергеевич Никитин, также присутствующий на вышеупомянутой конференции, отметив в своем выступлении, в частности, что археологические музеи способны резко повысить туристическую привлекательность руководимого им региона, поддержал призыв известного ученого.

Всего лишь через две недели после этого на призыв известного ученого вполне конкретным действием отреагировали также и руководители Волгоградской области. Уже 15 апреля 2019 г., решением действующего директора ВОКМ Отдел археологии был закрыт. Весьма сомнительно, что после Обращения широкой группы научной общественности, археологов и историков (письмо было подписано более 200 человек, в т.ч. – несколькими десятками кандидатов и докторов исторических и иных наук ряда профильных учреждений и научных институтов как г. Волгоград, так и других регионов Российской Федерации), это решение было принято самостоятельно. Оно просто невозможно без консультаций, как минимум, с руководителем Комитета культуры Волгоградской области, председатель которого является также и вице-губернатором – вторым человеком региона. Но тогда вероятно, данное решение следует считать также и ответом действующего губернатора, Героя Российской Федерации, Андрея Ивановича Бочарова…

Что могло измениться с декабря 2018 г. по апрель 2019 г. доподлинно нам не известно. Но очевидно, что довольно скоро, наконец-то должен закончиться долгожданный косметический ремонт в здании Пожарной части и Каланче. Поэтому вполне возможно, что закрытием Отдела археологии при ВОКМ лишь начинается активная фаза подготовки перемещения фондов музея на «новые» площади. Вполне очевидно, что действующий руководитель ВОКМ больше озабочен не идеей сохранения исторического наследия, а грядущей неизбежной подготовкой пенсионного «золотого парашюта» и легкостью пойдет на разрушение того, в созидании чего он не принимал личного участия. Согласование с научной общественностью и хранителями конкретных коллекций при отсутствии самостоятельного Отдела археологии уже не потребуется. Так что самые интересные, но одновременно и весьма печальные события уважаемых волгоградцев еще будут ждать впереди и всем нам надо быть к ним готовыми.

ЛИТЕРАТУРА

Борисова 2019 – Борисова А. У музеев нет друзей. 2019 / Электронный ресурс: https://www.gazeta.ru/culture/2017/09/24/a_10905134.shtml (дата обращения – 21.03.2019).

Волгоградский областной 2019 – Волгоградский областной краеведческий музей начнет переезд в пожарную каланчу. 2019 / Электронный ресурс: https://v1.ru/text/gorod/251538752909312.html (дата обращения – 21.03.2019).

Золотая Орда 2005 – Золотая Орда: история и культура. Каталог выставки. Казань, Казанский Кремль, музейный центр «Эрмитаж. Казань», 23 августа 2005 – 10 мая 2006 года / Под общей редакцией М.Б. Пиотровского. СПб.: Славия, 2005. 264 с.

Золотая Орда 2018 – Золотая Орда. Тайны исчезнувшей цивилизации. 2018 / Электронный ресурс: http://vokm134.ru/featured-content/zolotaja-orda-tajny-ischeznuvshej-civilizacii (дата обращения – 21.03.2019).

Институт археологии 2019 – Институт археологии РАН готов помогать регионам при открытии музеев на местах раскопок. 2019 / Электронный ресурс: https://tass.ru/nauka/6277699 (дата обращения – 30.03.2019).

Кривошеева и др. 2018 – Кривошеева А.В., Круглов Е.В., Лапшина И.Ю., Наумов И.Н., Ситников А.В. Памяти Натальи Владимировны Хабаровой (1955-2017) // Проблемы археологии и музееведения. Волгоград: Издательство ВолГУ, 2018. С. 5-19.

Круглов и др. 2018 – Круглов Е.В., Кривошеева А.В., Лапшина И.Ю., Наумов И.Н. Библиография Натальи Владимировны Хабаровой // Проблемы археологии и музееведения. Волгоград: Издательство ВолГУ, 2018. С. 20-27.

Курский государственный 2019 – Курский государственный областной музей археологии. 2019 / Электронный ресурс: http://www.museum.ru/m700 (дата обращения – 21.03.2019).

Лапшина и др. 2019 – Лапшина И.Ю., Кривошеева А.В., Круглов Е.В., Лапшин А.С., Мыськов Е.П., Письмарова А.В., Ролдугина С.С., Скрипкин А.С. Конь и всадник: открывая страницы прошлого. Каталог выставки. Волгоград, 2019 (в печати).

Лохова 2018 – Лохова О.А., Щербакова Н.И. Хабарова и становление отдела археологии Волгоградского областного краеведческого музея // Проблемы археологии и музееведения. Волгоград: Издательство ВолГУ, 2018. С. 61-67.

Материкин 2005 – Материкин А.В., Комиссарова Е.В. Волгоградский областной краеведческий музей: 90 лет служения Отечеству, 1914-2004: Очерк истории. Волгоград: Панорама, 2005. 192 с.

Мошева 2019 – Мошева О.Н. К вопросу о сохранении древних бус // Вопросы краеведения. Материалы XXX юбилейных «Волгоградских областных краеведческих чтений». Волгоград, 2019 (в печати).

Перечень поручений 2017 – Перечень поручений по итогам заседания Совета при Президенте по культуре и искусству, состоявшегося 21 декабря 2017 года. 2017 / Электронный ресурс: http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/56782 (дата обращения – 21.03.2019).

Приказ Минкультуры РФ 2009 – Приказ Минкультуры РФ от 8 декабря 2009 г. № 842 «Об утверждении Единых правил организации формирования, учета, сохранения и использования музейных предметов и музейных коллекций, находящихся в музеях Российской Федерации». 2009 / Электронный ресурс: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/97240/ (дата обращения – 21.03.2019).

Проблемы археологии 2018 – Проблемы археологии и музееведения. Сборник памяти Н.В. Хабаровой (1955-2017) / Главный редактор А.С. Скрипкин. Волгоград: Издательство ВолГУ, 2018. 326 с.

Путешествие Ибн Фадлана 2016 – Путешествие Ибн Фадлана: Волжский путь от Багдада до Булгара. Каталог выставки (Казань, февраль – сентябрь 2016 г.) / Редакторы: А.И. Торгоев, И.Р. Ахмедов. М.: Марджани, 2016. 560 с.

Рябец 2018 – Рябец И.А. Имиджевый потенциал археологической коллекции Волгоградского областного краеведческого музея (памяти коллеги и товарища) // Проблемы археологии и музееведения. Волгоград: Издательство ВолГУ, 2018. С. 71-78.

Серебряков 2019 – Серебряков А. Не убивайте археологию: учёные Волгограда выступили против закрытия отдела Краеведческого музея. 2019 / Электронный ресурс: https://v1.ru/text/culture/65758021 (дата обращения – 21.03.2019).

Скрипкин 2018 – Скрипкин А.С. О Наталье Владимировне Хабаровой // Проблемы археологии и музееведения. Волгоград: Издательство ВолГУ, 2018. С. 28-30.

Союз музеев 2019 – Союз музеев России. Стратегия развития деятельности музеев в РФ на период до 2030 г. 2019 / Электронный ресурс: http://www.souzmuseum.ru/index.php?Itemid=176&catid=10589&id=22197:strategiya-razvitiya-deyatelnosti-muzeev-v-rossijskoj-federatsii-na-period-do-2030-goda&option=com_content&view=article (дата обращения – 21.03.2019).

Торжество неучей 2018 – Торжество неучей: в Волгограде чиновники отменили археологию. 2018 / Электронный ресурс: https://newizv.ru/news/science/15-12-2018/torzhestvo-neuchey-v-volgograde-chinovniki-otmenili-arheologiyu (дата обращения – 21.03.2019).

Флёров 2018 – Флёров В.С. Археологические коллекции через тысячу лет // Проблемы археологии и музееведения. Волгоград: Издательство ВолГУ, 2018. С. 94-96.

Яворская 2019 – Яворская Л.В. О хранении предметов археологии в Волгоградском областном краеведческом музее // Вопросы краеведения. Материалы XXX юбилейных «Волгоградских областных краеведческих чтений». Волгоград, 2019 (в печати).

Ященко 2019 – Ященко В. Сотрудники волгоградского музея назвали «рейдерскими» требования властей о переезде. 2019 / Электронный ресурс: https://amp.kavkaz-uzel.eu/articles/295690/ (дата обращения – 21.03.2019).

REFERENCES

Borisova 2019 – Borisova A. U muzeev net druzej [The museums have no friends], 2019, Electronic resource: https://www.gazeta.ru/culture/2017/09/24/a_10905134.shtml (Date of access – 21.03.2019) [in Russian].

Flyorov 2018 – Flyorov V.S. Arheologicheskie kollekcii cherez tysyachu let [Archaeological collections through one thousand years], in: Problemy arheologii i muzeevedeniya [Problems of archeology and museology], Volgograd, Izdatel'stvo VolGU Publ., 2018, pp. 94-96 [in Russian].

Institut arheologii 2019 – Institut arheologii RAN gotov pomogat' regionam pri otkrytii muzeev na mestah raskopok [The institute of archeology of RAS is ready to help regions when opening the museums on places of excavation], 2019, Electronic resource: https://tass.ru/nauka/6277699 (Date of access – 30.03.2019) [in Russian].

Krivosheeva i dr. 2018 – Krivosheeva A.V., Kruglov E.V., Lapshina I.Yu., Naumov I.N., Sitnikov A.V. Pamyati Natal'i Vladimirovny Habarovoj (1955-2017) [Natalya Vladimirovna Habarova's memories (1955-2017)], in: Problemy arheologii i muzeevedeniya [Problems of archeology and museology], Volgograd, Izdatel'stvo VolGU Publ., 2018, pp. 5-19 [in Russian].

Kruglov i dr. 2018 – Kruglov E.V., Krivosheeva A.V., Lapshina I.Yu., Naumov I.N. Bibliografiya Natal'i Vladimirovny Habarovoj [Natalya Vladimirovna Habarova's bibliography], in: Problemy arheologii i muzeevedeniya [Problems of archeology and museology], Volgograd, Izdatel'stvo VolGU Publ., 2018, pp. 20-27 [in Russian].

Kurskij gosudarstvennyj 2019 – Kurskij gosudarstvennyj oblastnoj muzej arheologii [Kursk state regional museum of archeology], 2019, Electronic resource: http://www.museum.ru/m700 (Date of access – 21.03.2019) [in Russian].

Lapshina i dr. 2019 – Lapshina I.Yu., Krivosheeva A.V., Kruglov E.V., Lapshin A.S., Mys'kov E.P., Pis'marova A.V., Roldugina S.S., Skripkin A.S. Kon' i vsadnik: otkryvaya stranicy proshlogo. Katalog vystavki [Horse and rider: opening pages of the past. Exhibition catalog], Volgograd, 2019 (in the press) [in Russian].

Lohova 2018 – Lohova O.A., Shcherbakova N.I. Habarova i stanovlenie otdela arheologii Volgogradskogo oblastnogo kraevedcheskogo muzeya [Habarova and formation of department of archeology of the Volgograd regional museum of local lore], in: Problemy arheologii i muzeevedeniya [Problems of archeology and museology], Volgograd, Izdatel'stvo VolGU Publ., 2018, pp. 61-67 [in Russian].

Materikin 2005 – Materikin A.V., Komissarova E.V. Volgogradskij oblastnoj kraevedcheskij muzej: 90 let sluzheniya Otechestvu, 1914-2004: Ocherk istorii [Volgograd regional museum of local lore: 90 years of service to the Fatherland, 1914-2004: History sketch], Volgograd, Panorama Publ., 2005, 192 p. [in Russian].

Mosheva 2019 – Mosheva O.N. K voprosu o sohranenii drevnih bus [To a question of preservation of an ancient beads], in: Voprosy kraevedeniya. Materialy XXX yubilejnyh «Volgogradskih oblastnyh kraevedcheskih chtenij» [Questions of study of local lore. Materials XXX of the anniversary «Volgograd regional local history readings»], Volgograd, 2019 (in the press) [in Russian].

Perechen' poruchenij 2017 – Perechen' poruchenij po itogam zasedaniya Soveta pri Prezidente po kul'ture i iskusstvu, sostoyavshegosya 21 dekabrya 2017 goda [The list of instructions following the results of a meeting of the Council at the President for culture and art which took place on December 21, 2017], 2017, Electronic resource: http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/56782 (Date of access – 21.03.2019) [in Russian].

Prikaz Minkul'tury RF 2009 – Prikaz Minkul'tury RF ot 8 dekabrya 2009 g. № 842 «Ob utverzhdenii Edinyh pravil organizacii formirovaniya, ucheta, sohraneniya i ispol'zovaniya muzejnyh predmetov i muzejnyh kollekcij, nahodyashchihsya v muzeyah Rossijskoj Federacii» [The order of Ministry of culture of the Russian Federation of December 8, 2009 No. 842 «About the approval of Uniform rules of the organization of formation, the account, preservation and use of the museum objects and museum collections which are in the museums of the Russian Federation»], 2009, Electronic resource: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/97240/ (Date of access – 21.03.2019) [in Russian].

Problemy arheologii 2018 – Problemy arheologii i muzeevedeniya. Sbornik pamyati N.V. Habarovoj (1955-2017) / Glavnyj redaktor A.S. Skripkin [Problems of archeology and museology. Collection of memory of N.V. Habarova (1955-2017) / Editor-in-chief A.S. Skripkin], Volgograd, Izdatel'stvo VolGU Publ., 2018, 326 p. [in Russian].

Puteshestvie Ibn Fadlana 2016 – Puteshestvie Ibn Fadlana: Volzhskij put' ot Bagdada do Bulgara. Katalog vystavki (Kazan', fevral' – sentyabr' 2016 g.) / Redaktory: A.I. Torgoev, I.R. Ahmedov [Ibn Fadlan's travel: The Volga way from Baghdad to the Bulgar. The exhibition catalog (Kazan, February – September, 2016) / Editors: A.I. Torgoyev, I.R. Akhmedov], Moscow, Mardzhani Publ., 2016, 560 p. [in Russian].

Ryabec 2018 – Ryabec I.A. Imidzhevyj potencial arheologicheskoj kollekcii Volgogradskogo oblastnogo kraevedcheskogo muzeya (pamyati kollegi i tovarishcha) [Image potential of an archaeological collection of the Volgograd regional museum of local lore (memory of the colleague and companion)], in: Problemy arheologii i muzeevedeniya [Problems of archeology and museology], Volgograd, Izdatel'stvo VolGU Publ., 2018, pp. 71-78 [in Russian].

Serebryakov 2019 – Serebryakov A. Ne ubivajte arheologiyu: uchyonye Volgograda vystupili protiv zakrytiya otdela Kraevedcheskogo muzeya [Do not kill archeology: scientists of Volgograd opposed closing of department of Museum of local lore], 2019, Electronic resource: https://v1.ru/text/culture/65758021 (Date of access – 21.03.2019) [in Russian].

Skripkin 2018 – Skripkin A.S. O Natal'e Vladimirovne Habarovoj [About Natalya Vladimirovna Habarova], in: Problemy arheologii i muzeevedeniya [Problems of archeology and museology], Volgograd, Izdatel'stvo VolGU Publ., 2018, pp. 28-30 [in Russian].

Soyuz muzeev 2019 – Soyuz muzeev Rossii. Strategiya razvitiya deyatel'nosti muzeev v RF na period do 2030 g. [Union of the museums of Russia. The strategy of development of activity of the museums in the Russian Federation for the period till 2030], 2019, Electronic resource: http://www.souzmuseum.ru/index.php?Itemid=176&catid=10589&id=22197:strategiya-razvitiya-deyatelnosti-muzeev-v-rossijskoj-federatsii-na-period-do-2030-goda&option=com_content&view=article (Date of access – 21.03.2019) [in Russian].

Torzhestvo neuchej 2018 – Torzhestvo neuchej: v Volgograde chinovniki otmenili arheologiyu [Celebration of ignoramuses: in Volgograd officials cancelled archeology], 2018, Electronic resource: https://newizv.ru/news/science/15-12-2018/torzhestvo-neuchey-v-volgograde-chinovniki-otmenili-arheologiyu (Date of access – 21.03.2019) [in Russian].

Volgogradskij oblastnoj 2019 – Volgogradskij oblastnoj kraevedcheskij muzej nachnet pereezd v pozharnuyu kalanchu [The Volgograd regional museum of local lore will begin moving to a fire kalancha], 2019, Electronic resource: https://v1.ru/text/gorod/251538752909312.html (Date of access – 21.03.2019) [in Russian].

Yashchenko 2019 – Yashchenko V. Sotrudniki volgogradskogo muzeya nazvali «rejderskimi» trebovaniya vlastej o pereezde [Staff of the Volgograd museum called «raider» requirements of the authorities about moving], 2019, Electronic resource: https://amp.kavkaz-uzel.eu/articles/295690/ (Date of access – 21.03.2019) [in Russian].

Yavorskaya 2019 – Yavorskaya L.V. O hranenii predmetov arheologii v Volgogradskom oblastnom kraevedcheskom muzee [About storage of objects of archeology in the Volgograd regional museum of local lore], in: Voprosy kraevedeniya. Materialy XXX yubilejnyh «Volgogradskih oblastnyh kraevedcheskih chtenij» [Questions of study of local lore. Materials XXX of the anniversary «Volgograd regional local history readings»], Volgograd, 2019 (in the press) [in Russian].

Zolotaya Orda 2005 – Zolotaya Orda: istoriya i kul'tura. Katalog vystavki. Kazan', Kazanskij Kreml', muzejnyj centr «Ermitazh. Kazan'», 23 avgusta 2005 – 10 maya 2006 goda / Pod obshchej redakciej M.B. Piotrovskogo [Golden Horde: history and culture. Exhibition catalog. Kazan, Kazan Kremlin, museum center «Hermitage. Kazan», on August 23, 2005 – on May 10, 2006 / Under the general edition of M.B. Piotrovsky], St. Petersburg, Slaviya Publ., 2005, 264 p. [in Russian].

Zolotaya Orda 2018 – Zolotaya Orda. Tajny ischeznuvshej civilizacii [Golden Horde. The mysteries of the disappeared civilization], 2018, Electronic resource: http://vokm134.ru/featured-content/zolotaja-orda-tajny-ischeznuvshej-civilizacii (Date of access – 21.03.2019) [in Russian].

Круглов Евгений Викторович
– секретарь Волгоградского регионального отделения «Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры» (Волгоград, Россия).

Evgeniy Kruglov
– Secretary of the Volgograd Regional Department «All-Russian Community for Nature and Culture Monuments Protection» (Volgograd, Russia).

E-mail: khasar@vlpost.ru

Лапшин Андрей Сергеевич
– кандидат исторических наук, доцент, Волгоградский государственный социально-педагогический университет (Волгоград, Россия).

Andrey Lapshin
– PhD (History), Associate Professor of the Department «National history and local history education» of Volgograd State Social-Pedagogical University (Volgograd, Russia).

E-mail: alapsh@mail.ru

Наумов Игорь Николаевич
– кандидат исторических наук, доцент, Волгоградский государственный технический университет (Волгоград, Россия).

Igor Naumov
– PhD (History), Associate Professor of the Department «History, culture and sociology» of Volgograd State Technical University (Volgograd, Russia).

E-mail: naumov1510@yandex.ru

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ Y-ДНК ОСТАНКОВ IX-X ВЕКОВ ИЗ СОПКИ БЛИЗ ДЕРЕВНИ МЕРЛУГИНО УДОМЕЛЬСКОГО РАЙОНА ТВЕРСКОЙ ОБЛАСТИ

В.И. Меркулов[1], **И.Л. Рожанский**[2], **А.С. Семенов**[3]
[1] Российско-немецкий исторический семинар (Москва, Россия)
e-mail: mail@histformat.com
Scopus Author ID: 55848349600
ResearcherID: E-5671-2014
http://orcid.org/0000-0003-0555-0813
SPIN-код: 1519-7585
[2] Академия ДНК-генеалогии (Цукуба, Япония)
e-mail: igorrozhanskii@gmail.com
Scopus Author ID: 6602811767
Researcher ID: M-8875-2018
http://orcid.org/0000-0002-7571-7626
SPIN-код: 9823-3659
[3] Deep Dive Group
e-mail: semyonov1980@mail.ru
Scopus Author ID: 55916966900
http://orcid.org/0000-0003-3251-0534
ResearcherID: U-9167-2017

АВТОРСКОЕ РЕЗЮМЕ
В этой работе авторы сообщают о результатах предварительного анализа Y-ДНК останков из захоронения культуры новгородских сопок в окрестностях д. Мерлугино Удомельского района Тверской области, относящегося к IX-X вв. В сообщении дается описание захоронения, а также указываются выявленные STR-локусы Y-гаплотипа. С высокой вероятностью гаплогруппа может быть определена как J2b, которая является минорной у современного славянского населения. Однако полученные данные соответствуют представлениям об интегрирующем характере славянской территориальной общины.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: ДНК-генеалогия, древняя ДНК, Y-гаплогруппа, славяне, культура новгородских сопок.

PRELIMINARY RESULTS OF THE STUDY OF Y-DNA OF THE 9th-10th CENTURIES' REMAINS FROM A HILL NEAR THE VILLAGE OF MERLUGINO, UDOMELSKY DISTRICT, TVER REGION

Vsevolod Merkulov[1], **Igor Rozhanskii**[2], **Aleksandr Semenov**[3]
[1] Historical Format Magazine (Moscow, Russia)
e-mail: mail@histformat.com
[2] Academy of DNA Genealogy (Tsukuba, Japan)
e-mail: igorrozhanskii@gmail.com
[3] Deep Dive Group
e-mail: semyonov1980@mail.ru

ABSTRACT
In this work, the authors report the results of a preliminary analysis of the Y-DNA of human remains dating to the 9th-10th centuries A.D. from the Novgorod Hills culture in the vicinity of the village of Merlugino, Udomelsky District, Tver Region. The paper provides description of the burial and specifies the identified STR loci of the Y-haplotype. With high probability, the haplogroup can be defined as J2b, which is a minor haplogroup in the modern Slavic population. Nevertheless, the obtained results fit the idea of the unifying nature of the Slavic territorial community.

KEYWORDS: DNA genealogy, ancient DNA, Y-haplogroup, Slavs, Novgorod Hills culture.

Культура новгородских сопок является одной из основополагающих в контексте изучения древностей Северо-западной Руси. Поэтому её изучение является приоритетной задачей в исследовании путей формирования древнерусского населения. В контексте данной работы был проведен первый анализ древней ДНК из захоронения культуры новгородских сопок.

Образец – археологический костный материал с существенными следами кремации из сопки близ деревни Мерлугино в окрестностях г. Удомля Тверской области, внутренняя часть которого не подверглась кремации. Культура новгородских сопок существовала на территории современного Великого Новгорода в VIII-X веках. Она сформировалась приблизительно в VII-VIII веках в результате движения миграционных потоков славянского населения, восприняла многие традиции балтских и местных финно-угорских племён. Вблизи деревни Мерлугино находился новгородский погост Волчино, известный по древнерусским источникам.

Раскопки проводились кандидатом исторических наук, старшим научным сотрудником Отдела археологии эпохи Великого переселения народов и раннего средневековья И.В. Ислановой в 1984-1985 гг. Протестированный образец был сожжен и захоронен в сопке общей высотой 2,6-2,8 м.

Согласно археологическим данным (Исланова 1995: 41-50), основная масса костей принадлежит взрослому человеку (определение Г.П. Романовой). Здесь же встречены мелкие кости какого-то животного, развалы двух лепных сосудов, желтая бисерина, точильный камень, бронзовая пряжка с вогнутыми боками и железным язычком. Возможно, с захоронением связаны остатки костров во втором внешнем ровике.

Рис.1 Фото образца: археологический костный материал из сопки близ деревни Мерлугино (Тверская обл.).

ДНК-тестирование было выполнено в рамках партнерства международного научного журнала «Исторический формат», консалтинговой группы Deep Dive и «Лаборатории ДНК-генеалогии». В части исследований древней ДНК «Лаборатория ДНК-генеалогии» является системным интегратором, размещая заказы на тестирование на технических мощностях лучших российских и зарубежных лабораторий. Описание экспериментальной части имеется в аналогичном исследовании двух образцов из Калининградской области IV-VI и XI веков (Кулаков, Меркулов, Семенов 2018: 1-5).

Была проведена первичная механическая очистка кости от поверхностного слоя загрязнений на специализированном оборудовании стоматологическими фрезами и вторичная кавитационная очистка с помощью ультразвука. Далее осуществлено измельчение очищенных костей в шаровой мельнице. В результате получен костный порошок, массой 2 г.

Выделение ДНК из костного материала проводилось методом, основанным на колонках с SiO_2. Концентрация выделенной ДНК составила 0,3 нг/мкл. При проведении ПЦР реакции удачно были проамплифицированы STR локусы Y-хромосомы длиной от 90 до 300 п.н. В результате проведения электорофореза ПЦР-продуктов на капиллярном секвенаторе AB3500xl и анализа фореограмм выявлено 17 STR локусов Y-хромосомы со значениями аллелей, указанными в табл. 1, однако, в 4 из 17 локусов обнаружена нечеткость сигнала, что выразилось в удвоении значений в локусах (рис.1).

Исследования проводилось при помощи методологического аппарата ДНК-генеалогии, который существенно отличается от аппарата генетических исследований, несмотря на общность объекта исследования. Если генетика изучает наследственность и изменчивость признаков, определяющих врожденные особенности человека, передаваемых через гены, то в нашем случае упор делался на генеалогический аспект, изучение меток в негенных участках Y-хромосомы. В качестве вспомогательной исторической дисциплины ДНК-генеалогия переводит картину мутаций в Y-хромосоме в хронологические, исторические показатели, и формирует отличный от генетики экспериментальный базис.

Наличие задвоенных значений в локусах говорит о предварительном характере результата и невозможности его точного воспроизведения, что требует дополнительного типирования. Тем не менее, при сопоставлении полученных значений с существующими базами данных выясняется, что Y-хромосомная гаплогруппа индивида может быть определена как J2b-M102 с вероятностью больше 95% (Haplogroup 2018). Среди дочерних ветвей последней, данная комбинация маркеров наиболее типична для ветви, характеризуемой снипом L283. Ветвь J2b-L283 имеет довольно однородную структуру и сходится к предку, жившему 3900±400 лет назад (Рожанский 2018: «Темниковский феномен»). Ее география не совсем обычна для гаплогруппы J2, поскольку она почти не захватывает Ближний Восток и Переднюю Азию, но характерна для юга Европы (рис. 3).

Согласно данным публичного проекта FTDNA и базы некоммерческой ассоциации «Академия ДНК-генеалогии», среди современных народов России ветвь L283 встречается очень редко, за единственным исключением татар-мишарей (мещеряков), населяющих земли исторической Мещеры, а также частично переселившихся в XVI-XVIII веках в Башкирию. На татарском ДНК-проекте «Идель» на сайте американской частной ДНК-тестирующей компании FTDNA к ветви J2b-L283 относится 39 участников из 425, имеющих татарские родословные. Все они, кроме одного, входят в группу,

вернуться к оглавлению ▲

	Наименование и аллели STR локусов											
	393	390	19	391	385 a	385 b	439	389 I	392	389 II	458	437
Образец Мерлугино	12-13	25	15	10	14	17		13			14	16

Наименование и аллели STR локусов														
448	449	460	GATA H4	456	576	570	438	481	533	635	627	518	F387S1 a	F387S1 b
		10-11	11	12	17-19	17-18		23		21			38	

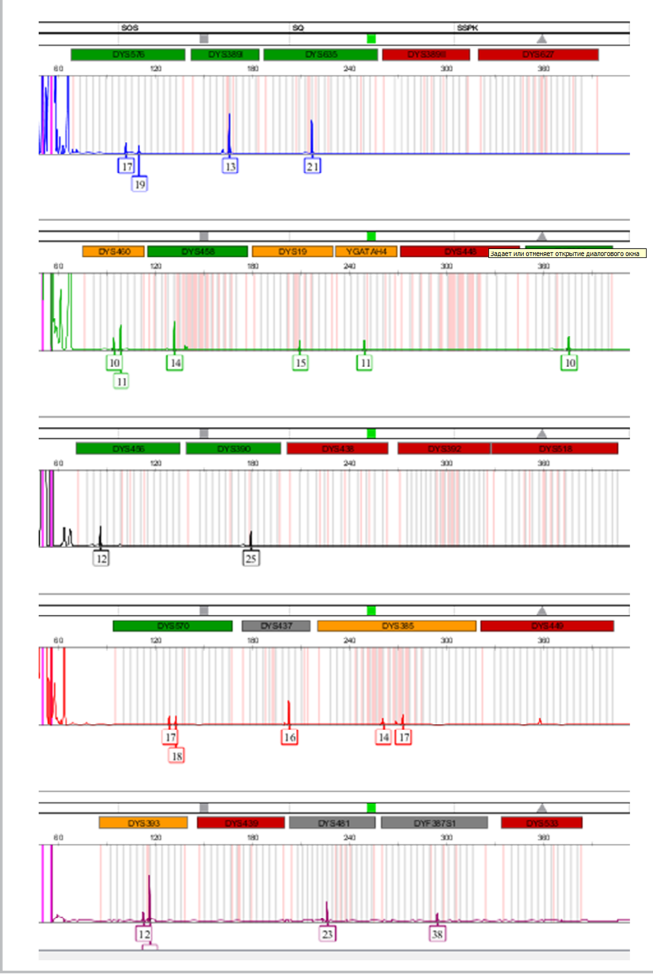

Рис.2 Фореограмма результата.

маркируемую снипом Y12000 и восходящую к предку, жившему во времена Великого переселения народов (1650±200 лет назад). Помимо татар, в ней есть русские, мордвины-мокша, казах и финн.

По данным генеалогических исследований татарских линий этого рода, их предки локализуются на традиционных территориях проживания мордвы и мещеры. Учитывая результаты тестирования средневековой ДНК в Эстонии (XVI век, Mäletjärve, burial 18, район Тарту-Дерпта), локализацию татарских носителей в мордовско-мещерском ареале и наличие финского носителя, можно предположить, что корни индивида, кремированного и захороненного в сопке близ деревни Мерлугино, восходят к некой подоснове, общей для разноязычных ныне народов Русской равнины.

Вероятно, незадолго до формирования культуры новгородских сопок предок захороненного в IX-X веках близ деревни Мерлугино мог проживать не обязательно в среде славян, но и в среде неизвестных по летописям народов, близких мери или веси. В свою очередь, в их среду он мог попасть в эпоху Великого переселения народов, но из-за отсутствия прямых данных эти оценки пока предварительны.

Безусловно, для повышения точности и детализации выводов необходимо как более подробное типирование настоящего образца (в том числе, проверка SNP), так и расширение выборки образцов. Однако в силу того, что данное исследование профинансировали частные структуры, заинтересованные в изучении и воссоздании глубинных пластов древней истории Северо-западного региона России, авторам пришлось руководствоваться принципом достижения максимума при ограниченности ресурсов. Последнее подразумевает необходимость интерпретировать имеющийся результат, причем как можно точнее, и его публикацию в открытой печати в формате сообщения.

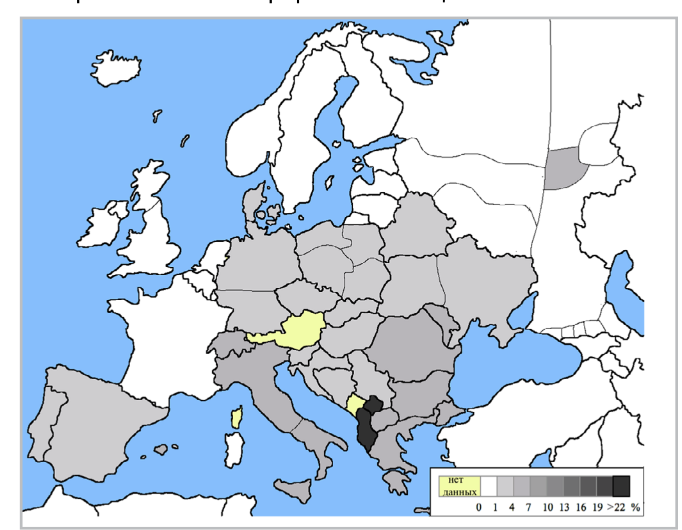

Рис. 3. Доля носителей ветви J2b-L283 среди современного населения Европы и Ближнего Востока (карта составлена И.Л. Рожанским).

В этом контексте методы ДНК-генеалогии, оперирующие значениями локусов Y-гаплотипа, позволяют при помощи уже имеющихся баз данных обеспечить глубокие результаты и указать дальнейшие направления поиска.

Авторы выражают благодарность удомельскому краеведу, члену «Академии ДНК-генеалогии» И.В. Кузьмичеву за постановку проблемы и помощь в получении образца. Также благодарим д.и.н. М.В. Добровольскую и к.и.н. И.В. Исланову за содействие в выборе и получении образца, а также за передачу информации об археологическом контексте находки.

Спонсорами исследования выступили краеведы г. Удомли и члены некоммерческой ассоциации «Академия ДНК-генеалогии» (отдельная благодарность за поддержку В.Н. Цыбульнику, В.П. Юрковцу, И.В. Рыльщикову).

ЛИТЕРАТУРА

Исланова 1995 – Исланова И.В. Сопки на реке Полонуха и озере Песьво // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 9. Новгород, 1995. С. 41-50.

Рожанский 2018 – Рожанский И.Л. ДНК-генеалогия для всех и для каждого. Происхождение татар (раздел «Темниковский феномен»). 2018 / Электронный ресурс: http://pereformat.ru/wp-content/uploads/2018/12/Rozhanskii-Tatars.pdf (дата обращения – 08.09.2018).

Haplogroup 2018 – Whit Athey's haplogroup predictor. 2018 / Электронный ресурс: http://www.hprg.com/hapest5/hapest5b/hapest5.htm (дата обращения – 08.09.2018).

Kulakov, Merkulov, Semenov 2018 – Kulakov V.I., Merkulov V.I., Semenov A.S. The experimental testing of semi-authomated process of degraded DNA extraction and reading on ancient samples from Baltic area. ITM Web of Conferences. 2018. Volume 18. DOI: https://doi.org/10.1051/itmconf/20181802002

REFERENCES

Haplogroup 2018 – Whit Athey's haplogroup predictor, 2018, Electronic resource: http://www.hprg.com/hapest5/hapest5b/hapest5.htm (Date of access – 08.09.2018) [in English].

Islanova 1995 – Islanova I.V. Sopki na reke Polonuha i ozere Pes'vo [Hills on the Polonukha River and Lake Pesvo], in: Novgorod i Novgorodskaya zemlya. History and archeology [Novgorod and Novgorod land. History and archeology], Volume 9, Novgorod, 1995, pp. 41-50 [in Russian].

Kulakov, Merkulov, Semenov 2018 – Kulakov V.I., Merkulov V.I., Semenov A.S. The experimental testing of semi-authomated process of degraded DNA extraction and reading on ancient samples from Baltic area, ITM Web of Conferences, 2018, Volume 18, DOI: https://doi.org/10.1051/itmconf/20181802002 [in English].

Rozhansky 2018 – Rozhansky I.L. DNK-genealogiya dlya vsekh i dlya kazhdogo. Proiskhozhdenie tatar [DNA-genealogy for everyone and for every one. The origin of the Tatars. Section «Temnikov phenomenon»)], 2018, Electronic resource: http://pereformat.ru/wp-content/uploads/2018/12/Rozhanskii-Tatars.pdf (Date of access – 08.09.2018) [in Russian].

Меркулов Всеволод Игоревич
– Кандидат исторических наук, Общественно-научный проект «Российско-немецкий исторический семинар» (Москва, Россия).

Vsevolod Merkulov
– Candidate of historical sciences, Public and scientific project «The Russian-German Historical Seminar» (Moscow, Russia).

E-mail: mail@histformat.com

Рожанский Игорь Львович
– Кандидат химических наук, член Научного совета Академии ДНК-генеалогии (Цукуба, Япония).

Igor Rozhanskii
– Candidate of chemical sciences, Member of Scientific Council of the Academy of DNA-Genealogy (Tsukuba, Japan).

E-mail: igorrozhanskii@gmail.com

Семенов Александр Сергеевич
– компания Deep Dive Group (биотехнологии и генетика).
Alexander Semenov – Deep Dive Group (Biotech and Genetics), CEO.

E-mail: semyonov1980@mail.ru

РАННИЕ СЛАВЯНЕ В СРЕДНЕМ ПОВОЛЖЬЕ ПО ПИСЬМЕННЫМ И АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ ДАННЫМ

М.И. Жих
Российско-немецкий исторический семинар
(Санкт-Петербург, Россия)
e-mail: max-mors@mail.ru
Scopus Author ID: 55358941500
Researcher ID: F-3154-2014
http://orcid.org/0000-0003-2212-6416
SPIN-код: 6149-3974

АВТОРСКОЕ РЕЗЮМЕ
В работе проанализированы сообщения средневековых восточных авторов о расселении славян в Поволжье. На основе сопоставления письменных и археологических источников автор делает вывод о проживании на территории Среднего Поволжья во второй половине I тыс. н.э. славянского населения. Проведенный в статье анализ источников показывает, что существует целый блок восточных источников, которые помещают в Среднем Поволжье ас-сакалиба - славян, единственным археологическим соответствием которым является население, оставившее памятники именьковской археологической культуры и его потомки, вошедшие в состав жителей Волжской Болгарии.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Среднее Поволжье, славяне, археология, именьковская культура, восточные источники.

EARLY SLAVS IN THE MIDDLE VOLGA REGION BY MANUSCRIPTS AND ARCHAEOLOGICAL DATA

Maksim Zhikh
«Russian-German Historical Seminar» (Saint Petersburg, Russia)
e-mail: max-mors@mail.ru

ABSTRACT
The paper analyzes reports of medieval eastern authors about Slavs living in the Volga region. Collating the manuscripts with archaeological sources, the author concludes that in the second half of the 1st millennium A.D. the Middle Volga region was populated by the Slavs. The analysis shows that there is a whole series of eastern sources that place Saqāliba – the Slavs - in the Middle Volga region; these Slavs are archaeologically compliant only to the people who left behind artifacts of the Imenkovskaya archaeological culture and to its descendants, who became part of the population of Volga Bulgaria.

KEYWORDS: Middle Volga region, Slavs, archeology, Imenkovskaya culture, eastern sources.

I. ПРОБЛЕМА ЭТНИЧЕСКОЙ АТРИБУЦИИ НОСИТЕЛЕЙ ИМЕНЬКОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ В НАУКЕ 1950-Х – 2000-Х ГОДОВ

Первый этап археологического изучения именьковской культуры охватывает период с начала археологического изучения Среднего Поволжья, которое, первоначально бессистемно, началось в XVIII-XIX вв., до середины 50-х гг., когда эта культура была выделена и названа «именьковской». Впервые памятники, которые впоследствии отнесут к именьковской культуре, выделила в своих работах В.В. Гольмстен, которая, однако, не отделяла их от мордовских древностей и датировала IX-X вв. На основании анализа арабских источников, которые помещают в Поволжье народ буртасов, В.В. Гольмстен именно с ними связывала эти памятники (Гольмстен 1946: 17-25). В дальнейшем гипотеза о буртасской их принадлежности ещё не раз повторялась в науке, в частности, её отстаивал в те годы Н.Ф. Калинин, опять-таки, смешивая в одно целое именьковские и мордовские древности. Он же впервые высказал мысль о значительном именьковском воздействии на генезис культуры Волжской Болгарии, которая впоследствии найдёт поддержку целого ряда учёных (Калинин 1955: 60-62; Калинин, Халиков 1954: 59-62).

В 1956 г. В.Ф. Генинг впервые ввёл в историографию термин «именьковская культура», которую он предложил датировать III-IX вв., после чего она переросла в болгарскую культуру. Сначала учёный считал «именьковцев» финнами (Генинг 1959: 208), а потом высказал гипотезу об их тюркском происхождении и приходе из Сибири (Генинг 1961: 334-336, и последующие работы).

До последнего отрицал существование именьковской культуры как археологического феномена А.П. Смирнов, который датировал соответствующие памятники IV-V вв. и считал их финно-угорскими, рассматривая в качестве позднего этапа городецкой культуры.

При этом учёный относил Рождественский могильник к более позднему времени (VI-VIII вв.) и ошибочно считал его независимым по отношению к именьковской культуре памятником, связанным с миграцией в Среднее Поволжье славян с Левобережья Днепра, обратив внимание на его разительное сходство со славянским Волынцевским могильником (Смирнов 1951; 1962: 160-174; Краснов, Смирнов 1969: 291-296). Ныне принадлежность Рождественского могильника к именьковской культуре не вызывает сомнений, равно как и то, что Рождественский могильник хронологически предшествовал Волынцевскому, но не наоборот. Эти наблюдения А.П. Смирнова служат важным аргументом в пользу славянской этнической атрибуции «именьковцев».

Второй этап археологического изучения именьковской культуры охватывает период с середины 50-х до начала 80-х гг. В это время были проведены масштабные полевые исследования культуры, существенно уточнены её ареал, хронология и характерные особенности, а также высказан ряд гипотез относительно её происхождения и этнической атрибуции. В 1964 г. П.Д. Степанов высказал гипотезу о венгерской этнической принадлежности «именьковцев» (Степанов 1964: 144-147), не нашедшую поддержки у других археологов.

В 1967 г. вышла монография П.Н. Старостина, которая суммировала все собранные к тому времени археологические данные об именьковской культуре. П.Н. Старостин обосновал её датировку III/IV-VII вв. и высказал гипотезу о становлении культуры в условиях смешения местного финно-угорского и пришлого тюркского населения (Старостин 1967: 30-31). В дальнейшем П.Н. Старостин показал отсутствие связей между городецкими и именьковскими древностями и скорректировал свой вывод: роль финно-угорского населения в становлении именьковской культуры была незначительной и его основу составили пришедшие в Среднее Поволжье тюрки (Старостин 1971: 37-54). Впоследствии, после новых открытий, П.Н. Старостин отказался от идеи поисков восточных истоков именьковской культуры (Старостин 1986: 100) и признал убедительность гипотезы Г.И. Матвеевой о её славянской этнической атрибуции (Кляшторный, Старостин 2002: 210-217). В те же годы идею о тюркской атрибуции «именьковцев» отстаивал в своих работах и А.Х. Халиков (Халиков 1971: 272-292).

Третий этап археологического изучения именьковской культуры охватывает период с начала 80-х до середины 2000-х гг. В 1981 г. самарский археолог Г.И. Матвеева опубликовала статью, в которой произвела переворот в этнической атрибуции «именьковцев», показав западные истоки их культуры, связанные с кругом культур полей погребений, а конкретно с зарубинецкой культурой (Матвеева 1981: 52-73). В дальнейшем в ряде работ исследовательница уточнила этот вывод, установив, что именьковские древности имеют не только зарубинецкие, но и пшеворские аналогии (преимущественно с теми памятниками полиэтничной пшеворской культуры, которые В.В. Седов, И.П. Русанова, Д.Н. Козак и другие специалисты интерпретируют как славянские), а возможно и черняховские (Матвеева 1986: 158-171; 1997а: 206-217; 2004: 65-74).

Вывод Г.И. Матвеевой о том, что истоки именьковской культуры следует искать в древностях круга «полей погребений» был принят подавляющим большинством исследователей. Единственным принципиальным противником этой позиции ныне является Е.П. Казаков, который считает именьковскую культуру родственной турбаслинской и видит в носителях этих двух культур хионитов (Казаков 1998: 110-111). Ученый опирается на исследованные им памятники, отразившие взаимодействие и смешение двух культур, трактуя их как свидетельство родственности между ними. Однако ситуация смешения с турбаслинской культурой характерна лишь для одного из именьковских регионов и скорее отражает процесс взаимной ассимиляции их носителей, продвинувшихся в один и тот же район Закамья (Галкина 2006: 343-344; Жих 2011а: 32-33).

Новое определение археологических истоков именьковского населения позволило по-новому поставить вопрос и о его этнической атрибуции. Сама Г.И. Матвеева в 1988 г. высказала и в ряде последующих работ отстаивала тезис о славянской принадлежности именьковской культуры (Матвеева 1988: 11-13; 1997а: 206-217; 2004: 74-78). Эта идея была поддержана ведущим археологом-славистом, автором фундаментальной общей концепции славянского этногенеза, В.В. Седовым (Седов 1994: 49-66; 1994а: 309-315; 1995: 193-197; 2002: 245-255), авторитет которого закрепил её в науке. С той поры и по сей день большинство археологов придерживается гипотезы о славянстве «именьковцев» или, как минимум, о значительном славянском вкладе в становление этой культуры (В.Д. Баран, А.В. Богачев, Т.И. Останина, Р.Д. Голдина и т.д.).

В то же время установление факта западного происхождения именьковской культуры дало основу и предположению о его возможной балтской атрибуции, которую стал отстаивать А.Х. Халиков, опираясь на балтские заимствования в языках финно-угров и предположительно балтские гидронимы в именьковском ареале (Халиков 1988: 119-126). В.В. Седовым эти построения А.Х. Халикова были подвергнуты убедительной критике: во-первых учёный, профессионально занимавшийся ономастикой, показал полную несостоятельность балтских этимологий гидронимов именьковского ареала, предложенную А.Х. Халиковым, а во-вторых, указал на то, что предки мордвы, марийцев и чувашей общались с балтами, жившими на Оке и в Волго-Окском междуречье и предполагать, что балтские заимствования в их языках связаны с именьковской культурой оснований нет (Седов 1994: 58-59). Не смотря на эту убедительную критику, балтская гипотеза этнической атрибуции «именьковцев» имеет отдельных сторонников и ныне, так В.В. Приходько предпринял попытку собрать в её пользу новые гидронимические доказательства (Приходько 2011: 42-47).

Особое место в работах Г.И. Матвеевой и В.В. Седова заняла проблема судеб именьковского населения. Оба исследователя, как и П.Н. Старостин, не сомневаются в том, что после того как в конце VII в. именьковская культура прекратила своё существование и большинство её носителей покинуло Среднее Поволжье, часть «именьковцев» осталась на месте, влившись в состав

населения Волжской Болгарии и оказав значительное влияние на развитие её экономики и культуры, в частности, на распространение земледелия (Старостин 1967: 31-32; Матвеева 2004: 77-79; Седов 1995: 195-197; 2001: 5-15; 2002: 254-255). Г.И. Матвеева отметила, что территория Волжской Болгарии соответствует ареалу именьковской культуры (Матвеева 2004: 79). Эти выводы принимаются ныне рядом археологов (Ю.А. Семыкин, А.В. Богачев и т.д.).

Опираясь на вывод А.П. Смирнова о родственности населения, оставившего Рождественский и Волынцевский могильники, В.В. Седов как бы «развернул» его выводы и заключил, что большая часть «именьковцев» ушла на юго-запад, где стала основой носителей волынцевской культуры. В доказательство этого тезиса В.В. Седов привёл следующие аргументы: хронологический стык между культурами (в конце VII в. исчезает одна, а в начале VIII в. появляется другая), близость погребального обряда, экономической жизни, хозяйства, керамических форм, домостроительства и т.д. (Седов 1994: 59-63; 1994а: 315; 1995: 193-194; 2002: 253-255). Часть археологов приняла вывод В.В. Седова (Приходнюк 1995: 73-74; 1998: 75-76; Матвеева 2004: 77), часть не согласилась с ним и ищет иные истоки волынцевского населения: автохтонные (О.В. Сухобоков), луки-райковецкие (И.О. Гавритухин и А.М. Обломский) или дунайские (А.В. Григорьев, О.А. Щеглова). Ныне вопрос о генезисе волынцевской культуры и её связях с культурой именьковской остаётся до конца нерешённым.

Гипотеза И.О. Гавритухина и А.М. Обломского о правобережных истоках волынцевской культуры (Гавритухин, Обломский 1996: 133, 144-147) была подвергнута В.В. Седовым справедливой критике: он указал на то, что опирается она на единственный аргумент – сходство печей, чего совершенно недостаточно для глобальных выводов о генезисе культуры в целом, а также на то, что сходные с волынцевскими печи днепровского правобережья находятся именно в тех правобережных районах, куда проникла волынцевская культура, то есть распространялись они в обратном направлении (Седов 1999: 84. Примеч. 72). От себя добавим, что для волынцевской культуры были характерны исключительно бескурганные могильники, в то время как на Правобережье Днепра уже с VI-VII вв. получил широкое распространение курганный обряд погребения, доля которого непрерывно возрастала. Таким образом, бескурганный погребальный обряд «волынцевцев» никак не мог быть принесён с правобережья, зато он находит очевидную параллель в именьковской обрядности, что служит дополнительным доказательством гипотезы В.В. Седова, которая, на наш взгляд, на данный момент является наиболее убедительной.

Четвёртый этап археологического изучения именьковской культуры начался примерно с середины 2000-х гг. Он характеризуется более пристальным вниманием к социальным структурам именьковского общества и поиском новых ответов на старые вопросы. Д.А. Сташенков высказал идею о неоднородности этнического состава именьковской культуры, о разных направлениях этнокультурных контактов её носителей в разных регионах и в разные периоды её истории. По его мнению, в становлении именьковской культуры сыграли свою роль мигранты из ареала культур полей погребений, местное население, какие-то позднескифские группы и т.д. (Сташенков 2005; 2006: 20-30).

Л.А. Вязов в своей работе, посвящённой социально-экономической истории «именьковцев», не касаясь прямо вопроса об их этнической атрибуции, сделал вывод, согласно которому, хозяйственная система именьковского населения имеет свои истоки в зарубинецких, киевских, позднедьяковских и мощинских традициях, что указывает на сложный многокомпанентный характер населения, оставившего именьковскую культуру (Вязов 2011: 19-20). Дальнейшая разработка гипотезы о полиэтничном характере именьковской культуры, если она окажется верной, вероятно, позволит в будущем выделить в её составе конкретные памятники, связанные как со славянским населением (можно полагать, что одним из таких памятников является Рождественский могильник, возможно, именно в этой группе памятников, а не в именьковской культуре в целом, лежат истоки волынцевских древностей), так и с другими этническими группами.

А.В. Богачев высказал интересную гипотезу, согласно которой «именьковцы» представляли собой одну из ветвей антов (Богачев 2011: 72-137).

В последнее время к вопросу этнической атрибуции именьковской культуры активно подключились историки. Уже давно исследователями восточных источников было замечено, что они помещают какую-то группу *ас-сакалиба*-славян в Среднем Поволжье. Опираясь на то, что Ибн Фадлан именует Волжскую Болгарию «страной славян», а её правителя «государем славян», ещё А.Я. Гаркави считал, что славяне составляли значительную часть населения этой страны (Гаркави 1870: 104-105).

В 1964 г. С.Г. Кляшторный ввёл в СССР в научный оборот известие ал-Куфи о столкновении арабского полководца Марвана со славянами в 737 г. на берегах «Славянской реки» и пришёл к однозначному выводу, что описываемые события происходили в Поволжье (Кляшторный 1964: 16-18). Есть и другие арабские и хазарские известия, помещающие славян в VIII-X вв. в Поволжье. Эти данные позволили С.Г. Кляшторному связать тех славян, которых знают арабы в Поволжье с «именьковцами» и их потомками (Кляшторный 2005: 68-72), что было поддержано П.Н. Старостиным, Г.И. Матвеевой и В.В. Седовым. При этом данные известия полностью подтверждают то, что часть «именьковцев» осталась в Поволжье после конца VII в. и влилась в состав болгарского населения.

Ныне арабским и хазарским известиям о славянах в Поволжье и проблеме их соотношения с именьковской культурой посвятил ряд работ М.И. Жих (Жих 2008: 138-154; 2011: 121-138; 2011а; 2013: 165-186; 2014: 41-67; 2015: 129-150), который подтвердил и развил наблюдения и выводы С.Г. Кляшторного, предположив, опираясь на этнонимы *С.в.р*, *С.л.виюн*, носителей которых письмо хазарского царя Иосифа локализует в Поволжье, что какие-то группы «именьковцев» могли именоваться *словенами* и *северянами* – этнонимами, хорошо известными в славянском мире (Жих, 2015: 129-150). При этом

важно, что носители роменской культуры, восходящей к волынцевской, также именовались северянами. Это может служить ещё одним подтверждением гипотезы В.В. Седова о генетической связи между данными культурами.

Е.С. Галкина пришла к выводу, что термин *ас-сакалиба*-славяне, применяемый Ибн Фадланом к населению Волжской Болгарии бытовал в данном регионе в X в. как демоним, т.е. обозначение жителей определенной территории, вне зависимости от их этнокультурной принадлежности. Его происхождение связано с этносом носителей именьковской культуры, которую с VIII в. сменяют тюркские и финно-угорские культуры. Путем от этнонима к демониму могли стать ассимиляционные процессы, происходившие в Среднем Поволжье (Галкина 2014: 24-31).

Важное значение имеют работы Р.Ш. Насибуллина и В.В. Напольских о предположительных «именьковских» заимствованиях в финно-угорские языки, которые, по мнению последнего, имеют протославянский или балто-славянский характер (Насибуллин 1992: 76-79; Напольских 1996: 197-206; 2006: 3-19). Выводы В.В. Напольских о соответствующих заимствованиях убедительны, однако их интерпретация вызывает вопросы. Во-первых, учёный жёстко придерживается гипотезы о балто-славянской языковой общности, и поэтому настойчиво именует «именьковский язык» «балто-славянским» (Напольских 2006: 3-4). Между тем, это гипотеза далеко не всеми лингвистами принимается (в частности, серьёзной критике подверг её О.Н. Трубачёв) и вне её рамок выводы В.В. Напольских могут звучать и иначе. Во-вторых, недоказанным остаётся главное: то, что выделенные В.В. Напольских в языках волго-камских финно-угров славянские и балтские языковые заимствования синхронны, а уж тем более – восходят к одному языку. Логичнее говорить как о балтских, так и о славянских языковых заимствованиях местных финно-угров, которые, скорее всего, независимы друг от друга (Жих 2011а: 21-25).

Новое направление в «именьковской» историографии открыл в своих работах казанский исследователь А.В. Овчинников, который показал, что на сугубо научную проблему этнической атрибуции «именьковцев» активное воздействие оказывают вненаучные факторы, в первую очередь, политические. В Татарстане негативно относятся к гипотезе о славянском происхождении «именьковцев» или их части, чинят препятствия исследователям, отстаивающим данную точку зрения (Овчинников 2009а: 4; 2009б; 2016: 151-169). Так, например, П.Н. Старостин длительное время не мог в печати высказать соответствующие взгляды, хотя пришёл к ним давно. Последнее подтвердил в интервью С.Г. Кляшторный, с которым П.Н. Старостин совместно написал главу о славянах Среднего Поволжья для многотомной обобщающей «Истории татар» (Кляшторный 2013: 69-70). Эти печальные факты, надеюсь, не станут помехой на пути дальнейшего прояснения сложных вопросов этнокультурной истории носителей именьковской археологической культуры учёными разных специальностей.

***

II. АРАБСКАЯ ТРАДИЦИЯ ОБ АС-САКАЛИБА В СРЕДНЕМ ПОВОЛЖЬЕ И ИМЕНЬКОВСКАЯ КУЛЬТУРА: ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ

Уже давно учеными, исследующими арабские источники о Восточной Европе, было замечено, что некоторые из них помещают неких *ас-сакалиба*-славян[1] где-то в Среднем Поволжье (Гаркави 1870: 104-105; Кляшторный 1964: 16-18). Однако поскольку авторам других источников славяне в Среднем Поволжье известны не были, а археологические исследования в Волго-Камье не фиксировали, как считалось длительное время, признаков славянской материальной культуры, выводы из анализа указанных известий учеными делались различные. Так А.Я. Гаркави, опираясь на известия Ибн Фадлана, именующего *ас-сакалиба* волжских болгар и Ад-Димашки о волжских болгарах как о смеси тюрок и *ас-сакалиба*, считал, что славяне составляли значительную часть населения Волжской Болгарии и постепенно были ассимилированы тюрками (Гаркави 1870: 104-105), а С.Г. Кляшторный, проанализировав рассказ Ибн А‘сама ал-Куфи о походе Марвана против Хазарии в 737 году, также поместил славян, с которыми столкнулся арабский полководец, в Поволжье (Кляшторный 1964: 16-18). В противовес этому А.З.В. Тоган те же известия приводил в качестве доказательства того, что этноним *сакалиба* в арабской традиции мог обозначать не только славян, но и другие народы Восточной Европы: тюрок, финно-угров и т.д. (Togan 1939: 296. См. также: Артамонов 2002: 234). Характерно, что только известия об *ас-сакалиба* в Поволжье дают основания для последнего вывода: Ибн Фадлан – единственный автор, лично побывавший в Восточной Европе и употребивший этноним *ас-сакалиба* так, что в нем можно увидеть не славян (Мишин 2002: 42).

Новый импульс дискуссия об *ас-сакалиба* в Среднем Поволжье получила после того как в археологической науке была выдвинута гипотеза о славянской этнической атрибуции именьковской культуры, существовавшей в этом регионе в IV-VII вв. н.э. (историографию вопроса об этнокультурной атрибуции «именьковцев» см.: Матвеева 2004: 65-79; Сташенков 2005: 8-16; 2006: 20-30; Расторопов 2009: 139-142; Овчинников 2009: 110-115; Жих 2016: 57-65). Именьковская культура была выделена в 1950-е гг. Н.Ф. Калининым и В.Ф. Генингом (последний и дал ей утвердившееся в науке наименование). Долгое время исследователи пытались связать ее происхождение или с местными финно-угорскими культурами или с миграцией в регион тюрок, но ни первое, ни второе так и не было надежно доказано: ни в финно-угорских, ни в тюркских культурах не находилось многих важных элементов именьковской культуры. Переворот в этнокультурной атрибуции именьковского населения произвела в 1981 году самарский археолог Г.И. Матвеева, сопоставившая материалы именьковской и зарубинецкой культур и пришедшая к выводу о родственности оставившего их населения (Матвеева 1981: 52-73). В цикле своих дальнейших работ Г.И. Матвеева и под-

1 Вопрос об этнической атрибуции ас-сакалиба восточных источников вызвал длительную дискуссию (обзор ее см.: Мишин 2002: 8-12). Ныне, однако, можно довольно уверенно говорить, что этноним этот за некоторыми исключениями относился преимущественно к славянам (Мишин 2002: 308 и др.).

вернуться к оглавлению ▲

державший ее известный археолог-славист В.В. Седов убедительно обосновали вывод о том, что происхождение именьковской культуры связано с несколькими миграционными волнами из ареала культур полей погребений: зарубинецкой, пшеворской и черняховской (Матвеева 1986: 158-171; 2004: 65-74; Седов 1994: 55-58; 1994а: 309-315; 2002: 245-249), который ныне признан подавляющим большинством исследователей[2]. Ну а поскольку именно в рамках этих культур при различии взглядов по ряду конкретных вопросов подавляющее число археологов-славистов (Б.А. Рыбаков, И.П. Русанова, В.В. Седов, П.Н. Третьяков, Е.А. Горюнов, В.Д. Баран, Д.Н. Козак, Р.В. Терпиловский, Б.В. Магомедов, Е.В. Максимов, С.П. Пачкова, Л.Д. Поболь, А.М. Обломский, О.М. Приходнюк и т.д.) ищет предков исторических славян, то высказанная Г.И. Матвеевой гипотеза о принадлежности именьковской культуры одной из праславянских группировок (Матвеева 1988: 11-13; 2004: 74-78) нашла поддержку целого ряда археологов и стала преобладать в науке (Седов 1994: 58-65; 1994а: 315; 1995: 193-197; 1999: 59-62; 2002: 252-255; Баран 1997: 154; Кляшторный, Старостин 2002: 210-217; Богачев 2011: 72-137). Были высказаны также гипотезы о происхождении волынцевской культуры, славянская принадлежность которой не вызывает сомнений, от именьковской (Седов 1994: 59-63; 1994а: 315; 1995: 193-194; 1999: 59-60; 2002: 253-255; Приходнюк 1995: 73-74; 1998: 75-76) и о том, что часть «именьковцев» не покинула Среднее Поволжье и влилась в состав волжских болгар, оказав существенное влияние на экономику и культуру Болгарии, в частности, на развитие в ней земледелия (Старостин 1967: 31-32; Седов 1995: 195-197; 1999: 60-61; 2001: 5-15; 2002: 254-255; Семыкин 1996: 71-73; Матвеева 1997: 98-99; 2004: 77-79; Богачев 2011: 82-83, 312).

Гипотеза о славянстве носителей именьковской культуры позволила многим ученым связать именно с ними *ас-сакалиба* (Кляшторный 2001: 56-60; 2005: 68-72; Седов 1995: 196-197; 2002: 254-255; Матвеева 2004: 79; Галкина 2006: 195-202, 339-345; 2006б: 380-382), упоминаемых в Среднем Поволжье арабами. Согласились с этим, однако, не все. Более того – как это часто бывает, после периода энтузиазма наступил период определенного скепсиса.

Ученики Г.И. Матвеевой начали определенную ревизию ее взглядов и стали более осторожно подходить к вопросу об этнической атрибуции населения, оставившего именьковскую культуру. Во-первых, отмечается, что происхождение ядра ее носителей из ареала культур полей погребений не означает автоматически славянской принадлежности культуры, так как культуры полей погребений были полиэтничными, в чем ныне уже мало кто сомневается. Во-вторых, связь именьковской культуры с волынцевской остается под вопросом, существуют и другие гипотезы генезиса волынцевской культуры (Гавритухин, Обломский 1996: 133, 144-147; Сухобоков 1998: 49-57). В третьих, именьковская культура прекращает свое существование к концу VII в., а арабские известия об *ас-сакалиба* в Поволжье относятся к VIII-X вв. Однозначных и бесспорных данных о сохранении в этот период в регионе групп потомков именьковского населения пока нет, оно лишь предполагается.

По этим причинам двое учеников Г.И. Матвеевой заняли скептическую позицию в вопросе о соответствии именьковского населения Среднего Поволжья тем *ас-сакалиба*, которых атаковал Марван в ходе своего хазарского похода. Д.А. Сташенков, солидаризируясь с тем маршрутом похода Марвана, который обосновали А.З.В. Тоган, М.И. Артамонов и С.Г. Кляшторный, в определении этнической сущности этих *ас-сакалиба* близок к первым двум исследователям, не признававшим в них славян: ученый усматривает в них не потомков «именьковцев», а носителей кочевнических новинковских памятников: хазар или буртасов (Сташенков 1999: 36; 2003: 339). Проблема сомнительности данной гипотезы в том, что оба эти народа были хорошо известны арабам и под собственными именами описаны во множестве арабских произведений. С какой стати в данном случае арабы приняли их за славян, также хорошо им к тому времени известных, – совершенно не понятно.

Учитывая это обстоятельство и признавая, что Д.Е. Мишин убедительно показал проблематичность неславянской атрибуции ас-сакалиба восточных авторов в принципе, Н.А. Лифанов пошел по другому пути и высказал идею, близкую к точке зрения Б.А. Рыбакова и А.П. Новосельцева, о том, что столкновение Марвана со славянами произошло где-то в западной части бассейна Дона (Лифанов 2010: 305-309). К сожалению, касаясь ключевого для определения маршрута похода Марвана вопроса – местонахождения хазарского города ал-Байда'– ученый не проанализировал самостоятельно источники, а сослался на противоречащую им точку зрения А.П. Новосельцева, почему-то отождествившего этот город с Самандаром, в то время как источники упоминают эти два города **одновременно** и как **разные** географические объекты (см. ниже).

При этом ни Д.А. Сташенков, ни Н.А. Лифанов не дали объяснения всему **комплексу** восточных известий об *ас-сакалиба* в Поволжье, ограничившись лишь известиями, повествующими о столкновении Марвана с *ас-сакалиба*.

В условиях такой противоречивой историографической ситуации к анализу арабской традиции об *ас-сакалиба* в Среднем Поволжье обратился автор этих строк (Жих 2008: 138-154; 2011: 121-138; 2011а; 2013: 165-186; 2014: 41-67; 2015: 129-150). Ниже излагаются основные положения и выводы, к которым я пришел в результате своей работы.

* * *

III. СЛАВЯНЕ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ В АРАБСКИХ ИСТОЧНИКАХ

Очень важный и хронологически наиболее близкий ко времени существования именьковской культуры блок информации, связанной с *ас-сакалиба* в Поволжье представлен в известиях, посвященных арабскому по-

2 Единственным принципиальным противником позиции Матвеевой-Седова является Е.П. Казаков, который считает именьковскую культуру родственной турбаслинской и видит в носителях этих двух культур хионитов (Казаков 1998: 110-111). Ученый опирается на исследованные им памятники, отразившие взаимодействие и смешение двух культур, трактуя их как свидетельство родственности между ними. Однако ситуация смешения с турбаслинской культурой характерна лишь для одного из именьковских регионов и скорее отражает процесс взаимной ассимиляции их носителей, продвинувшихся в один и тот же район Закамья: Галкина 2006: 343-344; Жих 2011а: 32-33).

ходу 737 года против Хазарии, самое подробное из которых принадлежит перу историка Ибн А'сама ал-Куфи (ум. в 926 г. Интересующее нас известие входит в состав его «Книги завоеваний»/«Китаб ал-футух») (Кляшторный 1964: 16-18; ал-Куфи 1981: 50-51; Гараева 2002: 468; Калинина 2007: 159-160), упоминающего при этом и гидроним *Нахр ас-сакалиба* («река славян»), на берегах которой и столкнулось в ходе названного похода со славянами арабское войско. Вопрос о том, какую реку подразумевает он под именем «Славянской» и является ли она тем же водным объектом, что и у Ибн Хордадбеха, Ибн ал-Факиха и Абу Хамида ал-Гарнати вызвал длительную дискуссию в ходе которой мнения исследователей распределились в основном между *двумя* крупнейшими реками Юго-Восточной Европы[3]: одни ученые связывали ее преимущественно с Доном (см. например: Рыбаков 1953: 873; ал-Куфи 1981: 81; Новосельцев 1990: 115, 184-187; 2000: 276-278; Лифанов 2010: 305-309), другие – с Волгой (см. например: Togan 1939: 307; Артамонов 2002: 234-237; Кляшторный 1964: 16-18; 2001: 56-60; 2005: 68-72; Мишин 2002: 42-43. Примечание 1; Галкина 2006: 195-202, 313; Сташенков 1999: 36; 2003: 339; Смокотина 2009: 110-122). К настоящему времени этот вопрос не является окончательно разрешенным[4].

В 737 г. наместник халифа (позже сам ставший халифом) Марван ибн Мухаммад предпринял грандиозный поход против Хазарии, ставший кульминацией длительного периода арабо-хазарских войн, шедших за гегемонию на Кавказе почти столетие (примерно с середины VII в.). Целью Марвана был решительный разгром Хазарии, который должен был навсегда положить конец ее претензиям на гегемонию в Закавказье и на Северном Кавказе. Марван своей цели достиг: Хазарский каганат потерпел сокрушительное поражение, его центры, расположенные в современном Дагестане (Баланджар, Самандар и т.д.) были разгромлены (об этом походе см.: Артамонов 2002: 233-238 и сл.; Плетнева 1986: 39-40; Новосельцев 1990: 184-187; Галкина 2006: 312-313). Именно после этого разгрома[5] усиливается, начавшееся несколько ранее, из-за арабской угрозы, перемещение населения и политических центров каганата на север – в безопасные степи Северного Прикаспия, Нижнего Подонья и Поволжья.

Восходящая к разным источникам информация о походах Марвана против Хазарии, которые не всегда можно четко идентифицировать и отождествить друг с другом[6], присутствует у ряда арабских авторов: ал-Йа'куби, Ибн ал-Факиха, ал-Балазури, ат-Табари, Бал'ами, ал-Куфи, Халифы ибн Хаййата, Ибн ал-Асира и т.д. (Калинина 2007: 158-159). Из них в рассказах ал-Балазури, ал-Куфи и Ибн Хаййата, рассказ которого содержит несколько иную версию событий[7], которая может помочь прояснить некоторые неясности в рассказе двух первых авторов, говорится о том, что Марван во время своей войны с Хазарией напал на народ *ас-сакалиба* т.е. славян. Предпринимавшиеся периодически попытки отождествить *ас-сакалиба* ал-Балазури, ал-Куфи и Ибн Хаййата с каким-либо иным народом, который арабы приняли за славян, например, буртасов (Артамонов 2002: 234), касогов (Тортика 2006: 280-288) и т.д. лишены оснований, так как все эти народы были хорошо известны арабам под их собственными названиями. Под этнонимом *ас-сакалиба* практически во всех известных случаях арабские авторы понимали именно этнических славян. К моменту похода Марвана арабы уже хорошо были знакомы со славянами: еще в VII в. те проникали из Византии на земли Халифата, нередко в весьма значительном количестве и вступали в ряды арабской армии (Гаркави 1870: 3-4; Мишин 2002: 101-114). То, что речь в рассказах о походе Марвана идет именно о **славянах** подтверждает и одна фраза у ал-Куфи, в которой говорится, что наряду со славянами Марван напал и на других «неверующих» т.е. язычников. Это ясно говорит о том, что этноним *сакалиба* означает здесь вполне конкретный народ и не используется в каком-то «расширительном» смысле. В целом рассказ ал-Куфи о столкновении Марвана со славянами наиболее подробен: «[войска Марвана] выступили и вскоре достигли города ал-Байда', в котором пребывал хакан, царь хазар. Говорит [автор]: Марвану и мусульманам в стране хазар сопутствовал успех, и *они достигли земель, расположенных за Хазарией. Затем они совершили набег на ас-сакалиба и на другие соседние племена неверующих и захватили из них в плен 20 тысяч семей. После этого они пошли дальше и вскоре добрались до реки славян (нахр ас-сакалиба)* (выделено мной – М.Ж.)» (Калинина 2007: 159).

Далее описывается разгром хазарского войска на ее берегах. Чтобы понять, в каких местах произошло столкновение Марвана со славянами надо сначала выяснить местонахождение города ал-Байда', которое является дискуссионным (обзор гипотез см.: Новосельцев 1990: 125-128) и от положения которого зависит общая реконструкция маршрута похода арабского полководца. Существуют две основные гипотезы ее местоположения. Согласно одной из них, это название первой столицы хазар на Нижней Волге (см. например: Артамонов 2002: 234; Плетнева 1986: 39). По другой гипотезе город этот находился в современном Северном Дагестане. Допускалось даже полное отождествление трех хазарских «столиц», находившихся в Северном Дагестане: Ба-

3 Предлагались, время от времени, и другие варианты отождествления Нахр ас-сакалиба с различными водными артериями Восточной Европы, но широкого распространения они не получили. Так, например, А.А. Тортика попытался отождествить Нахр ас-сакалиба о которой идет речь у ал-Куфи с Кумой (Тортика 2006: 280-288). При рассмотрении источников, которое нами предпринимается ниже, станет ясно, что это отождествление, равно как и попытки представить «Славянскую реку» ал-Куфи Кубанью, Араксом и т.д., безосновательно. Совершенно невероятно, чтобы арабы приняли за славян какой-то кавказский народ: этот регион и его обитатели были им хорошо знакомы.

4 Высказывалось также предположение, что у ал-Куфи Нахр ас-сакалиба – не более чем литературный штамп (возможно, заимствованный им у Ибн Хордадбеха или Ибн ал-Факиха) (Калинина 2007: 162). На наш взгляд, для такого предположения нет оснований.

5 По словам А.П. Новосельцева «поражение хазар на этот раз по своим последствиям уступало лишь разгрому каганата в 60-х гг. X в. русами князя Святослава» (Новосельцев 1990: 276).

6 До похода 737 г. Марван совершал и другие походы против Хазарии, которые были не столь грандиозны и не имели таких разрушительных для нее последствий.

7 В частности, в нем указан иной год нападения Марвана на славян и оно не связывается напрямую с походом на Хазарию. Есть там и ряд других любопытных деталей, о чем далее.

вернуться к оглавлению ▲

ланджара[8], Самандара[9] и ал-Байда' (Заходер 1962: 183), для чего нет никаких оснований, равно как и для отождествления Самандара и ал-Байда' (Новосельцев 1990: 128; 2000а: 374), основанного на том, что оба эти названия являются семантически тождественными и этимологизируются как «белый город» (Самандар) и «белая» (ал-Байда'). Однако, во-первых, подобные названия городов были весьма распространены в Хазарии (вспомним, хотя бы Саркел, название которого означает «белая крепость»). Особенно важно, что и одна из частей Итиля носила название *Сарашен* – «желтый (город)», арабским аналогом которого вполне могло быть ал-Байда' – «белая» (Артамонов 2002: 398). Во-вторых, авторы, повествующие о походе Марвана (ал-Куфи, ибн Хаййата и др.) упоминают Самандар и ал-Байда' вместе как *разные* города, поэтому отождествлять их невозможно. Причем, судя по всему, ал-Байда' находилась *севернее* Самандара (Марван взял Самандар и двинулся на ал-Байда')[10]. Так что, наиболее вероятно, что речь действительно идет о первой столице хазар на Нижней Волге, ставшей впоследствии частью Итиля. Второй его частью стал город Хамлидж, хотя, по-видимому, слияние их произошло далеко не сразу, а лишь в IX в., так как еще Ибн Хордадбех упоминает вместо одного Итиля два отдельных города: Хамлидж и ал-Байда' (Ибн Хордадбех 1986: 124). Именно поэтому город ал-Байда' впоследствии исчезает со страниц источников и не упоминается ни в каких рассказах о последующих событиях. Любопытно, что ал-Масуди рассказывает о древних хазарских столицах Баланджаре и Самандаре и о переносе хазарами, вследствие похода Марвана, столицы из Самандара в Итиль (Галкина 2006: 312. Примеч. 4). Судя по всему, имя нового города уже заслонило древнее название одной из его частей, бывшей некогда отдельным городом.

Учитывая нижневолжское расположение города ал-Байда', можно уверенно говорить о том, что в данном рассказе под «Славянской рекой» понимается Волга. Арабские войска, разгромив центры каганата, находившиеся в современном Дагестане, двигались в направлении ал-Байда', где находился хазарский каган, который при приближении арабских войск бежал, очевидно, на север вдоль волжских берегов: так как он не был готов к битве ему не было никакого смысла переходить на правый берег реки, по которому двигалась арабская армия. Марван, твердо намереваясь добиться в этой войне полного разгрома Хазарии, последовал за ним, причем дошел до земель, находившихся «за Хазарией», где и произошло его столкновение со славянами и «другими соседними племенами неверующих», а затем и разгром хазарского войска. Видимо, Марван достиг тех мест, где проживали славяне – потомки носителей именьковской культуры. Иного объяснения этому известию нет и оно подтверждает позицию тех археологов, которые считают, что какая-то часть «именьковцев» осталась в Среднем Поволжье после конца VII в.

Интересные подробности относительно дальнейшей судьбы захваченных в плен славян сообщает ал-Балазури: «Марван совершил набег на *ас-сакалиба*, которые были в стране хазар, взял в плен из их числа 20 000 семей и расселил их в Кахетии. Потом они убили своего властителя и бежали, но их догнали и перебили» (Калинина 2007: 160)[11].

Решение Марвана о переселении славян[12], возможно, было вызвано арабским опытом использования славян в качестве стражей и военных поселенцев на приграничных территориях. Например, у кордовских эмиров и халифов существовала «славянская гвардия». Переходя из Византии в арабские владения на Ближнем Востоке, славяне расселялись большими массивами в Сирии и других областях арабского мира, пополняя войска халифов (Левицкий 1964: 6-15; Мишин 2002: 101-136). Практику использования славян в качестве федератов практиковал и сам Марван, став халифом (Гаркави 1870: 37; Мишин 2002: 114). Очень интересно и то, что, как указывает В.М. Бейлис, «хаджибом (придворным, ведавшим внутренними покоями резиденции, камергером) халифа Марвана (Марван стал халифом в 744 и был им до 750 гг. – *М.Ж.*) был неизвестный нам ближе Саклаб, возможно, вольноотпущенник из числа пленных ас-сакалиба, захваченных во время походов Марвана на север от Кавказа» (Бейлис 2000: 51. Примеч. 3 к части XIX).

Любопытные данные о нападении Марвана на славян, которые отличаются от сведений ал-Куфи и ал-Балазури, приводит Халифа ибн Хайята ал-'Усфури. Описание самого похода 737 г. у него очень лаконично и не содержит никаких сведений о столкновении Марвана со славянами: «В этом году Марван ибн Мухаммад предпринял дальний поход из Арминии (Общее название Закавказья, принятое в арабской литературе – М.Ж.). Он проник в ворота алан (*Баб ал-Лан* – Дарьяльское ущелье – М.Ж.), прошел землю ал-Лан (землю алан – М.Ж.), затем вышел из нее в страну хазар и прошел Баланджар и Самандар и дошел до ал-Байда', в которой пребывает хакан. Хакан бежал из города» (Бейлис 2000: 43).

Сведений о дальнейших боевых действиях Марвана с хазарами и славянами здесь нет. Зато под 114/732-733 г. Халифа ибн Хайята приводит уникальные сведения:

8 Возможно, Баланджар – это известное археологам городище близ села Верхний Чир-Юрт на реке Сулак (Магомедов 1983: 46 и сл.).

9 Возможно, тождественен известному археологам городищу на месте нынешнего селения Тарки близ Махачкалы (Магомедов 1983: 52-60).

10 Ошибочное отождествление А.П. Новосельцевым Самандара и ал-Байда' легло в основу построений Н.А. Лифанова о маршруте похода Марвана (Лифанов 2010: 305-309).

11 Сочинение ал-Балазури было известно в науке до того, как стали известны данные ал-Куфи, которые были введены в научный оборот А.З.В. Тоганом. До этого ученые располагали лишь сведениями о столкновении Марвана со славянами без упоминания «славянской реки» (Коновалова 2013: 191) и, соответственно, локализации места этого столкновения. Поэтому, например, А.Я. Гаркави полагал, что речь здесь идет о славянах, служивших хазарскому кагану (Гаркави 1870: 41-43), а В.В. Бартольд считал, что в источнике говорится о славянах, проживающих в Хазарии (Бартольд 1963: 870-871). Славяне в Хазарии действительно жили, но едва ли их там было столько. Даже, если названная арабскими авторами цифра славянских пленных сильно завышена, то все равно речь должна идти о весьма значительном их количестве, которое могло быть захвачено только в коренных славянских регионах, до одного из которых, как следует из сообщения ал-Куфи (оно еще не было известно А.Я. Гаркави и В.В. Бартольду), дошел Марван.

12 Данные о следах пребывания переселенных Марваном славян на Кавказе и о возможности других случаев их проникновения в этот регион см.: Жих 2011а: 64-69.

«Сказал Абу Халид со слов Абу-л-Бара’а: «Марван выступил в сто четырнадцатом году и [продвигался], пока не перешел реку *ар-Р.мм*. Он убивал, угонял в плен и совершал набеги на *ас-сакалиба*» (Бейлис 2000: 42).

Другие авторы (см. например: ал-Куфи 1981: 48) под этим годом сообщают о походе Марвана на хазар, который закончился, в сущности, безрезультатно (если не считать захваченного скота) из-за погодных условий (шли почти непрерывные дожди и дороги сделались непроходимыми) (об этом походе см.: Артамонов 2002: 232; Плетнева 1986: 38), но ничего не упоминают о столкновении Марвана со славянами. В то же время, Халифа ибн Хаййата под этим годом ничего не говорит о походе против хазар[13]. Видимо, у него имеет место определенная путаница относительно походов Масламы и Марвана против Хазарии. Поэтому, вероятнее всего, этот рассказ следует связывать с «усеченным» описанием похода 737 г., которое имеется у нашего автора и считать их частями повествования об одном и том же походе Марвана – походе 737 г.

Для локализации места столкновения Марвана со славянами мы в данном рассказе имеем лишь один ориентир – реку *ар-Р.мм*. Это название больше не встречается в арабской литературе, поэтому локализация этой реки представляет собой серьезную проблему. В.М. Бейлис лишь осторожно отметил, что, по всей видимости, это «одна из больших рек, протекающих севернее Кавказского хребта» (Бейлис 2000: 51. Примеч. 2 к части XIX). Н.Г. Гараева считает, что это, возможно, Аракс или ал-Лан (Гараева 2002: 461). Однако, ничего не известно о проживании славян вблизи этих рек. С большой долей уверенности можно предположить, что *ар-Р.мм* – это искаженный вариант названия Волги, которая в античной традиции была известна, как *Ра* (*Оар*, *Аракс*, *Рос*). Античное название Волги отражает ее древнее иранское имя. Возможно, она же фигурирует в Авесте как *Рангха*, *Ранха*. От североиранских народов (скифов, сарматов и т.д.) это название переняли и финно-угры (Подосинов 2000: 230-239; 2007: 70-85). Именно под своим античным именем она была известна и ранним арабским ученым (Калинина 2007: 135-138). Видимо, в тексте Халифы ибн Хаййата мы имеем дело с искаженным античным названием Волги. Это полностью согласуется с данными ал-Куфи о месте столкновения Марвана со славянами. Если это предположение верно, то Халифа ибн Хаййата локализует место столкновения Марвана со славянам там же, где и ал-Куфи – на волжских берегах. В походе 732 г. Марван никак не мог зайти так далеко.

В том, что Марван достиг Среднего Поволжья ничего невероятного, вопреки мнению некоторых исследователей, нет. Тоже самое сделали еще две армии, также вторгшиеся в пределы Восточной Европы через Северный Кавказ: войска Джебе и Субедея и рати Тамерлана. Видимо, маршрут похода Марвана был примерно аналогичен маршруту похода Тамерлана и его сражение с Хазарами произошло, по всей вероятности, примерно в том же районе, что и битва Тимура с Тохтамышем. Поход Марвана отличался от всех более ранних арабских походов на Хазарию как своими масштабами, так и теми целями, которые он преследовал (полное устранение «хазарской проблемы»). Соответственно, Марван был полон решимости разгромить хазарские войска, а потому преследовал их до конца. Интересно, что враги Марвана прозвали его «глухим» – не слушающим «голоса разума», отмечая, таким образом, его склонность к смелым и нестандартным действиям.

Другие известия арабских авторов подтверждают правильность именно средневолжской локализации встреченных Марваном *ас-сакалиба* и отождествления *Нахр ас-сакалиба* с Волгой. *Нахр ас-сакалиба* – «Славянской рекой» – называет проделанный им путь по Волге от Булгара до впадения в нее Оки и далее вверх по Оке к Десне, Днепру и Киеву арабский путешественник XII века Абу Хамида ал-Гарнати (ал-Гарнати 1971: 35. Анализ этого известия см.: Жих 2011а: 39-42). Аналогично называют путь от Азовского моря вверх по Дону, далее волоком в Волгу и вниз по этой реке Ибн Хордадбех и Ибн ал-Факих ал-Хамадани (анализ их соответствующих известий см.: Жих 2011а: 43-54). В сообщении об этом пути отразились существующие в арабской традиции представления о Доне как о рукаве Волги (Галкина 2010: 60), основанные частью на античной географии, а частью именно на существовании волго-донского пути: «реки» средневековой арабо-персидской географии (особенно в малоизвестных восточным ученым регионах) – это, прежде всего, торговые магистрали (Галкина 2006: 231).

Еще более любопытно то, что Ибн Хордадбех говорит о том, что Хамлидж – хазарский город в низовьях Волги – расположен на реке, которая течет из «страны славян» (*билад ас-сакалиба*) (Ибн Хордадбех 1986: 109. Анализ этого известия и его связи с гидронимом *Нахр ас-сакалиба* у Ибн Хордадбеха см.: Жих 2011а: 48-49). При этом арабы знали Волгу лишь от пределов Волжской Болгарии, далее они туманно представляли себе локализацию ее истоков и искали их «далеко на востоке: в земле киргизов между гузами и кимаками, в «северных горах» где-то на севере Алтая и т.п.» (Галкина 2006б: 378).

Важный характер имеют сведения, содержащиеся в «Записке» (*Рисала*) Ахмеда Ибн Фадлана – участника отправленного халифом аль-Муктадиром в 922 г. посольства к правителю Волжской Болгарии, которого он последовательно (всего 12 раз) именует *маликом ас-сакалиба* – «государем славян»[14], дважды называет всю подвластную ему страну «страной славян»: «И когда прибывает корабль из страны (города) хазар в страну (город) славян, то царь выезжает верхом и пересчитывает то, что в нем (имеется), и берет из всего этого десятую часть» (Ибн Фадлан 1939: 78); «Хазары и царь их все иудеи, и славяне и все, кто соседит с ними, (находятся) в покорности у него (царя), и он обращается к ним (словесно), как к находящимся в рабском состоянии,

13 Видимо, он ошибочно приписал этот поход Масламе ибн ‘Абд ал-Малику, который был наместником Закавказья перед Марваном (Бейлис 2000: 39-40). Описание похода Масламы, данное у Халифа ибн Хаййата, полностью соответствует описанию у других авторов похода Марвана, предпринятого уже после отъезда Масламы из Закавказья, то есть примерно в 732 г.

14 Показательно уже само название «Записки» Ибн Фадлана: «Книга Ахмада Ибн Фадлана ибн-аль-‘Аббаса ибн Рашида ибн-Хаммада, клиента Мухаммада ибн-Сулаймана, посла аль-Муктадира к царю славян» (Ибн Фадлан 1939: 55).

вернуться к оглавлению ▲

и они повинуются ему с покорностью» (Ибн Фадлан 1939: 86).

И один раз упоминает «славян» в начале своей записки в числе народов, которые он видел и в землях которых побывал: «Это – [Книга Ахмада Ибн Фадлана ибн-аль-ʻАббаса ибн Рашида ибн-Хаммада, клиента Мухаммада ибн-Сулаймана, посла аль-Муктадира к царю славян], в которой он сообщает о том, что он сам видел в стране турок, хазар, руссов, славян, башкир и других (народов)» (Ибн Фадлан 1939: 55).

Учитывая то, что волжские болгары здесь не названы, вполне очевидно, что именно они и поименованы нашим автором «славянами».

Из всего блока известий о поволжских *ас-сакалиба* это первым попало в поле зрения ученых и такое словоупотребление Ибн Фадлана сразу поставило их в своеобразный тупик: как уже говорилось, это единственный случай, когда автор, лично побывавший в Восточной Европе, кажется, именует *ас-сакалиба* не славян. А.Я. Гаркави предположил, что данный факт связан с тем, что славяне составляли немалое число жителей Волжской Болгарии (Гаркави 1870: 105), однако такой вывод в то время не имел под собой серьезной опоры в источниках и потому не получил распространения. Подобная ситуация, когда славянам в составе населения Волжской Болгарии не находилось места, привела некоторых исследователей к выводу о том, что у Ибн Фадлана этот этноним применен расширительно и что он в арабской традиции мог обозначать не только славян, но и другие народы Восточной Европы: тюрок, финно-угров и т.д., о чем шла речь в начале статьи. Однако, больше примеров такого «расширительного» употребления арабскими авторами этнонима *ас-сакалиба* неизвестно, что делает такое предположение очень шатким.

Д.Е. Мишин недавно предположил, что мы имеем тут дело с простой ошибкой арабского автора: по мнению ученого *маликом ас-сакалиба* именовал себя царь Алмуш в послании к халифу ал-Муктадиру с целью «показать себя мощным правителем, которому повинуются многие народы, и с которым, следовательно, выгодно поддерживать союзнические отношения», что и отразилось в «Записке» Ибн Фадлана (Мишин 2002: 29-33; 2007: 100-109). Но и это объяснение не выглядит убедительным. Во-первых возникает вопрос: почему Алмуш в числе своих (реальных или мнимых) подданных так выгородил славян, что не упомянул других своих подданных? Это не находит никакого объяснения. Во-вторых, Д.Е. Мишин не учел того, что именование Алмуша «государем славян», а его подданных «славянами» исходило именно от самого Ибн Фадлана, в то время как сам Алмуш называл себя «царем Булгара», что было подмечено еще А.П. Ковалевским (Ковалевский 1954: 33-34): «на его минбаре уже провозглашали за него хутбу: «О, Аллах! сохрани (в благополучии) царя Балтавара, царя Булгара» (Ибн Фадлан 1939: 68); «он (хатиб) стал провозглашать за него (царя) хутбу: “О, Аллах! сохрани раба твоего Джаʼфара ибн-ʼАбдаллаха, повелителя (эмира) Булгара, клиента повелителя правоверных”» (Ибн Фадлан 1939: 68).

Это говорит о том, что в определении жителей Среднего Поволжья, как славян, Ибн Фадлан скорее следовал определенной традиции, сложившейся в арабском мире, другие примеры которой были приведены выше. И у нас есть все основания полагать, что за этой традицией стоял реальный исторический факт – проживание в Среднем Поволжье «именьковцев» и, вероятно, их потомков. Поэтому в объяснении употребления этого этнонима Ибн Фадланом мы считаем логичным вернуться к позиции А.Я. Гаркави (ср.: Седов 2002: 254-255; Галкина 2006: 344-345; 2006б: 382). Это тем более логично сделать, что согласно свидетельству Ад-Димашки, также привлеченному ученым, паломники из Волжской Болгарии, бывшие в 433 г.х. (1041-1042 гг.) в Багдаде, на вопрос кто они отвечали, что их народ – это смесь тюрок и *сакалиба* (Гаркави 1870: 105). Данное свидетельство полностью подтверждает позицию тех археологов, которые говорят о включении потомков славян-«именьковцев» в состав населения Волжской Болгарии. В этой связи любопытно, что в описании Ибн Фадланом быта жителей Волжской Болгарии имеются как элементы кочевой жизни (юрты), так оседлой (дома, земляные ямы для хранения зерна и т.д.), а В.В. Седов и Г.И. Матвеева именно с именьковским наследием связывали весьма быстрое оседание болгар на землю.

Обращает на себя внимание и еще одно обстоятельство, являющееся прямой параллелью к известию Ад-Димашки: спутниками посла Сусана ар-Расси и Ибн Фадлана были *Такин ат-Турки* (тюрок) и *Барис ас-Саклаби* (славянин) (Ибн Фадлан 1939: 55). По всей видимости, именно известная арабам двусоставность населения Волжской Болгарии побудила посольство взять с собой, по всей видимости в качестве переводчиков, тюрка и славянина. Переданное Ибн Фадланом имя *Барис* (также возможно его прочтение как *Барас* или *Барус*: Ибн Фадлан 1939: 90) сближают с тюркским *Барс* (Ибн Фадлан 1939: 90), однако это мало что значит: имена легко перенимали, тем более в условиях этнокультурного синтеза (который по Ад-Димашки имел место в Волжской Болгарии) или проживания в иноэтничной среде. Если же допустить, что *ас-сакалиба* – это просто ошибочное наименование волжских болгар (тюрок), то присутствие в составе посольства одновременно и «Тюрка» и «Славянина» необъяснимо. Последний, очевидно, должен был или быть славянином или, как минимум, владеть славянским языком (и выступать в качестве переводчика), за что и получил свою нисбу, которую обычно носили в арабском мире оказавшиеся там славяне[15].

Любопытное этногенетическое предание, также, вероятно, связанное с именьковскими славянами передает Гардизи в своем сочинении «Зайн ал-Ахбар» (XI в.): «<Одни из вождей ас-сакалиба был вынужден удалиться из родных мест, т.к. совершил убийство румийца>… он пришел к хазарам, и хакан хазар принимал его хорошо, пока он не умер. Следующий хакан, однако, был сильно настроен против

15 Надо отметить и то, что в источниках зафиксированы славянские имена с похожим звучанием: польское Барса/Barsa (Морошкин 1867: 8) и древнерусское Барсан (Тупиков 1903: 40, 471).

него, и он вынужден был уйти из этого места. Отделившись вновь, он пришел к Басджирту. Басджирт происходил из знатных хазар и его местопребывание было между хазарами и кимаками. У него было 2000 конных воинов. Далее хан хазар послал человека к Басджирту, приказав ему выгнать Саклаба. Он сообщил это Саклабу, и тот удалился в область тогуз-огузов. Между ним и некоторыми из них были узы родства. Но когда он прибыл к месту на дороге между кимаками и тогуз-огузами, хан тогуз-огузов стал отдаляться от его собственного племени, обидевшись на них. Соответственно, многие из них были убиты им, рассеялись и стали по одному или по двое приходить к Саклабу. Всех, кто пришел, он принял и обходился с ними хорошо, пока они не стали многочисленны. Тогда Саклаб послал к Басджирту и присоединился к нему, пока не стал могущественным. Тогда он совершил набег на гузов, убил многих из них и многих захватил в плен, и так получил великое богатство, как в смысле награбленного добра, так и посредством пленных, которых всех продал (за выкуп). И племя, которое объединилось вокруг него, он назвал кыргызами (хирхиз). Вскоре вести о его богатстве достигли ас-сакалиба, и многие пришли к нему от ас-сакалиба вместе со своими семьями и имуществом. Они смешались с теми, кто был там раньше, и образовали родственные связи, пока не стали одним народом. Это причина, по которой свойства и характерные черты ас-сакалиба можно обнаружить среди кыргызов: красноватые волосы и белизну кожи» (Галкина 2006: 341-342; 2006б: 381).

По мнению Е.С. Галкиной, которая впервые привлекла данное известие к исследованию интересующего нас вопроса, в этом предании отражены события, археологический эквивалент которых исследуется Е.П. Казаковым, но как уже отмечалось, неверно им осмысляется как изначальная родственность именьковской и турбаслинской культур: миграция в VI-VII вв. части именьковского населения в Закамье, где она столкнулась с «турбаслинцами», принимавшими участие в этногенезе башкир и постепенно была ими ассимилирована (Казаков 1996: 40-57; 1998: 88-150). Эти и другие моменты в легенде отражают (в «спрессованном виде», что характерно для подобных преданий) реальные взаимоотношения славян-«именьковцев» и их соседей (Галкина 2006: 342-344; 2006б: 381-382). Детальное изучение зафиксированного Гардизи предания и его сопоставление с данными других источников и археологическими материалами еще впереди.

* * *

IV. СЛАВЯНЕ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ В ХАЗАРСКИХ ИСТОЧНИКАХ

Хазары знали Нижнее и Среднее Поволжье куда лучше арабов, ведь оно входило в состав их государства. К сожалению, хазарские источники до нас практически не дошли и единственным хазарским памятником, в котором имеется систематическое описание территорий, подвластных хазарам, является знаменитое письмо хазарского царя Иосифа, адресованное испанскому еврею Хасдаи ибн Шафруту[16]. В пространной редакции письма имеется перечисление народов, живущих вдоль волжских берегов: «У (этой) реки (Атил = Волга. – М.Ж.) расположены многочисленные народы... Вот их имена: *Бур.т.с*, *Бул.г.р*, *С.вар*, *Арису*, *Ц.р.мис*, *В.н.н.тит*, *С.в.р*, *С.л.виюн*. Каждый народ не поддается (точному) расследованию и им нет числа. Все они мне служат и платят дань», после чего «граница поворачивает по пути к *Хуварезму* (Хорезму – М.Ж.)» (Коковцов 1932: 98).

В краткой редакции перечисления поволжских народов нет, сказано просто про «девять народов, которые не поддаются точному распознанию и которым нет числа» (Коковцов 1932: 81). Об упоминаемом последним народе *С.л.виюн* речь у нас еще пойдет впереди. Идентификация большинства других упоминаемых Иосифом народов не вызывает особых проблем: *Бур.т.с* – это буртасы, *Бул.г.р* – волжские болгары, *Ц.р.мис* – черемисы, *Арису* – эрзя или удмурты. *В.н.н.тит*, как показала недавно тщательно исследовавшая этнонимию письма Иосифа Е.С. Галкина, вопреки распространенному мнению, не вятичи, так как в этом случае никак невозможно было бы сочетание подряд двух букв *нун* в этом этнониме, так как означает оно не удвоение, а присутствие между ними краткой гласной. Логичнее сопоставить этот народ с упоминаемым в начале письма Иосифа этносом *В.н.н.т.р* (с точки зрения графики такая конъектура вполне допустима) и отождествлять его с унногундурами (оногурами), которых знает на Средней Волге и автор анонимного географического трактата «Худуд ал-алам». Унногундуры в числе ряда тюркских племен юго-востока Европы мигрировали в Поволжье в конце VIII века (Галкина 2006: 336-339; 2006б: 379-380).

Интересны два почти идентичных этнонима: *С.вар* и *С.в.р.* (*Суур*). Обычно под одним из них понимают сувар, также откочевавших в конце VIII в. в Поволжье, а под другим – восточнославянских *северян*, но источник не дает для этого никаких оснований, четко локализуя все перечисленные этносы в Поволжье. Дабы обойти это препятствие, Е.С. Галкина предположила, что речь здесь идет о двух группах сувар, разделение которых упомянуто у Ибн Фадлана (Галкина 2006б: 380; 2006: 339), что одно время казалось убедительным и мне (Жих 2011а: 16), однако возможно и другое объяснение: один из этих двух этнонимов действительно относится к *северянам*, но не к тем, которые жили на Левобережье Днепра, а к какой-то группе потомков именьковского населения. Особенно в этой связи интересна указанная выше гипотеза о происхождении волынцевской культуры от именьковской: именно потомки «волынцевцев» – носители роменской культуры в древнерусских летописях именуются *север*, *северо* или *северяне*. И фиксация аналогичного этнонима Иосифом в Среднем Поволжье служит определенным подтверждением правоты данной гипотезы, хотя категорически утверждать это нель-

16 Данное письмо является достаточно сложным источником, так как отражает не столько реальные владения Хазарии, сколько с одной стороны представления о них хазарской элиты, а с другой является документом, написанным с вполне определенными политическими целями, связанными со стремлением Иосифа сформировать у своего адресата нужные представления о Хазарии и ее границах (Галкина 2006: 328-353; 2006а: 132-145; 2006б: 376-390).

зя: на славянской языковой почве[17] данный этноним мог развиться и независимо в разных частях славянского мира (подробнее о возможном наименовании какой-то части именьковского населения северянами см.: Жих 2015: 129-150).

Здесь пришло время вернуться к упомянутому выше этнониму *С.л.виюн*, которым в письме царя Иосифа завершается список поволжских народов и после которого граница Хазарии поворачивает к Хорезму. Связь этого названия с общим названием всех славофонных народов, бывшим также и непосредственным этнонимом ряда славянских «племен», несомненна. Но локализация его Иосифом настолько не укладывается в рамки традиционных представлений, что исследователи обычно просто игнорируют ее, понимая под *С.л.виюн* ту частью славян, «которая и согласно Повести временных лет платила дань хазарам» (Новосельцев 1990: 157). Делать это можно только при полном отрыве от контекста источника, ясно помещающего данный народ в Среднем Поволжье. Гораздо более логично объяснение Е.С. Галкиной, предположившей на основе анализа своеобразия формы этого этнонима в письме Иосифа и сопоставления его с наименованием славян в арабской традиции, что перед нами «эндоэтноним, непосредственно перенятый хазарами от одного из народов Поволжья» (Галкина 2006: 340; 2006б: 380). И таким народом могла быть только какая-то группа потомков именьковского населения, а сам этот эндоэтноним должен был звучать близко к форме *словене*[18]. Подобные имена, производные от общего самоназвания всех славяноязычных народов (точнее, ставшего таковым на определенном этапе), были достаточно распространены в славянском мире: *словаки*, *словенцы*, *словене ильменские*, *словинцы-кашубы* на побережье Балтики, *славонцы* в хорватской Славонии (Иванов, Топоров 2000: 415). Преимущественно они закреплялись на его окраинах – там, где славяне жили в иноэтничном окружении. Ситуация, при которой древнее самоназвание сохраняется преимущественно на окраинах расселения некоей этнической группы, в то время как в центральных ее частях оно постепенно утрачивается, весьма типична. Вспомним, к примеру, карпатских русинов, сохранивших древнерусское название *русин*, отразившееся еще в договорах Руси с Византией и относящееся в домонгольскую эпоху ко всему населению Киевской Руси (Суляк 2004: 9-10). Другой яркий пример, непосредственно относящийся к рассматриваемому вопросу, – это *словене* «ильменские», жившие в финском окружении. Ситуация с «именьковцами» была еще более показательна в этом плане – они жили полностью в инокультурном окружении и в полной изоляции от остальных праславянских групп, что привело к тому, что их культура значительно отличалась от других синхронных ей культур «славянского круга» (пражской, пеньковской и т.д.).

Когда возник этноним *словене* и к какой части славофонного населения он первоначально относился, мы точно не знаем. По совокупности источников можно говорить о том, что в VI-VII вв. он относился преимущественно к населению пражской археологической культуры (Русанова 1976; Седов 1995: 7-39; 2002: 295-323; Гавритухин 2009: 18-21). Однако ничто не мешает предположить, что возник он еще во времена, предшествовавшие миграции какой-то группы будущих «именьковцев» в Поволжье и охватывал ее наряду с предками «пражцев». В том, что какая-то группа «именьковцев» именовалась *словенами*, в то время как другая *северянами* (а иные могли носить еще какие-то названия, не отразившиеся в дошедших до нас источниках) нет ничего удивительного, ведь в сложении этой культуры приняли участие разновременные миграционные волны из разных частей праславянского ареала, которые принесли на берега Волги разные этнонимы, ставшие именам разных именьковских племен.

* * *

Подведем некоторые итоги. Проведенный анализ показывает, что существует целый блок восточных источников, которые помещают в Среднем Поволжье *ас-сакалиба*-славян, единственным археологическим соответствием которым является население, оставившее памятники именьковской археологической культуры. Учитывая то, что относятся эти известия к VIII-X вв., они являются важным независимым подтверждением позиции тех археологов (П.Н. Старостин, Г.И. Матвеева, В.В. Седов А.В. Богачев и т.д.), которые считают, что часть «именьковцев» не покинула Волго-Камье и их потомки влились впоследствии в состав населения Волжской Болгарии. Письменные источники позволяют определить и вероятные имена славянских «именьковских» групп. Письмо хазарского царя Иосифа фиксирует в Среднем Поволжье *словен*; фиксация в том же источнике в Среднем Поволжье «лишнего» этноса, имя которого может быть интерпретировано как *север/северяне* свидетельствует в пользу гипотезы В.В. Седова о миграции в конце VII – начале VIII вв. именьковского населения на юго-запад, где его потомки стали ядром сложения волынцевской культуры.

17 Именно славянская этимология этнонима север/северяне (*sěver(‘)ane) производного от названия страны света (*sěver, север) является наиболее обоснованной (Трубачев 2002: 386).

18 Объяснений присутствию этого названия в X в. может быть несколько: оно могло быть связано с проживавшими в регионе потомками «именьковцев», могло сохраниться как реликт, и т.д.

ЛИТЕРАТУРА

ал-Гарнати 1971 – Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131-1153) / Публикация О.Г. Большакова, А.Л. Монгайта. М.: Главная редакция восточной литературы, 1971. 136 с.

ал-Куфи 1981 – Абу Мухаммад Ахмад ибн А‘сам ал-Куфи. Книга завоеваний (извлечения по истории Азербайджана VII-IX вв.) / Перевод с арабского З.М. Буниятова. Баку: Элм, 1981. 84 с.

Артамонов 2002 – Артамонов М.И. История хазар. Второе издание. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2002. 560 с.

Баран 1997 – Баран В.Д. Венеди, склавіни, та анти у світлі археологічих джерел // Проблемы славянской археологии. Труды VI Международного Конгресса славянской археологии. Т. I. М.: Фонд археологии, 1997. С. 154-165.

Бартольд 1963 – Бартольд В.В. Сочинения. Т. II. Ч. 1. Общие работы по истории Средней Азии. Работы по истории Кавказа и Восточной Европы. М.: Издательство восточной литературы, 1963. 1020 с.

Бейлис 2000 – Бейлис В.М. Сообщения Халифы ибн Хаййата ал-'Усфури об арабо-хазарских войнах в VII – первой половине VIII в. // Древнейшие государства Восточной Европы. 1998. М.: Восточная литература, 2000. С. 32-53.

Богачев 2011 – Богачев А.В. Славяне, германцы, гунны, болгары на Средней Волге в I тыс. н.э.: Историко-археологическое исследование. LAP LAMBERT Academic Publishing, 2011. 340 с.

Вязов 2011 – Вязов Л.А. Социально-экономическое развитие населения Среднего Поволжья в середине I тысячелетия н.э. (по материалам именьковской культуры). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Казань, 2011. 21 с.

Гавритухин 2009 – Гавритухин И.О. Понятие пражской культуры // Труды Государственного Эрмитажа. Т. XLIX. СПб.: Издательство Государственного Эрмитажа, 2009. С. 7-25.

Гавритухин, Обломский 1996 – Гавритухин И.О., Обломский А.М. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. М.: Институт археологии РАН, 1996. 296 с.

Галкина 2006 – Галкина Е.С. Номады Восточной Европы: этносы, социум, власть (I тыс. н.э.). М.: Прометей, 2006. 548 с.

Галкина 2006а – Галкина Е.С. Территория Хазарского каганата IX – первой половины X вв. в письменных источниках // Вопросы истории. 2006. № 9. С. 132-145.

Галкина 2006б – Галкина Е.С. Данники Хазарского каганата в письме царя Иосифа // Сборник Русского исторического общества. Т. 10 (158). Россия и Крым. М.: Русская панорама, 2006. С. 376-390.

Галкина 2010 – Галкина Е.С. Этносы Восточной Европы в цикле «О тюрках» арабской географической литературы // Rossica antiqua. 2010. № 1. С. 54-98.

Галкина 2014 – Галкина Е.С. К интерпретации термина сакалиба в отчёте Ибн-Фадлана // Восток (Oriens). 2014. № 6. С. 24-31.

Гараева 2002 – Гараева Н.Г. Сведения арабских и персидских источников о походах к северу от Дербента (22/642-43 и 119/737 гг.) // История татар с древнейших времен в семи томах. Т. I. Народы степной Евразии в древности. Казань: Рухият, 2002. С. 440-471.

Гаркави 1870 – Гаркави А.Я. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских. СПб., 1870. 315 с.

Генинг 1959 – Генинг В.Ф. Очерки этнических культур Прикамья в эпоху железа // Труды Казанского филиала АН СССР. Серия гуманитарных наук. Вып. 2. Казань: КФ АН СССР, 1959. С. 157-219.

Генинг 1961 – Генинг В.Ф. К вопросу о продвижении сибирского населения в Западное Приуралье // Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск: Издательство Сибирского отделения АН СССР, 1961. С. 329-336.

Гольмстен 1946 – Гольмстен В.В. Буртасы // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. 1946. Вып. XIII. С. 17-25.

Жих 2008 – Жих М.И. Проблема локализации «славянской реки» арабской историко-географической литературы раннего средневековья и вопрос о расселении славян в Поволжье в VI-IX вв. // Ключевские Чтения – 2008. Отечественная история и культура: единое пространство в прошлом, настоящем и будущем: Материалы Межвузовской научной конференции. Сборник научных трудов. М., 2008. С. 138-154.

Жих 2011 – Жих М.И. К вопросу об отражении проживания славян в Среднем Поволжье в I тыс. н.э. в письменных источниках // Труды Первой Международной конференции «Начала Русского мира», состоявшейся 28-30 октября 2010 г. / Ред. коллегия: А.Н. Сахаров (председатель) и др. СПб.: БЛИЦ, 2011. С. 121-138.

Жих 2011а – Жих М.И. Ранние славяне в Среднем Поволжье (по материалам письменных источников). СПб.; Казань: Вестфалика, 2011. 91 с.

Жих 2013 – Жих М.И. Арабская традиция об ас-сакалиба в Среднем Поволжье и именьковская культура: проблема соотношения // Страны и народы Востока. Вып. XXXIV. М.: Восточная литература, 2013. С. 165-186.

Жих 2014 – Жих М.И. Ранние славяне в Среднем Поволжье: сведения письменных источников и возможности их сопоставления с данными археологии // Поликультурный мир Среднего Поволжья: социально-антропологические и исторические аспекты: монография. В двух томах. Т. I / Отв. ред. А.В. Овчинников. Казань: Издательство КНИТУ, 2014. С. 41-67.

Жих 2015 – Жих М.И. Заметки о раннеславянской этнонимии (славяне в Среднем Поволжье в I тыс. н.э.) // Исторический формат. 2015. № 4. С. 129-150.

Жих 2016 – Жих М.И. Проблема этнической атрибуции носителей именьковской культуры в науке 1950-х – 2000-х годов // Вояджер: мир и человек. 2016. № 6. С. 57-65.

Заходер 1962 – Заходер Б.Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Т. I. М.: Издательство восточной литературы, 1962. 280 с.

Ибн Фадлан 1939 – Ковалевский А.П. Путешествие Ибн Фадлана на Волгу. Перевод и комментарий / Под редакцией академика И.Ю. Крачковского. М.: Издательство АН СССР, 1939. 193 с.

Ибн Хордадбех 1986 – Ибн Хордадбех. Книга путей и стран / Перевод с арабского, комментарии, исследование, указатели и карты Н. Велихановой. Баку: Элм, 1986. 428 с.

Иванов, Топоров 2000 – Иванов В.В., Топоров В.Н. О древних славянских этнонимах. Основные проблемы и перспективы // Из истории русской культуры. Т. 1 (Древняя Русь). М.: Языки русской культуры, 2000. С. 413-440.

Казаков 1996 – Казаков Е.П. К вопросу о турбаслинско-именьковских памятниках Закамья // Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. Самара, 1996. С. 40-57.

Казаков 1998 – Казаков Е.П. Коминтерновский II могильник в системе древностей эпохи тюркских каганатов // Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. (вопросы хронологии). Самара, 1998. С. 88-150.

Калинин 1955 – Калинин Н.Ф. Древнейшее население на территории Татарии // История Татарской АССР. Т. I. Казань: Таткнигиздат, 1955. С. 11-45.

Калинин, Халиков 1954 – Калинин Н.Ф., Халиков А.Х. Итоги археологических работ за 1945-1952 гг. Казань: Таткнигоиздат, 1954. 128 с.

Калинина 2007 – Калинина Т.М. Водные пути сообщения Восточной Европы в представлениях арабо-персидских авторов IX-X вв. // Джаксон Т.Н., Калинина Т.М., Коновалова И.Г., Подосинов А.В. «Русская река»: Речные пути Восточной Европы в античной и средневековой географии. М.: Языки славянских культур: Знак, 2007. С. 101-172.

Кляшторный 1964 – Кляшторный С.Г. Древнейшее упоминание славян в Нижнем Поволжье // Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. Т. I. М.: Наука, 1964. С. 16-18.

Кляшторный 2001 – Кляшторный С.Г. Межкультурный диалог на Великом Волжском пути: исторический аспект // Великий Волжский путь. Материалы Круглого стола и Международного научного семинара. Казань: Мастер-Лайн, 2001. С. 56-60.

Кляшторный 2005 – Кляшторный С.Г. Праславяне в Поволжье // Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Степные империи древней Евразии. СПб.: Издательство СПбГУ, 2005. С. 68-72.

Кляшторный 2013 – Кляшторный С.Г. О славянах Среднего Поволжья и о коллегах-славистах // Средневековье. Великое переселение народов (по материалам археологических памятников Самарской области). Самара, 2013. С. 67-72.

Кляшторный, Старостин 2002 – Кляшторный С.Г., Старостин П.Н. Праславянские племена в Поволжье // История татар с древнейших времен. Т. I. Народы степной Евразии в древности. Казань: Рухият, 2002. С. 210-217.

Ковалевский 1954 – Ковалевский А.П. Чуваши и булгары по данным Ахмада ибн-Фадлана. Чебоксары: Чувашгосиздат, 1954. 64 с.

Коковцов 1932 – Коковцов П.К. Еврейско-хазарская переписка в X в. Л.: Издательство АН СССР, 1932. 134 с.

Коновалова 2013 – Коновалова И.Г. Восточные источники // Древняя Русь в свете зарубежных источников / Под редакцией Е.А. Мельниковой. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2013. С. 160-248.

Краснов, Смирнов 1969 – Краснов Ю.А., Смирнов А.П. Рецензия на книгу: Старостин П.Н. Памятники именьковской культуры. М., 1967 // Советская археология. 1969. № 2. С. 291-296.

Левицкий 1964 – Левицкий Т. Из научных исследований арабских источников // Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. Т. I. М.: Наука, 1964. С. 6-15.

Лифанов 2010 – Лифанов Н.А. Еще раз о «славянах» на Волге и арабском походе на Хазарию // Археология Нижнего Поволжья: проблемы, поиски, открытия. Материалы III Международной Нижневолжской археологической конференции (Астрахань, 18-21 октября 2010 г.). Астрахань, 2010. С. 305-309.

Магомедов 1983 – Магомедов М.Г. Образование Хазарского каганата (по материалам археологических исследований и письменным данным). М.: Наука, 1983. 225 с.

Матвеева 1981 – Матвеева Г.И. О происхождении именьковской культуры // Древние и средневековые культуры Поволжья. Куйбышев, 1981. С. 52-73.

Матвеева 1986 – Матвеева Г.И. Этнокультурные процессы в Среднем Поволжье в I тыс. н.э. // Культуры Восточной Европы I тысячелетия. Куйбышев, 1986. С. 158-171.

Матвеева 1988 – Матвеева Г.И. К вопросу об этнической принадлежности племен именьковской культуры // Славяне и их соседи. Место взаимных влияний в процессе общественного и культурного развития. Эпоха феодализма (сборник тезисов). М.: Наука, 1988. С. 11-13.

Матвеева 1997 – Матвеева Г.И. Могильники ранних болгар на Самарской Луке. Самара: Самарский университет, 1997. 226 с.

Матвеева 1997а – Матвеева Г.И. Некоторые итоги изучения именьковской культуры // Этногенез и этнокультурные контакты славян. Труды VI Международного Конгресса славянской археологии. Т. III. М.: Фонд археологии, 1997. С. 206-217.

Матвеева 2004 – Матвеева Г.И. Среднее Поволжье в IV-VII вв.: именьковская культура. Самара: Самарский университет, 2004. 168 с.

Мишин 2002 – Мишин Д.Е. Сакалиба (славяне) в арабском мире в раннее средневековье. М.: Крафт плюс, 2002. 368 с.

Мишин 2007 – Мишин Д.Е. Почему Ибн-Фадлан называет поволжских болгар славянами? // Арабский Восток. Сборник статей. М., 2007. С. 100-109.

Морошкин 1867 – Морошкин М.Я. Славянский именослов, или собрание славянских личных имён в алфавитном порядке. СПб., 1867. 323 с.

Напольских 1996 – Напольских В.В. Протославяне в Нижнем Прикамье в середине I тыс. н.э. Данные пермских языков // Христианизация Коми края и ее роль в развитии государственности и культуры. Т. II. Филология. Этнология. Сыктывкар: КНЦ УрО РАН, 1996. С. 197-206.

Напольских 2006 – Напольских В.В. Балто-славянский языковой компонент в Нижнем Прикамье в середине I тыс. н.э. // Славяноведение. 2006. № 2. С. 3-19.

Насибуллин 1992 – Насибуллин Р.Ш. К проблеме этнической принадлежности носителей именьковской археологической культуры // Вестник Удмуртского университета. 1992. № 6. С. 76-79.

Новосельцев 1990 – Новосельцев А.П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М.: Наука, 1990. 264 с.

Новосельцев 2000 – Новосельцев А.П. Восточные источники о восточных славянах и Руси VI-IX вв. // Древнейшие государства Восточной Европы. 1998. М.: Восточная литература, 2000. С. 264-323.

Новосельцев 2000а – Новосельцев А.П. К вопросу об одном из древнейших титулов русского князя // Древнейшие государства Восточной Европы. 1998. М.: Восточная литература, 2000. С. 367-379.

Овчинников 2009 – Овчинников А.В. Древняя и средневековая история Волго-Уралья в трудах советских ученых: А.П. Смирнов. Казань, 2009. 131 с.

Овчинников 2009а – Овчинников А.В. Славянское присутствие // Звезда Поволжья. № 19 (470). 21-27 мая 2009 г. С. 4.

Овчинников 2009б – Овчинников А.В. Дешёвая историография (ответ И.Л. Измайлову) // Звезда Поволжья. № 26 (477) – 31(482).

Овчинников 2016 – Овчинников А.В. Антропологический подход в изучении историографии именьковской культуры: опыт применения // Исторический формат. 2016. № 3. С. 151-169.

Плетнева 1986 – Плетнева С.А. Хазары. М.: Наука, 1986. 88 с.

Подосинов 2000 – Подосинов А.В. Еще раз о древнейшем названии Волги // Древнейшие государства Восточной Европы. 1998. М.: Восточная литература, 2000. С. 230-239.

Подосинов 2007 – Подосинов А.В. Гидрография Восточной Европы в античной и средневековой геокартографии // «Русская река»: Речные пути Восточной Европы в античной и средневековой географии. М.: Языки славянских культур: Знак, 2007. С. 13-100.

Приходнюк 1995 – Приходнюк О.М. Ще раз про пам'ятки волынцевского типу // Слов'яно – руськi старожитностi Пiвнiчного Лiвобережжя. Чернiгiв, 1995. С. 73-74.

Приходнюк 1998 – Приходнюк О.М. Пеньковская культура (Культурно-археологический аспект исследования). Воронеж: Воронежский университет, 1998. 170 с.

Приходько 2011 – Приходько В.В. К вопросу об этноязыковой атрибуции именьковской археологической культуры // Симбирский научный вестник. 2011. № 2 (4). С. 42-47.

Расторопов 2009 – Расторопов А.В. Вопросы этнокультурной истории населения именьковской культуры // Археология евразийских степей. Вып. 10. Древняя и средневековая археология Волго-Камья. Сборник статей к 70-летию П.Н. Старостина. Казань: Институт истории АН РТ, 2009. С. 139-142.

Русанова 1976 – Русанова И.П. Славянские древности VI-VII вв. Культура пражского типа. М.: Наука, 1976. 216 с.

Рыбаков 1953 – Рыбаков Б.А. Предпосылки образования Древнерусского государства // Очерки истории СССР. Т. 2. Кризис рабовладельческой системы и зарождение феодализма на территории СССР. III-IX вв. М.: Издательство АН СССР, 1953. С. 733-878.

Седов 1994 – Седов В.В. Очерки по археологии славян. М.: Фонд археологии, 1994. 129 с.

Седов 1994а – Седов В.В. Славяне в древности. М.: Фонд археологии, 1994. 344 с.

Седов 1995 – Седов В.В. Славяне в раннем средневековье. М.: Фонд археологии, 1995. 416 с.

Седов 1999 – Седов В.В. Древнерусская народность. Историко-археологическое исследование. М.: Языки русской культуры, 1999. 312 с.

Седов 2001 – Седов В.В. К этногенезу волжских болгар // Российская археология. 2001. № 2. С. 5-15.

Седов 2002 – Седов В.В. Славяне. Историко-археологическое исследование. М.: Языки русской культуры, 2002. 622 с.

Семыкин 1996 – Семыкин Ю.А. К вопросу о поселениях ранних болгар в Среднем Поволжье // Культуры Евразийских степей второй половины I тыс. н.э. Самара, 1996. С. 66-82.

Смирнов 1951 – Смирнов А.П. Волжские булгары / Труды Государственного исторического музея. Вып. XIX. М.: Издательство Государственного исторического музея, 1951. 300 с.

Смирнов 1962 – Смирнов А.П. Некоторые спорные вопросы истории волжских болгар // Историко-археологический сборник. М., 1962. С. 160-174.

Смокотина 2009 – Смокотина Д.В. Поход Марвана 737 г. и проблема локализации Славянской реки восточных авторов // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 1 (5). С. 110-122.

Старостин 1967 – Старостин П.Н. Памятники именьковской культуры / Археология СССР. Свод археологических источников. Вып. Д1-32. М.: Наука, 1967. 72 с.

Старостин 1971 – Старостин П.Н. Этнокультурные общности предболгарского времени в Нижнем Прикамье // Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. Казань, 1971. С. 37-54.

Старостин 1986 – Старостин П.Н. Именьковские могильники // Культуры Восточной Европы I тысячелетия. Куйбышев, 1986. С. 90-104.

Сташенков 1999 – Сташенков Д.А. О хронологии древностей хазарской эпохи Самарского Поволжья // Болгар и проблемы изучения древностей Урало-Поволжья. К 100-летию А.П. Смирнова. Болгар, 1999.

Сташенков 2003 – Сташенков Д.А. Раскопки Кайбельского средневекового могильника в 1953-1954 годах // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 3. Самара, 2003. С. 324-345.

Сташенков 2005 – Сташенков Д.А. Оседлое население Самарского лесостепного Поволжья в I-V веках н.э. М.: Институт археологии РАН, 2005. 150 с.

Сташенков 2006 – Сташенков Д.А. Об этнокультурных связях населения именьковской культуры // Славяноведение. 2006. № 2. С. 20-30.

Степанов 1964 – Степанов П.Д. Памятники угро-мадьярских (венгерских) племён в Среднем Поволжье // Археология и этнография Башкирии. Т. II. Уфа: Башкирское книжное издательство, 1964. С. 136-147.

Суляк 2004 – Суляк С.Г. Осколки Святой Руси. Очерки этнической истории руснаков Молдавии. Кишинев: Татьяна, 2004. 240 с.

Сухобоков 1998 – Сухобоков О.В. К хронологии славянских памятников Днепровского Левобережья последней четверти I тыс. н.э. // Iсторiя Русi-України. Київ, 1998. С. 49-57.

Тортика 2006 – Тортика А.А. Северо-Западная Хазария в контексте истории Восточной Европы. Харьков: Харьковская Государственная академия культуры, 2006. 553 с.

Трубачев 2002 – Трубачев О.Н. Этногенез и культура древнейших славян. Лингвистические исследования. Издание второе, дополненное. М.: Наука, 2002. 489 с.

Тупиков 1903 – Тупиков Н.М. Словарь древнерусских личных собственных имен. СПб., 1903. 860 с.

Халиков 1971 – Халиков А.Х. Истоки формирования тюркоязычных народов Поволжья и Приуралья // Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. Казань, 1971. С. 272-292.

Халиков 1988 – Халиков А.Х. К вопросу об этносе именьковских племен // Памятники первобытной эпохи Волго-Камья. Казань: Институт языка, литературы и истории, 1988. С. 119-126.

Togan 1939 – Validi Togan A.Z. Ibn Fadlan's Reisebericht. Leipzig, 1939. 336 s.

REFERENCES

al-Garnati 1971 – Puteshestvie Abu Hamida al-Garnati v Vostochnuyu i Central'nuyu Evropu (1131-1153) / Publikaciya O.G. Bol'shakova, A.L. Mongajta [Travel of Abu Hamid al-Garnati to Eastern and Central Europe (1131-1153) / Publication by O.G. Bolshakov, A.L. Mongyt], Moscow, Glavnaya redakciya vostochnoj literatury Publ., 1971, 136 p. [in Russian].

al-Kufi 1981 – Abu Muhammad Ahmad ibn A'sam al-Kufi. Kniga zavoevanij (izvlecheniya po istorii Azerbajdzhana VII-IX vv.) / Perevod s arabskogo Z.M. Buniyatova [The book of conquests (extracts on the history of Azerbaijan of the 7th-9th centuries) / Translation from Arabic by Z.M. Buniyatova], Baku, Elm Publ., 1981, 84 p. [in Russian].

Artamonov 2002 – Artamonov M.I. Istoriya hazar. Vtoroe izdanie [History of the Khazars. Second edition], St. Petersburg, Filologicheskij fakul'tet SPbGU Publ., 2002, 560 p. [in Russian].

Baran 1997 – Baran V.D. Venedi, sklavini, ta anti u svitli arheologichih dzherel [Wends, Slavs and Ants in the light of archaeological sources], in: Problemy slavyanskoj arheologii. Trudy VI Mezhdunarodnogo Kongressa slavyanskoj arheologii. T. I [Problems of Slavic archeology. Proceedings of the VI International Congress of Slavic Archeology. Volume I], Moscow, Fond arheologii Publ., 1997, pp. 154-165 [in Russian].

Bartol'd 1963 – Bartol'd V.V. Sochineniya. T. II. Ch. 1. Obshchie raboty po istorii Srednej Azii. Raboty po istorii Kavkaza i Vostochnoj Evropy [Compositions. Volume II Part 1. General work on the history of Central Asia. Works on the history of the Caucasus and Eastern Europe], Moscow, Izdatel'stvo vostochnoj literatury Publ., 1963, 1020 p. [in Russian].

Bejlis 2000 – Bejlis V.M. Soobshcheniya Halify ibn Hajjata al-'Usfuri ob arabo-hazarskih vojnah v VII – pervoj polovine VIII v. [Messages by Khalifa ibn Khayyat al-Usfuri on the Arab-Khazar wars in the 7th – first half of the 8th century], in: Drevnejshie gosudarstva Vostochnoj Evropy. 1998 [The oldest states of Eastern Europe. 1998], Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 2000, pp. 32-53 [in Russian].

Bogachev 2011 – Bogachev A.V. Slavyane, germancy, gunny, bolgary na Srednej Volge v I tys. n.e.: Istoriko-arheologicheskoe issledovanie [Slavs, Germans, Huns, Bulgarians on the Middle Volga in the 1st millennium AD: Historical and archaeological research], LAP LAMBERT Academic Publishing, 2011, 340 p. [in Russian].

Galkina 2006 – Galkina E.S. Nomady Vostochnoj Evropy: etnosy, socium, vlast' (I tys. n.e.) [Nomads of Eastern Europe: ethnic groups, society, power (I millennium AD)], Moscow, Prometej Publ., 2006, 548 p. [in Russian].

Galkina 2006a – Galkina E.S. Territoriya Hazarskogo kaganata IX – pervoj poloviny X vv. v pis'mennyh istochnikah [The territory of the Khazar Khaganate IX – the first half of the X centuries. in written sources], in: Voprosy istorii [Questions of history], 2006, № 9, pp. 132-145 [in Russian].

Galkina 2006b – Galkina E.S. Danniki Hazarskogo kaganata v pis'me carya Iosifa [The tributaries of the Khazar Kaganate in a letter to King Joseph], in: Sbornik Russkogo istoricheskogo obshchestva. T. 10 (158). Rossiya i Krym [Collection of Russian Historical Society. Volume 10 (158). Russia and Crimea], Moscow, Russkaya panorama Publ., 2006, pp. 376-390 [in Russian].

Galkina 2010 – Galkina E.S. Etnosy Vostochnoj Evropy v cikle «O tyurkah» arabskoj geograficheskoj literatury [Ethnicities of Eastern Europe in the series «On the Turks» of Arabic geographical literature], in: Rossica antiqua, 2010, № 1, pp. 54-98 [in Russian].

Galkina 2014 – Galkina E.S. K interpretacii termina sakaliba v otchyote Ibn-Fadlana [On the interpretation of the term Sakaliba in the report of Ibn Fadlan], in: Vostok [Oriens], 2014, № 6, pp. 24-31 [in Russian].

Garaeva 2002 – Garaeva N.G. Svedeniya arabskih i persidskih istochnikov o pohodah k severu ot Derbenta (22/642-43 i 119/737 gg.) [Information from Arab and Persian sources on campaigns north of Derbent (22 / 642-43 and 119/737)], in: Istoriya tatar s drevnejshih vremen v semi tomah. T. I. Narody stepnoj Evrazii v drevnosti [The history of the Tatars from ancient times in seven volumes. Volume I. The peoples of steppe Eurasia in antiquity], Kazan, Ruhiyat Publ., 2002, pp. 440-471 [in Russian].

Garkavi 1870 – Garkavi A.Ya. Skazaniya musul'manskih pisatelej o slavyanah i russkih [Tales of Muslim Writers about Slavs and Russians], St. Petersburg, 1870, 315 p. [in Russian].

Gavrituhin 2009 – Gavrituhin I.O. Ponyatie prazhskoj kul'tury [The concept of Prague culture], in: Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha. T. XLIX [Proceedings of the State Hermitage. Tom XLIX], St. Petersburg, Izdatel'stvo Gosudarstvennogo Ermitazha Publ., 2009, pp. 7-25 [in Russian].

Gavrituhin, Oblomskij 1996 – Gavrituhin I.O., Oblomskij A.M. Gaponovskij klad i ego kul'turno-istoricheskij kontekst [Gaponovsky treasure and its cultural and historical context], Moscow, Institut arheologii RAN Publ., 1996, 296 p. [in Russian].

Gening 1959 – Gening V.F. Ocherki etnicheskih kul'tur Prikam'ya v epohu zheleza [Sketches of ethnic cultures of Prikamye in the Iron Age], in: Trudy Kazanskogo filiala AN SSSR. Seriya gumanitarnyh nauk. Vyp. 2 [Proceedings of the Kazan branch of the USSR Academy of Sciences. Humanities Series. Issue 2], Kazan, KF AN SSSR Publ., 1959, pp. 157-219 [in Russian].

Gening 1961 – Gening V.F. K voprosu o prodvizhenii sibirskogo naseleniya v Zapadnoe Priural'e [On the issue of promoting the Siberian population in the Western Urals], in: Voprosy istorii Sibiri i Dal'nego Vostoka [Questions of the history of Siberia and the Far East], Novosibirsk, Izdatel'stvo Sibirskogo otdeleniya AN SSSR Publ., 1961, pp. 329-336 [in Russian].

Gol'msten 1946 – Gol'msten V.V. Burtasy [Burtas], in: Kratkie soobshcheniya Instituta istorii material'noj kul'tury. 1946. Vyp. XIII [Brief Communications from the Institute of the History of Material Culture. 1946. Issue XIII], pp. 17-25 [in Russian].

Halikov 1971 – Halikov A.H. Istoki formirovaniya tyurkoyazychnyh narodov Povolzh'ya i Priural'ya [The origins of the formation of the Turkic-speaking peoples of the Volga and Ural regions], in: Voprosy etnogeneza tyurkoyazychnyh narodov Srednego Povolzh'ya [Issues of ethnogenesis of Turkic-speaking peoples of the Middle Volga], Kazan, 1971, pp. 272-292 [in Russian].

Halikov 1988 – Halikov A.H. K voprosu ob etnose imen'kovskih plemen [On the ethnos of the Imenkov tribes], in: Pamyatniki pervobytnoj epohi Volgo-Kam'ya [Monuments of the primeval era of the Volga-Kama], Kazan, Institut yazyka, literatury i istorii Publ., 1988, pp. 119-126 [in Russian].

Ibn Fadlan 1939 – Kovalevskij A.P. Puteshestvie Ibn Fadlana na Volgu. Perevod i kommentarij / Pod redakciej akademika I.Yu. Krachkovskogo [The journey of Ibn Fadlan to the Volga. Translation and commentary / Edited by academician I.Yu. Krachkovsky], Moscow, Izdatel'stvo AN SSSR Publ., 1939, 193 p. [in Russian].

Ibn Hordadbekh 1986 – Ibn Hordadbekh. Kniga putej i stran / Perevod s arabskogo, kommentarii, issledovanie, ukazateli i karty N. Velihanovoj [Book of ways and countries / Translation from Arabic, comments, research, pointers and maps of N. Velikhanova], Baku, Elm Publ., 1986, 428 p. [in Russian].

Ivanov, Toporov 2000 – Ivanov V.V., Toporov V.N. O drevnih slavyanskih etnonimah. Osnovnye problemy i perspektivy [About the ancient Slavic ethnonyms. Key challenges and prospects], in: Iz istorii russkoj kul'tury. T. 1 (Drevnyaya Rus') [From the history of Russian culture. Volume 1 (Ancient Russia)], Moscow, Yazyki russkoj kul'tury Publ., 2000, pp. 413-440 [in Russian].

Kalinin 1955 – Kalinin N.F. Drevnejshee naselenie na territorii Tatarii [The oldest population in the territory of Tatarstan], in: Istoriya Tatarskoj ASSR. T. I [History of the Tatar Autonomous Soviet Socialist Republic. Volume I], Kazan, Tatknigizdat Publ., 1955, pp. 11-45 [in Russian].

Kalinin, Halikov 1954 – Kalinin N.F., Halikov A.H. Itogi arheologicheskih rabot za 1945-1952 gg. [The results of archaeological work for 1945-1952], Kazan, Tatknigoizdat Publ., 1954, 128 p. [in Russian].

Kalinina 2007 – Kalinina T.M. Vodnye puti soobshcheniya Vostochnoj Evropy v predstavleniyah arabo-persidskih avtorov IX-X vv. [Waterways of communication of Eastern Europe in the representations of Arab-Persian authors of the 9th-10th centuries], in: Dzhakson T.N., Kalinina T.M., Konovalova I.G., Podosinov A.V. «Russkaya reka»: Rechnye puti Vostochnoj Evropy v antichnoj i srednevekovoj geografii [Russian River: River Routes of Eastern Europe in Ancient and Medieval Geography], Moscow, Yazyki slavyanskih kul'tur: Znak Publ., 2007, pp. 101-172 [in Russian].

Kazakov 1996 – Kazakov E.P. K voprosu o turbaslinsko-imen'kovskih pamyatnikah Zakam'ya [On the issue of turbaslinsko-imenkovsky monuments of Zakamye], in: Kul'tury evrazijskih stepej vtoroj poloviny I tysyacheletiya n.e. [Cultures of the Eurasian steppes of the second half of the 1st millennium A.D.], Samara, 1996, pp. 40-57 [in Russian].

Kazakov 1998 – Kazakov E.P. Kominternovskij II mogil'nik v sisteme drevnostej epohi tyurkskih kaganatov [Komintern II burial ground in the system of antiquities of the era of Turkic Haganates], in: Kul'tury evrazijskih stepej vtoroj poloviny I tysyacheletiya n.e. (voprosy hronologii) [Cultures of the Eurasian steppes of the second half of the 1st millennium A.D. (questions of chronology)], Samara, 1998, pp. 88-150 [in Russian].

Klyashtornyj 1964 – Klyashtornyj S.G. Drevnejshee upominanie slavyan v Nizhnem Povolzh'e [The oldest mention of the Slavs in the Lower Volga], in: Vostochnye istochniki po istorii narodov Yugo-Vostochnoj i Central'noj Evropy. T. I [Eastern sources on the history of the peoples of Southeast and Central Europe. Volume I], Moscow, Nauka Publ., 1964, pp. 16-18 [in Russian].

Klyashtornyj 2001 – Klyashtornyj S.G. Mezhkul'turnyj dialog na Velikom Volzhskom puti: istoricheskij aspekt [Intercultural dialogue on the Great Volga Route: historical aspect], in: Velikij Volzhskij put'. Materialy Kruglogo stola i Mezhdunarodnogo nauchnogo seminara [The Great Volga Way. Materials of the Round Table and the International Scientific Seminar], Kazan, Master-Lajn Publ., 2001, pp. 56-60 [in Russian].

Klyashtornyj 2005 – Klyashtornyj S.G. Praslavyane v Povolzh'e [The Slavs in the Volga region], in: Klyashtornyj S.G., Savinov D.G. Stepnye imperii drevnej Evrazii [Steppe empires of ancient Eurasia], St. Petersburg, Izdatel'stvo SPbGU Publ., 2005, pp. 68-72 [in Russian].

Klyashtornyj 2013 – Klyashtornyj S.G. O slavyanah Srednego Povolzh'ya i o kollegah-slavistah [About the Slavs of the Middle Volga Region and about their Slavic colleagues], in: Srednevekov'e. Velikoe pereselenie narodov (po materialam arheologicheskih pamyatnikov Samarskoj oblasti) [Middle Ages. The Great Migration of Peoples (based on materials of archaeological sites of the Samara region)], Samara, 2013, pp. 67-72 [in Russian].

Klyashtornyj, Starostin 2002 – Klyashtornyj S.G., Starostin P.N. Praslavyanskie plemena v Povolzh'e [Pre-Slavic tribes in the Volga region], in: Istoriya tatar s drevnejshih vremen. T. I. Narody stepnoj Evrazii v drevnosti [The history of the Tatars from ancient times. Volume I. The peoples of steppe Eurasia in antiquity], Kazan, Ruhiyat Publ., 2002, pp. 210-217 [in Russian].

Kokovcov 1932 – Kokovcov P.K. Evrejsko-hazarskaya perepiska v X v. [Jewish-Khazar correspondence in the 10th century], Leningrad, Izdatel'stvo AN SSSR Publ., 1932, 134 p. [in Russian].

Konovalova 2013 – Konovalova I.G. Vostochnye istochniki [Eastern sources], in: Drevnyaya Rus' v svete zarubezhnyh istochnikov / Pod redakciej E.A. Mel'nikovoj [Ancient Russia in the Light of Foreign Sources / Edited by E.A. Melnikova], Moscow, Russkij fond sodejstviya obrazovaniyu i nauke Publ., 2013, pp. 160-248 [in Russian].

Kovalevskij 1954 – Kovalevskij A.P. Chuvashi i bulgary po dannym Ahmada ibn-Fadlana [Chuvashs and Bulgars according to Ahmad Ibn Fadlan], Cheboksary, Chuvashgosizdat Publ., 1954, 64 p. [in Russian].

Krasnov, Smirnov 1969 – Krasnov Yu.A., Smirnov A.P. Recenziya na knigu: Starostin P.N. Pamyatniki imen'kovskoj kul'tury. M., 1967 [Book Review: Starostin P.N. Monuments of Imenkovskaya culture. M., 1967], in: Sovetskaya arheologiya [Soviet archeology], 1969, № 2, pp. 291-296 [in Russian].

Levickij 1964 – Levickij T. Iz nauchnyh issledovanij arabskih istochnikov [From scientific studies of Arab sources], in: Vostochnye istochniki po istorii narodov Yugo-Vostochnoj i Central'noj Evropy. T. I [Eastern sources on the history of the peoples of Southeast and Central Europe. Volume I], Moscow, Nauka Publ., 1964, pp. 6-15 [in Russian].

Lifanov 2010 – Lifanov N.A. Eshche raz o «slavyanah» na Volge i arabskom pohode na Hazariyu [Once again about the "Slavs" on the Volga and the Arab campaign against Khazaria], in: Arheologiya Nizhnego Povolzh'ya: problemy, poiski, otkrytiya. Materialy III Mezhdunarodnoj Nizhnevolzhskoj arheologicheskoj konferencii (Astrahan', 18-21 oktyabrya 2010 g.) [Archeology of the Lower Volga: problems, searches, discoveries. Materials of the III International Lower Volga Archaeological Conference (Astrakhan, October 18-21, 2010)], Astrakhan, 2010, pp. 305-309 [in Russian].

Magomedov 1983 – Magomedov M.G. Obrazovanie Hazarskogo kaganata (po materialam arheologicheskih issledovanij i pis'mennym dannym) [Education of the Khazar Khaganate (based on archaeological research and written data)], Moscow, Nauka Publ., 1983, 225 p. [in Russian].

Matveeva 1981 – Matveeva G.I. O proiskhozhdenii imen'kovskoj kul'tury [On the Origin of Imenkovsky Culture], in: Drevnie i srednevekovye kul'tury Povolzh'ya [Ancient and medieval cultures of the Volga region], Kuibyshev, 1981, pp. 52-73 [in Russian].

Matveeva 1986 – Matveeva G.I. Etnokul'turnye processy v Srednem Povolzh'e v I tys. n.e. [Ethnocultural processes in the Middle Volga region in the 1st millennium AD], in: Kul'tury Vostochnoj Evropy I tysyacheletiya [Cultures of Eastern Europe of the 1st Millennium], Kuibyshev, 1986, pp. 158-171 [in Russian].

Matveeva 1988 – Matveeva G.I. K voprosu ob etnicheskoj prinadlezhnosti plemen imen'kovskoj kul'tury [On the Ethnicity of the Imenkovsky Tribes], in: Slavyane i ih sosedi. Mesto vzaimnyh vliyanij v processe obshchestvennogo i kul'turnogo razvitiya. Epoha feodalizma (sbornik tezisov) [Slavs and their neighbors. The place of mutual influences in the process of social and cultural development. The era of feudalism (collection of abstracts)], Moscow, Nauka Publ., 1988, pp. 11-13 [in Russian].

Matveeva 1997 – Matveeva G.I. Mogil'niki rannih bolgar na Samarskoj Luke [The burial grounds of the early Bulgarians on Samarskaya Luka], Samara, Samarskij universitet Publ., 1997, 226 p. [in Russian].

Matveeva 1997a – Matveeva G.I. Nekotorye itogi izucheniya imen'kovskoj kul'tury [Some results of the study of Imenkovsky culture], in: Etnogenez i etnokul'turnye kontakty slavyan. Trudy VI Mezhdunarodnogo Kongressa slavyanskoj arheologii. T. III [Ethnogenesis and ethnocultural contacts of the Slavs. Proceedings of the VI International Congress of Slavic Archeology. Volume III], Moscow, Fond arheologii Publ., 1997, pp. 206-217 [in Russian].

Matveeva 2004 – Matveeva G.I. Srednee Povolzh'e v IV-VII vv.: imen'kovskaya kul'tura [Middle Volga region in the IV-VII centuries: Imenkovskaya culture], Samara, Samarskij universitet Publ., 2004, 168 p. [in Russian].

Mishin 2002 – Mishin D.E. Sakaliba (slavyane) v arabskom mire v rannee srednevekov'e [Sakaliba (Slavs) in the Arab world in the early Middle Ages], Moscow, Kraft plyus Publ., 2002, 368 p. [in Russian].

Mishin 2007 – Mishin D.E. Pochemu Ibn-Fadlan nazyvaet povolzhskih bolgar slavyanami? [Why does Ibn Fadlan call the Volga Bulgarians Slavs?], in: Arabskij Vostok. Sbornik statej [Arab East. Digest of articles], Moscow, 2007, pp. 100-109 [in Russian].

Moroshkin 1867 – Moroshkin M.Ya. Slavyanskij imenoslov, ili sobranie slavyanskih lichnyh imyon v alfavitnom poryadke [Slavic name-book, or collection of Slavic personal names in alphabetical order], St. Petersburg, 1867, 323 p. [in Russian].

Napol'skih 1996 – Napol'skih V.V. Protoslavyane v Nizhnem Prikam'e v seredine I tys. n.e. Dannye permskih yazykov [Protoslavs in the Lower Prikamye in the middle of the 1st millennium AD Perm language data], in: Hristianizaciya Komi kraya i ee rol' v razvitii gosudarstvennosti i kul'tury. T. II. Filologiya. Etnologiya [The Christianization of the Komi region and its role in the development of statehood and culture. Volume II Philology. Ethnology], Syktyvkar, KNC UrO RAN Publ., 1996, pp. 197-206 [in Russian].

Napol'skih 2006 – Napol'skih V.V. Balto-slavyanskij yazykovoj komponent v Nizhnem Prikam'e v seredine I tys. n.e. [The Baltic-Slavic language component in the Lower Prikamye in the middle of the 1st millennium AD], in: Slavyanovedenie [Slavic studies], 2006, № 2, pp. 3-19 [in Russian].

Nasibullin 1992 – Nasibullin R.Sh. K probleme etnicheskoj prinadlezhnosti nositelej imen'kovskoj arheologicheskoj kul'tury [To the problem of ethnicity of carriers of the Imenkovsky archaeological culture], in: Vestnik Udmurtskogo universiteta [Bulletin of Udmurt University], 1992, № 6, pp. 76-79 [in Russian].

Novosel'cev 1990 – Novosel'cev A.P. Hazarskoe gosudarstvo i ego rol' v istorii Vostochnoj Evropy i Kavkaza [Khazar state and its role in the history of Eastern Europe and the Caucasus], Moscow, Nauka Publ., 1990, 264 p. [in Russian].

Novosel'cev 2000 – Novosel'cev A.P. Vostochnye istochniki o vostochnyh slavyanah i Rusi VI-IX vv. [Eastern sources about the Eastern Slavs and Russia of the VI-IX centuries], in: Drevnejshie gosudarstva Vostochnoj Evropy. 1998 [The oldest states of Eastern Europe. 1998], Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 2000, pp. 264-323 [in Russian].

Novosel'cev 2000a – Novosel'cev A.P. K voprosu ob odnom iz drevnejshih titulov russkogo knyazya [To the question of one of the most ancient titles of the Russian prince], in: Drevnejshie gosudarstva Vostochnoj Evropy. 1998 [The oldest states of Eastern Europe. 1998], Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 2000, pp. 367-379 [in Russian].

Ovchinnikov 2009 – Ovchinnikov A.V. Drevnyaya i srednevekovaya istoriya Volgo-Ural'ya v trudah sovetskih uchenyh: A.P. Smirnov [The ancient and medieval history of the Volga-Ural region in the works of Soviet scientists: A.P. Smirnov], Kazan, 2009, 131 p. [in Russian].

Ovchinnikov 2009a – Ovchinnikov A.V. Slavyanskoe prisutstvie [Slavic presence], in: Zvezda Povolzh'ya. № 19 (470). 21-27 maya 2009 g. [Volga Star. No. 19 (470). May 21-27, 2009], pp. 4 [in Russian].

Ovchinnikov 2009b – Ovchinnikov A.V. Deshyovaya istoriografiya (otvet I.L. Izmajlovu) [Cheap historiography (answer to I.L. Izmailov)], in: Zvezda Povolzh'ya [Volga Star], № 26 (477) – 31(482) [in Russian].

Ovchinnikov 2016 – Ovchinnikov A.V. Antropologicheskij podhod v izuchenii istoriografii imen'kovskoj kul'tury: opyt primeneniya [Anthropological approach to the study of historiography of the Imenkovo archaeological culture: Practical application], in: Istoricheskij format [Historical format], 2016, № 3, pp. 151-169 [in Russian].

Pletneva 1986 – Pletneva S.A. Hazary [Khazars], Moscow, Nauka Publ., 1986, 88 p. [in Russian].

Podosinov 2000 – Podosinov A.V. Eshche raz o drevnejshem nazvanii Volgi [Once again about the ancient name of the Volga], in: Drevnejshie gosudarstva Vostochnoj Evropy. 1998 [The oldest states of Eastern Europe. 1998], Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 2000, pp. 230-239 [in Russian].

Podosinov 2007 – Podosinov A.V. Gidrografiya Vostochnoj Evropy v antichnoj i srednevekovoj geokartografii [Hydrography of Eastern Europe in ancient and medieval geocartography], in: «Russkaya reka»: Rechnye puti Vostochnoj Evropy v antichnoj i srednevekovoj geografii [Russian River: River Routes of Eastern Europe in Ancient and Medieval Geography], Moscow, Yazyki slavyanskih kul'tur: Znak Publ., 2007, pp. 13-100 [in Russian].

Prihod'ko 2011 – Prihod'ko V.V. K voprosu ob etnoyazykovoj atribucii imen'kovskoj arheologicheskoj kul'tury [On the issue of ethnolinguistic attribution of the Imenkovsky archaeological culture], in: Simbirskij nauchnyj vestnik [Simbirsk Scientific Bulletin], 2011, № 2 (4), pp. 42-47 [in Russian].

Prihodnyuk 1995 – Prihodnyuk O.M. Shche raz pro pam'yatki volyncevskogo tipu [Once again about the monuments of Volintsev type], in: Slov'yano – rus'ki starozhitnosti Pivnichnogo Livoberezhzhya [Slavic-Russian antiquities of the South Left Bank], Chernihiv, 1995, pp. 73-74 [in Ukrainian].

Prihodnyuk 1998 – Prihodnyuk O.M. Pen'kovskaya kul'tura (Kul'turno-arheologicheskij aspekt issledovaniya) [Penkovskaya culture (Cultural and archaeological aspect of the study)], Voronezh, Voronezhskij universitet Publ., 1998, 170 p. [in Russian].

Rastoropov 2009 – Rastoropov A.V. Voprosy etnokul'turnoj istorii naseleniya imen'kovskoj kul'tury [Issues of ethnocultural history of the population of the Imenkovsky culture], in: Arheologiya evrazijskih stepej. Vyp. 10. Drevnyaya i srednevekovaya arheologiya Volgo-Kam'ya. Sbornik statej k 70-letiyu P.N. Starostina [Archeology of the Eurasian steppes. Vol. 10. Ancient and medieval archeology of the Volga-Kama. Collection of articles on the 70th anniversary of P.N. Starostina], Kazan, Institut istorii AN RT Publ., 2009, pp. 139-142 [in Russian].

Rusanova 1976 – Rusanova I.P. Slavyanskie drevnosti VI-VII vv. Kul'tura prazhskogo tipa [Slavic antiquities of the 6th-7th centuries Prague type culture], Moscow, Nauka Publ., 1976, 216 p. [in Russian].

Rybakov 1953 – Rybakov B.A. Predposylki obrazovaniya Drevnerusskogo gosudarstva [Background of the formation of the Old Russian state], in: Ocherki istorii SSSR. T. 2. Krizis rabovladel'cheskoj sistemy i zarozhdenie feodalizma na territorii SSSR.

III-IX vv. [Essays on the history of the USSR. Volume 2. The crisis of the slave system and the emergence of feudalism in the USSR. III-IX centuries], Moscow, Izdatel'stvo AN SSSR Publ., 1953, pp. 733-878 [in Russian].

Sedov 1994 – Sedov V.V. Ocherki po arheologii slavyan [Essays on the archeology of the Slavs], Moscow, Fond arheologii Publ., 1994, 129 p. [in Russian].

Sedov 1994a – Sedov V.V. Slavyane v drevnosti [Slavs in antiquity], Moscow, Fond arheologii Publ., 1994, 344 p. [in Russian].

Sedov 1995 – Sedov V.V. Slavyane v rannem srednevekov'e [Slavs in the early Middle Ages], Moscow, Fond arheologii Publ., 1995, 416 p. [in Russian].

Sedov 1999 – Sedov V.V. Drevnerusskaya narodnost'. Istoriko-arheologicheskoe issledovanie [Old Russian nationality. Historical and archaeological research], Moscow, Yazyki russkoj kul'tury Publ., 1999, 312 p. [in Russian].

Sedov 2001 – Sedov V.V. K etnogenezu volzhskih bolgar [To the ethnogenesis of the Volga Bulgarians], in: Rossijskaya arheologiya [Russian archeology], 2001, № 2, pp. 5-15 [in Russian].

Sedov 2002 – Sedov V.V. Slavyane. Istoriko-arheologicheskoe issledovanie [Slavs. Historical and archaeological research], Moscow, Yazyki russkoj kul'tury Publ., 2002, 622 p. [in Russian].

Semykin 1996 – Semykin Yu.A. K voprosu o poseleniyah rannih bolgar v Srednem Povolzh'e [On the issue of settlements of the early Bulgarians in the Middle Volga], in: Kul'tury Evrazijskih stepej vtoroj poloviny I tys. n.e. [Cultures of the Eurasian steppes of the second half of the 1st millennium AD], Samara, 1996, pp. 66-82 [in Russian].

Smirnov 1951 – Smirnov A.P. Volzhskie bulgary / Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya. Vyp. XIX [Volga Bulgars / Proceedings of the State Historical Museum. Issue XIX], Moscow, Izdatel'stvo Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya Publ., 1951, 300 p. [in Russian].

Smirnov 1962 – Smirnov A.P. Nekotorye spornye voprosy istorii volzhskih bolgar [Some controversial issues in the history of the Volga Bulgarians], in: Istoriko-arheologicheskij sbornik [Historical and archaeological collection], Moscow, 1962, pp. 160-174 [in Russian].

Smokotina 2009 – Smokotina D.V. Pohod Marvana 737 g. i problema lokalizacii Slavyanskoj reki vostochnyh avtorov [March 737 campaign and the problem of localization of the Slavic river by eastern authors], in: Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Tomsk State University], 2009, № 1 (5), pp. 110-122 [in Russian].

Starostin 1967 – Starostin P.N. Pamyatniki imen'kovskoj kul'tury / Arheologiya SSSR. Svod arheologicheskih istochnikov. Vyp. D1-32 [Monuments of Imenkovsky culture / Archeology of the USSR. Arch of archaeological sources. Issue D1-32], Moscow, Nauka Publ., 1967, 72 p. [in Russian].

Starostin 1971 – Starostin P.N. Etnokul'turnye obshchnosti predbolgarskogo vremeni v Nizhnem Prikam'e [Ethnocultural communities of the pre-Bulgarian time in the Lower Prikamye], in: Voprosy etnogeneza tyurkoyazychnyh narodov Srednego Povolzh'ya [Issues of ethnogenesis of Turkic-speaking peoples of the Middle Volga], Kazan, 1971, pp. 37-54 [in Russian].

Starostin 1986 – Starostin P.N. Imen'kovskie mogil'niki [Imenkovsky burial grounds], in: Kul'tury Vostochnoj Evropy I tysyacheletiya [Cultures of Eastern Europe of the 1st Millennium], Kuibyshev, 1986, pp. 90-104 [in Russian].

Stashenkov 1999 – Stashenkov D.A. O hronologii drevnostej hazarskoj epohi Samarskogo Povolzh'ya [On the chronology of antiquities of the Khazar era of the Samara Volga], in: Bolgar i problemy izucheniya drevnostej Uralo-Povolzh'ya. K 100-letiyu A.P. Smirnova [Bulgarians and the problems of studying the antiquities of the Ural-Volga region. To the 100th anniversary of A.P. Smirnova], Bolgar, 1999 [in Russian].

Stashenkov 2003 – Stashenkov D.A. Raskopki Kajbel'skogo srednevekovogo mogil'nika v 1953-1954 godah [Excavations of the Kaibel medieval burial ground in 1953-1954], in: Voprosy arheologii Povolzh'ya. Vyp. 3 [Issues of archeology of the Volga region. Issue 3], Samara, 2003, pp. 324-345 [in Russian].

Stashenkov 2005 – Stashenkov D.A. Osedloe naselenie Samarskogo lesostepnogo Povolzh'ya v I-V vekah n.e. [The settled population of the Samara forest-steppe Volga region in the I-V centuries A.D.], Moscow, Institut arheologii RAN Publ., 2005, 150 p. [in Russian].

Stashenkov 2006 – Stashenkov D.A. Ob etnokul'turnyh svyazyah naseleniya imen'kovskoj kul'tury [About ethnocultural relations of the population of the Imenkovsky culture], in: Slavyanovedenie [Slavic studies], 2006, № 2, pp. 20-30 [in Russian].

Stepanov 1964 – Stepanov P.D. Pamyatniki ugro-mad'yarskih (vengerskih) plemyon v Srednem Povolzh'e [Monuments of the Ugro-Magyar (Hungarian) tribes in the Middle Volga], in: Arheologiya i etnografiya Bashkirii. T. II [Archeology and Ethnography of Bashkiria. Volume II], Ufa, Bashkirskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1964, pp. 136-147 [in Russian].

Suhobokov 1998 – Suhobokov O.V. K hronologii slavyanskih pamyatnikov Dneprovskogo Levoberezh'ya poslednej chetverti I tys. n.e. [On the chronology of Slavic monuments of the Dnieper Left Bank of the last quarter of the 1st millennium AD], in: Ictoriya Rusi-Ukraini [History of Russia-Ukraine], Kiev, 1998, pp. 49-57 [in Russian].

Sulyak 2004 – Sulyak S.G. Oskolki Svyatoj Rusi. Ocherki etnicheskoj istorii rusnakov Moldavii [Shards of Holy Russia. Essays on the ethnic history of the Rusnaks of Moldova], Chisinau, Tat'yana Publ., 2004, 240 p. [in Russian].

Togan 1939 – Validi Togan A.Z. Ibn Fadlan's Reisebericht [Ahmad ibn Fadlan. Risala], Leipzig, 1939, 336 p. [in German].

Tortika 2006 – Tortika A.A. Severo-Zapadnaya Hazariya v kontekste istorii Vostochnoj Evropy [North-Western Khazaria in the context of the history of Eastern Europe], Kharkiv, Har'kovskaya Gosudarstvennaya akademiya kul'tury Publ., 2006, 553 p. [in Russian].

Trubachev 2002 – Trubachev O.N. Etnogenez i kul'tura drevnejshih slavyan. Lingvisticheskie issledovaniya. Izdanie vtoroe, dopolnennoe [Ethnogenesis and culture of the ancient Slavs. Linguistic research], Moscow, Nauka Publ., 2002, 489 p. [in Russian].

Tupikov 1903 – Tupikov N.M. Slovar' drevnerusskih lichnyh sobstvennyh imen [Dictionary of Old Russian Personal Names], St. Petersburg, 1903, 860 p. [in Russian].

Vyazov 2011 – Vyazov L.A. Social'no-ekonomicheskoe razvitie naseleniya Srednego Povolzh'ya v seredine I tysyacheletiya n.e. (po materialam imen'kovskoj kul'tury). Avtoreferat dissertacii na soiskanie uchenoj stepeni kandidata istoricheskih nauk [Socio-economic development of the population of the Middle Volga region in the middle of the 1st millennium A.D. (based on materials from the Imenkovsky culture). Abstract of dissertation for the degree of candidate of historical sciences], Kazan, 2011, 21 p. [in Russian].

Zahoder 1962 – Zahoder B.N. Kaspijskij svod svedenij o Vostochnoj Evrope. T. I [Caspian Code of Information on Eastern Europe. Volume I], Moscow, Izdatel'stvo vostochnoj literatury Publ., 1962, 280 p. [in Russian].

Zhih 2008 – Zhih M.I. Problema lokalizacii «slavyanskoj reki» arabskoj istoriko-geograficheskoj literatury rannego srednevekov'ya i vopros o rasselenii slavyan v Povolzh'e v VI-IX vv. [The problem of localization of the "Slavic river" of the Arab historical and geographical literature of the early Middle Ages and the question of the resettlement of Slavs in the Volga region in the VI-IX centuries], in: Klyuchevskie Chteniya – 2008. Otechestvennaya istoriya i kul'tura: edinoe prostranstvo v proshlom, nastoyashchem i budushchem: Materialy Mezhvuzovskoj nauchnoj konferencii. Sbornik nauchnyh trudov [Klyuchevsky Readings – 2008. Domestic history and culture: a single space in the past, present and future: Materials of the Interuniversity Scientific Conference. Collection of scientific papers], Moscow, 2008, pp. 138-154 [in Russian].

Zhih 2011 – Zhih M.I. K voprosu ob otrazhenii prozhivaniya slavyan v Srednem Povolzh'e v I tys. n.e. v pis'mennyh istochnikah [On the issue of reflecting the residence of the Slavs in the Middle Volga region in the 1st millennium AD in written sources], in: Trudy Pervoj Mezhdunarodnoj konferencii «Nachala Russkogo mira», sostoyavshejsya 28-30 oktyabrya 2010 g. / Red. kollegiya: A.N. Saharov (predsedatel') i dr. [Proceedings of the First International Conference "The Beginning of the Russian World", held October 28-30, 2010 / Editorial board: A.N. Sakharov (chairman) and others], St. Petersburg, BLIC Publ., 2011, pp. 121-138 [in Russian].

Zhih 2011a – Zhih M.I. Rannie slavyane v Srednem Povolzh'e (po materialam pis'mennyh istochnikov) [Early Slavs in the Middle Volga (based on written sources)], St. Petersburg; Kazan, Vestfalika Publ., 2011, 91 p. [in Russian].

Zhih 2013 – Zhih M.I. Arabskaya tradiciya ob as-sakaliba v Srednem Povolzh'e i imen'kovskaya kul'tura: problema sootnosheniya [The Arab tradition of al-Sakalib in the Middle Volga region and Imenkovskaya culture: the problem of correlation], in: Strany i narody Vostoka. Vyp. XXXIV [Countries and peoples of the East. Issue XXXIV], Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 2013, pp. 165-186 [in Russian].

Zhih 2014 – Zhih M.I. Rannie slavyane v Srednem Povolzh'e: svedeniya pis'mennyh istochnikov i vozmozhnosti ih sopostavleniya s dannymi arheologii [Early Slavs in the Middle Volga: information from written sources and the possibility of comparing them with data from archeology], in: Polikul'turnyj mir Srednego Povolzh'ya: social'no-antropologicheskie i istoricheskie aspekty: monografiya. V dvuh tomah. T. I / Otv. red. A.V. Ovchinnikov [The multicultural world of the Middle Volga: socio-anthropological and historical aspects: a monograph. In two volumes. Volume I / Executive Editor A.V. Ovchinnikov], Kazan, Izdatel'stvo KNITU Publ., 2014, pp. 41-67 [in Russian].

Zhih 2015 – Zhih M.I. Zametki o ranneslavyanskoj etnonimii (slavyane v Srednem Povolzh'e v I tys. n.e.) [Notes on the early Slavic ethnonymics (Slavs in the Middle Volga region in the 1st millennium AD)], in: Istoricheskij format [Historical format], 2015, № 4, pp. 129-150 [in Russian].

Zhih 2016 – Zhih M.I. Problema etnicheskoj atribucii nositelej imen'kovskoj kul'tury v nauke 1950-h – 2000-h godov [The problem of ethnic attribution of carriers of the Imenkovsky culture in the science of the 1950s – 2000s], in: Voyadzher: mir i chelovek [Voyager: the world and man], 2016, № 6, pp. 57-65 [in Russian].

Жих Максим Иванович
– Общественно-научный проект «Российско-немецкий исторический семинар» (Санкт-Петербург, Россия).

Maksim Zhikh
– The Public and Scientific Project «Russian-German Historical Seminar» (Saint Petersburg, Russia).

E-mail: max-mors@mail.ru

НОРМАНИСТСКАЯ СУЩНОСТЬ «СОВЕТСКОГО АНТИНОРМАНИЗМА». ЧАСТЬ ВТОРАЯ

В.В. Фомин
Липецкий государственный педагогический университет им. П.П. Семенова-Тян-Шанского
Россия, 398020, г. Липецк, ул. Ленина, д. 2
e-mail: vfominv@mail.ru
SPIN-код: 1914-6761

АВТОРСКОЕ РЕЗЮМЕ
В статье рассматривается советская историография «варяжского вопроса» и показывается, что вопреки распространённому мнению о существовании некоего «советского антинорманизма» реально в советской науке о Древней Руси господствовали «норманистские» взгляды, которые просто были прикрыты марксистской фразеологией о государстве как результате внутреннего развития общества. Со временем наука, все более и более убеждаясь в несостоятельности «советского антинорманизма» (а негативное отношение к нему автоматически распространялось на труды истинных антинорманистов XVIII-XIX вв.), переходит на откровенно «норманистские» позиции, давно ставшие неотъемлемой частью сознания нашей научной общественности, глубоко погрузив науку в топи, по точной оценке Ю.И. Венелина, данной в 1836 г., скандинавомании. А одним из весьма специфических ее проявлений являлся «советский антинорманизм», приведший в наше время к торжеству «взвешенного и объективного норманизма», под личиной которого выступает все тот же «“ультранорманизм” шлецеровского типа».

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: историография, СССР, норманизм, антинорманизм, Древняя Русь.

NORMANIST ESSENCE OF SOVIET ANTI-NORMANISM PART TWO

Vyacheslav Fomin
Lipetsk state pedagogical university
2 Lenin Street, Lipetsk, 398020, Russia
e-mail: vfominv@mail.ru

ABSTRACT
The author examines Soviet historiography on the Varangian issue and shows that contrary to the widespread belief that there was a certain level of Soviet anti-Normanism, the Normanist views actually dominated in the Soviet history of ancient Rus but were simply obscured by Marxist phraseology about the state as a result of internal development of a society. Over time, scientists, becoming more and more convinced of the failure of the Soviet anti-Normanism (and automatically extending a negative attitude to the works of true anti-Normanists of the 18th-19th centuries), moved openly to the Normanist positions, which have long become an integral part of the consciousness of our scientific community, deeply plunging our science into the swamps of Scandinavia-mania, according to an accurate assessment given by Yu.I. Venelin in 1836. And one of its very specific manifestations was Soviet anti-Normanism that resulted in the triumph of ‘balanced and objective Normanism,’ under the guise of which there is still the same ultra-Normanism of the Shletser type.

KEYWORDS: historiography, USSR, Normanism, anti-Normanism, ancient Rus.

Наша наука, все больше убеждаясь в несостоятельности «советского антинорманизма» (а негативное отношение к нему автоматически распространялось на труды истинных антинорманистов XVIII-XIX вв.), одновременно с тем получала солидное материальное подтверждение тезиса норманской теории о якобы массовом присутствии скандинавов в русской истории. Такая «материализация» связана с археологией, с момента своего зарождения в России слепо следовавшей за немецкой и скандинавской археологиями и в 60-е гг. возведенной в СССР в ранг исключительного вершителя варяжского вопроса (ниже, по ранжиру, была поставлена лингвистика, а еще ниже – собственно история). Возведенной самими же археологами-«антинорманистами», которые придали скандинавским, большей частью, псевдоскандинавским вещам, найденным в пределах Руси, основополагающее значение в разрешении этого сложнейшего исторического вопроса.

Как предельно четко сказал в 1962 г. на VI Международном конгрессе по доисторическим и протоисторическим наукам в Риме, а в 1966 г. в нашей печати А.В. Арциховский, «варяжский вопрос чем дальше, тем больше становится предметом ведения археологии... Археологические материалы по этой теме уже многочисленны, и, что, самое главное, число их из года в год возрастает. Через несколько десятков лет мы будем иметь решения

вернуться к оглавлению ▲

ряда связанных с варяжским вопросом загадок, которые сейчас представляются неразрешимыми». Одновременно с тем он категорично перечеркнул возможности письменных источников в его решении, утверждая, что для IX-X вв. «они малочисленны, случайны и противоречивы» (Artsikhovsku 1962: 9; Арциховский 1966: 41).

В 1878 г., стоит напомнить, А.А. Куник, осознав смертельную опасность норманизму, исходившую из доказательств С.А. Гедеонова, что ПВЛ «всегда останется, наравне с остальными памятниками древнерусской письменности, живым протестом народного русского духа против систематического онемечения Руси», предложил «совершенно устранить» из исследовательского процесса эту важнейшую для познания нашего прошлого летопись «и воспроизвести историю русского государства в течение первого столетия его существования исключительно на основании одних иностранных» свидетельств (Гедеонов 2004: 58; Куник 1903: 32-33). Теперь же на положении низкосортных оказались все исторические памятники.

Хотя ранее Арциховского были озвучены иные точки зрения на познавательные возможности письменных и археологических источников. В 1938 г. историк С.В. Бахрушин верно заметил, что в трактовке последних «возможна очень большая субъективность. Так, известный шведский археолог Арне построил» на них «в высшей степени тенденциозный вывод о сильном проникновении скандинавского элемента в Восточную Европу, вывод, который противоречит всем объективным данным и справедливо опровергается советской археологической наукой». В 1957 г. польский академик Х. Ловмяньский также выступил против абсолютизации археологического материала в изучении прошлого Руси, хорошо зная на примере своей родной науки, к каким норманистским фантазиям она приводит. Указывая, что такие находки требуют «осторожной и искусной интерпретации», ученый заключил: они не дают «достаточного основания для всесторонней характеристики социально-экономического развития» и еще меньше пригодны «для исследования политической истории формирования государства. Этой цели прежде всего служат письменные источники, поэтому их анализ и интерпретация являются существенным условием решения норманского вопроса». Из числа таковых им были названы в первую очередь русские летописи, имеющие, по его оценке, важные достоинства: по своему происхождению они наиболее близки «к описываемым событиям», созданы «на месте непосредственных событий, и потому лучше других отражающие среду», сказав вместе с тем, что «данные скандинавских источников крайне ограничены» и что саги записаны в XIII-XIV вв., в связи с чем «не могут быть достоверными для характеристики хода скандинавской экспансии на восток в VIII-IX вв.» (Бахрушин 1938: 89; Ловмяньский 1985: 38-56, 68-70).

Однако принципиально важные слова Бахрушина и Ловмяньского либо были забыты нашими специалистами, либо остались для них неизвестными, либо были ими, впавшими в понятную эйфорию под воздействием масштабных археологических раскопок, массово открывавших материальные вещи далекого прошлого (которые в ряде случаев буквально на глазах ломали, как, например, открытие берестяной грамоты в Новгороде в июле 1951 г., ложные стереотипы: «…Это было революцией в представлениях о древней Руси – в Новгороде даже простые люди были грамотны»: Авдусин 1971: 49-50), и щедро раздаваемых археологами авансов (Л.С. Клейн в 1965 г.: «Ближайшие годы могут дать самые неожиданные результаты»: Клейн 2009: 126), не услышаны. Более того, ложная посылка, прозвучавшая из уст первого лица советской археологии, признанного авторитета в области изучения русских древностей (и развенчавшего ряд мифов норманизма), многолетнего руководителя сенсационных раскопок в Новгороде, была подхвачена, растиражирована и без всякого сопротивления навязана советскому научному сообществу.

В 1965 г. археолог Г.Ф. Корзухина подчеркивала, что «немногочисленные письменные источники, связанные с Ладогой, уже исчерпаны и могут дать что-нибудь новое только будучи спроектированные на археологические материалы, которым и принадлежит в спорных вопросах решающее слово». В 1970 г. ее коллеги Л.С. Клейн, Г.С. Лебедев, В.А. Назаренко прямо продублировали доминанту Арциховского, также не сомневаясь, что в развитии спора о варягах «археологические данные чрезвычайно важны, а при сугубой скупости письменных источников являются решающими. Кроме того, интенсивность многолетних штудий привела к тому, что имеющиеся письменные источники практически оказались исчерпанными, а перспективы их пополнения почти что равны нулю, тогда как археология непрерывно обогащается новыми важными фактами и за каждые три десятилетия удваивает количество своих источников» (Корзухина 1965: 12; Клейн, Лебедев, Назаренко 1970: 226). Л.С. Клейн во время дискуссии 1965 г., говоря, что «на данном этапе весь спор в целом перенесен в основном в сферу археологии», следующим образом распределил обязанности между нею и историей: фактические материалы «о роли варягов в сложении Древнерусского государства, должна дать главным образом археология», историкам же «предстоит еще уточнить многие понятия социально-экономического анализа раннефеодального общества и государства: классовая структура, дань как форма эксплуатации и многое другое. Но археологические источники будут главными» (Клейн 1999: 96, 98; 2009: 126, 130), т.е. он прямо отказал своим собратьям по науке в праве заниматься варяжским вопросом.

В 1965, 1971 и 1979-1981 гг. И.П. Шаскольский, хотя и знал предостережения Бахрушина и Ловмяньского, но повторил (в том числе на международной конференции, проходившей в Швеции) вслед за Арциховским и своими «оппонентами» по дискуссии 1965 г., тем самым безоговорочно капитулируя от имени историков перед археологами (а точно так поступила в 1971 г. и другая значимая фигура исторической науки – В.В. Мавродин), что если круг письменных источников исчерпан, то число археологических продолжает «увеличиваться с каждым годом, с каждым археологическим сезоном», а в 1965 г. он согласился, ставя таким образом перед советскими археологами стратегическую задачу, с мнением ряда их зарубежных коллег, включая шведа Х. Арбмана, «что норманская проблема как археологическая

проблема требует значительно более глубокого и основательного изучения. Сводка скандинавских находок на русской территории, составленная Арне полвека тому назад, давно уже устарела, не охватывает результатов огромных по своим масштабам археологических исследований, проведенных за годы Советской власти».

В 1978 и 1980 гг. археологи А.Н. Кирпичников, Г.С. Лебедев, В.А. Булкин, И.В. Дубов, В.А. Назаренко, полностью разделяя вывод Арциховского (в том числе на страницах известного датского издания «Scando-Slavica»), добавили к нему, что «именно археологические источники создали основу для нового, объективного и разностороннего подхода к варяжской проблеме», что «продуктивность нового подхода заключается в том, что он, не оставляя места для предвзятых, априорных решений, создает условия для интенсивного накопления новых материалов, и последовательного их осмысления», что «расширявшаяся источниковедческая (так в тексте. – В.Ф.) база проясняет многие, бывшие спорными вопросы» и что тема русско-скандинавских связей на археоло-гическом материале раскрывает «немало перспективных и интересных для ученых разных стран направлений» (Кирпичников, Лебедев, Булкин, Дубов, Назаренко 1978: 63-64, 66, 83; 1980: 24-26).

Полное согласие с тем же выводом заявили, в соавторстве с археологом В.Я. Петрухиным и историком Е.Г. Плимаком, филологи-скандинависты Е.А. Мельникова и Т.Н. Джаксон, т.к. благодаря именно археологам любые их идеи легко обретали вполне материальную основу и воплощение. Первая в 1985 г. отмечала в «Послесловии» к монографии Ловмяньского, выходившей на русском языке, что, «наряду с письменными известиями, основным видом источников, постоянно возрастающих количественно и качественно и ставящих все новые вопросы в изучении русско-скандинавских отношений, стали данные археологии». Вторая тремя годами позже утверждала, как давно само собой разумеющееся и со ссылкой на Арциховского и Клейна с сотоварищами, что «накопление все новых и новых археологических материалов… выдвинуло археологию на первое место в решении целого ряда проблем ранней истории» (Шаскольский 1965: 107, 181; 1971: 44; 1981: 205; Мавродин 1971: 129; Мельникова, Петрухин 1985: 235; Джаксон, Плимак 1988: 45).

Так археологи-«антинорманисты» были объявлены, с собственной подачи, монополистами в разработке варяжского вопроса (историкам было не до него, т.к. занимались решением других, более актуальных, с точки зрения марксистской науки, задач, очерченных, к примеру, Шаскольским и Клейном) и последней инстанцией в его трактовке. Еще в 1875 г. историков в сторону уже основательно отодвинул А.А. Куник, представив в качестве носителей истины в этом вопросе лингвистов, с их, по точной оценке Д.И. Иловайского от 1872 г., «норманским предрассудком» (Иловайский 1876: 271-272; Куник 1875: 452, 460), но сейчас их самих перевели на вторую позицию. Культ непререкаемого мнения археологов, который еще больше усиливался глубоко ошибочным представлением о их чуть ли не прямом вхождении в прошлое, по причине чего они якобы его доподлинно воспроизводят, был создан несмотря на то, что письменных памятников по варяго-русской проблеме вполне достаточно для ее решения, и число которых в последнее время, как демонстрирует хотя бы богатая подборка А.Г. Кузьмина «Сведений иностранных источников о руси и ругах», опубликованная в 1986 г. (Русская земля 1986: 664-682) и дружно игнорируемая норманистами, значительно возросло.

Но все они – давно или недавно известные – не согласуются с норманской теорией, этой idée fixe нашей науки. Поэтому для археологов, слабо представляющих себе специфику трудоемкой и требующей весьма высокой квалификации работы с ними, позволяющей добывать из них важнейшую информацию (как это происходит, к примеру, с ПВЛ), привыкших придавать количественным показателям, даже самым незначительным, к тому же имеющим узколокальный характер и довольно проблематичную датировку, решающее значение (и потому вводящих науку в заблуждения своими скороспело-«скоропортящимися» выводами, на основе которых возводятся многочисленные норманистские замки на песке), письменные памятники стали «малочисленны», «случайны», «противоречивы» и «сугубо скупы». Впрочем, сами эти характеристики уже выдают совершенных дилетантов в «штудиях» с ними.

Ощутив себя «властелинами» чисто исторического вопроса и главными в обеспечении его источниками, при этом полагая, как делился в 1999 и 2009 гг. директор Института истории материальной культуры РАН Е.Н. Носов своими чувствами и чувствами старших коллег, свысока взирающих на историков, что именно «конкретная» наука археология была, в условиях «советского антинорманизма», той самой «отдушиной, при которой можно было писать и заниматься наукой, оставаясь максимально искренним», археологи в 60-80-х гг. активно вводили в научный оборот мнимые «доказательства» норманства варягов. И делали это нарочито шумно, броскими заголовками своих работ о находке той или иной скандинавской вещи (и даже самого ее незначительного фрагмента), что было своего рода «фигой» официальному «антинорманизму», который хотя и не мешал вести разговор о варягах-норманнах, но все же сдерживал его тональность, не давая перерасти ему в безудержное славословие (как это было в XIX в. и есть теперь), за которым уж точно науки нет.

Введение в советскую науку корпуса археологических источников, вскоре ставших в толковании варяжского вопроса не только главенствующими, а, по сути, единственными, оказало, делился своими соображениями в 1994 и 1997 гг. А.А. Хлевов, «революционизирующее» влияние на спор норманистов и антинорманистов, в немалой степени способствовало решению ключевого норманского вопроса. «Основой переворота в науке о варягах, – резюмировал он, – стала борьба ленинградской школы скандинавистов за объективизацию подхода к проблеме и “реабилитацию” скандинавов в ранней русской истории». А переломным пунктом в том явилась дискуссия о варягах 1965 г., когда лидеры «пронорманской партии» Клейн и его ученики Лебедев, Назаренко и другие «сдвинули научный спор с “точки замерзания”, придав ему тот импульс, который определил дальнейшее направление поиска исторической

истины». Свой пафосный разговор о родной ему «ленинградской школы скандинавистов» (научным руководителем его кандидатской диссертации был ученик Клейна В.А. Булкин) Хлевов закончил на самой высокой ноте: эта борьба привела к победе «взвешенного и объективного норманизма, неопровержимо аргументированного источниками как письменными, так и археологическими» (в 2015 и 2018 гг. ученый признал, что «это заявление оказалось сколь оптимистичным, столь же преждевременным»).

При обращении к конкретным исследованиям (в том числе представите-лей упомянутой школы), к их результатам и источникам, на которых они строились, в первую очередь, археологическим, к методам и приемам работы с ними, предстает совершенно иная картина. Во-первых, «революционизирующее» влияние, приведшее к победе «взвешенного и объективного норманизма», оказалось огромным шагом назад, т.к. отбросило состояние разработки многовекового спора ко 200-летней давности, ко времени А.Л. Шлецера, Н.М. Карамзина и М.П. Погодина (впрочем сам Хлевов подчеркивает, отдать ему должное, что сейчас «норманский вопрос наукой решен в той форме, в какой он был поставлен в историографии XIX в.», т.е., согласно оценке норманиста В.А. Мошина, в форме «“ультранорманизма” шлецеровского типа») (Мошин 2010: 24, 26-27, 33-35, 40, 44, 70; Хлевов 1994: 5-6, 19-20; 1997: 3, 69, 91; 2015: 34; 2018: 197). Во-вторых, это влияние проявилось в том, что «максимально искренние» археологи-«антинорманисты» произвольно интерпретировали значимые материальные древности Руси в пользу скандинавов, к которым те, как затем будет установлено при надлежащем анализе, не имели никакого отношения (а точно так поступали с письменными источниками также «максимально искренние» «ультранорманисты» XIX столетия).

Например, так называемые «крестики скандинавского типа», каролингские мечи, камерные погребения и другие, по утверждению Е.Н. Носова, «все новые свидетельства интенсивных русско-скандинавских контактов» (и тут же лукаво заявлявшего, чтобы казаться, конечно, «максимально искренним»: «Были или нет варяги на Руси, сыграли или не сыграли они значительную роль в ранней русской истории, имели ли первые Рюриковичи скандинавские корни и т.д. – подобные вопросы стали достоянием прошлого. Требование времени заключалось в оценке роли скандинавов на Руси в различные хронологические периоды и в различных сферах жизни древнерусского общества в свете установленных достоверных фактов») (Носов 1999: 152-154; 2009: 346-348). А эти «все новые свидетельства» ставили, согласно вышеприведенному мнению Е.А. Мельниковой и В.Я. Петрухина, «все новые вопросы в изучении русско-скандинавских отношений».

Вот по такому норманистскому кругу и ходили советские ученые, глубокомысленно решая, если повторить за А.В. Арциховским, «ряд связанных с варяжским вопросом загадок», давая на них понятные ответы. Как подчеркнул в 1975 г. Д.А. Авдусин, размышляя об увеличении археологических данных по варяжской проблеме, преподносимых как скандинавские: «…Во многих случаях происходит топтание на месте и даже возврат на старые позиции», т.е. на позиции традиционного норманизма (но ошибочно видя причину того, а в данном случае он по сути продублировал сказанное в 1965 г. Шаскольским в адрес зарубежных норманистов, в некритическом подходе к источникам, хотя все объясняется элементарной тенденциозностью).

Одновременно с тем Авдусин сделал очень важное наблюдение, показывающее, к чему так настойчиво пытаются в конечном итоге свести разговор археологи-«антинорманисты»: в обсуждении захоронений знаменитого Гнездова под Смоленском «наиболее активно обсуждается именно проблема этноса – этнической принадлежности людей, погребенных в его курганах, – та самая проблема, которая якобы не играет роли в норманском вопросе» (годом ранее он отмечал, что «наивысшего накала достигла дискуссия вокруг вопроса об этнической принадлежности конкретных гнездовских погребений»), и что ленинградские археологи стремятся «доказать наличие в Гнездове значительного количества варягов»-скандинавов (Авдусин 1974: 74; 1975: 148-149). Однако и сам Авдусин в 1988 г., что опять же демонстрирует противоречивость «советского антинорманизма», «предубежденность» А.В. Арциховского узрел в том, что этот выдающийся археолог и ярчайший представитель общего для них обо-их «антинорманизма», «не увидел скандинавских элементов, например, в Большом кургане Гнездова и в Черной Могиле, преуменьшал в целом роль скандинавов в жизни Руси» (Авдусин 1988: 27).

И если И.П. Шаскольский в 1965 г. объяснял, что «норманизм как течение в буржуазной археологии существует только в скандинавских странах и частично в соседней Финляндии» (т.к. ведь только скандинавские, главным образом, шведские «археологи, хорошо знакомые с археологическими памятниками Скандинавии IX-XI вв., в состоянии оперировать тем конкретным материалом, который используется для аргументирования норманистских концепций в археологии»), то Л.С. Клейн в 1978 г. уже объявил, что «мертвы не только Арне и Арбман. Мертв археологический норманизм» (Шаскольский 1965: 101; Клейн 1978: 49). Но это было лишь на словах и, в последнем случае, для отвода глаз. В 1970 г. А.Г. Кузьмин, говоря о появлении в последнее время в советской науке ряда «работ, уже прямо смыкающихся с построениями норманизма», заметил, что «особенно эта “неонорманистская” струя ощущается в археологии», а в 1986 г. прямо сказал: «Сейчас главным прибежищем норманизма является археология». Указывая, таким образом, что проблема заключается не в количестве археологических находок, возведенных Арциховским в абсолют, а в их интерпретации, на что справедливо обращал внимание сам этот ученый в 1962 г. на конгрессе в Риме (Artsikhovsky 1962: 3; Кузьмин 1970: 48; Русская земля 1986: 27).

О том же вели речь и не менее знаменитые коллеги А.В. Арциховского. В 1967 г. М.И. Артамонов подытоживал, что некоторые из предложенных археологами решений заселения славянами Восточно-Европейской равнины «оказываются несостоятельными. Они поспешны и основаны на недостаточном материале». Тогда же он констатировал, что норманская проблема

«не столько сложная, сколько запутанная» в археологии, т.е. вся проблема заключается в интерпретации материала, носящей сугубо субъективный характер. Так, новгородские сопки раньше приписывали норманнам (А.А. Спицын, В.И. Равдоникас, Х. Арбман), затем славянам (П.Н. Третьяков, тот же В.И. Равдоникас, С.Н. Орлов и др.). Как ставил точку Артамонов, «и то и другое без достаточных к тому оснований». Но тут же сам, также не приводя никаких оснований, не исключил возможности проникновения варягов-скандинавов на Днепр «в несколько более ранее время», чем образование Русского государства в 882 году. Годом позже И.И. Ляпушкин заключал в целом, что древности Восточной Европы «используются не как источники для воссоздания исторического процесса, протекавшего на данной территории, а как иллюстрации к умозрительным концепциям» (Артамонов 1967: 66, 68-69; Ляпушкин 1968: 92).

При иллюстрации норманизма – абсолютно умозрительной концепции – его сторонники задействуют прежде всего немудреную логику, полно охарактеризованную еще в 1872 г. Д.И. Иловайским: «Наша археологическая наука, положась на выводы историков-норманистов, шла доселе тем же ложным путем при объяснении многих древностей. Если некоторые предметы отрытые в русской почве походят на предметы, найденные в Дании или Швеции, то для наших памятников объяснение уже готово: это норманское влияние» (Иловайский 1876: 271) (но теперь ведомыми были историки). И согласно которой чуть ли не весь неславянский материал выдается за скандинавский и в обязательном порядке связывается, без какого-либо объяснения, с летописными варягами (к тому их ведет еще тенденциозная установка соотносить артефакты IX-XI вв. либо с германцами, либо со славянами, словно никого больше и не было в Европе). В качестве примера, как неславянское легко превращалось в скандинавское, можно привести работы 1969-1970 гг. С.И. Кочкуркиной (включая кандидатскую диссертацию), в которых она представила многие курганы Юго-Восточного Приладожья скандинавскими (и это несмотря на то, что, как ей самой же было отмечено, трудно выделять норманские могилы, ибо «они не имеют ярких особенностей»).

А представила потому, что в курганах обнаружены очаги (в 77 из 250), фибулы, сломанное оружие, захоронение в ладье, железные гривны, «связанные со скандинавским языческим культом бога Тора и имевшие для норманнов важное религиозное значение» (однако тут же признавая, но не видя в том фатальной угрозы для своей концепции, что пять из них обнаружены в «женских погребениях, принадлежавших местному населению, две гривны сопровождали мужские погребения, которые, видимо, можно отнести к скандинавским»). Как подытоживала исследовательница, скандинавы-«пришельцы были немногочисленны и через некоторое время ассимилировались местным населением. С середины XI в. Приладожье подверглось активному славянскому влиянию, выразившемуся в проникновении значительных групп населения» (Кочкуркина 1969: 20-27; 1969а: 14-18; 1970: 145-161), т.е. славяне оказались в данном районе на два столетия позже скандинавов.

Фиктивность «аргументов» «максимально искренней» в деле норманизации Руси Кочкуркиной продемонстрировала в 1971 г. археолог Н.В. Тухтина: очаги в Швеции отличаются от приладожских, «погребение из кургана № 7… она ошибочно рассматривает как захоронение в ладье, т.к. найденные в нем железные оковки являются не лодочными заклепками, а деталями колчана» (единственное в Приладожье погребение в ладье, которое находилось в кургане № 19, содержит местные черты), «признаком скандинавского захоронения может лишь служить находка гривны в мужской могиле», но «при внимательном рассмотрении погребального инвентаря оба указанных погребения оказались женскими», что мода на овальные фибулы и «обычай скреплять юбки именно в финно-угорской среде нашли себе благоприятную почву».

Как подводила черту Тухтина, во-первых, «погребальный обряд и инвентарь приладожских курганов настолько однороден, что нет основания для выделения скандинавских некрополей», во-вторых, курганы эти принадлежат угро-финскому народу вепсов (весь) (Тухтина 1971: 162-181). В 2014 г. Кочкуркина утверждала, снизив тональность прежних рассуждений, но так и не расставшись – велика же сила гипноза шведа Т.Ю. Арне, который в 1914 г. первые свои миражные норманские колонии как раз «основал» в Юго-Восточном Приладожье, – со своими героями, что население, оставившее приладожские курганы, было «прибалтийско-финского происхождения и в меньшей степени скандинавского, к которому позднее добавились славяне», что появление в конце IX-X вв. «скандинавских купцов-воинов» в данном районе, «создание ими опорного пункта на р. Сяси и тесные связи с Ладогой способствовали активному участию приладожского населения в международной торговле» и что о контактах двух этносов «свидетельствуют скандинаво-финские погребения» (Шаскольский 1965: 98, 138-151; Кочкуркина 2014: 657).

Понятно, что Тухтина не была антинорманистом, а просто не смогла не отреагировать, как того вообще-то и требует долг ученого, на принципиальные ошибки и заблуждения Кочкуркиной. И также, в силу все более усиливавшихся норманистских настроений в науке, укрепляла их, причем очень опираясь на магию слова «кажется». «Нам кажется, что волховские сопки – говорила она в 1968 г. (и тремя годами позже, тогда же без объяснения добавив к ним, как бы в качестве довеска, курганную группу в урочище Плакун), – оставлены скандинавами, жившими в Старой Ладоге» (датируя эти погребальные сооружения IX-X вв. и отмечая «удивительную бедность инвентаря»). Потому как, оспаривала Тухтина мнение большинства своих коллег, утверждавших об их принадлежности славянам, обряд сооружения каменных кладок сопок «не находит аналогий на нашей территории. В скандинавских же странах, особенно в Швеции, подобные сооружения были широко распространены» (при этом ею было указано, с ошибочной его национальной и профессиональной идентификацией: «Шведский археолог А. Стендер-Петерсен полагает, что сопки оставлены богатыми шведами, а основная масса приладожских курганов (бассейны

рек Паши, Сяси, Ояти, Тихвинки) – шведскими крестьянами») (Тухтина 1968: 188-193; 1971: 165-166).

Следующий шаг, который предпринимали советские археологи для решения «загадок» варяго-русского вопроса, – это безудержная абсолютизация (сродни безмерной младенческой радости) из всего огромного вещественного материала «норманского», удельный вес которого и сегодня довольно микроскопичен и который ими выдается за таковой по прямой «указке-подсказке» скандинавских ученых. Потому как те давно уже занесли очень многое из найденного в своих странах в каталоги и работы как несомненно скандинавские (согласно подобной «национализации», скажем, древностей Восточной Европы можно говорить, по их распространению за ее пределами, о масштабной колонизации славянами Западной Европы, Азии, Африки). Показательны в этом плане слова И.П. Шаскольского, прозвучавшие в 1965 г., что попытки археологов СССР доказать полное или почти полное отсутствие на территории Руси скандинавских археологических памятников IX-XI вв., «была связана с недостаточным знанием материалов скандинавской, особенно, шведской археологии» (Шаскольский 1965: 106).

Но очень скоро эти материалы были ими, при активном содействии того же Шаскольского, узнаны, и под их влиянием восточноевропейские находки стали трактоваться в качестве «норманских». Как несколько пояснила в 2017 г. археолог Н.И. Платонова, при начавшейся в те годы ревизии имеющихся данных «с позиций строгого подхода», проникнутого «пафосом поиска абсолютно достоверного», «не обошлось без двойных стандартов. Только на сей раз во всех спорных случаях доминировало утверждение неславянской принадлежности раннесредневековых древностей» (Платонова 2017: 216). В связи с чем славяне оказались во многих районах Восточной Европы намного позже скандинавов (а данный вывод представляет собой принципиальную позицию «советских антинорманистов» и современных норманистов, требующую своего объяснения, и в советское время на нем заострял внимание, наверное, только А.Г. Кузьмин).

В 1967 г. М.И. Артамонов, в котором ныне видят одного из «основоположников российской археологии XX в.» и одного из «главных создателей нового варианта реконструкции этнокультурной истории Восточной Европы» (Плетнева 2002: 5; Платонова 2017: 215), определявшего, таким образом, принципиальные подходы в оценке наших древностей и нашего прошлого, подытоживал, беря во внимание материал, в качестве скандинавского вбрасываемый археологами в науку, что «новая хронология заселения славянами северо-западной области заставляет пересмотреть старый вопрос о славяно-варяжских (норманских) отношениях» и что славяне, заселяя Приладожье, «попадали в область уже в какой-то мере подчиненную варягам и сами должны были признать их господство». Через пять лет он повторно произнес: «Археологические открытия последнего времени не оставляют сомнений в том, что славянское завоевание лесной полосы Восточной Европы совпало по времени с проникновением туда же норманнов, известных в русской летописи под именем варягов. Варяги появились там местами даже раньше славян. Так, на Волхове известны варяжские памятники, датирующиеся концом VIII в. В Ладоге варяжско-финское население было задолго до славян, следов которых до начала X в. в этом городе не обнаружено», и что до X в. славян в Приильменье, где уже находились варяги-норманны, не было (Артамонов 1967: 68; 1990: 283-284).

Вместе с тем археологи, спешно записывая тогда в «норманские» многочисленные находки, стали выдавать их за прямое свидетельство пребывания скандинавов на Руси (такую антиисторическую логику имели в виду в 1982 и 2002 гг. «гэдээровский» археолог Й. Херрман и наш историк А.Н. Сахаров, заметившие, что из распространения восточных монет «не следует делать вывод о непосредственных путешествиях арабских торговцев на Балтику» и что «Скандинавию следовало бы осчастливить арабскими конунгами, поскольку арабских монет и изделий в кладах и захоронениях нашли там немало»: Херрман 1986: 63; Сахаров 2002: 66). При этом не принимая в расчет простого факта, что в Восточной Европе любой из них мог оказаться без участия скандинавов, ибо был привнесен туда в качестве предметов торговли, обмена, трофеев, каких-то других операций, в ходе миграционных процессов, вобравших в себя представителей разных этносов, в том числе неславянских, что придало русской культуре очень много – выраженных ярко и не очень – оттенков (в некоторых случаях и в чем-то скандинавский).

Рассуждая о качественной значимости составляющих доказательной базы, которыми оперируют ученые, Х. Ловмяньский в 1957 г. правомерно предостерегал, говоря о вспомогательных в решении варяжского вопроса источниках: «Еще большей осторожности, требуют доводы, основанные на археологических находках, чем на ономастике, поскольку материальные предметы поступали прежде всего благодаря торговым отношениям и военным походам». Во многом именно торговлей объясняли И.П. Шаскольский (1965, 1979) и В.В. Седов (1983) присутствие скандинавских артефактов в Восточной Европе, по уточнению В.М. Потина (1968) – «необходимостью скандинавских стран расплачиваться за русское серебро» (согласно Шаскольскому, «наличие отдельных скандинавских вещей в том или ином погребении могло объясняться случайностью, свидетельствовать лишь о наличии торговых связей между местным населением и скандинавами»).

В 1977 г. А.Н. Кирпичников (фиксируя «международный синкретизм в отделке русской одежды X в.», в связи с чем в «погребениях киевской дружины встречаются самые пестрые сочетания остатков костюма и воинского снаряжения», а «северные украшения соседствуют с восточными и общеевропейскими») констатировал, что «киевские воины пользовались изделиями, которые непосредственно попадали к ним путем торговли и грабежа», и что этот факт «ослабляет ясность этнического определения многих дружинных погребений, и здесь предстоит значительная и осторожная работа». В 1978 и 1980 гг. он (в соавторстве с Г.С. Лебедевым, В.А. Булкиным, И.В. Дубовым, В.А. Назаренко) опять же подчеркнул: «…Как ослабляется точность этнической диагностики, например, при анализе погребений

с набором разнородных, нередко привозных изделий. Тщательный их анализ не всегда позволяет установить происхождение владельца, однако это не дает права расширительно трактовать масштабы варяжского или какого-либо другого “находничества” в Киевском государстве» (но именно так и происходило и происходит, взять хотя бы сейчас работы В.В. Мурашевой). По находкам скандинавских вещей трудно определить, резюмировала в 1985 г. норвежский археолог А. Стальсберг, попали ли они к восточным славянам «в результате торговли или вместе со своими владельцами». Вооружение и предметы быта можно было, перечислял в 1986 г. А.Г. Кузьмин, «и купить, и выменять, и отнять силой на любом берегу Балтийского моря» (Ловмяньский 1985: 50; Шаскольский 1965: 95, 118, 124, 150-151, 167, прим. 300; 1981: 206; Потин 1968: 44; Кирпичников 1977: 161; Кирпичников, Лебедев, Булкин, Дубов, Назаренко 1978: 82; 1980: 34; Седов 1982: 189; Стальсберг 1987: 74; Русская земля 1986: 28. См. также: Фомин 2010: 420-431).

И не может быть, конечно, сомнений в том, что материальные вещи, особенно оружие, предметы украшения и роскоши, независимо от того, где и кем они были произведены, живут самостоятельной жизнью, в течение которой становятся, в силу ряда причин, собственностью представителей разных народов и перемещаются на огромные расстояния, в связи с чем не могут выступать в качестве атрибута этнической принадлежности своих владельцев. Прекрасно понимая это, норманист Ю.В. Готье сказал в 1930 г. по поводу идеи Т.Ю. Арне о норманской колонизации Руси, что «на одиночных находках, тонущих в массе предметов иного характера и происхождения, нельзя построить доказательство длительного существования в данном месте скандинавского поселения» и что «совершенно отдельные случайные находки скандинавских вещей доказывают еще меньше: отдельные предметы могли тем или иным способом попасть и в руки не-варягов; отсюда можно вывести, что скандинавские предметы попадали в нашу страну, и только» (вместе с тем он отметил явное стремление этого шведского ученого «видеть на русской территории как можно больше чисто скандинавских археологических памятников, что ему необходимо для оправдания его теории о скандинавских колониях в Восточной Европе»).

Английский археолог П. Сойер, изучавший эпоху викингов и не сомневавшийся в норманстве варягов, указал в 1962 г., говоря в том числе о беспочвенности выводов Арне, что «сами по себе археологические находки… свободны от пристрастности, они не говорят ни за, ни против скандинавов. Тенденциозность создают те, кто работает с этим материалом». Скандинавские вещи в русских захоронениях, пояснял исследователь, «еще не доказывают того, что люди, погребенные в этих могилах, были скандинавами или имели скандинавских предков. Предметы такого рода могут переходить из рук в руки, нередко оказываясь очень далеко от народа, который их изготовил или пользовался им первым. Это может показаться ясным как день, но порой об этом забывают. Некоторые ученые воспринимают обнаружение скандинавских предметов, особенно в России, как доказательство тесных связей со Скандинавией» (Готье 1930: 250, 255; Сойер 2002: 17, 21, 73-74, 99-100).

Но что было ясно как день высокопрофессиональному английскому специалисту (классику, как его именуют в зарубежной скандинавистике), в ином свете, причем в те же самые годы, представлялось советским археологам, изголодавшимся, сидя на диете «советского антинорманизма», по норманизму без границ. Как внушал слушателям своего семинара (будущим «видным славистам», мыслящим затем только по заданному им норманистскому шаблону и вскоре ставшим сами задавать тон не только в археологии, но и в реконструкции истории Руси IX-XI вв.) Л.С. Клейн, ссылаясь на работы шведских коллег Т.Ю. Арне и Х. Арбмана: «Во многих местах восточнославянской земли найдены археологические следы пребывания норманнов… В Бирке (Швеция) раскопаны могилы знатных норманнов, покойники лежали там внутри срубов, и вот богатые срубные погребения той эпохи обнаружены в Киеве и Чернигове. У скандинавов был обычай погребать воинов в ладье – и под Смоленском, в Гнездове обнаружены такие погребения. Хороня своих воинов, норманны ломали их оружие и клали в таком виде в могилу – сломанные мечи обнаружены и в Гнездовских погребениях» (Клейн 2009: 53, 71. См. также: Томсинский 2014: 357-370).

Ученики Клейна выросли, и в 1970 г. он совместно с двумя из них – Г.С. Лебедевым и В.А. Назаренко – опубликовал (в сборнике под редакцией в том числе своего «оппонента» по дискуссии 1965 г. И.П. Шаскольского) статью «Норманские древности Киевской Руси на современном этапе археологического изучения» (как отмечали позже В.А. Булкин, И.В. Дубов, Г.С. Лебедев, в ней суммированы «конструктивные положения» той дискуссии, определившиеся тогда «основные выводы и перспективы»: Булкин, Дубов, Лебедев 1987: 14; Лебедев 1999: 102), представив в ней всему научному миру – с помощью цифр – то, чего не было и чего нет. А именно фантазии шведа Т.Ю. Арне о норманской колонизации Руси в редакции датчанина А. Стендер-Петерсена. Но прикрывая ее – в традициях «советского антинорманизма» – ритуальными заклинаниями, что, «опираясь на археологические материалы, мы вправе отбросить представление о “вокняжении” на Руси варяжской династии – другими словами, о завоевании неожиданно высокого положения представителями чуждой, пришлой знати, не имевшими никакой социальной опоры в восточноевропейской среде», и что они-де не преувеличивают количество норманнов в Восточной Европе, т.к. «перед нами только выборка из всей массы древностей того времени, и при этом выборка не репрезентативная по отношению ко всей массе».

Материал же статьи подводит к противоположным выводам. Заверяя, что «определение скандинавского происхождения многих категорий вещей в настоящее время не представляет собой трудности» (и относя к надежным признакам этнической принадлежности, например, разного рода фибулы, браслеты, подвески, сожжение в ладье, камерные погребения), авторы заявили о значительном весе скандинавов в высшем слое «дружинной или торговой знати» Руси. В X в. они – знатные дружинники, купцы и их жены, простые вои-

вернуться к оглавлению ▲

ны, ремесленники и, возможно, крестьяне – составляли «не менее 13% населения отдельных местностей» Руси по Волжскому и Днепровскому торговым путям. По столичному Киеву эта цифра выросла у них до 18-20%, а в Ярославском Поволжье численность скандинавов уже «была равна, если не превышала, численности славян» (одновременно с тем археологи вели речь о представительном вкладе скандинавов в материальную культуру восточнославянского общества, куда ими были привнесены многие виды оружия, прежде всего каролингские мечи) (Клейн, Лебедев, Назаренко 1970: 234, 238-239, 246-249, 251-252; Клейн 2009: 262). Спустя 39 лет Клейн признал, не будучи уже обремененным никакими условностями, что в данной статье, оформившей «нашу победу в Варяжской дискуссии 1965 г.», «впервые после Покровского была изложена и аргументирована “норманистская” трактовка варяжского вопроса в советской научной литературе» (вернее будет сказать, ультранорманистская трактовка, подкрепленная весьма значимыми, казалось, археологическими находками).

Причем эта трактовка была столь впечатляющая и столь ожидаемая, что разом покончила с разговорами о каких-то жалких «горсточке» или «незначительной кучке» норманнов на Руси, тем самым дополнительно внеся самое серьезное сомнение в состоятельность «советского антинорманизма» и его догм. Как отмечал в 1974 г. А.Г. Кузьмин, называя статью Клейна, Лебедева, Назаренко и монографию Кочкуркиной 1973 г., в основу которой была положена кандидатская диссертация 1969 г., «в археологической литературе все более широкое обоснование получает тезис, что удельный вес норманнов-варягов был намного значительней, чем это предполагалось некоторое время назад. С норманнами теперь связывается подавляющая часть социальной верхушки Древнерусского государства», в связи с чем делается беспредметным рассуждение о возникновении Русского государства в результате внутреннего развития восточнославянского общества. Но это обстоятельство нисколько не насторожило «советских антинорманистов», якобы на дух не переносящих норманизм и своим чутким марксистским обонянием улавливавшим его в далеких буржуазных америках и европах. Более того, статья Клейна, Лебедева, Назаренко была принята ими, в чем ничего удивительного нет, на «ура». По свидетельству Клейна, ее появление «приветствовалось во многих обзорах, как отечественных, так и зарубежных. “Ценный вклад”, “позитивная работа”, “первая сводка данных” – это писали не только сторонники, но и антинорманисты» (к примеру, И.П. Шаскольский) (Кузьмин 1974: 55; Клейн 2009: 171).

Хотя англичанин П. Сойер, прекрасно зная истинную цену таким «ценным вкладам» коллег, в первую очередь скандинавских (норманистскую трактовку Арне и его ученика Арбмана, данную многим русским находкам и совершенно пленившую Клейна, он приводил в качестве ярчайшего примера тенденциозной аргументации), еще в 1962 г. предостерегал историков от легковерности: «Пытаясь увязать исторические и археологические данные, очень легко соблазниться самыми удобными гипотезами и отнестись к ним так, как будто они исключают все прочие возможности, поэтому историки, пользующиеся вещественными материалами, должны особенно остерегаться подобных обманчивых доводов». Пояснив затем: «Все эти трудности, ожидавшие каждого, кто обращается к археологическим данным, были подчеркнуты не для того, чтобы доказать бесполезность археологии, а чтобы стала понятнее, какой реальной ценностью она обладает. Вне всякого сомнения, археология вносит важный вклад в изучение эпохи викингов, но если не признавать довлеющих над ней ограничений, она может принести больше вреда, чем пользы» (Сойер 2002: 94-96, 98-99).

Однако «советские антинорманисты»-марксисты, в отличие от немарксиста и представителя буржуазной науки, которую они нещадно бичевали за «норманизм», воспринимали «обманчивые доводы» археологов за абсолютную истину. В 1971 г. А.С. Кан и А.Л. Хорошкевич отмечали на страницах ведущего академического журнала «История СССР», что статья Клейна, Лебедева, Назаренко есть «первая в советской литературе обобщающая сводка данных о скандинавских древностях на русской территории». В 1973 г. М.Б. Свердлов со ссылкой на нее констатировал: «Анализ скандинавских комплексов в X-XI вв. позволяет предположить, что в Восточную Европу переселялись не только знать, дружинники, купцы и их жены, но и простые воины, ремесленники и, возможно, крестьяне». При этом также стандартно заклиная, «что нельзя преувеличивать роль норманнов в экономической, политической и культурной жизни формирующегося восточнославянского государства и тем более считать их его основателями, что характерно для идеалистической “норманской” теории, господствующей в буржуазной исторической науке» (Кан, Хорошкевич 1971: 190; Свердлов 1973: 40).

Благодаря Клейну, Лебедеву, Назаренко, подчеркивал в 1978 г. И.П. Шаскольский, «выяснилось, что сторонники и противники норманской теории, на протяжении многих десятилетий утверждавшие или отрицавшие существование большого числа норманских археологических памятников на древнерусской территории, опирались лишь на весьма поверхностное знакомство с конкретным материалом». В 1988 г., когда шел процесс расставания с «советским антинорманизмом» (а с ним «была без радостей любовь»), Т.Н. Джаксон и Е.Г. Плимак посредством того же журнала «История СССР» уже пели ее авторам дифирамбы: они, впервые очертив «возможности археологии в решении норманской проблемы», выработали «строго научную и логически последовательную методику определения этнической принадлежности археологических древностей и объективную систему подсчета “достоверно варяжских комплексов”», представили достаточно объективные суммарные оценки, базирующиеся на широком археологическом материале, присутствия варягов на Руси (в 1993 и 2001 гг. эти слова Джаксон повторила в печати и на телевидении. Совсем недавно, в 2010 г., С.В.Соколов преподнес ту же статью в качестве «давно вошедшей в число классических публикаций по проблеме») (Шаскольский 1978: 162-163; Джаксон, Плимак 1988: 46-47; Джаксон 1993: 84; Соколов 2010: 107).

Согласиться с такими хвалебными отзывами не представляется возможным не только в свете уже приведенной оценки А.Г. Кузьмина выводов названных археологов (которых и он, и Авдусин, подвергли, по уверению Джаксон и Плимак, необоснованной критике, снова обратившись к термину «норманизм», «используя его в качестве ярлыка» (Джаксон, Плимак 1988: 46-47), хотя это была лишь констатация очевидного факта. Однако в норманистском мире все творится под любимым лозунгом Л.С. Клейна: «норманизма нет!»). Потому как даже некоторые «советские антинорманисты», к примеру, А.С. Кан и А.Л. Хорошкевич усомнились, не будучи археологами, в правильности их методики выяснения «процентного соотношения скандинавских с нескандинавскими курганами», критериев отнесения «бедных вещами курганов, к числу скандинавских: каменная ограда вокруг кургана, находки в кострище обрядового печения, урна, поставленная на глиняную и каменную вымостку, – все эти детали обряда встречаются и у славян, и сами по себе еще не дают возможности определить этническую принадлежность памятников» (Кан, Хорошкевич 1971: 190).

В 1975 г. Д.А. Авдусин заметил, что публикации Клейна, Лебедева, Назаренко (а также еще одного «видного слависта» Булкина) «вызывают возражения в конкретно-историческом плане, иначе говоря, в методах привлечения источников и приемах освещения общеисторического фона», в результате чего «строятся сомнительные “теории” с норманистским оттенком» (вроде утверждения Лебедева и Назаренко в статье, вышедшей в Норвегии в 1973 г., о «городской культуре со скандинавскими элементами на Руси во второй половине X века… о значительности скандинавского влияния на прикладное искусство Руси… о проникновении скандинавов на Днепр в IX веке и т.д.»). При этом он напомнил азбучное (а с ним знакомят уже первокурсников), что «для привлечения вещей к решению этнических проблем эти вещи должны быть сами этнически характерными или, по крайней мере, определимыми» и что до работ А.В.Арциховского «каролингские мечи категорично объявлялись скандинавскими» (Авдусин 1975: 148, 151, 153, 155-156).

Да и мнения других археологов, в том числе учеников разных лет Клейна, высказанные в общем плане, никак не позволяли разделить «перестроечного» оптимизма Джаксон и Плимак. В 1982 г. И.В. Дубов говорил, что одной из сложнейших задач славяно-русской археологии IX-XI вв. как раз «является этническое определение древностей» (в 1990 г. он писал, ведя разговор о находках на территории Северо-Восточной Руси, среди которых также обнаружено якобы большое число скандинавских вещей: «Сложность и запутанность проблем этнической истории связаны с тем, что соответствующие письменные источники крайне скудны, а археологические комплексы далеко не всегда можно идентифицировать этнически»). В 1982 г. Р.С. Минасян резюмировал, что «археологические материалы имеют относительно твердую хронологическую привязку, но их этническая атрибуция не всегда достаточно убедительно обоснована» и что отсутствие «надежных этнических индикаторов позволяет манипулировать археологическими памятниками в зависимости от концепции того или другого исследователя» (Дубов 1982: 7; 1990: 15; Минасян 1982: 25), т.е. все тот же субъективный характер, напрочь убивающий объективность, а с ней и истину.

Приведенные слова в полной мере относятся к статье Клейна, Лебедева, Назаренко, которые, исходя «из объективного и всестороннего анализа» компонентов погребального комплекса, решили соотнести количество скандинавских погребений не с общим числом раскопанных курганов могильника, «а лишь с числом этнически определимых и сравнивать его надо с числом достоверно славянских комплексов». Посредством такого «подсчета», исправлявшего, на их взгляд, прежние методы, в Тимеревском могильнике под Ярославлем, в котором, по заключению М.В. Фехнер 1963 г., насчитывалось 38% финских, 15% – славянских, 4% – скандинавских, оказалось, при отбрасывании 43% погребений неопределимых комплексов и разнесения оставшихся по столетиям (а эта датировка носит более чем условный характер: К.А. Михайлов отмечал в 2001 г., что находки скандинавских вещей в погребальных комплексах Восточной Европы «не помогут точно указать дату погребения, так как в Скандинавии вещи также датируются приблизительно, в пределах одного или двух столетий»: Михайлов 2001: 168), что «в X в. 75% комплексов принадлежит местному финскому населению, 12% – славянам и 13% – скандинавам» (данную систему подсчета и ее результаты по Тимереву Клейн огласил в 1965 г. с поражающим воображение пояснением: 13% означают, что в X в. «каждый восьмой житель окрестностей Ярославля оказывался варягом, а славян было меньше, чем варягов»). Причем авторы, заметив в отношении 18-20% скандинавских погребений в Киеве, что «было бы методически неверным на основании этих данных судить об относительном количестве варягов в Киеве и делать какие-либо исторические выводы», преподносят и эти и другие проценты именно в качестве «относительного количества варягов», т.е. самых что ни на есть «живых душ», и оглашают именно исторический вывод: «…Норманны, несомненно, входили в состав социальной верхушки Киевской Руси» (Клейн 1999: 96; 2009: 112, 126-127; Клейн, Лебедев, Назаренко 1970: 245-248).

В 2014 и 2016 гг. археолог С.В. Томсинский указывал, что подобная методика подсчета ведет «к грубым искажениям представлений об исторической действительности», и охарактеризовал громкий вывод Клейна, что «каждый восьмой житель окрестностей Ярославля оказывался варягом, а славян было меньше, чем варягов», как «лукавая математика». Во-первых, не в «окрестностях», а на Тимеревском поселении (расположен далеко не рядом с Ярославлем, впервые упомянутым в летописи под 1071 г.), «да и то если все погребенные были его обитателями, в чем совсем нет уверенности» (ибо «состав кладбища, – отмечал уже сам Клейн в 2004 г., – не отражает прямо состава живой общины и т.д.»). Во-вторых, «выясняется, что речь идет, собственно, о двух-трех семьях скандинавского происхождения, представители которых, обоего пола и разного возраста, погребены на могильнике. Вот и все “присутствие скандинавов”!» (А.Е. Леонтьев в 1996 г. подытожи-

вал, что пестрота инвентаря и различия в обрядности ярославских курганов «не соответствует этническому разнообразию населения. Бесспорно, часть курганов скандинавские – слишком ярки их этно-определяющие черты. Остальные – древнерусские, что предполагает славянский приоритет среди населения»).

В 2017 г. Томсинский, считая, что Клейн, Лебедев, Назаренко не осознавали неоднозначности «информативности археологических источников» и перелицовывали их «из славянского в неславянское», заключил, что в определении этнической принадлежности погребенного «последнее слово будет не за археологами, а за антропологами и палеогенетиками, постоянно совершенствующими свои методики, для которых предметом изучения является сам человек, его останки» (ЛЛ 1897: 170; Леонтьев 1996: 287; Клейн 2004: 96; Томсинский 2014: 363; 2016: 374; 2017: 158, 170. См. также: Клейн 2015: 347-348). Однако и в этом случае мало что может измениться по существу, т.к. народы в ходе давно идущих переселенческих процессов перемешивались друг с другом, что хорошо видно, например, по материалам пшеворской культуры междуречья верхних течений Вислы и Одера (конец II в. до н.э. – начало V в. н.э.), в пределах которой жило смешанное славяно-германское население, к началу нашей эры вобравшее в себя ранее проживавших здесь кельтов. Как констатировал в 1979 и 1994 гг. археолог В.В. Седов, совместное и длительное пребывание двух этнических групп на одной территории вело к появлению общих славяно-германских поселений и могильников, «к сложению двуязычия в отдельных регионах, и к метисации населения» (Седов 1979: 62-63, 67-74; 1994: 158-162, 166, 169-170, 176-198. См. также: Козак 1993: 54-56, 66). Затем Великое переселение народов основательно перемешало антропологические типы, а с заселением славянами Южной Балтики многие тамошние народы, в том числе германцы, были ими ассимилированы и считали себя, естественно, славянами. Поэтому главный вопрос заключается в том, на каком языке говорили погребенные? Но он, к сожалению, практически останется без ответа.

Сами искажения Клейна, Лебедева, Назаренко связаны с тем еще, что картину массового пребывания скандинавов на Руси они рисовали в первую очередь посредством подсчета камерных погребений середины и второй половины X в., обнаруженных в Ладоге, Пскове, Гнездове, Тимереве, Шестовицах под Черниговом, Киеве и выдаваемых за захоронения норманнов, якобы входивших в высший слой «управленцев» восточных славян. Но русские камерные погребения произвольно были увязаны, как вообще большинство наших древностей, со скандинавами. Ибо камерные гробницы шведской Бирки IX в., на основании которых воцарилось мнение о норманском характере сходных погребений в Восточной Европе, высказанное Т.Ю. Арне и активно закрепляемое затем Х. Арбманом, не являются шведскими, а прежде всего ими эти шведские археологи доказывали существование на Руси норманских колоний. В 1955 и 1961 гг. Арбман в монографиях «Шведские викинги на Востоке» и «Викинги» проводил идею учителя, что главной областью колонизации военно-торгового и крестьянского населения «первоначально было Приладожье, откуда часть норманнов проникла в Верхнее Поволжье, а другая часть, двинувшись по днепровскому пути, основала норманские колонии в Смоленске-Гнездове, Киеве и Чернигове», и что скандинавы, расселяясь по Восточной Европе, установили господство над ее славянским населением и создали Русь (Шаскольский 1960: 227, 230-231; 1965: 26, 101-103, 127-129, 169, 178).

В 1980 г. их соотечественница А.-С. Грёслунд, изучая погребальные камеры Бирки, установила, что они «не имеют местных прототипов, и по-явление их, очевидно, связано с интернациональным характером» города «и особенно с купеческим слоем» (цит. по: Жарнов 1991: 217). Как уточнил в 2013 г. украинский археолог и историк П.П. Толочко: «Однако при тщательном расследовании», проведенном этим специалистом, «оказалось, что в материковой Скандинавии погребений в деревянных камерах нет» (Толочко 2013: 77). В 1982-1986 гг. немецкий археолог Й. Херрман отметил, что «уже в самых ранних могилах Бирки (IX в.) обнаружены остатки вышитых полотняных рубашек» – женских рубах славянского покроя, чуждых для Скандинавии. В 1996 г. английские историки С. Франклин и Д. Шепард заостряли внимание на том, что в Скандинавии камерных погребений немного, что больше всего подобных погребений фиксируется на Днепровском пути и что хотя конструкция и инвентарь камерных погребений в могильниках Поднепровья напоминают таковые в Бирке, но «в большей части захоронений нет предметов безусловно скандинавского типа. Более того, у многих орудий, обломков посуды или предметов упряжи нет скандинавских аналогов или чего-либо» (Херрман 1986: 29; Франклин, Шепард 2000: 181-184).

Камерные гробницы, констатировал в 2002 г. археолог А.Н. Кирпичников, долгое время «считали шведскими, теперь же пришли к заключению, что даже в Бирке они не являются местными. Нахождение схожих гробниц в Западной и Северной Европе лишь усиливает интерес к их древнерусским параллелям и загадке их появления» (Кирпичников 2002: 44). Но о существовании «схожих гробниц в Западной и Северной Европе» науке известно давно, ибо они открыты в Вестфалии, Богемии, Польше, т.е. там, где скандинавов точно не было. Причем на данный факт указывал в 1931 г. сам Арне (потому и выводил этот обряд в Швецию из Западной Европы), о том же говорилось в советской литературе 1960-1970-х гг. (в 1965 г. И.П. Шаскольский заметил, что такой «тип погребальных сооружений не был специфически скандинавским, что он в то время существовал у разных, и притом неродственных (как чехи и немцы), европейских народностей»: Шаскольский 1965: 179; Лебедев 1971: 12). В 1962 г. английский археолог П. Сойер прямо выступил против идеи Арне о принесении обряда захоронения в камерных погребениях на Русь норманнами (Сойер 2002: 94).

Шведский археолог Б. Шернквист и русский историк А.Г. Кузьмин были убеждены, что «камерные погребения шли с континента в Бирку, а не наоборот». Г.С. Лебедев в 1971-1972 гг. (т.е. после выхода совместной с учителем и Назаренко статьи, в которой он, по свидетельству Клейна, сопоставлял скандинавский материал с местным) подытоживал, в том числе в кандидатской дис-

сертации, что «генетически камеры Швеции связаны с “княжескими могилами” Средней и Западной Европы. Они замыкают типологическую цепочку, протянувшуюся из глубин железного века, от гальштаттского периода (VII-VI вв. до н.э.). Кельтская традиция богатых погребений в камерах в I столетии н.э. получила новое развитие в иной этнической среде, на территории Польши и Чехословакии». В связи с чем Кузьмин правомерно заключал в 1998 и 2003 гг.: «И совершенно непонятно, почему передатчиками этой традиции должны были являться одни только германцы». К тому же, как недавно заметил Толочко, «камерные срубные могилы имеют традиции в Среднем Поднепровье: в них хоронили умерших здесь в скифское и сарматское время» (Лебедев 1971: 12-13; 1972: 15-16; Славяне и Русь 1998: 370-372; Кузьмин 2003: 248; Клейн 2009: 144; Толочко 2013: 77). Сейчас вопрос происхождения деревянных погребальных камер повис в воздухе, потому, как подчеркивается, например, в учебнике «Археология» для студентов-историков, он не совсем ясен (а эти слова принадлежат А.С. Хорошеву и Т.А. Пушкиной, связывающими со скандинавами и со-жжение в ладье, и преднамеренную порчу оружия, и женские фибулы овальной формы, и др.) (Хорошев, Пушкина 2006: 465).

Но определенно ясно одно – к началу бытия камерных погребений скандинавы не причастны абсолютно. Как не причастны они к погребениям, прежде всего, в Киеве, где в X в. якобы почти каждый пятый его житель (!), согласно выкладкам Клейна, Лебедева, Назаренко, был скандинавом. Невольно этот миф скоро, уже в 1973 г., полностью разрушила антрополог Т.И. Алексеева, которая, проанализировав захоронения столицы Руси, традиционно связываемые с представителями высшей военно-дружинной знати (Каргер 1958: 166, 198-199, 200, 228; Шаскольский 1965: 168), и сопоставив их с германскими, резюмировала, что такое «сопоставление дало поразительные результаты – ни одна из славянских групп не отличается в такой мере от германских, как городское население Киева». Добавив на следующий год, что «оценка суммарной краниологической серии… показала разительное отличие древних киевлян от германцев». Как сказал Кузьмин по поводу такого вывода специалиста, изначально убежденного, под влиянием археологов-«антинорманистов» в скандинавском характере погребений, «“поразительность” этих результатов, отмечаемая автором, проистекает из ожидания найти в социальных верхах киевского общества значительный германский элемент, а его не оказывается вовсе» (Алексеева 1973: 267; 1974: 81; 1974а: 67; Славяне и Русь 1998: 428, прим. 255).

Под давлением фактов один из авторов статьи 1970 г. Лебедев признал в 1978 г. (повторив все в 1986 г.), тем самым открыто отрекаясь от фальшивых 18-20% киевских норманнов (а такой поступок, достойный уважения, объясняется его научным взрослением, позволившим ему значительно ослабить хватку «норманистских объятий» учителя), что только в одном из 146 погребений Киевского некрополя мог быть захоронен скандинав: «Судя по многочисленным аналогиям в Бирке, это единственное в городском могильнике Киева скандинавское погребение» (к тому же датируемое довольно поздним временем: концом X – началом XI в.) (Булкин, Дубов, Лебедев 1978: 12; Кирпичников, Лебедев, Булкин, Дубов, Назаренко 1978: 77; Кирпичников, Дубов, Лебедев 1986: 232). В процентом соотношении 1 к 146 составляет 0,68%, т.е. почти в 30 раз меньше того, что привиделось Клейну, Лебедеву и Назаренко восемью годами ранее. Однако рожденная тогда очень большая неправда, к которой приложил руку Лебедев, прочно прижилась в науке, дав начало многим другим норманистским неправдам, обретшим статус «истин». Как он сам подчеркивал в 1995 г., выход статьи стимулировал дальнейшее изучение археологического аспекта «норманской» проблемы (Лебедев 1995: 68).

Однако она и сегодня продолжает «стимулировать» норманизм. В 2004 г. Клейн с той же твердостью «советского антинорманиста» говорил, что в Ярославском Поволжье в X в. на 12% славян приходилось 13% скандинавов (Клейн 2004: 95). И говорил потому, что антропологически эти «проценты» нельзя, как по Киеву, проверить и опровергнуть, т.к. единственный обряд захоронения в ярославских могильниках – трупосожжение (хотя рядом, на Владимирщине, поясняла в 1973-1974 гг. Т.И. Алексеева, «никаких скандинавских черт в облике населения не отмечается. Это, по-видимому, славянизированное восточнофинское население»: Алексеева 1973: 265; 1974: 80; 1974а: 66. См. также: Лапшин 2014: 140-141). Вместе с тем в 2004 г. он уже не вспомнил о 18-20% норманнов в столице Руси. Признав, таким образом, что «цифири» эти, которые он в 1970 г. огласил с учениками, есть, а в науке история, представляющей собой фундамент бытия любого народа, надо обязательно называть вещи своими словами, ложь, сознательно рожденная «максимально искренним» Клейном (само же количество скандинавских вещей в Киеве даже «при самом тщательном подсчете», как акцентировал в 1990 г. внимание П.П. Толочко, много лет работавший, в отличие от Клейна, с киевскими древностями, не превышает двух десятков, причем ни одна из них не имеет отношения к IX в.: Толочко 1990: 118).

Но чтобы эта ложь и дальше продолжала мешать науке, Клейн статью 1970 г. переиздал в 2009 г., без всякого смущения уверяя читателя, что она «была первой объективной сводкой по норманским древностям Киевской Руси на послевоенном уровне» и «наглядно опровергает» антинорманизм: «Вот они, скандинавы, лежат в своих могилах, со своим оружием, вот подсчеты их процентного количества в разных районах» (хотя в 1978 г. отмечал, стараясь казаться объективным, что «археологов того поколения, которое представлял и в известной мере возглавлял Туре Арне, вообще мало занимал вопрос объективности их исследований» и что, при отсутствии антинорманистов в Скандинавии, хотя «материал сложен, фрагментарен, имеет ряд лакун и допускает разные реконструкции и толкования», «сугубое единомыслие подозрительно»). В 2010 г. Клейн также продолжал твердить, что руководствуется «точными цифрами» сорокалетней давности, по которым «норманнов в стратегически важных пунктах Северной Руси в IX веке было больше, чем славян. Учитывались не только артефакты, но и обряд погребения». Причем все также уверяя, игнорируя заключения ученых, что «для норманнов были

вернуться к оглавлению ▲

характерны… камерные могилы в виде срубов» (Клейн 1978: 48; 2009: 171, 201, 203, 219, 228-231; 2010).

Его вместе с тем нисколько не смущает и то гигантское число шведов, которых он выводит на Русь (об этом археолог, видимо, даже не задумывается). По оценке отечественных и зарубежных специалистов, ее население около 1000 г. составляло порядка 4,5 миллиона (Урланис 1941: 86; Ловмяньский 1985: 99, 153), т.е. один процент равняется 45000 человек, что уже есть солидная цифра. Но если 45000 умножить хотя бы на 5% (наиболее заселенными как раз были местности по Волжскому и Днепровскому торговым путям, в том числе «стратегически важные пункты Северной Руси»), то получается, что в русских землях побывало как минимум 225000 шведов (а их должно было бы быть очень много, согласно тому еще расчету, который озвучили в 1978 и 1980 гг. А.Н. Кирпичников, Г.С. Лебедев, В.А. Булкин, И.В. Дубов, В.А. Назаренко: «Варяжский военный корпус, судя по тому, что в битвах конца IX-X в. он образовывал самостоятельное тактическое подразделение, составлял от шестой до тринадцатой части общерусской полевой армии»: Кирпичников, Лебедев, Булкин, Дубов, Назаренко 1978: 79; 1980: 32). И куда тогда подевались следы всех этих скандинавов, которые должны были остаться в весьма немалом количестве? Но их и не было, потому как фантомы не могут оставить следов.

Вопреки заверениям Клейна, погребения в ладье были свойственны не только скандинавам. Подобные погребения, указывал в 1949 и 1974-1975 гг. Д.А. Авдусин, встречаются за пределами Скандинавии: так, «части ладьи знаменовали карельские погребения даже в XX веке». В 1999 и 2001 гг. историк С.В. Перевезенцев напомнил, что в России долго, согласно языческой традиции, уходящей во тьму веков, «умершего везли либо в ладье, либо в санях». О захоронении в ладье, как обряде, характерном для днепровских славян, свидетельствует ПВЛ своим рассказом под 945 г. о первой мести княгини Ольги за смерть мужа Игоря. Древлянские послы, прибывшие к ней со сватовством, были сброшены «в яму и с лодьею. Принкъши Ольга и рече им: “добра ли вы честь?” Они же реша: “пуще вы Игореви смерти”. И повеле засыпати я живы, и посыпаша я» (ПСРЛ. 1: 55; Авдусин 1949: 5-6; 1974: 76; 1975: 150; Перевезенцев 1999: 99; 2001: 121). Восточные славяне были прекрасными мастерами по изготовлению крупных морских ладей, преодолевавших Черное море: они их «рубили», пишет Константин Багрянородный, а затем переправляли в Киев, где продавали росам, шедшим на них в Константинополь (Фомин 2008: 256).

Ко всему же в шведских захоронениях IX-XI вв., отмечал в 1965 и 1979 гг. И.П. Шаскольский, «одновременно существовало несколько различных погребальных обрядов», что погребение в ладье – «не единственный и даже не господствующий» и что «были широко распространены курганные захоронения с трупосожжением или трупоположением, и по обряду, и по внешнему виду сходные с курганными захоронениями того же времени в восточнославянских землях (в том числе с массовыми сельскими курганными захоронениями, которые не могут связываться с норманнами)». В 1972 г. Г.С. Лебедев, повторив слова Шаскольского, что в Швеции параллельно существовало несколько различных погребальных обрядов и что обряд захоронения в ладье не был преобладающим, подчеркнул: сожжения в ладье, которое так красочно описал Ибн Фадлан (а его в обязательном порядке подают как скандинавское, в том числе и сам этот археолог), до эпохи викингов «в Швеции неизвестны» (Шаскольский 1965: 119-120; 1981: 207; Лебедев 1972: 9-17. См. также: Лебедев 1970: 180-190).

Захоронения в ладье объявляют норманскими потому, что они могли быть только у морского народа, к коему обычно относят лишь норманнов. Как искренне возмущался в 1875 г. А.А. Куник, адресуя свою отповедь «сухопутным морякам» – оппонентам и южнобалтийским славянам (из числа которых и вышли варяги), «где можно было найти тогда другой мореходный народ, который, подобно норманнам, в течении одного столетия, успел бы сплотить в большое единое государство множество финских, литовско-летских и славянских племен, разбросанных по таким обширным равнинам и живших по старинной, чудной привычке, сами по себе, да мог не только сдерживать сопротивлявшихся посредством речных походов, но и приучить их к государственному порядку?» (Куник 1875: 393, 453, 687-693). Но кто кого приучал, если государство у восточных славян возникло на несколько столетий раньше, чем у тех же шведов. Да, и в мореходстве они ничему не могли научить русских, потому как не были в этом деле учителями: «Странно, – не скрывал своего недоумения А.Л. Шлецер, не видя никаких следов пребывания скандинавов на Руси, – что руссы мореходные названия, которыми так богат норманский язык, заняли от греков» (Шлецер 1819: 152).

Миф о норманнах, как единственных мореходах VIII-XI вв., миф старо-давний. Еще швед О. Верелий в 1672 г. уверял, что его предки «обладали превеликой способностью к плаванию… и больше жили на воде, чем на полях». Эта идея очень быстро получила статус бесспорной истины, звучащей в том числе в статье Г.З. Байера «О варягах» (1735): «Скандинавы в плаваниях толикое искуство и способность себе получили, что во всем тогдашнем веке никто с оными народами сравниться не мог» (Verelius 1672: 47; Байер 2006: 355). Да еще как мог. Например, южнобалтийские славяне, которые собственно и научили морскому искусству скандинавов, на что указывают славянские названия некоторых плавсредств в их языках (например, «pram» от «пором», «lodhia» от «ладьи»), и которые совершали масштабные плавания по Балтийскому морю и далеко за его пределами (Falk 1912: 88-89, 94; Falk, Torp 1960: 652; Фасмер 1986: 510; 1987: 331-332; Мельникова 1984: 74; Фомин 2015: 53-55). Или столь же масштабные по тем временам морские походы русов – одних или со славянами – на Византию, в которых участвовали сотни и тысячи ладей: в 860 г. – 200 (или 360), в 911 – 2 тысячи, в 941 – согласно показаниям Лиутпранда, более 1 тысячи (в византийских источниках и ПВЛ – 10 тысяч) (Хрестоматия 2004: 224; ПСРЛ. 1: 29, 43; Лиутпранд 2006: 97; Лев Диакон 1988: 57; Кузенков 2003: 67, коммент. 14).

Не был, разумеется, присущ, как по сию пору продолжает думать Клейн, исключительно норманнам и обряд преднамеренной порчи оружия (оно поломано

или согнуто). Этот обряд был характерен и для племен пшеворской культуры. «Порча оружия и заостренных предметов, – акцентировал внимание В.В. Седов, – типичная особенность пшеворских погребений. Ломались наконечники копий, кинжалы, ножницы, умбоны, ручки щитов, мечи. Этот обычай был распространен среди кельтов, отражая их религиозные представления, согласно которым со смертью воина требовалось символически "умертвить" и его оружие, предназначенное служить ему в загробном мире. От кельтов этот ритуал распространился на соседние племена» (Седов 1979: 56; 1994: 169, 178, 182, 197; Козак 1993: 61). Как констатировали еще в 1898 и 1913-1914 гг. Л. Нидерле и Ю. Дешелетт, обряд порчи меча «является частью погребального обряда многих народов со времен Гальштата» (Авдусин 1949: 5).

Статья Клейна, Лебедева, Назаренко, в которой они показали виртуозность в создании цифр, не имевших к науке (буржуазной ли, советской ли) отношения, и в манипулировании ими, действительно определила, если вспомнить слова А.А. Хлевова, «дальнейшее направление поиска исторической истины», в норманистском понимании, разумеется. В ходе этих поисков в науку вбрасывались, по их примеру, точно такого же качества цифры. В 1985 г. шведский археолог И. Янссон на V Международном конгрессе славянской археологии, проходившем в Киеве, в духе Т.Ю. Арне и А. Стендер-Петерсена утверждал, беря во внимание количество овальных фибул, найденных в погребениях на Руси (около 200), что «размер иммиграции» шведов на ее территорию в IX-XI вв. был «настолько велик, а захороненных женщин настолько много, что иммигрантами не могли быть только воины, купцы и др. В их числе должны были быть и простые люди. Присутствие скандинавских предметов в плодородных областях между Ростовом и Владимиром, как мне кажется, свидетельствует об их интересе к сельскому хозяйству» (в таком случае совершенно непонятно тогда, почему, как отмечал Д.А. Авдусин, «поездка на Восток считалась у скандинавов подвигом, который даже в более позднее время отмечали надписями на каменных стелах»).

Затем Янссон, сопоставив количество фибул на Руси и в Швеции (около 1500) и допуская, что у нас скандинавы клали их в погребения в том же количестве, что и в Швеции, вывел отсюда, что скандинавское население в русских землях равнялось более чем 10% населения Швеции (точнее – 13,3%, как у Клейна с сотоварищами). Но после чего заключил: такой вывод будет в высшей степени сомнительным (Авдусин 1972: 165; Янссон 1987: 124-126). Тогда возникает вполне законный вопрос – зачем надо было производить эти расчеты? Ради пустого умствования? Исключено, конечно. Объяснение тому следует видеть в том, что в норманистике, во-первых, по причине острейшего дефицита действительных аргументов старательно взращивают любую идею, подкрепляя ее другими «объективными» данными. Во-вторых, согласно давно обкатанному приему, норманисты вначале «максимально искренне» предполагают, а затем ссылками на это предположение превращают его в «реальный» факт, который намертво закрепляется в науке.

Проценты Янссона также стоят того, чтобы их перевести в цифры: из примерно 700000-800000 жителей Швеции той эпохи (по оценке С.А. Гедеонова, «500000 голов») это составляет порядка 70000-80000 душ. Однако скандинавы, по утверждениям норманистов, в виде знатных дружинников, купцов, простых воинов, ремесленников, крестьян беспрерывно шли на Русь и оседали там (с женами и без) с середины IX в. по 30-е гг. XI в., т.е. на протяжении 180 лет. И за этот очень длительный период их число должно намного превысить 70000-80000 человек (по Г.С. Лебедеву, раз в 30 лет определенные контингенты шведских викингов, т.е. каждое поколение, отправлялись на Русь: Лебедев 1985: 254. Хотя, конечно, невозможно представить викингов, 30 лет ждущих своей очереди, да и новые поколения рождаются каждый год, все зависит от точки отсчета). Но эти люди, во всем разительно отличаясь от восточных славян, в обязательном порядке оставили бы огромное количество ярких и самых разнообразных свидетельств своего пребывания в наших землях (см. об этом подробнее: Фомин 2003а: 84-88). А их нет совершенно. Это, во-первых.

Во-вторых, археологический комплекс принято рассматривать и характеризовать в целом виде, а не по отдельным его элементам (фибулам или чему-то другому), что хорошо было известно тому же Янссону. Хотя бы по разъяснению, которое дал в 1979 г. И.П. Шаскольский на конференции, проходившей в Швеции: «Поскольку вещи могли попасть к владельцу случайно, в результате торговли или в качестве добычи, советские археологи пришли к выводу, что решающим фактором является весь погребальный комплекс в целом, т.е. и вещевой инвентарь, и особенно обряд погребения, ибо погребальный обряд весьма консервативен и прочно сохранялся в те времена (и до настоящего времени) у каждого племени и народа» (о том же он вел речь и в 1965 г.). В 1974 г. Д.А. Авдусин, говоря, что «интерес к исследованию погребального обряда как индикатора этноса появился сравнительно недавно», подчеркивал: «Погребальный обряд не может быть импортирован и сравнительно мало изменяется, в то время как вещи могут быть утрачены» и что «весьма важно сопоставление погребального обряда и погребального инвентаря» (Шаскольский 1965: 120; 1981: 206; Авдусин 1974: 75, 77), но этот основополагающий принцип объективной реконструкции прошлого постоянно нарушали советские археологи-«антинорманисты».

В-третьих, овальные фибулы, которые норманисты до сего дня характеризуют в качестве этнических индикаторов лишь только скандинавских погребальных комплексов (считают их специфической чертой именно норманского женского костюма и рассматривают как часть сакрализованого комплекса личных вещей и оберегов женского костюма, отчего они якобы не могли служить предметом торговли: Петрухин 1983: 175-176; 1995: 228; Кирпичников, Дубов, Лебедев 1986: 216; Стальсберг 1987: 75; Новикова 1992: 9; Дубов 1999: 29; Измайлов 2001: 75; и др.), были широко распространены среди представительниц прекрасного пола многих народов. Выше приведены слова Н.В. Тухтиной, произнесенные в 1971 г., что мода на овальные фибулы и «обычай скреплять юбки именно в финно-угорской

вернуться к оглавлению ▲

среде нашли себе благоприятную почву». Тогда же ею было сказано: в Прибалтике «обычай скрепления фибулами бретелей юбки» сохранялся очень долго, что прослеживается «не только археологически, но и этнографически – на эстонском наряде, даже при отсутствии юбки, прикалывали фибулы с двух сторон груди, когда они утратили свое функциональное значение, сохранив лишь декоративное» (в 1968 и 1971 гг. исследовательница отметила вообще наличие находок «большого числа скандинавских изделий в курганах приладожской веси» и привозных скандинавских вещей, найденных в сочетании с местными, «даже в богатых захоронениях» весской знати) (Тухтина 1968: 191-193; 1971: 165, 171, 179, 181).

В 1981 г. В.Я. Петрухин констатировал, что скорлупообразные (черепаховидные) фибулы встречаются в курганах Приладожья, как правило, в сочетании с финскими шумящими привесками, также играющими роль племенного убора и амулетов, и что в Приладожье и Ярославском Поволжье скандинавские украшения находятся в погребениях с местным ритуалом. В 1982 г. В.В. Седов заключил, что, очевидно, скандинавские фибулы носили в Приладожье весские женщины, т.к. эти застежки встречаются в курганах с местным погребальным ритуалом, и что вообще находки скандинавских вещей (скорлупообразные фибулы, широкие выпукловогнутые браслеты, плетенные браслеты, подвески) «не являются этноопределяющими. Их присутствие в трупосожжениях ростово-суздальских курганов отнюдь не означает, что погребенные с такими украшениями были норманнами», т.к. попали в Восточную Европу в результате оживленной торговли. В 1985 г. В.П. Даркевич заметил, ведя речь о фибулах разных видов, что на севере Руси «эти принадлежности костюма происходят из скандинавских, финских и славянских погребений X – первой половины XI в., связанных с открытыми поселениями». У прибалтийских ливов, заострял внимание в 1986 г. археолог Й. Херрман, фибулы в первых столетиях II тыс. н.э. «вошли в состав местного этнографического костюма и были дополнены вполне самобытными роскошными нагрудными привесками» (Петрухин 1983: 176-178; Седов 1982: 184, 189; Даркевич 1985: 392; Херрман 1986: 370. Прим. 62).

«В Финляндии, Карелии, Приладожье и Латвии скандинавские фибулы, – говорила Н.В. Ениосова в 2001 г., – органично вошли в состав женского убора и положили начало местным линиям развития украшений, отличающимся по размерам, конструкции, декору и качеству от своих скандинавских прототипов». В 2001-2003 гг. А.Н.Кирпичников в целом подытоживал, что, благодаря торговым связям, «славянки носили скандинавские фибулы и салтовские стеклянные лунницы, булгары пользовались русским оружием, арабы употребляли русские шапки» (Ениосова 2001: 91; Кирпичников 2001: 15, 28; 2002: 61; 2002а: 39-41; Кирпичников, Сарабьянов 2003: 68) (но в 2009 г. Клейн уверял, не принимая ни факты, ни чьи-либо резоны, кроме лишь мнения своего кумира, что скандинавки «носили очень специфические черепаховидные фибулы с плетеночным орнаментом, и эти фибулы славянки не только не носили, но и носить не могли: как указывал Арне, им нечего было скреплять в славянской одежде»: Клейн 2009: 202-203).

О том, что в пределах Восточной Европы фибулы принадлежали именно местным женщинам (славянкам и неславянкам), которые их использовали в разных качествах, говорит и тот факт, что во владимирских курганах в большинстве случаев они попадаются по одной. Хотя в костюме скандинавок обязательны две фибулы (Шаскольский 1965: 166; Седов 1982: 189). В 1971 г. Н.В. Тухтина указала, что «в 32 захоронениях Приладожья с сожжением и трупоположением обнаружено по три и более различных фибул (на костяках они располагались в области груди), которые могли служить для скрепления бретелей верхней юбки». В Гнездовском могильнике, отмечал в 1982 г. В.В. Седов, в 16 курганах встречено по одной фибуле, а в одном случае даже четыре. В 2002 г. Е.Н. Носов, описывая убор женщин, погребенных в Деревеницком могильнике под Новгородом, констатировал, что «фибула встречена лишь одна, да и то она использовалась не для скалывания одежды, а для прикрепления к ней игольника».

В отношении погребений с двумя фибулами можно сказать, что это захоронения либо скандинавок-наложниц, купленных или захваченных (схожая ситуация встречается в Швеции, где обнаружено, фиксируют И. Янссон и В.В. Седов, немалое число женских могил на городских некрополях XI-XII вв., содержащих славянские височные серебряные и бронзовые кольца и серьги, совершенно чуждые скандинавской традиции, причем они использованы таким же образом, как и в славянском костюме, – около висков. По мнению Янссона, по своему происхождению перечисленные предметы являются частично западнославянскими, частично восточнославянскими, были широко распространены в Швеции, и их использовали местные женщины) (Тухтина 1968: 170-171; Седов 1982: 189, 250, 252; 1995: 56; Янссон 1987: 130-131; Носов 2002: 51). Либо это захоронения туземных красавиц, оказавшихся подверженных скандинавской моде.

В 1958 г. М.К. Каргер представил две серебряные фибулы, обнаруженные в погребениях Киевского некрополя (отнес их к богатым погребальным памятникам киевской знати) и украшенные филигранью и зернью. Причем одна из них была использована в женском уборе не как фибула, а как подвеска-медальон, для чего к ней с тыльной стороны было прикреплено проволочное кольцо. И.П. Шаскольский в 1965 г. выдвинул две версии в отношении этноса владелец этих фибул. Согласно первой, покоящейся на тезисе, что «овальные фибулы были специфической чертой именно норманского женского костюма, нельзя совсем отрицать возможность» захоронения в обоих погребениях норманок, которые «уже заметно поддались влиянию местной, русской среды, ибо в большинстве украшения их богатого погребального наряда оказались уже не скандинавскими, а славянскими». Хотя, как завершал он свои размышления, но в примечании, «возможно и другое объяснение: обе женщины были славянками, фибулы приобрели путем покупки и носили их просто под влиянием скандинавской “моды”» (Каргер 1958: 208-211, 219; Шаскольский 1965: 167. Прим. 300).

В 1981 г. (затем в 1995 и 1998 гг.) В.Я. Петрухин продолжил развитие первой версии Шаскольского и убеждал, вопреки факту, приведенному Каргером, а также заключению антрополога Т.И. Алексеевой о совершенном отсутствии у погребенных в камерах Киева германских черт, что речь идет о захоронении знатных скандинавок (в 1998 г. он преподнес их в качестве «придворных дам Ольги»). Отметив же ношение этими, с позволения сказать, «фрейлинами» славянских височных колец, увидел в том отражение процесса ассимиляции норманнов (Петрухин 1983: 179; 1995: 228-229; 1998: 133). Но восточнославянские височные кольца (в рассматриваемом случае «волынского типа») представляют собой женский племенной убор, специфический, подчеркивал В.В.Седов, для «племенных образований, известных по русским летописям» (впрочем и сам Петрухин признает, что височные кольца являлись характерным атрибутом «традиционного женского костюма славян на протяжении всей средневековой эпохи») (Седов 1995: 31; Петрухин 2000: 45).

Если логика Петрухина – фибула есть несомненный маркер захоронения скандинавской женщины – была нацелена на сохранение любой ценой мифа о раннем и массовом присутствии норманнов в столице Руси – Киеве, то эта же логика достигла в 1991 г. в статье Ю.Э. Жарнова, посвященной Гнездовскому некрополю, своего сверхабсолюта (на следующий год ее материал был повторен в кандидатской диссертации, выполненной под руководством «советского антинорманиста» Д.А. Авдусина). В 2001 г. И.В. Кураев, говоря о достоинствах статьи коллеги, отмечал, что он применял «комплексный подход к методам исследования, который объединял как статистические методы… так и анализ отдельных погребальных комплексов», оперировал «исключительно археологическими источниками» и отказался «от привнесения историзма в археологические исследования». Пояснив затем, что для конца 1980-х гг. «подобный методологический подход в исследованиях становится характерной тенденцией».

Благодаря такому подходу «без историзма», а также тому, что «характерными элементами скандинавской культурной традиции были признаны скорлупообразные фибулы, сочетающиеся в кремациях с железными гривнами и такими чертами погребального ритуала, как “сожжение в ладье” и “порча оружия”, а в курганах с трупоположениями в качестве скандинавской традиции были выделены погребальные камеры», которые «следует рассматривать как один из вариантов обряда, характерного главным образом для преуспевающих варягов (воинов и купцов) и их семей» (Жарнов 1991: 217-218; Кураев 2001: 31), наиболее крупные насыпи и большинство исследованных ингумаций сразу же оказались скандинавскими погребениями. То есть для достижения своей цели Жарнов задействовал все те «доказательства», посредством которых Т. Арне в 1914 г. представил Гнездово в качестве важнейшей «норманской колонии»/«гарнизона»/«фактории» (в том его в 1930 г. полностью поддержал В.И. Равдоникас, в будущем многолетний руководитель раскопок в Старой Ладоге, а затем Х. Арбман) и доказывал то же самое много лет спустя, в 1952 г., в дискуссии с Авдусиным (Шаскольский 1965: 108-116. Прим. 11 на с. 100; Авдусин 1988: 26).

Но если буржуазный норманист Арне «насчитал» в Гнездове 25 «скандинавских погребений» (Арциховский 1966: 36), то «советский антинорманист» Жарнов по-стахановски ударно перекрыл его показатели ровно в 10 раз! Беря во внимание перечисленные «характерные элементы скандинавской культурной традиции», он, исходя из ложной посылки, что женские скандинавские украшения не были предметом международной торговли, абсолютизировал элементы скандинавского костюма, будто бы игравшего «особую этносоциальную роль». А из них в первую очередь фибулы, которые представляют собой «специфическую деталь скандинавского женского костюма», «надежный индикатор норманского присутствия в славянской среде вообще и в Гнездове в частности». И потому видел в них свидетельство захоронения скандинавской женщины. Дополнительно Жарнов к традиционным, по его словам, индикаторам скандинавских погребений добавил «такой признак, как “плоская” форма насыпи кургана», что «достаточно выразительный североевропейский оттенок придают погребениям… набор стеклянных шашек (13 экз.) и деревянная игральная доска… По-видимому, к возможным признакам мужских скандинавских погребений следует отнести и такой вид парадной одежды, как кафтан с большим числом пуговиц-застежек» и др.

Оспорив мнения археологов, отрицавших этноопределяющую возможность фибул (И.В. Дубова, например), Жарнов «излишне осторожным» и «абстрактным» охарактеризовал мнение норвежки А. Стальсберг, заметившей, что славянки «могли использовать одну фибулу, поэтому в славянском окружении можно признать скандинавкой женщину, погребенную с парой фибул». Не принял он и ее предложение о возможности погребения нескандинавок «с наборами скандинавских вещей». В конечном итоге число погребений скандинавок у него резко подскочило: они составили от 40% (в 126 курганах с ингумациями) до 50% (в 206 комплексах с трупосожжением) от «общего числа выделенных одиночных погребений женщин». После чего, констатируя «фактически полное отсутствие критериев для вычленения погребений скандинавов-мужчин», ввел «правомерный вариант количественного анализа скандинавских погребальных комплексов на основе лишь женских погребений», согласно которому рядом со скандинавкой непременно должен – «по характеру соотношения различных половозрастных групп» – покоиться только ее соплеменник.

Учитывая же приблизительно равное количество мужчин и женщин в гнездовском населении и полагая, «что выявленная тенденция разделения погребений женщин по этническому признаку адекватно отражает общую этническую ситуацию в Гнездове», автор огласил вывод, «что скандинавам принадлежит не менее четверти гнездовских погребений» из 1000 на тот момент раскопанных курганов. Не сомневаясь, что скандинавы в Гнездове жили постоянно, Жарнов уверял, что около половины захоронений конца IX – первой половины X в. принадлежит норманнам, представлявшим собой знать, социальную верхушку поселения (Жарнов 1991: 200-219; 1992: 3-23; 2001: 114). В 1972-1974 гг. Авду-

син утверждал, что, «видимо, курганов IX в. в Гнездове нет вовсе и лишь небольшая часть могильных насыпей была возведена там в первой половине X в.», основная же их масса «относится ко второй половине X в. и некоторая часть – к первым десятилетиям XI в.». Стоит также отметить, что, принимая тогда за скандинавские захоронения 49 курганов (из них 17 – как возможные), он, по оценке И.В. Кураева, постепенно проявляя «антинорманизм» в «более мягкой форме», в конечном итоге выделил на Гнездовском некрополе «уже более ста скандинавских захоронений». Нелишне будет сказать в этом случае, что в 1949 г. археолог к таковым отнес лишь два кургана, следовательно, проявлял «антинорманизм» в самой жесткой форме. В связи с чем А.А. Хлевов в 1997 г. увенчал его лаврами «патриарха отечественного послевоенного антинорманизма» (Авдусин 1949: 11; 1972: 161, 163; 1974: 78-86; Хлевов 1997: 66; Кураев 2001: 29, 31).

Высокие оценки «правомерных» подсчетов, несомненно, «максимально искреннего» Жарнова пришлись на постсоветскую эпоху, когда представителям «взвешенного и объективного норманизма» уже ничто не мешало их выражать. В 1997 г. В.В. Мурашева, в стиле шведской историографии подозревающая, что Древняя Русь была частью Великой Швецией, так прокомментировала его выводы: «При самых осторожных прикидках, исследователями подсчитано, что не менее четверти населения Гнездова составляли выходцы из Скандинавии (!)» (а под влиянием этих и им подобных «самых осторожных прикидок» она в 1996-1997 гг. заключала, что «есть основания говорить об элементах колонизации» норманнами Юго-Восточного Приладожья, о «великом переселении» или о «большой иммиграционной волне из Скандинавии в Восточную Европу, в основном с территории Средней Швеции», об «огромном числе» скандинавских предметов «во множестве географических пунктов» Восточной Европы, что «овальные фибулы являются верным признаком национального костюма скандинавских женщин», что распространение каролингских мечей на Руси «все-таки» связано с норманским присутствием и пр.). В 1998 и 2009 гг. Мурашева вновь повторила: «Ю.Э. Жарнов, анализируя скандинавские погребения в Гнездове, приходит к выводу, что скандинавы составляли не менее четверти гнездовского населения» (Мурашева 1996: 32-34; 1997: 9-11; 1998: 159; 2009: 178). Однако Жарнов, что хорошо видно и не археологу, говорит о «четверти гнездовских погребений», а не «четверти населения Гнездова», что далеко не одно и то же (но, как правило, одна норманистская ложь рождает другую).

В 2001 г. К.А. Михайлов вел речь, в том числе под влиянием статьи Жарнова (ибо тот доказал скандинавскую принадлежность гнездовских камер), о скандинавском происхождении камерных погребений на Руси вообще. Потому как захороненные в них были преимущественно скандинавами («жители как Ютландии, так и Средней Швеции»), «являлись той частью древнерусского истеблишмента, который наиболее активно формировал культуру верхушки древнерусского общества в начале – середине X в.», были тесно связаны с княжеским домом «Рюриковичей» и, вероятно, скрывавшиеся «под термином договоров Олега и Игоря – “русь”». В 2009 г. Клейн свои слова, что «какие бы сомнения не выдвигались по поводу раннего норманского присутствия на Руси, это присутствие зафиксировано археологами – нами предъявлены списки памятников и карты, распределенные по векам, начиная с IX», подтвердил ссылкой как на статью 1970 г., написанную им в союзе с Лебедевым и Назаренко, так и на статью Жарнова 1991 г. (Михайлов 2001: 163-164, 166-173; Клейн 2009: 219).

Разумеется, заключения Жарнова оказали воздействие на труды историков, без какой-либо критики повторяющих за археологами все, что они не скажут в адрес норманнов. Так, Р.Г. Скрынников, под их влиянием даже открывший в русской истории «Восточно-Европейскую Нормандию», в 1997 г. представил Гнездово как «едва ли не самый крупный в Восточной Европе скандинавский некрополь», опорный пункт норманнов, «преодолевавших сопротивление Хазарии». В 2011 г. В.Г. Вовина-Лебедева в учебнике для студентов-историков внушала будущим учителям и деятелям науки, что в Гнездове «обнаружено более 3 тысяч курганов. В большинстве своем они скандинавские» (Скрынников 1997: 7; Вовина-Лебедева 2011: 63-64. См. также: Фомин 2002: 234-238; 2013: 222-225), т.е. таких курганов у нее стало, по сравнению с «самыми осторожными прикидками» Жарнова, в разы больше (мнения археологов по поводу количества насыпей в Гнездовском могильном комплексе серьезно расходятся: Д.А. Авдусин в 1967-1983 гг. отмечал, что их насчитывается около 3000, А.Н. Кирпичников, И.В. Дубов, Г.С. Лебедев в 1986 г. – около 6000, Ю.Э. Жарнов в 2001 г. – не менее 4000: Авдусин 1967: 231; 1977: 232; 1983: 102; Кирпичников, Дубов, Лебедев 1986: 223; Жарнов 2001: 114).

Выводам Жарнова, имеющим, как и в случае с выводами Клейна, Лебедева, Назаренко, Янссона, цифровое оформление, противоречат принципиально важные факты. Во-первых, факты разноэтничных парных погребений вообще, «например, мужчины-балта с женщиной-скандинавкой», на что обращал внимание в 1975 г. Д.А. Авдусин (при этом заметив: «Вряд ли стоит сомневаться, что женщина будет положена на костер в национальном наряде, а основным обрядом погребения может оказаться балтский»). Кроме того, указывал в 1965 г. И.П. Шаскольский, в Швеции «в подобных курганах не было сопутствующих женских погребений (погребений рабынь-наложниц)». В 1998 г. норвежский археолог А. Стальсберг, говоря о наличии в Гнездове «удивительно большого числа парных погребений с ладьей» (8-10 из 11) и справедливо подчеркивая, что «муж и жена обычно не умирают одновременно», не приняла за скандинавок спутниц умерших, т.к. убийство вдовы и ее похорон с мужем скандинавская история вроде бы не знает. Вместе с тем она сказала, что ладейные заклепки из Гнездова «ближе к балтийской и славянской, нежели скандинавской традиции», и объединила их с заклепками из ладожского Плакуна, которые, по мнению также скандинавского археолога Я. Биллья (1994), «ближе к балтийским и славянским» (Шаскольский 1965: 114; Авдусин 1975: 151; Стальсберг 1998: 279-281, 284-285).

А такое заключение также порождает серьезные сомнения в скандинавском этносе погребенных в ладьях, не имеющих, стало быть, к ним никакого отношения. На этом фоне поражает необыкновенная инерционность мышления наших археологов, видимо, решивших быть мировыми «застрельщиками» в норманизации родной истории: в 2012 г. Т.А. Пушкина, В.В. Мурашева и Н.В. Енисова вели речь о гнездовском богатом «скандинавском парном сожжении», а А.Е. Леонтьев и Е.Н. Носов уверяли, что «археологическим свидетельством деятельного скандинавского присутствия являются находки ладейных заклёпок» (Пушкина, Мурашева, Ениосова 2012: 264, прим. 6; Леонтьев, Носов 2012: 394). Хотя, как заметил в 1974 г. Д.А. Авдусин, «находки малого числа заклепок вряд ли являются веским доводом в пользу вывода о скандинавском характере погребения, если они не подтверждены другими неоспоримыми аргументами. Даже такой норманист, как Арне, не считал это основанием объявить аналогичные гнездовские курганы скандинавскими». Стоит напомнить в этой связи, что В.И. Сизов в 1902 г., видя серьезные отличия гнездовских древностей от уже привычно трактуемых как норманские, резюмировал, что в Гнездове «нет классических норманнов "века викингов", что те варяги, которые там похоронены, уже подверглись славянизации». Если бы, конечно, не норманистская зашоренность, невероятно сужающая научный горизонт, то известный археолог, с которым связаны первые раскопки Гнездова и толкование части его некрополя, причем незначительной, как скандинавского, пришел бы к иным, конечно, выводам (Авдусин 1972: 167; 1974: 76-77; Кураев 2001: 27).

Во-вторых, в 1990 г. антрополог Т.И. Алексеева, проанализировав краниологическую серию Гнездовского могильника – четыре мужских и пять женских захоронений (крайне малая ее численность объясняется господством обряда трупосожжения), подытоживала: «… Отличие от германского комплекса и явное сходство с балтским и прибалтийско-финским налицо» (Алексеева 1990: 126-133). В-третьих, подавляющая масса гнездовских курганов не содержит оружия: погребения с набором воинского снаряжения составляют, констатировала в 2001 г. Т.А. Пушкина, около 3,7% от числа всех исследованных (Пушкина 2001: 10) (на тот момент – около 1100 захоронений: Авдусина, Ениосова 2001: 100). Хотя отправлять воина в загробный мир без оружия – для шведов абсолютно не типично. Ибо в «чертог убитых» они приходили так, как им завещал Один: «каждый должен прийти в Валгаллу с тем добром, которое было с ним на костре», и в первую очередь с оружием, т.к. видели себя участниками вечной битвы, в которой вечно убивают друг друга и вечно возвращаются к жизни, «чтобы вновь начать бесконечный праздник» (Симпсон 2005: 139, 206, 209, 226, 229, 231-232).

В-четвертых, «вид парадной одежды, как кафтан с большим числом пуговиц-застежек» не может быть признаком «мужских скандинавских погребений». Речь идет, как их принято именовать в шведской науке, о «восточных кафтанах», по происхождению которых предложены разные версии: тюркско-согдийская, степная или хазарско-аланская, венгерская, иранская (выдвинута шведом И. Янссоном), византийско-болгарская. И в этих кафтанах и в Гнездове, и в Бирке (Й. Херрман отмечал, что в последней «в VIII-X вв. широкое распространение получил обычный для арабско-персидских территорий кафтан»: Херрман 1986: 29), и в других любых местах мог быть погребен кто угодно. Ибо они не играли никакой «этносоциальной роли» (как ее вообще не играли ни части любого скандинавского костюма, ни он целиком). То же самое можно сказать и о шашках, игра в которые, как заявила в 1963 г. Г.Ф. Корзухина, «была занесена к нам с севера». Ибо шашки, выполненные из разного материала, находятся в очень богатых погребальных комплексах Руси X в., в дружинных курганах, где упокоились, по убеждению археологов-норманистов, норманны, а «временами» тождественные им фигурки в большем количестве найдены в Северной Европе, особенно в Швеции и Норвегии (однако известны находки и на Южной Балтике, причем в Скандинавии нет шашек из камня) (Корзухина 1963: 89-93, 99-100).

И последнее. Жарнов, объявив скандинавскими значительную часть захоронений Гнездова, вместе с тем утверждает, что керамика – основной датирующий фактор (Жарнов 1991: 216). Но вся керамика Гнездовского могильника, по свидетельству А.В. Арциховского, Д.А. Авдусина, Т.А. Пушкиной, «именно славянская», и она находится во всех погребениях, приписываемых скандинавам (а ее черепки «в изобилии присутствуют в культурном слое поселения»). Керамические свидетельства занимают особое место в системе доказательств: своей массовостью они служат, подчеркивал Арциховский, «надежнейшим этническим признаком». Именно они, говорил в унисон с ним Авдусин, имеют «первостепенное значение для этнических выводов» (Арциховский 1966: 38; Авдусин 1983: 107; 1993: 106; Авдусин, Пушкина 1982: 80; Пушкина 2003: 112). В этом случае важно отметить, что знаменитый сосуд с надписью кириллицей, сделанной в начале X в., был составной частью погребального инвентаря, обычно относимого к «норманскому» (Авдусин 1983: 108-109), и что гончарные сосуды, находящиеся почти во всех погребениях, приписываемых скандинавам, близки к сосудам балтийских и западных славян, что связано, считали археологи Д.А. Авдусин и Т.А. Пушкина, с появлением в Гнездове группы западнославянского населения (Авдусин 1972: 166; Пушкина 1996: 22).

Быстро пополняющаяся копилка «норманистских» артефактов, внуши-тельные цифры, рождаемые с их помощью, убежденность археологов-«советских антинорманистов», что они идут в русле, как кажется А.А. Хлевову, «провидческих и пророческих» слов А.В. Арциховского (Хлевов 1997: 67), в совокупности привели к тому, что, перефразируя известное изречение, «историки, вооруженные лопатой», начинают формировать, если повторить за Д.А. Авдусиным, «общеисторический фон» IX-X веков. При этом не только превышая возможности своей науки, но все также либо закрывая варяжский вопрос в норманистской редакции, либо выхолащивая его суть. И особую активность в том проявляли ленинградские археологи.

В 1978 г. А.Н. Кирпичников, Г.С. Лебедев, В.А. Булкин, И.В. Дубов, В.А. Назаренко, пропагандируя, со-

гласно традиции «советского антинорманизма», мысль, что «длительная дискуссия между норманистами и антинорманистами, в общем, завершена», заключили: «Дискуссия о том, были или не были варяги создателями Киевского государства, уходит в прошлое. На ее место все более выдвигается другой более объективный, и с точки зрения исторической науки, более интересный вопрос – о характере связей между Древней Русью и Скандинавией в эпоху образования государства (для Скандинавского полуострова точнее сказать – в эпоху викингов, так как процесс государствообразования там завершается на 1-2 столетия позже, чем в Восточной Европе)». В 1985 г. Лебедев, для начала повторив И.П. Шаскольского: «И норманизм, и антинорманизм как течения буржуазной науки вместе с нею уходят в историографическое прошлое», в оптимистичном духе доложил: «Марксистско-ленинская методология позволяет исследовать "варяжский вопрос" как процесс русско-скандинавских отношений, развивавшихся с 750 по 1222 г… осваивая этап за этапом различные уровни и сферы, от экономической до социально-политической и культурно-идеологической» (Кирпичников, Лебедев, Булкин, Дубов 1978: 63-64; Лебедев 1985: 264).

Прежде всего свои взоры археологи «северной столицы» обратили на Старую Ладогу, которую начали рассматривать в качестве форпоста скандинавской культуры в Восточной Европе, упор при этом делая на то, что, как указала в 1965 г. Г.Ф. Корзухина, в ее древнейшем слое (примерно VIII-IX вв.) имеются отдельные скандинавские вещи, тогда как славянского материала в нем нет вовсе (появляется только в X в.). В свете чего она тогда же категорично ставила точку, что «древнейший период в жизни Ладоги выпадает из истории собственно древней Руси» (Корзухина 1965: 13-14). В 1978 и 1980 гг. А.Н. Кирпичников, Г.С. Лебедев, В.А. Булкин, И.В. Дубов, В.А. Назаренко охарактеризовали это мнение как «поспешное» (Кирпичников, Лебедев, Булкин, Дубов, Назаренко 1978: 67; 1980: 27). Однако на основе как его, так и других подобных «поспешных» выводов были выстроены многочисленные норманистские завалы, основательно засорившие науку. И Клейн, конечно, не ошибается, характеризуя Корзухину в качестве «известной солидным обоснованием аналогичных взглядов», т.е. активным утверждением норманизма в археологии (Клейн 2009: 99).

Затем они стали формировать, по оценке С.В. Томсинского, «ладогоцентризм», согласно которому Ладога представляется «средоточием всех сложных процессов становления государственности… древнейшей столицей Руси» (Томсинский 2014: 362) (исследователи, в том числе археологи, характеризуют сегодня эту тенденцию, противоречащую источникам и достигшую в наши дни абсурда, как «научный» и «староладожский миф»: Милютенко 1997: 129-130; Фомин 2003: 277-279; Селин 2012: С. 117-126). В 1978 г. В.А. Булкин, И.В. Дубов, Г.С. Лебедев, обобщая материалы раскопок памятников IX-XI вв., довели до сведения научного мира (и не только СССР), что ладожский материал «раскрывает реальное содержание варяжской легенды». Это «реальное содержание варяжской легенды» продемонстрировали в 1978 и 1980 гг. ученики Л.С. Клейна – Лебедев, Булкин, Дубов, Назаренко – в содружестве с А.Н. Кирпичниковым (о том же он говорил отдельно и в статье 1979 г.): к 860-м гг. «Ладога развилась настолько, что, если верить наиболее надежной версии Сказания о призвании варягов, кратковременно становится столицей Верхней, или Внешней Руси (по Кирпичникову, «столицей складывающейся империи Рюриковичей». – В.Ф.). Впервые в низовьях Волхова появляется немногочисленная группа постоянных скандинавских поселенцев – двор конунга, его стража. В урочище Плакун близ Ладоги сохранилось обособленное кладбище норманских пришельцев, существовавшее в 850-925 гг.».

При этом они не исключали, «что норманны, вероятно, находившиеся в то время в составе ладожского гарнизона, призваны были выступать против своих же соплеменников, если последние являлись с пиратскими целями. Так на земле Ладоги столкнулись ставшие противоположными интересы пришлых скандинавских находников, и местных русских варяжских дружинников В целом ими подытоживалось, что, во-первых, «на примере Ладоги обнаруживается поразительное совпадение данных летописи и археологии, совпадение, подтверждающее, в частности, и реальную основу Сказания о призвании варягов», во-вторых, «скандинавы – частые гости на Руси, но они не удивительны в многоязычной толпе городских рынков и окружения киевского князя и его вассалов», в-третьих, в первой половине XI в. в Ладоге «создается русско-варяжское наместничество, ярлство».

Подытоживание, конечно, не могло обойтись без постановки задач. И в качестве первоочередной перспективы изучения русско-скандинавских связей в целом авторы ставили задачу дальнейшей систематизации «норманских древностей» Восточной Европы. Исследователям таковых в Гнездове они предлагали разрешить более скромную – «определение тех районов Северной Европы, которые стали исходными для варяжских комплексов гнездовского комплекса». Хотя тут же, видимо, чтобы не обременять коллег, дали на нее ответ: «Сейчас как будто не вызывают сомнений связи Гнездова с торговыми поселениями Средней Швеции». Вместе с тем эти «советские антинорманисты» заверяли читателя, что «не приходится говорить о колонизации, тем более – организованной и массовой, а также политической или культурной экспансии» и что «под давлением аргументов советских ученых западные археологи практически отказались от разработки концепций норманского завоевания, колонизации и т.п.». И в 1985 г. Лебедев будет подчеркивать, также представляя данный факт в качестве единственного направления борьбы с норманизмом, что ни теория «норманского завоевания», ни теория «норманской колонизации» ни находят подтверждения во всех источниках (Булкин, Дубов, Лебедев 1978: 90; Кирпичников, Лебедев, Булкин, Дубов, Назаренко 1978: 69-70, 76, 79-80, 84, 86; 1980: 27-28, 31-33, 35-36; Кирпичников 1979: 98, 104; 1985: 258).

Не ослабевая своего натиска на варяжскую твердыню, выдержавшую столько осад, Кирпичников, Лебедев, Дубов в 1981 г. доложили в скромной по объему статье, посвященной некоторым итогам археологических исследований Северной Руси, что она пала. Оперируя ве-

щественными находками, в том числе и ими объявленными скандинавскими, соавторы известили научное сообщество, что «в ладожских материалах нашла свое решение варяжская проблема». Суть которого они свели к ранее опубликованному (чуть его отредактировав): в Ладоге в середине IX в., «по-видимому, на какое-то время утверждается норманский конунг со своим двором и дружиной», выполняя «социальный заказ» – «обеспечивая безопасность города и охраняя его судоходство, в том числе и от своих же норманских соплеменников, неоднократно угрожавших Ладоге». Не ограничиваясь победной реляцией (причем даже не осознавая, в силу своего археологоцентризма, что решить сложнейшую историческую задачу только на археологическом материале невозможно), Кирпичников, Лебедев, Дубов вместе с тем не забывали расписывать и другую часть того же «общеисторического фона»: «Вплоть до середины XI в. норманны на Руси выступают в качестве наемных воинов в составе великокняжеских войск, либо заезжих купцов, либо мастеров-ремесленников в древнерусских городах» (Кирпичников, Лебедев, Дубов 1981: 7).

В 1981-1984 гг. к своим землякам и коллегам энергично присоединился Д.А. Мачинский, сразу же дав понять, что его не устраивают масштабы их рассуждений. Потому как начал разговор о Ладоге со времен Иордана (VI в.), который, видимо, вел речь о ней и р. Неве. Вместе с тем археолог подчеркивал, что прибалтийские финны уже в первые века н.э. были хорошо знакомы со скандинавами, называя их Ruotsi, Rots (происходящими, валились в одну кучу все варианты, либо из drott – «дружина, вождь», либо из roods – «гребцы», либо из названия Roslagen), давшими в индоевропейских языках формы Русь и Рось (отсюда его предположение: служившее готам, как он уверял, скандинавское племя rosomoni, т.е. «люди рос», которых называет Иордан, проникло на юг по пути через Ладожское, Онежское, Белое озеро–Верхнюю Волгу–Оку–Псел–Днепр, а известие Псевдо-Захария о «народе Рос», живущем рядом с амазонками Подонья, возможно, является отголоском продолжающихся поездок скандинавов на Волгу и Оку. А о столь раннем пребывании норманнов в Восточной Европе вел речь в 1746 г. шведский журналист, драматург, поэт и библиотекарь королевской библиотеки О. Далин, «Историю шведского государства» которого А.Л. Шлецер охарактеризовал как «Далиновы бредни» о русской истории).

Объясняя далее, что повышенная активность скандинавов в Восточной Европе впервые наблюдается во второй четверти IX в., что к этому времени следует относить «варяжскую дань», которую выплачивали словене и их соседи норманнам, имевшим опорным пунктом в Восточной Европе Ладогу (возникла в середине VIII в. как полиэтничное поселение, в котором проживали скандинавы) и именовавшимся у финнов Ruotsi, что тогда, по наблюдениям Г.Ф. Корзухиной, заметно усилился скандинавский компонент в ее населении, а рядом с ней появляется типично скандинавский могильник в урочище Плакун, что после «антиваряжского» восстания середины IX в., в ходе которого Ладога, где сидел «хакан-рус», была сожжена, славяне объединили вокруг себя разноэтничное население и вступили «в договорные отношения с новой группой скандинавов, что и привело к новому укреплению этносоциального организма приладожской Руси, превратившегося в Русь ладожско-ильменскую и верхневолжскую, подчинившую себе также и Полоцк».

По мысли Мачинского, именно в Ладоге, игравшей сначала ведущую, а затем значительную роль в истории формирования русской государственности, находился первый центр того этносоциального организма, который обозначен в ПВЛ в качестве Руси, возглавляемой Рюриком (отметив в 1984 г., что давно предложенное его отождествление с Рориком Ютландским до сих пор актуально). Затем, охарактеризовав норманнов Ладоги в качестве носителей «социально активного начала до 1030-х годов» (они прокладывали торговые пути по «Волго-Балту» на мусульманский восток, и в 30-х гг. IX в. группа скандинавов обосновалась в Среднем Поднепровье), заключил, что призванные норманны были «организующей суперэтничной силой» (и дали великокняжескую династию), что с приходом Олега в Киев усилился процесс славянизации руси (хотя наряду со славянским языком употреблялся шведский, и преобладали скандинавские имена), что в целом скандинавы сыграли роль «катализатора начавшихся процессов, роль дрожжей, брошенных в тесто, которому приспело время стать многослойным пирогом – государством». К изложенному археолог добавил в духе «советского антинорманизма», утверждавшего о преобладающей роли внутреннего фактора в образовании Руси, но уже с серьезным смещением привычного акцента, что «все социально-экономические предпосылки для возникновения государственности имелись к IX в. и в чисто славянской среде и можно было бы обойтись и своей закваской, но варяжскими дрожжами получалось быстрее и лучше» (Шлецер 1809: 346, 359-366, 473, прим. * на с. 369; Мачинский 1981: 45, 48, 50; 1982: 13, 15-16, 18-24; 1984: 9-10, 13-25).

В 1985 г. Г.С. Лебедев в монографии «Эпоха викингов в Северной Европе» в деталях изобразил события более чем 1100-летней давности. Потому как в свете новых данных, в первую очередь археологических и нумизматических, «историческая канва событий, отраженных в “предании о варягах” ПВЛ восстанавливается подробно и со значительной степенью достоверности». Согласно его рассуждениям, призвание князя «было хорошо рассчитанной политической акцией»: славянская знать в поисках союзников против непокорных племенных сил и находников-варягов (прежде всего шведских викингов Бирки), хорошо ориентируясь в ситуации и учтя общую ситуацию на Балтике (обострение конкурентной борьбы между Биркой и Хедебю в 830-850-х гг., «перспективность установившихся связей с Фрисландией и другими западными центрами; сложившуюся на юге Балтийского побережья систему сравнительно стабильных славяно-скандинавских отношений»), пригласила на княжение Рорика Ютландского. Тот, сев в Ладоге, рассадил своих «мужей» в Изборске, Белоозере, Ростове, Муроме и таким образом восстановил территориальную «целостность Верхней Руси первой половины IX в.» (Лебедев 1985: 212-214). Отступление Лебедева от классического норманизма объясняется не только архео-ло-гическим материалом, показывающим отсутствие

связи Рюрика со Швецией, но и тем, что его выход из ее пределов не подтверждается ни одним фактом. По этой причине Ф. Крузе в 1836-1839 гг. отождествил Рюрика с датским Рориком Фрисландским, иначе – Рориком Ютландским, что рушило всю норманскую теорию, изначально «заточенную» на Швецию. В связи с чем видные норманисты М.П. Погодин и А.А. Куник решительно выступили против идеи Крузе (Фомин 2005: 235-236).

В том же 1985 г. А.Н. Кирпичников продолжал культивировать идею, что в 860-х гг. Ладога кратковременно становится столицей образующейся империи Рюриковичей и что там впервые появляется заметная группа скандинавских пришельцев – двор конунга и его стража. В 1986 и 1988 гг. Д.А. Мачинский, повторив свои основные тезисы, твердо теперь сказал, что приглашенный на договорных началах Рюрик ПВЛ и Рорик Ютландский есть одно лицо, что он «был призван защищать земли русского протогосударства от соплеменников-норманнов» и что Олег Вещий принял вместе с «пришлой русью» «местную славяно-русскую религию, основанную на культе Перуна и Велеса». В 1987 г. Булкин, Дубов, Лебедев не сомневались, что археологические факты, прежде всего варяжский дружинный могильник Плакун близ Ладоги, «в целом удостоверяют историчность “ладожской версии” предания о призвании князя Рюрика, выступившего, как отмечал в свое время В.Т. Пашуто, в качестве межплеменной и надплеменной силы, способной разрешить кризисную ситуацию в интересах раннефеодальной знати славянских племен». В 1990 г. Кирпичников дополнительно утверждал, усиливая «продвижение» Ладоги на роль начала нашего государственного бытия и приписывая ПВЛ того, чего в ней нет: «В 862 г., как гласит летописная легенда о призвании варягов», совет славянских и финских племен «пригласил на службу трех выходцев из Скандинавии (Дании – ?). Вскоре один из них, Рюрик, узурпировал власть, подчинив себе всю Северную или Верхнюю Русь», а Ладога стала «тогда столицей новообразованного государственного объединения» (Кирпичников 1985: 23-25; 1995: 23-24; Мачинский 1986: 4, 14-17, 23-28; Мачинский, Мачинская 1988: 45-49; Булкин, Дубов, Лебедев 1987: 17).

Насколько приведенное «открытие» расходится с конкретными историческими данными, видно уже из слов крупнейшего знатока древнескандинавской истории Е.А. Рыдзевской, указывавшей, что самое раннее упоминание Ладоги в сагах относится лишь к 997 г. и что в них не находим «ни малейшего намека на какие-нибудь скандинавские поселения» в Ладоге и Приладожье (Рыдзевская 1945: 51, 56). По археологическим данным, Ладога, в которой вначале сел, как утверждают Радзивиловский и Академический списки Лаврентьевской летописи, Рюрик, была основана в середине VIII в., а ее каменная крепость – первая на Руси – датируется по-следней четвертью IX в. (ПСРЛ. 1: 20, прим. 38; ПСРЛ. 2: 15; Кирпичников, Сарабьянов 2003: 27, 81). К тому же такими «открытиями» давно была полна наша «антинорманистская» наука. Еще в 1965 г. И.П. Шаскольский констатировал, что, например, Б.Д. Греков, В.В. Мавродин, Б.А. Рыбаков видят в летописном рассказе о призвании варягов отражение каких-то реальных происшедших событий, «т.е. варяжский отряд действительно мог быть некогда приглашен на службу знатью северной группы восточнославянских племен… и больше того, могло статься, что предводитель этого отряда сумел реально захватить власть в свои руки и стать князем». Именно так рассуждал Греков в 1942 и 1947 г., подчеркивая, что Рюрик, «конечно, никакого государства не организовал», но положил начало новой династии. В 1971 г. Мавродин посчитал, что им вполне мог быть Рорик Фрисландский. В 1982 г. Рыбаков предположил, что население северных земель, «желая защитить себя от ничем не регламентированных варяжских поборов… могло пригласить одного из конунгов на правах князя с тем, чтобы он охранял его от других варяжских отрядов». Подходящей фигурой для этой цели мог стать тот же Рорик, т.к. «происходил из самого отдаленного угла Западной Балтики и был чужаком для варягов из Южной Швеции» (Греков 1942: 61; 1959: 556; Шаскольский 1965: 85-86; Мавродин 1971: 126-127; Рыбаков 1993: 298-299). Но в устах археологов, убедивших научную общественность в том, что только они являются высшей инстанцией в толковании варяжского вопроса, данное «открытие» звучало намного весомее.

Под воздействием все более усиливающихся в науке норманистских настроений археологи (к тому же видя себя на «передовой» варяжского вопроса) начинают более чем вольно трактовать письменные источники (т.е. попросту перенесли на них свою манеру работы с вещественным материалом – «на глазок», который видит только скандинавов и только ту хронологическую нишу, которая ему нужна). При этом совершенно не понимая характера такого рода памятников (а любой из них есть сложное и многогранное явление, «порождение, – объяснял А.Г. Кузьмин, – конкретной эпохи, социальной среды, традиционно-культурного направления; кроме того, на нем лежит печать определенного индивида с его личными интересами и психологическими особенностями»), не понимая того, что, как говорил их английский коллега П. Сойер, прямо обращаясь к археологам и нумизматам, «письменные источники требуют такого же специального изучения, как и их собственный материал» (Сойер 2002: 16-17, 24; Кузьмин 1977: 18) (но зачем что-то еще специально изучать, когда и так все ясно).

В связи с чем из под их пера выходили необыкновенные (до смешного!) результаты «штудий» этих памятников. В 1978 г. Г.С. Лебедев, связывая восточные свидетельства о русах со скандинавами – обычай брить бороду, ношение шаровар, нелюбовь конного боя, большие дома, «напоминающие виденные Ибн-Фадланом», погребальный обряд, нагрудные «коробочки» женщин русов (вероятно, скорлупообразные фибулы, являющиеся индикатором женских скандинавских погребений), заострил внимание на «неопрятности» русов, зафиксированной тем же автором. И огласил вывод, что «способ омовения, когда несколько человек пользуются одной лоханью, чужд славянской бытовой культуре, и несомненно германского происхождения». Как заметил по поводу такого «антинорманистского» умозаключения Кузьмин, «этот способ аргументации весьма напоминает доводы старых норманистов: русы любили мыться в бане, норманны – тоже. Следователь-

но русы – норманны». Но «старые норманисты» давали все же и другие примеры. Так, М.П. Погодин в 1864 г. сказал по поводу блестящего анализа С.А. Гедеоновым известий Ибн Фадлана, «что автор нейтрализовал это норманское подкрепление». А в 1930 г. другой норманист Ю.В. Готье подчеркивал, что ни внешний облик, ни бытовая сторона, ни вооружение, ни похоронный обряд в его описании «не противоречит понятию о славянине» (Погодин 2015: 199; Готье 1930: 260-261; Лебедев 1978: 22-24; Кузьмин 2003: 405, коммент. 802).

Поняв, видимо, что он переборщил с трактовкой способа омовения русов, Лебедев больше к нему не возвращался, но продолжал активно эксплуатировать сюжет о нагрудных «коробочках» женщин, представляя их в качестве фибул (и скандинавским характеризуя погребальный обряд, описанный Ибн Фадланом). Об этом он говорил в 1985 году. В 1986 г. на русском языке вышел сборник «Славяне и скандинавы» (на немецком был издан в 1982 г.), авторами которого были ученые ГДР, СССР, Польши, Дании, Швеции, Финляндии. Руководитель этого интернационального коллектива академик АН ГДР Й. Херрман привел цитату из Ибн Фадлана, в 921/922 гг. посетившего Волжскую Булгарию и встретившего там русских купцов, в которой содержится описание убранства их жен: «А что касается каждой женщины из их числа, то на груди ее прикреплено кольцо или из железа, или из серебра, или из меди, или золота, в соответствии с денежными средствами ее мужа и с количеством их. И у каждого кольца – коробочка, у которой нож, также прикрепленный к груди. На шеях у них несколько рядов монистов из золота и серебра, так как, если человек владеет десятью тысячами дирхемов, то он справляет своей жене одно монисто (в один ряд), а если владеет двадцатью тысячами, то справляет ей два мониста, и таким образом каждые десять тысяч, которые у него прибавляются, прибавляются в виде одного мониста у его жены, так что на шее какой-нибудь из них бывает много рядов мониста».

Переводчик, а им являлся Лебедев, чтобы придать русским купцам норманское обличье, к слову «коробочка» сделал примечание в тексте (во всех остальных случаях примечания, необходимо заметить, вынесены в подстрочник) – «скорлупообразная фибула». В русском издании в сборник включена статья А.Н. Кирпичникова, И.В. Дубова, Г.С. Лебедева, где «коробочки» также представлены в качестве «скорлупообразных фибул на плечах» (с непременным пояснением, что они «считаются этническим индикатором скандинавских погребальных комплексов») (Лебедев 1985: 244-245; Херрман 1986: 67-68; Кирпичников, Дубов, Лебедев 1986: 216-217). Но у Ибн Фадлана речь идет не о плечах, а о груди женщин, убранство которых не находит аналогов в памятниках Швеции, где фибулы скрепляли части костюма, но не выступали в неразрывной связи с кольцами и ножами. К тому же, если для скандинавского женского костюма характерны только две фибулы, то у Ибн Фадлана число «коробочек» на груди жен русских купцов совершенно случайно – одна, две, три, т.к. зависит от числа колец, как показателя богатства их мужей, и которое эти «коробочки» (у каждой нож) обязаны были оберегать (причем каждый его уровень).

Желанию Лебедева выдать русских купцов за норманнов противостоят еще два факта. Это то, что «в Скандинавии, – отмечает сегодня его учитель Л.С. Клейн, – не было обычая умерщвлять женщину при погребении вождя – как описано у Ибн-Фадлана» (Клейн 2009: 86). А также то, что у его руссов были татуировки, абсолютно не свойственные скандинавам: «И от края ногтей кого-либо из них (русов) до его шеи (имеется) собрание деревьев и изображений и тому подобного». По причине чего норманисты обходят полным молчанием эту деталь, как будто ее вовсе нет у арабского путешественника. Некоторые зарубежные и отечественные востоковеды полагали, что имеются в виду либо мечи, украшенные фигурами или рисунками, либо одежда: «руссы носили платья узористые с большими изображениями цветов» (Хвольсон 1869: 196). Но у Ибн Фадлана, на чем заостряли внимание Сильвестр де Саси и А.П. Ковалевский, речь идет именно о татуировке (Ибн-Фадлан 1939: 78, 132, коммент. 790).

Остается привести заключение А.Я. Гаркави, заметившего в 1870 г., ведя речь о попытках «ультранорманиста» И.Ф. Круга отыскать параллельные черты в русах Ибн Фадлана и в норманнах скандинавских саг: «Не надобно быть пристрастным в этом вопросе, чтоб сказать, что весь комментарий этот имеет для решения нашего вопроса весьма мало значения. В самом деле, можно ли иначе смотреть на старательно доказанное, что скандинавы были высокого роста, имели мечи и секиры, любили горячие напитки и т.д. как на черты времени? Такие черты, без сомнения, были общи всем народам северной Европы, будь они скандинавского, славянского, даже финского происхождения. Нисколько не трудно будет доказать существование этих примет у славян и у других народов» (Гаркави 1870: 110-111, прим. 7 на с. 93). А также свидетельство немецкого хрониста Гельмольда (XII в.), что южнобалтийские раны (руяне, руги, русские) добытое золото и серебро употребляют «на украшения для своих жен или отдают в казну своего бога» (Гельмольд 2011. I, 38). Но такой заботливостью об украшении своих жен скандинавы не отличались.

Представители других наук, работая над варяжской проблемой и безоглядно полагаясь на точность заключений археологов, не только уверовали под их влиянием в чуть ли не в повсеместное присутствие скандинавов на Руси, но и, в свою очередь, подгоняя свои построения под их выводы и под их влиянием «открывая» новые аргументы, еще больше усиливали накал норманизма в историографии, не всегда даже прикрытого псевдоантинорманистской фразеологией. Прежде всего это проявилось в лингвистике (все также, как и во времена А.А. Куника, поучающей историков и навязывающей им свой взгляд на исторические события IX-X вв.). Как справедливо констатировал в 1974 г. А.Г. Кузьмин, говоря о все более возраставших норманистских настроениях в археологии: «Значительно усилились германские акценты и в лингвистике, особенно в объяснении отдельных имен или названий днепровских порогов», хотя, как он заметил четыре года ранее, по сути напомнив заключение С.А. Гедеонова столетней давности, «скандинавское происхождение "варягов" не может быть обосновано данными русских летописей. А это в корне

вернуться к оглавлению ▲

подрывает и филологические построения норманистов» (Кузьмин 1970: 33; 1974: 55).

Так, А.И. Толкачев в 1962 г., лишь только предположив, что «русские» названия днепровских порогов, засвидетельствованные Константином Багрянородным, есть, вероятно, древнешведские, тут же безапелляционно заявил: «…Полагаем, что всякие попытки исследователей, главным образом историков, XIX и XX вв. объяснять эти названия путем сопоставления не с северогерманскими, а с другими языками совершенно лишены основания» (сами же «шведские» названия он рассматривал как переводы соответствующих восточнославянских названий) (Толкачев 1962: 29, 41-42, 60, прим. 2 на с. 29). В 1970 г. А.М. Членов выразил решительное несогласие с тем, что имя князя Святослава рассматривается как веский аргумент в пользу славянства Игоря и его династии. Потому как наречение потомка норманнов славянским именем было «вопросом крупного политического значения», «манифестом о том, что династия считает себя отныне не варяжской, а славянской», «торжественным княжеским обещанием народу вести славянскую, а не варяжскую политику».

Рассуждая далее, что это событие означало также перевод династических имен «с варяжского на славянский» (следовательно, и «выбор славянского языка вместо варяжского»), он подчеркивал: так доносился смысл «династических имен до славянских подданных», им объяснялось, что «династия славна покровительством неба, богов», и тем самым внушалась «вера в династию уже не узкому кругу варягов, а всему народу». Для сохранения магии имени и родовой традиции было выбрано, благодаря «прозорливости» княгини Ольги, подходящее славянское имя, «оказавшееся с двойным дном», составные части которого калькировали собой скандинавские имена Олег-Хельг – «освященный», «посвященный» и Рюрик-Хререкр – «могучий славой», «славный» (до такого антропонимического монстра – Хельг-Хререкров=Святославов – не дотянуло воображение даже А.Л. Шлецера). Как правомерно подчеркнули в 1971 г., не объясняя, разумеется, этого факта, В.В. Мавродин и И.Я. Фроянов, «антропонимику вовлекать в историческое исследование должно и нужно, но с большей осторожностью и чувством ответственности, чем это мы видим у А.М. Членова, не устоявшего перед искусом украсить цветами фантазии политическую историю Руси X века» (Членов 1970: 324-329; Мавродин, Фроянов 1971: 70-71).

Филологи-скандинависты при обращении к истории Руси начинают абсолютизировать древнескандинавские памятники: они «свидетельствуют об интенсивности и многообразии контактов Древней Руси и народов Восточной Прибалтики со скандинавскими странами, о вовлечении какой-то части скандинавов во внутреннюю жизнь древнерусского общества (в первую очередь – в войско в качестве профессиональной военной силы, в меньшей – в аппарат государственного управления в качестве сборщиков дани на окраинах государства)» (Мельникова, Глазырина, Джаксон 1985: 51-52). Параллельно с тем отводя ПВЛ роль лишь иллюстративного материала к своим выводам. Как констатировал в 1981 г. М.Б. Свердлов в рецензии на монографию Е.А. Мельниковой, посвященной руническим надписям (1977), «удачно использует она антропонимию рунической надписи XI в. для правильного прочтения летописного текста (имени скандинава, указанного среди лиц, заключавших договор Руси с Византией в 944 г.») (Свердлов 1981: 131).

В результате такого «правильного прочтения» имя «Либи Аръфастовь» (или «Либиар Фастов») было интерпретировано как распространенное скандинавское имя Арифаст, встречаемое в рунических текстах X в., и сказано, что его носитель, названный в перечне послов под 945 г., «выступает от имени ливов» (ПСРЛ. 1: 46; ПВЛ 1950: 34; Мельникова 1977: 100-101). В 1972 г. А.П. Новосельцев, В.Т. Пашуто, Л.В. Черепнин дали иную интерпретацию летописного текста: Ливи представляет интересы «ливского наместника Арфаста», а рядом стоящий Ятвяг – прусского (ятвяжского) наместника Гуннара (Новосельцев, Пашуто, Черепнин 1972: 264). В 1982 г. лингвист Г.К. Валеев в кандидатской диссертации убеждал, что 51 имя русско-византийских договоров Олега и Игоря имеют устойчивую аналогию в скандинавских сагах и рунических надписях (Валеев 1982: 11). Одновременно с тем языковеды А.И. Попов, Г.А. Хабургаев, а за ними археологи Д.А. Мачинский, Г.С. Лебедев, А.Н. Кирпичников, И.В. Дубов, В.Я. Петрухин навязывали мнение, что имя Русь образовалось из финского названия Швеции Ruotsi. Согласно Хабургаеву, авторы ранних погодных записей ПВЛ хорошо ощущали его иноязычное происхождение и связывали его с норманскими колонистами, поэтому он и требовал, как «советский антинорманист», предать «забвению» иные точки зрения. Примечательно, что зарубежные авторитетные лингвисты и норманисты, например, Ю. Мягисте в 1973 г. и Г. Шрамм в 1982 г. демонстрировали несостоятельность скандинавской версии происхождения названия Русь. О том же неоднократно говорил в 80-х гг. их советский коллега А.В. Назаренко (см. об этом: Фомин 2008: 133-144).

Вместе с тем «советские антинорманисты» создают, апеллируя к ПВЛ, видимость наличия скандинавских топонимов на Руси. С этой целью они стали обыгрывать, по примеру своих предшественников-норманистов, название двора, где новгородцы летом 1015 г. расправились с теми, кто, согласно летописи, «насилье творяху новгородцем и женам их. Вставше новгородци, избиша варягы во дворе Поромони» (в Новгородской первой летописи под 1016 г.: «исекоша варягы в Поромоне дворе») (ПСРЛ. 1: 137; НПЛ 1950: 174). В 1931 г. В.А. Брим утверждал, что скандинавское «farmenn» – команда корабля – «сохранилось в названии новгородского “Парамонный двор”». В 1949 г. А. Стендер-Петерсен, опираясь на предложение финского слависта Ю. Миккол́ы 1907 г., связавшего название «парамонь» с древнескандинавским «farmadr» (мн.ч. «farmenn») – «путешественник, купец», преподнес «Поромони двор» в качестве северного Farmannagarðr – торговый двор (Брим 2002: 235; Stender-Petersen 1953: 118-119, 256-257). В 1962 г. Д.С. Лихачев в «Текстологии» (переиздана в 1983 г.) повторил это мнение. В 1984 г. Е.А. Мельникова посылку, «что в конце X – первой половине XI в. в Новгороде находился постоянный контингент скандинавских воинов», подкрепляла обращением к «Поромони двор», также

видя в нем «farmanna garðr» – двор, усадьба, где находились скандинавские наемники Ярослава Мудрого и где останавливались приезжавшие купцы (при этом говоря об убедительной этимологии Микколы) (Лихачев 1983: 81; Мельникова 1984: 129-130).

Показательно, что в 1959 г. скандинавский ученый Б. Клейбер на страницах советского издания оспорил толкование Микколы (указывая, что он отказался от него, связав название двора уже с греческим словом, означавшим «чины охраны, телохранители») и предложил производить слово «поромони» от «паром», понимать в целом «двор Поромони» как «двор, где причаливает паром». В пользу своей версии Клейбер привел псковский топоним «Поромяни», прилегающий к р. Великой. В 1982 г. Г.К. Валеев «Поромони двор» принял в качестве обозначения пристани, склада лесоматериалов, доставляемых в Новгород плотами=поромами (Клейбер 1959: 120-124; Валеев 1982: 13). Имеется еще одна версия, вообще-то все просто объясняющая, и авторство которой принадлежит С.М. Соловьеву: «двор Поромони» – это двор «какого-то Парамона». В 2007 г. П.В. Лукин, ошибочно приписав объяснение «двор Поромони» «как двор некоего человека по имени "Парамон"» Н.М. Карамзину, «фантастичность этой интерпретации» увидел в том, что «в летописи не говорится ни о каком Парамоне, да и не понятно, что на его дворе делали варяги» (Соловьев 1993: 179; Лукин 2007: 13-14).

Но параллели естественному названию усадьбы по имени ее владельца не раз встречаются, например, в топонимике Киева IX-X вв.: по приказу Олега «убиша Асколда и Дира, и несоша (Аскольда. – В.Ф.) на гору, еже ся ныне зовет Угорьское, кде ныне Олъмин двор» (882 г.), «град же бе Киев, идеже есть ныне двор Гордятин и Никифоров, а двор княж бяше в городе, идеже есть [ныне двор Воротиславль и Чудин, а перевесище бе вне града, и бе вне града двор другый, идеже есть] двор Демьстиков за святою Богородицею» (945 г.). Причем летопись больше ни слова не говорит ни об Ольме, ни о Гордяте, ни о Никифоре, ни о Воротиславе, ни о Чудине, ни о Деместике. Хотя дворы перечисленных киевлян (вероятно, знатных), как и двор новгородца Парамона, варяги, конечно, не только посещали, но и останавливались там, и что некоторые из них принадлежали к их роду-племени. Как принадлежал убитый с сыном язычниками в 983 г. киевский варяг-христианин, «двор» которого стоял там, «идеже есть церкви святая Богородица, юже сдела Володимер» (ПСРЛ. 1: 22-23, 54, 80). Надлежит добавить, ПВЛ под 1097 г. отмечает, что ослепленного Василия (Василько) Ростиславича, доставив в ноябре во Владимир-Волынский, «посадиша» под усиленной охраной «в дворе Вакееве» (ПСРЛ. 1: 252), о котором также нет никаких разъяснений.

В целом, измышления «советских антинорманистов» по поводу якобы скандинавского значения микротопонима «двор Поромони» разбиваются как о псковский «Поромяни», так и о названии маленького «Парамонове ручье» (он же «Кровавый»), впадающем в ручей Заклюку (а та в р. Ладожку) под Старой Ладогой (Лебедев 1985: 206; 1987: 141). Ко всему имя Парамон было характерно для русской традиции (церковь чтит мученика с таким именем, погибшего в 250 г.), в частности, новгородской: в НПЛ под 1269 г. читается известие о гибели в сражении с ливонскими немцами многих новгородцев, включая «Поромана подвоискаго» (НПЛ 1950: 316-317), у которого, разумеется, был свой двор-усадьба («двор Поромони»).

Когда же псевдоантинорманистские рассуждения входили в противоречие со все более увеличивающимся археологическим материалом, выдаваемым за свидетельство массового присутствия норманнов в русской истории, и через призму которого смотрели на известия ПВЛ о деятельности варягов на Руси, то появлялись теории, долженствующие уберечь исследователей, активных проводников тезиса о их скандинавской природе, от обвинений в явном норманизме, следовательно, отходе от марксизма. Так, известный историк В.Т. Пашуто, признавая исторической реальностью призвание «скандинава» Рюрика, в конце 60-х – начале 70-х гг. выдвинул идею о «славяно-скандинавском социальном и культурном синтезе», убеждая, что ее признание есть «общая платформа для дискуссии между учеными разных мировоззрений. Главное теперь – определить удельный вес синтезируемых элементов» (такой взгляд, добавлял он, не оставляет места для фальсификации истории Руси «и в то же время открывает широкие возможности для творческого сотрудничества между нашими учеными и реалистично мыслящими историками скандинавских стран») (Пашуто 1968: 21; 1970: 52-55, 61; 1974: 104).

Эта идея, где на первом плане все также продолжали стоять норманны, была принята наукой. В 1989 г. Д.С. Лихачев предложил на Византийском конгрессе, проходившем в Москве, называть Древнюю Русь «Скандославией», а в 1994 и 1997 гг. А.А. Хлевов рассуждения вокруг этой «Скандославии» завершил выводом, что «Скандинавия и Русь составили исторически удачный и очень жизнеспособный симбиоз» (Мельникова, Петрухин, Пушкина 1984: 56; Петрухин 1993: 80; 1995: 108; Лихачев 1994: 113-114; Хлевов 1994: 20; 1997: 69, 80, 91; Фомин 2010: 380-381), хотя ее несостоятельность лежит на поверхности. Норманны, напоминал А.Г.Кузьмин общеизвестное, «всюду оставили след, и след кровавый, разрушительный» и «нигде не играли созидательной роли», что непременно должно «учитываться нынешними приверженцами идеи норманно-славянского синтеза» (Русская земля 1986: 19).

В середине 1980-х гг. археолог Г.С. Лебедев, многократно увеличив масштабы рассуждений Пашуто, выступил с «циркумбалтийской теорией» (окрещенной И.Я. Фрояновым «головокружительной»: Фроянов 1992: 34). И он также уверял, что предлагаемая им концепция является «наиболее перспективной альтернативой дискуссии норманистов и антинорманистов» и что в свете ее историю народов Балтийского Поморья и Восточной Европы необходимо рассматривать в комплексе, взаимосвязи и взаимообусловленности. Но, как показывают работы самого Лебедева и его единомышленников, все традиционно и все также настойчиво сводится лишь к анализу взаимоотношений восточных славян и скандинавов, и в которых первая скрипка опять-таки отдается в руки последних (Лебедев 1985: 100-101, 263-265, 268-269; 1985а: 47; 1988: 82-83, 85-86; Кирпичников, Лебедев, Дубов 1985: 153-156;

вернуться к оглавлению ▲

Кирпичников, Дубов, Лебедев 1986а: 360-362; Булкин, Дубов, Лебедев 1987: 23; Хлевов 1997: 78). В 1970 г. Кузьмин, выступая против практики абсолютизации всего скандинавского, обрекающей советских ученых на тиражирование норманизма, подчеркнул очевидное, что «на Балтике происходил широкий процесс взаимопроникновения, а не односторонняя скандинавская экспансия» (Кузьмин 1970: 48).

Вместе с тем рождение «циркумбалтийской теории» есть свидетельство осознания археологами необходимости выхода в освещении истории Руси из жестких рамок русско-скандинавских связей. И эти рамки рушил добываемый ими материал, указывающий на теснейшие связи Северо-Западной Руси с южным побережьем Балтийского моря, причем на связи более древние и более многосторонние, чем те, что существовали со Скандинавией (см. напр.: Фомин 2005: 422-473; 2015: 7-112). В ряде случаев они даже начинают предостерегать от переоценки познавательных возможностей археологических данных (например, в 1987 г. В.А. Булкин, И.В. Дубов, Г.С. Лебедев) (Булкин, Дубов, Лебедев 1987: 12), т.е. начинают понимать ошибочность постулата А.В. Арциховского, отдавшего варяжский вопрос на откуп археологам. Но этот постулат давно стал неотъемлемой частью нашей науки, глубоко погрузив ее в топи, по точной оценке Ю.И. Венелина, данной в 1836 г., скандинавомании. А одним из специфических проявлений скандинавомании являлся «советский антинорманизм», приведший в наше время к торжеству «взвешенного и объективного норманизма», под личиной которого выступает все тот же «“ультранорманизм” шлецеровского типа» и от которого во второй половине XIX в. во многом отказались, под воздействием критики оппонентов (прежде всего С.А. Гедеонова) профес-сионалы высочайшего класса – историки и лингвисты, представлявшие собой цвет российской и европейской науки (М.П. Погодин, А.А. Куник, С.М. Соловьев, В.О. Ключевский, В. Томсен и др.).

ЛИТЕРАТУРА

Авдусин 1949 – Авдусин Д.А. Варяжский вопрос по археологическим данным // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. Вып. 30. М.; Л., 1949.

Авдусин 1967 – Авдусин Д.А. Археология СССР. М., 1967.

Авдусин 1971 – Авдусин Д.А. История Новгородских открытий // Вопросы истории. 1971. № 6.

Авдусин 1972 – Авдусин Д.А. Гнездово и днепровский путь // Новое в археологии. М., 1972.

Авдусин 1974 – Авдусин Д.А. Скандинавские погребения в Гнездове // Вестник МГУ. 1974. № 1.

Авдусин 1975 – Авдусин Д.А. Об изучении археологических источников по варяжскому вопросу // Скандинавский сборник. Вып. XX. Таллин, 1975.

Авдусин 1983 – Авдусин Д.А. Ключ-город // Путешествия в древность. М., 1983.

Авдусин 1988 – Авдусин Д.А. Современный антинорманизм // Вопросы истории. 1988. № 7.

Авдусин 1993 – Авдусин Д.А. Об этническом составе населения Гнездова // XII Конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка скандинавских стран и Финляндии. М., 1993.

Авдусин, Пушкина 1982 – Авдусин Д.А., Пушкина Т.А. Гнездово в иссле-дованиях Смоленской экспедиции // Вестник МГУ. 1982. Серия 8. История. № 1.

Авдусина, Ениосова 2001 – Авдусина С.А., Ениосова Н.В. Подковообразные фибулы Гнездова // Археологический сборник. Гнездово. 125 лет исследования памятника. Труды Государственного Исторического музея. Вып. 124. М., 2001.

Алексеева 1973 – Алексеева Т.И. Этногенез восточных славян по данным антропологии. М., 1973.

Алексеева 1974 – Алексеева Т.И. Антропологическая дифференциация славян и германцев в эпоху средневековья и отдельные вопросы этнической истории Восточной Европы // Расогенетические процессы в этнической истории. М., 1974.

Алексеева 1974а – Алексеева Т.И. Славяне и германцы в свете антропологических данных // Вопросы истории. 1974. № 3.

Алексеева 1990 – Алексеева Т.И. Антропология циркумбалтийского эко-номического региона // Балты, славяне, прибалтийские финны. Этногенетиче-ские процессы. Рига, 1990.

Артамонов 1967 – Артамонов М.И. Вопросы расселения восточных славян и советская археологическая наука // Проблемы всеобщей истории. Историографический сборник. Л., 1967.

Артамонов 1990 – Артамонов М.И. Первые страницы русской истории в археологическом освещении // Советская археология. 1990. № 3.

Арциховский 1966 – Арциховский А.В. Археологические данные по варяжскому вопросу // Культура Древней Руси. М., 1966.

Байер 2006 – Байер Г.З. О варягах // Фомин В.В. Ломоносов: Гений русской истории. М., 2006.

Бахрушин 1938 – Бахрушин С.В. «Держава Рюриковичей» // Вестник древней истории. 1938. № 2 (3).

Брим 2002 – Брим В.А. Путь из варяг в греки // Из истории русской культуры. Т. II. Кн. 1. Киевская и Московская Русь. М., 2002.

Булкин, Дубов, Лебедев 1978 – Булкин В.А., Дубов И.В., Лебедев Г.С. Археологические памятники Древней Руси IX-XI веков. Л., 1978.

Булкин, Дубов, Лебедев 1987 – Булкин В.А., Дубов И.В., Лебедев Г.С. Русь и варяги: новый этап изучения // Вестник ЛГУ. 1987. Серия 2. История, языкознание, литературоведение. № 3.

Валеев 1982 – Валеев Г.К. Антропонимия «Повести временных лет». Автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата исторических наук. М., 1982.

Вовина-Лебедева 2011 – Вовина-Лебедева В.Г. История Древней Руси: учебник для студентов учреждений высшего профессионального образования. М., 2011.

Гаркави 1870 – Гаркави А.Я. Сказания мусульманских писателей о славянах и русах (с половины VII века до конца X века по Р.Х.). СПб., 1870.

Гедеонов 2004 – Гедеонов С.А. Варяги и Русь. В двух частях / Автор предисловия, комментариев, биографического очерка В.В. Фомин. Издание второе. М., 2004.

Гельмольд 2011 – Гельмольд из Босау. Славянская хроника // Адам Бре-менский, Гельмольд из Босау, Арнольд Любекский. Славянские хроники / Перевод с латинского И.В. Дьяконова, Л.В. Разумовской; редактор-составитель И.А. Настенко. М., 2011.

Готье 1930 – Готье Ю.В. Железный век в Восточной Европе. М., 1930.

Греков 1942 – Греков Б.Д. Борьба Руси за создание своего государства. Ташкент, 1942.

Греков 1959 – Греков Б.Д. О роли варягов в истории Руси (по поводу статьи шведского профессора Туре Арне) // Греков Б.Д. Избранные труды. Т. II. М., 1959.

Даркевич 1985 – Даркевич В.П. Международные связи // Древняя Русь. Город, замок, село. М., 1985.

Джаксон 1993 – Джаксон Т.Н. Варяги – создатели Древней Руси? // Родина. 1993. № 2.

Джаксон, Плимак 1988 – Джаксон Т.Н., Плимак Е.Г. Некоторые спорные проблемы генезиса русского феодализма (В связи с изучением и публикацией в СССР «Разоблачений дипломатической истории XVIII века» К. Маркса) // История СССР. 1988. № 6.

Дубов 1982 – Дубов И.В. Северо-Восточная Русь в эпоху раннего средневековья (историко-археологические очерки). Л., 1982.

Дубов 1990 – Дубов И.В. Спорные вопросы этнической истории Северо-Восточной Руси IX-XIII веков // Вопросы истории. 1990. № 5.

Дубов 1999 – Дубов И.В. Погребения с мечами в Ярославских могильниках (к этнической и социальной оценке) // Раннесредневековые древности Северной Руси и ее соседей. СПб., 1999.

Ениосова 2001 – Ениосова Н.В. Скандинавские рельефные фибулы из Гнездова // Археологический сборник. Гнездово. 125 лет исследования памятника. Труды Государственного Исторического музея. Вып. 124. М., 2001.

Жарнов 1991 – Жарнов Ю.Э. Женские скандинавские погребения в Гнездове // Смоленск и Гнездово (к истории древнерусского города). М., 1991.

Жарнов 1992 – Жарнов Ю.Э. Погребальный обряд в Древней Руси по материалам Гнездовского некрополя. Автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата исторических наук. М., 1992.

Жарнов 2001 – Жарнов Ю.Э. Гнездово, Тимерево, Шестовица: историо-графический миф об однотипности этих памятников // Археологический сборник. Гнездово. 125 лет исследования памятника. Труды Государственного Исторического музея. Вып. 124. М., 2001.

Ибн-Фадлан 1939 – Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу / Перевод и комментарий А.П. Ковалевского. М.; Л., 1939.

Измайлов 2001 – Измайлов И.Л. Балтийско-Волжский путь в системе торговых магистралей и его роль в раннесредневековой истории Восточной Европы // Великий Волжский путь. Материалы Круглого стола «Великий Волжский путь» и Международного научного семинара «Историко-культурное наследие Великого волжского пути». Казань, 28-29 августа 2000 г. Казань, 2001.

Иловайский 1876 – Иловайский Д.И. Разыскания о начале Руси. Вместо введения в русскую историю. М., 1876.

Кан, Хорошкевич 1971 – Кан А.С., Хорошкевич А.Л. [Рецензия]: Исторические связи Скандинавии и России IX-XX вв. Сборник статей. Л., 1970 // История СССР. 1971. № 6.

Каргер 1958 – Каргер М.К. Древний Киев. Т. I. М.; Л., 1958.

Кирпичников 1977 – Кирпичников А.Н. Вооружение воинов Киевской державы в свете русско-скандинавских контактов // Скандинавский сборник. Вып. XXII. Таллин, 1977.

Кирпичников 1979 – Кирпичников А.Н. Ладога и Ладожская волость в период раннего средневековья // Славяне и Русь (На материалах восточнославянских племен и Древней Руси). Киев, 1979.

Кирпичников 1985 – Кирпичников А.Н. Раннесредневековая Ладога (итоги археологических исследований) // Средневековая Ладога. Новые археологические открытия и исследования. Л., 1985.

Кирпичников 1995 – Кирпичников А.Н. Раннесредневековая Ладога. Историческая роль и международное значение // Славянская археология. 1990. Раннесредневековый город и его округа. Материалы по археологии России. Вып. 2. М., 1995.

Кирпичников 2001 – Кирпичников А.Н. Великий Волжский путь, его историческое и международное значение // Великий Волжский путь. Материалы Круглого стола «Великий Волжский путь» и Международного научного семинара «Историко-культурное наследие Великого волжского пути». Казань, 28-29 августа 2000 г. Казань, 2001.

Кирпичников 2002 – Кирпичников А.Н. Великий Волжский путь // Родина. 2002. № 11-12.

Кирпичников 2002а – Кирпичников А.Н. Великий Волжский путь и евразийские торговые связи в эпоху раннего средневековья // Ладога и ее соседи в эпоху средневековья. СПб., 2002.

Кирпичников, Дубов, Лебедев 1986 – Кирпичников А.Н., Дубов И.В., Лебедев Г.С. Русь и варяги (русско-скандинавские отношения домонгольского времени) // Славяне и скандинавы / Общая редакция Е.А. Мельниковой. М., 1986.

Кирпичников, Дубов, Лебедев 1986а – Кирпичников А.Н., Дубов И.В., Лебедев Г.С. Послесловие // Славяне и скандинавы / Общая редакция Е.А. Мельниковой. М., 1986.

Кирпичников, Лебедев, Булкин, Дубов, Назаренко 1978 – Кирпичников А.Н., Лебедев Г.С., Булкин В.А., Дубов И.В., Назаренко В.А. Русско-скандинавские связи в эпоху образования Древнерусского государства (IX-XI вв.) // Scando-Slavica. Volume 24. Copenhagen, 1978.

Кирпичников, Лебедев, Булкин, Дубов, Назаренко 1980 – Кирпичников А.Н., Лебедев Г.С., Булкин В.А., Дубов И.В., Назаренко В.А. Русско-скандинавские связи эпохи образования Киевского государства на со-временном этапе археологического изучения // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 160. М., 1980.

Кирпичников, Лебедев, Дубов 1981 – Кирпичников А.Н., Лебедев Г.С., Дубов И.В. Северная Русь (некоторые итоги археологических исследований) // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 164. М., 1981.

вернуться к оглавлению ▲

Кирпичников, Лебедев, Дубов 1985 – Кирпичников А.Н., Лебедев Г.С., Дубов И.В. [Рецензия]: Wikinger und Slawen. Zur Frühgeschichte der Ostseevölker. Berlin. Akademie-Verlag. 1982. 376 S. Викинги и славяне. К ранней истории народов Балтийского моря // Вопросы истории. 1985. № 12.

Кирпичников, Сарабьянов 2003 – Кирпичников А.Н., Сарабьянов В.Д. Старая Ладога. Древняя столица Руси. СПб., 2003.

Клейбер 1959 – Клейбер Б. Поромянь в Пскове и Поромони двор в Новгороде // Славянское языкознание. М., 1959.

Клейн 1978 – Клейн Л.С. Проблема объективности исследований в скан-динавской археологии // Вестник ЛГУ. 1978. № 8. История. Язык. Литература. Вып. 2.

Клейн 1999 – Клейн Л.С. Норманизм – антинорманизм: конец дискуссии // Stratum plus. 1999. № 5.

Клейн 2004 – Клейн Л.С. Воскрешение Перуна. К реконструкции восточнославянского язычества. СПб., 2004.

Клейн 2009 – Клейн Л.С. Спор о варягах. История противостояния и аргументы сторон. СПб., 2009.

Клейн 2010 – Клейн Л.С. Варяги, антинорманизм и час истины. 2010 / Электронный ресурс: http://trv-science.ru/2010/09/28/varyagi-antinormanizm-i-chas-istiny (дата обращения – 09.08.2018).

Клейн 2015 – Клейн Л.С. Ленинградский неонорманизм – в самом деле? // Stratum plus. 2015. № 5.

Клейн, Лебедев, Назаренко 1970 – Клейн Л.С., Лебедев Г.С., Назаренко В.А. Норманские древности Киевской Руси на современном этапе археологического изучения // Исторические связи Скандинавии и России IX-XX вв. Л., 1970.

Козак 1993 – Козак Д.Н. Пшеворская культура // Славяне и их соседи в конце I тысячелетия до н.э. – первой половины I тысячелетия н.э. М., 1993.

Корзухина 1963 – Корзухина Г.Ф. Из истории игр на Руси // Советская археология. 1963. № 4.

Корзухина 1965 – Корзухина Г.Ф. Этнический состав населения древнейшей Ладоги // Тезисы докладов Второй научной конференции по истории, экономике, языку и литературе скандинавских стран и Финляндии. М., 1965.

Кочкуркина 1969 – Кочкуркина С.И. Курганные группы юго-восточного Приладожья // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 120. М., 1969.

Кочкуркина 1969а – Кочкуркина С.И. Приладожье в X-XIII вв. Автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата исторических наук. М., 1969.

Кочкуркина 1970 – Кочкуркина С.И. Связи юго-восточного Приладожья с западными странами в X-XI вв. (По материалам курганов юго-восточного Приладожья) // Скандинавский сборник. Вып. XV. Таллин, 1970.

Кочкуркина 2014 – Кочкуркина С.И. Приладожские курганы // Древняя Русь в средневековом мире: энциклопедия / Под общей ред. Е.А. Мельниковой, В.Я. Петрухина. М., 2014.

Кузенков 2003 – Кузенков П.В. Поход 860 г. на Константинополь и первое крещение Руси в средневековых письменных источниках // Древнейшие государства Восточной Европы. 2000. Проблемы источниковедения. М., 2003.

Кузьмин 1970 – Кузьмин А.Г. «Варяги» и «Русь» на Балтийском море // Вопросы истории. 1970. № 10.

Кузьмин 1974 – Кузьмин А.Г. Об этнической природе варягов (к постановке проблемы) // Вопросы истории. 1974. № 11.

Кузьмин 1977 – Кузьмин А.Г. Начальные этапы древнерусского летописания. М., 1977.

Кузьмин 2003 – Кузьмин А.Г. Начало Руси. Тайны рождения русского народа. М., 2003.

Куник 1875 – Куник А.А. Дополнения // Дорн Б. Каспий. СПб., 1875.

Куник 1903 – Куник А.А. Известия ал-Бекри и других авторов о руси и славянах. Ч. 2. СПб., 1903.

Кураев 2001 – Кураев И.В. Историография варяжского вопроса (по исследованиям погребений Гнездова) // Археологический сборник. Гнездово. 125 лет исследования памятника. Труды Государственного Исторического музея. Вып. 124. М., 2001.

Лапшин 2014 – Лапшин В.А. Владимирские курганы // Древняя Русь в средневековом мире: энциклопедия / Под общей ред. Е.А. Мельниковой, В.Я. Петрухина. М., 2014.

Лебедев 1970 – Лебедев Г.С. Разновидности обряда трупосожжения в могильнике Бирка // Статистико-комбинаторные методы в археологии. М., 1970.

Лебедев 1971 – Лебедев Г.С. Камерные могилы Бирки // Тезисы докладов V Всесоюзной конференции скандинавистов. М., 1971.

Лебедев 1972 – Лебедев Г.С. Погребальный обряд скандинавов эпохи викингов. Автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата исторических наук. Л., 1972.

Лебедев 1978 – Лебедев Г.С. Этнографические сведения арабских авторов о славянах и руси // Из истории феодальной России. Л., 1978.

Лебедев 1985 – Лебедев Г.С. Эпоха викингов в Северной Европе. Историко-археологические очерки. Л., 1985.

Лебедев 1985а – Лебедев Г.С. Северные славянские племена (к постановке вопроса о связях внутри славянского мира) // Новое в археологии Северо-Запада СССР. Л., 1985.

Лебедев 1987 – Лебедев Г.С. Ладога – торговый, политический, сакральный центр словен новгородских // Труды V Международного конгресса славянской археологии. Т. I. Вып. 2а. М., 1987.

Лебедев 1988 – Лебедев Г.С. Русь и чудь, варяги и готы (итоги и перспективы историко-археологического изучения славяно-скандинавских отношений в I тыс. н.э.) // Славяно-русские древности. Историко-археологическое изучение Древней Руси. Вып. 1. Л., 1988.

Лебедев 1995 – Лебедев Г.С. Петербург как центр региональной археологии // Санкт-Петербург и отечественная археология. Историографические очерки: Труды семинара «Проблемы истории и историографии археологической науки». Вып. 1. СПб., 1995.

Лебедев 1999 – Лебедев Г.С. Varangica проблемного семинара Л.С. Клейна // Stratum plus. 1999. № 5.

Лев Диакон 1988 – Лев Диакон. История. М., 1988.

Леонтьев 1996 – Леонтьев А.Е. Археология мери. К предыстории Северо-Восточной Руси. М., 1996.

Леонтьев, Носов 2012 – Леонтьев А.Е., Носов Е.Н. Восточноевропейские пути сообщения и торговые связи в конце VIII-X в. // Русь в IX-X веках. археологическая панорама / Отв. ред. Н.А. Макаров. М.; Вологда, 2012.

Лиутпранд 2006 – Лиутпранд Кремонский. Антаподосис. Книга об Оттоне. Отчет о посольстве в Константинополь / Перевод с латинского и комментарии И.В. Дьяконова. М., 2006.

Лихачев 1983 – Лихачев Д.С. Текстология. На материале русской литературы X-XVII веков. Издание второе. Л., 1983.

Лихачев 1994 – Лихачев Д.С. Нельзя уйти от самих себя… Историческое самосознание и культура России // Новый мир. 1994. № 6.

ЛЛ 1897 – Летопись по Лаврентьевскому списку. Издание третье. СПб., 1897.

Ловмяньский 1985 – Ловмяньский Х. Русь и норманны. М., 1985.

Лукин 2007 – Лукин П.В. События 1015 г. в Новгороде. К оценке досто-верности летописных сообщений // Отечественная история. 2007. № 4.

Ляпушкин 1968 – Ляпушкин И.И. Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства (VIII – первая половина IX в.). Историко-археологические очерки / Материалы и исследования по археологии СССР. № 152. М.; Л., 1968.

Мавродин 1971 – Мавродин В.В. Образование Древнерусского государства и формирование древнерусской народности. Л., 1971.

Мавродин, Фроянов 1971 – Мавродин В.В., Фроянов И.Я. Древняя Русь в трудах советских историков между XXIII и XXIV съездами КПСС // Вестник ЛГУ. Серия: История. Язык. Литература. 1971. Вып. 3. № 14.

Мачинский 1981 – Мачинский Д.А. Миграция славян в I тысячелетии н.э. (по письменным источникам с привлечением данных археологии) // Формирование раннефеодальных славянских народностей. М., 1981.

Мачинский 1982 – Мачинский Д.А. О времени и обстоятельствах первого появления славян на Северо-Западе Восточной Европы по данным письменных источников // Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья. Л., 1982.

Мачинский 1984 – Мачинский Д.А. О месте Северной Руси в процессе сложения Древнерусского государства и европейской культурной общности // Археологическое исследование Новгородской земли. Л., 1984.

Мачинский 1986 – Мачинский Д.А. Этносоциальные и этнокультурные процессы в Северной Руси (период зарождения древнерусской народности) // Русский Север: Проблемы этнокультурной истории, этнографии, фольклори-стики. Л., 1986.

Мачинский, Мачинская 1988 – Мачинский Д.А., Мачинская А.Д. Северная Русь, Русский Север и Старая Ладога в VIII-IX вв. // Культура Русского Севера. Л., 1988.

Мельникова 1977 – Мельникова Е.А. Скандинавские рунические надписи (тексты, перевод, комментарий). М., 1977.

Мельникова 1984 – Мельникова Е.А. Древнерусские лексические заимст-вования в шведском языке // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1982. М., 1984.

Мельникова 1984а – Мельникова Е.А. Новгород Великий в древнескандинавской письменности // Новгородский край: Материалы научной конференции. Л., 1984.

Мельникова, Глазырина, Джаксон 1985 – Мельникова Е.А., Глазырина Г.В., Джаксон Т.Н. Древнескандинавские письменные источники по истории европейского региона СССР // Вопросы истории. 1985. № 10.

Мельникова, Петрухин 1985 – Мельникова Е.А., Петрухин В.Я. Послесловие // Ловмяньский Х. Русь и норманны. М., 1985.

Мельникова, Петрухин, Пушкина 1984 – Мельникова Е.А., Петрухин В.Я., Пушкина Т.А. Древнерусские влияния в культуре Скандинавии раннего средневековья (К постановке проблемы) // История СССР. 1984. № 3.

Милютенко 1997 – Милютенко Н.И. Средневековая Ладога – научный миф и историческая реальность (по данным саг, летописей и археологии) // XIII конференция по изучению истории, экономики, языка и литературы скандинавских стран и Финляндии. Тезисы докладов. М.; Петрозаводск, 1997.

Минасян 1982 – Минасян Р.С. Проблема славянского заселения лесной зоны Восточной Европы в свете археологических данных // Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья. Л., 1982.

Михайлов 2001 – Михайлов К.А. Древнерусские камерные погребения и Гнездово // Археологический сборник. Гнездово. 125 лет исследования памятника. Труды Государственного Исторического музея. Вып. 124. М., 2001.

Мошин 2010 – Мошин В.А. Варяго-русский вопрос // Варяго-русский вопрос в историографии. Сборник статей и монографий / Составитель и редактор В.В. Фомин. М., 2010.

Мурашева 1996 – Мурашева В.В. Предметный мир эпохи // Путь из варяг в греки и из грек… М., 1996.

Мурашева 1997 – Мурашева В.В. Была ли Древняя Русь частью Великой Швеции? // Родина. 1997. № 10.

Мурашева 1998 – Мурашева В.В. Скандинавские наборные ременные накладки с территории Древней Руси // Историческая археология: традиции и перспективы. К 80-летию со дня рождения Д.А. Авдусина. М., 1998.

Мурашева 2009 – Мурашева В.В. «Путь из ободрит в греки…» (археологический комментарий по «варяжскому вопросу») // Российская история. 2009. № 4.

Новикова 1992 – Новикова Г.Л. Скандинавские языческие культы на территории Древней Руси. (Культовые предметы: типология и хронология). Автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата исторических наук. М., 1992.

Новосельцев, Пашуто, Черепнин 1972 – Новосельцев А.П., Пашуто В.Т., Черепнин Л.В. Пути развития феодализма. М., 1972.

Носов 1999 – Носов Е.Н. Современные археологические данные по варяжской проблеме на фоне традиций русской историографии // Раннесредневековые древности Северной Руси и ее соседей. СПб., 1999.

Носов 2002 – Носов Е.Н. Славяне на Ильмене // Родина. 2002. № 11-12.

Носов 2009 – Носов Е.Н. Послесловие // Клейн Л.С. Спор о варягах. История противостояния и аргументы сторон. СПб., 2009.

НПЛ 1950 – Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950.

Пашуто 1968 – Пашуто В.Т. Внешняя политика Древней Руси. М., 1968.

Пашуто 1970 – Пашуто В.Т. Русско-скандинавские отношения и их место в истории средневековой Европы // Скандинавский сборник. Вып. XV. Таллин, 1970.

Пашуто 1973 – Пашуто В.Т. Летописная традиция о «племенных княжениях» и варяжский вопрос // Летописи и хроники. 1973. М., 1974.

ПВЛ 1950 – Повесть временных лет. Подготовка текста, перевод, статьи и комментарии Д.С. Лихачева / Под ред. В.П. Адриановой-Перетц. Ч. 1. М.; Л., 1950.

Перевезенцев 1999 – Перевезенцев С.В. Русская религиозно-философская мысль X-XVII вв. М., 1999.

Перевезенцев 2001 – Перевезенцев С.В. Тайны русской веры. От язычества к империи. М., 2001.

Петрухин 1983 – Петрухин В.Я. Об особенностях славяно-скандинавских этнических отношений в раннефеодальный период (IX-XI вв.) // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1981. М., 1983.

Петрухин 1993 – Петрухин В.Я. Варяги и хазары в истории Руси // Этнографическое обозрение. 1993. № 3.

Петрухин 1995 – Петрухин В.Я. Начало этнокультурной истории Руси IX-XI веков. Смоленск; М., 1995.

Петрухин 1998 – Петрухин В.Я. Путь из варяг в греки: становление Древнерусского государства и его международные связи // Труды VI Конгресса славянской археологии. Т. 4. М., 1998.

Петрухин 2000 – Петрухин В.Я. Древняя Русь: Народ. Князья. Религия // Из истории русской культуры. Т. I (Древняя Русь). М., 2000.

Платонова 2017 – Платонова Н.И. «Неонорманизм», постмодернизм и Славяно-варяжский семинар: размышления археолога // Ex ungve leonem. Сборник к 90-летию Л.С. Клейна. СПб., 2017.

Плетнева 2002 – Плетнева С.А. Михаил Илларионович Артамонов (1898-1972) // Артамонов М.И. История хазар. Второе издание. СПб., 2002.

Погодин 2015 – Погодин М.П. Господин Гедеонов и его система о происхождении варягов и руси // Скандинавомания и ее небылицы о русской истории. Сборник статей и монографий / Составитель и редактор В.В. Фомин. М., 2015.

Потин 1968 – Потин В.М. Древняя Русь и европейские государства в X-XIII вв. Историко-нумизматический очерк. Л., 1968.

ПСРЛ. 1 – Полное собрание русских летописей. Т. 1. М., 1962.

ПСРЛ. 2 – Полное собрание русских летописей. Т. 2. М., 1962.

Пушкина 1996 – Пушкина Т.А. Гнёздово – на пути из варяг в греки // Путь из варяг в греки и из грек… М., 1996.

Пушкина 2001 – Пушкина Т.А. Гнездово: итоги и задачи исследования // Археологический сборник. Гнездово. 125 лет исследования памятника. Труды Государственного Исторического музея. Вып. 124. М., 2001.

Пушкина 2003 – Пушкина Т.А. Находка редкой фибулы из Гнездова // Ладога и истоки российской государственности и культуры. Материалы Международной научно-практической конференции. Старая Ладога, 30 июня – 2 июля 2003 г. СПб., 2003.

Пушкина, Мурашева, Ениосова 2012 – Пушкина Т.А., Мурашева В.В., Ениосова Н.В. Гнездовский археологический комплекс // Русь в IX-X веках. Археологическая панорама / Отв. ред. Н.А. Макаров. М.; Вологда, 2012.

Русская земля 1986 – Откуда есть пошла Русская земля. Века VI-X / Со-ставление, предисловие, введение к документам, комментарии А.Г. Кузьмина. Кн. 1. М., 1986.

Рыбаков 1993 – Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества XII-XIII веков. Издание второе. М., 1993.

Рыдзевская 1945 – Рыдзевская Е.А. Сведения о Старой Ладоге в древнесеверной литературе // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. Вып. 11. М.; Л., 1945.

Сахаров 2002 – Сахаров А.Н. Рюрик, варяги и судьбы российской госу-дарственности // Мир истории. 2002. № 4/5.

Свердлов 1973 – Свердлов М.Б. Сведения скандинавов о географии Вос-точной Европы в IX-XI вв. // История географических знаний и открытий на севере Европы. Л., 1973.

Свердлов 1981 – Свердлов М.Б. [Рецензия]: Е.А. Мельникова. Скандинавские рунические надписи (тексты, перевод, комментарии). М., 1977 // Вопросы истории. 1981. № 1.

Седов 1979 – Седов В.В. Происхождение и ранняя история славян. М., 1979.

Седов 1982 – Седов В.В. Восточные славяне в VI-XIII вв. М., 1982.

Седов 1994 – Седов В.В. Славяне в древности. М., 1994.

Седов 1995 – Седов В.В. Славяне в раннем средневековье. М., 1995.

Седов 1995а – Седов В.В. Изделия древнерусской культуры в Скандинавии // Славяно-русские древности. Древняя Русь: новые исследования. Вып. 2. СПб., 1995.

Селин 2012 – Селин А.А. Староладожский миф в академическом дискурсе последних лет // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2012. № 1 (11).

Симпсон 2005 – Симпсон Ж. Викинги. Быт, религия, культура. М., 2005.

Скрынников 1997 – Скрынников Р.Г. Древняя Русь. Летописные мифы и действительность // Вопросы истории. 1997. № 8.

Славяне и Русь 1998 – Славяне и Русь: Проблемы и идеи. Концепции, рожденные трехвековой полемикой, в хрестоматийном изложении / Составитель А.Г. Кузьмин. М., 1998.

Сойер 2002 – Сойер П. Эпоха викингов. СПб., 2002.

Соколов 2010 – Соколов С.В. [Рецензия]: Л.С. Клейн. Спор о варягах. История противостояния и аргументы сторон. СПб., 2009. 400 с. // Славяноведение. 2010. № 2.

Соловьев 1993 – Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. 1. Т. 1-2. М., 1993.

Стальсберг 1987 – Стальсберг А. Женские вещи скандинавского проис-хождения на территории Древней Руси // Труды V Международного конгресса славянской археологии. Киев, 18-25 сентября 1985 г. Т. III. Вып. 1б. М., 1987.

Стальсберг 1998 – Стальсберг А. О скандинавских погребениях с лодками эпохи викингов на территории Древней Руси // Историческая археология: традиции и перспективы. К 80-летию со дня рождения Д.А. Авдусина. М., 1998.

Толкачев 1962 – Толкачев А.И. О названии днепровских порогов в сочинении Константина Багрянородного «De administrando imperio» (В связи с работой К.-О. Фалька на ту же тему) // Историческая грамматика и лексикология русского языка. Материалы и исследования. М., 1962.

Толочко 1990 – Толочко П.П. Спорные вопросы ранней истории Киевской Руси // Славяне и Русь (в зарубежной историографии). Киев, 1990.

Толочко 2013 – Толочко П.П. Ранняя Русь: история и археология. СПб., 2013.

Томсинский 2014 – Томсинский С.В. Ленинградский неонорманизм: истоки и итоги // Stratum plus. 2014. № 5.

Томсинский 2016 – Томсинский С.В. Позвольте кое-что уточнить // Stra-tum plus. 2016. № 5.

Томсинский 2017 – Томсинский С.В. Чего и следовало ожидать: снова о том же (по поводу ленинградского неонорманизма и статьи Н.И. Платоновой) // Исторический формат. 2017. № 3-4.

Тухтина 1968 – Тухтина Н.В. Об этнической принадлежности погребен-ных в сопках волховского типа // Славяне и Русь. М., 1968.

Тухтина 1971 – Тухтина Н.В. Этническая принадлежность погребенных в курганах Юго-Восточного Приладожья // История и культура Восточной Европы по археологическим данным. М., 1971.

Урланис 1941 – Урланис Б.Ц. Рост населения в Европе. Опыт исчисления. М., 1941.

Фасмер I-III – Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. I-III. М., 1986-1987.

Фомин 2002 – Фомин В.В. Скандинавомания или небылицы о шведской Руси // Сборник Русского исторического общества. Т. 5 (153). М., 2002.

Фомин 2003 – Фомин В.В. История Старой Ладоги на норманистский лад // Сборник Русского исторического общества. Т. 9 (157). М., 2003.

Фомин 2003а – Фомин В.В. Кривые зеркала норманизма // Сборник Русского исторического общества. Т. 8 (156). М., 2003.

Фомин 2005 – Фомин В.В. Варяги и варяжская русь: К итогам дискуссии по варяжскому вопросу. М., 2005.

Фомин 2008 – Фомин В.В. Начальная история Руси. М., 2008.

Фомин 2010 – Фомин В.В. Ломоносовофобия российских норманистов // Варяго-русский вопрос в историографии. Сборник статей и монографий / Составитель и редактор В.В. Фомин. М., 2010.

Фомин 2013 – Фомин В.В. Голый конунг. Норманизм как диагноз. М., 2013.

Фомин 2015 – Фомин В.В. Варяги и русь // Варяги и Русь. Сборник статей и монографий / Составитель и редактор В.В. Фомин. М., 2015.

Франклин, Шепард 2000 – Франклин С., Шепард Д. Начало Руси. 750-1200. СПб., 2000.

Фроянов 1992 – Фроянов И.Я. Мятежный Новгород: очерки истории государственности, социальной и политической борьбы конца IX – начала XIII столетия. СПб., 1992.

Хвольсон 1869 – Хвольсон Д.А. Известия о хазарах, буртасах, болгарах, мадьярах, славянах и руссах Абу-али Ахмед бек Омар Ибн-Даста. СПб., 1869.

Херрман 1986 – Херрман Й. Славяне и норманны в ранней истории Балтийского региона // Славяне и скандинавы / Общая редакция Е.А. Мельниковой. М., 1986.

Хлевов 1994 – Хлевов А.А. Норманская проблема в свете археологических источников. Автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата исторических наук. СПб., 1994.

Хлевов 1997 – Хлевов А.А. Норманская проблема в отечественной исторической науке. СПб., 1997.

Хлевов 2015 – Хлевов А.А. Об основных тезисах современного антинорманизма // Ярослав Мудрый. Проблемы изучения, сохранения и интерпретации историко-культурного наследия: сборник материалов VI Международной научно-практической конференции, Ярославль, 26-27 февраля 2015 г. Ярославль, 2015.

Хлевов 2018 – Хлевов А.А. Современный антинорманизм как историографический феномен // Мавродинские чтения 2018: Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 110-летию со дня рождения профессора В.В. Мавродина / Под ред. А.Ю. Дворничеко. СПб., 2018.

Хорошев, Пушкина 2006 – Хорошев А.С., Пушкина Т.А. Древняя Русь по археологическим данным // Археология: Учебник / Под ред. академика В.Л. Янина. М., 2006.

Хрестоматия 2004 – Хрестоматия по истории России с древнейших вре-мен до 1618 г. / Под ред. А.Г. Кузьмина, С.В. Перевезенцева. М., 2004.

Членов 1970 – Членов А.М. К вопросу об имени Святослава // Личные имена в прошлом, настоящем, будущем. Проблемы антропонимии. М., 1970.

Шаскольский 1960 – Шаскольский И.П. Норманская теория в современ-ной буржуазной историографии // История СССР. 1960. № 1.

Шаскольский 1965 – Шаскольский И.П. Норманская теория в современ-ной буржуазной науке. М.; Л., 1965.

Шаскольский 1971 – Шаскольский И.П. Норманская проблема на современном этапе // Тезисы докладов Пятой Всесоюзной конференции по изучению истории скандинавских стран и Финляндии. Ч. I. М., 1971.

Шаскольский 1978 – Шаскольский И.П. Норманская проблема в советской историографии // Советская историография Киевской Руси. Л., 1978.

Шаскольский 1981 – Шаскольский И.П. О роли норманнов в Древней Руси в IX-X вв. // Les paus du Nord et Buzance (Skandinavie et Buzance). Actes du colloque nordique et international de buzantinologie temi à Upsal 20-22 avril 1979. Uppsala, 1981.

Шлецер I-III – Шлецер А.Л. Нестор. Ч. I-III. СПб., 1809-1819.

Янссон 1987 – Янссон И. Контакты между Русью и Скандинавией в эпоху викингов // Труды V Международного конгресса славянской археологии. Т. III. Вып. 1б. М., 1987.

Artsikhovsku 1962 – Artsikhovsku A. Archaeological data on the varangian question // VI International congress of pre-historic and protohistoric sciecess. Reports and communications by archaeologitss of the USSR. Moscow, 1962.

Falk 1912 – Falk H.S. Altnordisches Seewesen // Wörter und Sachen. Kulturhistosche zeitschrift für sprach- und sachforschung. Bd. IV. Heidelberg, 1912.

Falk, Torp 1960 – Falk H.S., Torp A. Norwegisch-Dänisches etymologisches Wörterbuch. Teil 1. Oslo; Bergen, 1960.

Stender-Petersen 1953 – Stender-Retersen A. Varangica. Aarhus, 1953.

Verelius 1672 – Verelius O. Hervarar Saga. Upsala, 1672.

REFERENCES

Alekseeva 1973 – Alekseeva T.I. Etnogenez vostochnyh slavyan po dannym antropologii [Ethnogenesis of east Slavs according to anthropology], Moscow, 1973 [in Russian].

Alekseeva 1974 – Alekseeva T.I. Antropologicheskaya differenciaciya slavyan i germancev v epohu srednevekov'ya i otdel'nye voprosy etnicheskoj istorii Vostochnoj Evropy [Anthropological differentiation of Slavs and Germans during an era of the Middle Ages and single questions of ethnic history of Eastern Europe], in: Rasogeneticheskie processy v etnicheskoj istorii [Rasogeneticheskу processes in ethnic history], Moscow, 1974 [in Russian].

Alekseeva 1974a – Alekseeva T.I. Slavyane i germancy v svete antropolo-gicheskih dannyh [Slavs and Germans in the light of anthropological data], in: Voprosy istorii [History questions], 1974, № 3 [in Russian].

Alekseeva 1990 – Alekseeva T.I. Antropologiya cirkumbaltijskogo eko-nomicheskogo regiona [Anthropology of the tsirkumbaltiysky economic region], in: Balty, slavyane, pribaltijskie finny. Etnogeneticheskie processy [Balts, Slavs, Baltic Finns. Ethnogenetic processes], Riga, 1990 [in Russian].

Arcihovskij 1966 – Arcihovskij A.V. Arheologicheskie dannye po va-ryazhskomu voprosu [Archaeological data on a Varangian question], in: Kul'tura Drevnej Rusi [Culture of Ancient Russia], Moscow, 1966 [in Russian].

Artamonov 1967 – Artamonov M.I. Voprosy rasseleniya vostochnyh slavyan i sovetskaya arheologicheskaya nauka [Questions of resettlement of east Slavs and Soviet archaeological science], in: Problemy vseobshchej istorii. Istoriograficheskij sbornik [Problems of general history. Historiographic collection], Leningrad, 1967 [in Russian].

Artamonov 1990 – Artamonov M.I. Pervye stranicy russkoj istorii v arheologicheskom osveshchenii [The first pages of the Russian history in archaeological lighting], in: Sovetskaya arheologiya [Soviet archeology], 1990, № 3 [in Russian].

Artsikhovsku 1962 – Artsikhovsku A. Archaeological data on the varangian question, in: VI International congress of pre-historic and protohistoric sciecess. Reports and communications by archaeologitss of the USSR, Moscow, 1962 [in English].

Avdusin 1949 – Avdusin D.A. Varyazhskij vopros po arheologicheskim dannym [Varangian question according to archaeological data], in: Kratkie soobshcheniya Instituta istorii material'noj kul'tury. Vyp. 30 [Short messages of Institute of history of material culture. Release 30], Moscow; Leningrad, 1949 [in Russian].

Avdusin 1967 – Avdusin D.A. Arheologiya SSSR [Archeology of the USSR], Moscow, 1967 [in Russian].

Avdusin 1971 – Avdusin D.A. Istoriya Novgorodskih otkrytij [History of the Novgorod opening], in: Voprosy istorii [History questions], 1971, № 6 [in Russian].

Avdusin 1972 – Avdusin D.A. Gnezdovo i dneprovskij put' [Gnezdovo and Dnieper way], in: Novoe v arheologii [New in archeology], Moscow, 1972 [in Russian].

Avdusin 1974 – Avdusin D.A. Skandinavskie pogrebeniya v Gnezdove [The Scandinavian burials in Gnezdovo], in: Vestnik MGU [Bulletin of MSU], 1974, № 1 [in Russian].

Avdusin 1975 – Avdusin D.A. Ob izuchenii arheologicheskih istochnikov po varyazhskomu voprosu [About studying of archaeological sources on a Varangian question], in: Skandinavskij sbornik. Vyp. XX [Scandinavian collection. Release XX], Tallin, 1975 [in Russian].

Avdusin 1983 – Avdusin D.A. Klyuch-gorod [Key city], in: Puteshestviya v drevnost' [Travel to antiquity], Moscow, 1983 [in Russian].

Avdusin 1988 – Avdusin D.A. Sovremennyj antinormanizm [Modern antinormanizm], in: Voprosy istorii [History questions], 1988, № 7 [in Russian].

Avdusin 1993 – Avdusin D.A. Ob etnicheskom sostave naseleniya Gnezdova [About ethnic structure of the population of Gnezdovo], in: XII Konferenciya po izucheniyu istorii, ekonomiki, literatury i yazyka skandinavskih stran i Finlyandii [XII Conference on studying of history, economy, literature and language of the Scandinavian countries and Finland], Moscow, 1993 [in Russian].

Avdusin, Pushkina 1982 – Avdusin D.A., Pushkina T.A. Gnezdovo v issle-dovaniyah Smolenskoj ekspedicii [Gnezdovo in researches of the Smolensk expedition], in: Vestnik MGU. 1982. Seriya 8. Istoriya [Bulletin of MSU. 1982. Series 8. History], № 1 [in Russian].

Avdusina, Eniosova 2001 – Avdusina S.A., Eniosova N.V. Podkovoobraznye fibuly Gnezdova [Horseshoe fibula of Gnezdovo], in: Arheologicheskij sbornik. Gnezdovo. 125 let issledovaniya pamyatnika. Trudy Gosudarstvennogo Istoricheskogo muzeya. Vyp. 124 [Archaeological collection. Gnezdovo. 125 years of a research of a monument. Works of the State Historical Museum. Release 124], Moscow, 2001 [in Russian].

Bahrushin 1938 – Bahrushin S.V. «Derzhava Ryurikovichej» [«Power of Ryurik dynasty»], in: Vestnik drevnej istorii [Messenger of ancient history], 1938, № 2 (3) [in Russian].

Bajer 2006 – Bajer G.Z. O varyagah [About Varangians], in: Fomin V.V. Lomonosov: Genij russkoj istorii [Fomin V.V. Lomonosov: Genius of the Russian history], Moscow, 2006 [in Russian].

Brim 2002 – Brim V.A. Put' iz varyag v greki [Way from the Varangian in Greeks], in: Iz istorii russkoj kul'tury. T. II. Kn. 1. Kievskaya i Moskovskaya Rus' [From history of the Russian culture. Volume II. Book 1. Kievan and Moscow Rus'], Moscow, 2002 [in Russian].

Bulkin, Dubov, Lebedev 1978 – Bulkin V.A., Dubov I.V., Lebedev G.S. Ar-heologicheskie pamyatniki Drevnej Rusi IX-XI vekov [Archaeological monuments to Ancient Russia of the 9-11th centuries], Leningrad, 1978 [in Russian].

Bulkin, Dubov, Lebedev 1987 – Bulkin V.A., Dubov I.V., Lebedev G.S. Rus' i varyagi: novyj etap izucheniya [Russia and Varangians: new stage of studying], in: Vestnik LGU. 1987. Seriya 2. Istoriya, yazyko-znanie, literaturovedenie [LIE bulletin. 1987. Series 2. History, linguistics, literary criticism], № 3 [in Russian].

Chlenov 1970 – Chlenov A.M. K voprosu ob imeni Svyatoslava [To a question of a name of Svyatoslav], in: Lichnye imena v proshlom, nastoyashchem, budushchem. Problemy antroponimii [Personal names in last, real, future. Antroponimiya problems], Moscow, 1970 [in Russian].

Darkevich 1985 – Darkevich V.P. Mezhdunarodnye svyazi [International relations], in: Drevnyaya Rus'. Gorod, zamok, selo [Ancient Russia. City, lock, village], Moscow, 1985 [in Russian].

Dubov 1982 – Dubov I.V. Severo-Vostochnaya Rus' v epohu rannego sredne-vekov'ya (istoriko-arheologicheskie ocherki) [Northeast Russia during an era of the early Middle Ages (historical and archaeological sketches)], Leningrad, 1982 [in Russian].

Dubov 1990 – Dubov I.V. Spornye voprosy etnicheskoj istorii Severo-Vostochnoj Rusi IX-XIII vekov [Controversial issues of ethnic history of Northeast Russia of the 9-13th centuries], in: Voprosy istorii [History questions], 1990, № 5 [in Russian].

Dubov 1999 – Dubov I.V. Pogrebeniya s mechami v Yaroslavskih mogil'nikah (k etnicheskoj i social'noj ocenke) [Burials with swords in the Yaroslavl burial grounds (to ethnic and social assessment)], in: Rannesrednevekovye drevnosti Severnoj Rusi i ee sosedej [Early medieval antiquities of Northern Russia and its neighbors], St. Petersburg, 1999 [in Russian].

Dzhakson 1993 – Dzhakson T.N. Varyagi – sozdateli Drevnej Rusi? [Varangians are creators of Ancient Russia?], in: Rodina [Homeland], 1993, № 2 [in Russian].

Dzhakson, Plimak 1988 – Dzhakson T.N., Plimak E.G. Nekotorye spornye problemy genezisa russkogo feodalizma (V svyazi s izucheniem i publikaciej v SSSR «Razoblachenij diplomaticheskoj istorii XVIII veka» K. Marksa) [Some controversial problems of genesis of the Russian feudalism (Due to the studying and the publication in the USSR of «Revelations of diplomatic history of the 18th century» of K. Marx)], in: Istoriya SSSR [History USSR], 1988, № 6 [in Russian].

Eniosova 2001 – Eniosova N.V. Skandinavskie rel'efnye fibuly iz Gnezdova [The Scandinavian relief fibula from Gnezdovo], in: Arheologicheskij sbornik. Gnezdovo. 125 let issledovaniya pamyatnika. Trudy Gosudarstvennogo Istoricheskogo muzeya. Vyp. 124 [Archaeological collection. Gnezdovo. 125 years of a research of a monument. Works of the State Historical Museum. Release 124], Moscow, 2001 [in Russian].

Falk 1912 – Falk H.S. Altnordisches Seewesen [Drevneskandinavsky navigation], in: Wörter und Sachen. Kulturhistosche zeitschrift für sprach- und sachforschung. Bd. IV [Words and things. The culturological magazine for studying of language and materials. Volume IV], Heidelberg, 1912 [in German].

Falk, Torp 1960 – Falk H.S., Torp A. Norwegisch-Dänisches etymologisches Wörterbuch. Teil 1 [Norwegian-Danish etymological dictionary. Part 1], Oslo; Bergen, 1960 [in Norwegian].

Fasmer I-III – Fasmer M. Etimologicheskij slovar' russkogo yazyka. T. I-III [Etymological dictionary of Russian. Volume I-III], Moscow, 1986-1987 [in Rus-sian].

Fomin 2002 – Fomin V.V. Skandinavomaniya ili nebylicy o shvedskoj Rusi [Skandinavomaniya or tales about the Swedish Russia], in: Sbornik Russkogo istoricheskogo obshchestva. T. 5 (153) [Collection of the Russian historical society. Volume 5 (153)], Moscow, 2002 [in Russian].

Fomin 2003 – Fomin V.V. Istoriya Staroj Ladogi na normanistskij lad [History of Old Ladoga on a normanistsky harmony], in: Sbornik Russkogo istoricheskogo obshchestva. T. 9 (157) [Collection of the Russian historical society. Volume 9 (157)], Moscow, 2003 [in Russian].

Fomin 2003a – Fomin V.V. Krivye zerkala normanizma [Curve mirrors of a normanizm], in: Sbornik Russkogo istoricheskogo obshchestva. T. 8 (156) [Collection of the Russian historical society. Volume 8 (156)], Moscow, 2003 [in Russian].

Fomin 2005 – Fomin V.V. Varyagi i varyazhskaya rus': K itogam diskussii po varyazhskomu voprosu [Varangians and Varangian Russia: To discussion results on a Varangian question], Moscow, 2005 [in Russian].

Fomin 2008 – Fomin V.V. Nachal'naya istoriya Rusi [Initial history of Russia], Moscow, 2008 [in Russian].

Fomin 2010 – Fomin V.V. Lomonosovofobiya rossijskih normanistov [Lomonosovofobiya of the Russian normanist], in: Varyago-russkij vopros v istoriografii. Sbornik statej i monografij / Sostavitel' i redaktor V.V. Fomin [Varyago-russky a question in a historiography. Collection of articles and monographs / Originator and editor V.V. Fomin], Moscow, 2010 [in Russian].

Fomin 2013 – Fomin V.V. Golyj konung. Normanizm kak diagnoz [Naked konung. Normanizm as diagnosis], Moscow, 2013 [in Russian].

Fomin 2015 – Fomin V.V. Varyagi i rus' [Varangians and Russia], in: Varyagi i Rus'. Sbornik statej i monografij / Sostavitel' i redaktor V.V. Fomin [Varangians and Russia. Collection of articles and monographs / Originator and editor V.V. Fomin], Moscow, 2015 [in Russian].

Franklin, Shepard 2000 – Franklin S., Shepard D. Nachalo Rusi. 750-1200 [Beginning of Russia. 750-1200], St. Petersburg, 2000 [in Russian].

Froyanov 1992 – Froyanov I.Ya. Myatezhnyj Novgorod: ocherki istorii gos-udarstvennosti, social'noj i politicheskoj bor'by konca IX – nachala XIII stoletiya [Rebellious Novgorod: sketches of history of statehood, social and political struggle of the end of IX – the beginning of the XIII century], St. Petersburg, 1992 [in Russian].

Garkavi 1870 – Garkavi A.Ya. Skazaniya musul'manskih pisatelej o slavyanah i rusah (s poloviny VII veka do konca X veka po R.H.) [Legends of Muslim writers on Slavs and Rus' (from a half of the 7th century until the end of the 10th century according to R.H.)], St. Petersburg, 1870 [in Russian].

Gedeonov 2004 – Gedeonov S.A. Varyagi i Rus'. V dvuh chastyah / Avtor pre-disloviya, kommentariev, biograficheskogo ocherka V.V. Fomin. Izdanie vtoroe [Varangians and Russia. In two parts / the Author of the preface, comments, a biographic sketch V.V. Fomin. Edition second], Moscow, 2004 [in Russian].

Gel'mol'd 2011 – Gel'mol'd iz Bosau. Slavyanskaya hronika [Slavic chronicle], in: Adam Bre-menskij, Gel'mol'd iz Bosau, Arnol'd Lyubekskij. Slavyanskie hroniki / Perevod s latinskogo I.V. D'yakonova, L.V. Razumovskoj; redaktor-sostavitel' I.A. Nastenko [Slavic chronicles / the Translation with Latin I.V. Dyakonov, L.V. Razumovskaya; editor originator I.A. Nastenko], Moscow, 2011 [in Russian].

Got'e 1930 – Got'e Yu.V. Zheleznyj vek v Vostochnoj Evrope [The Iron Age in Eastern Europe], Moscow, 1930 [in Russian].

Grekov 1942 – Grekov B.D. Bor'ba Rusi za sozdanie svoego gosudarstva [Fight of Russia for creation of the state], Tashkent, 1942 [in Russian].

Grekov 1959 – Grekov B.D. O roli varyagov v istorii Rusi (po povodu stat'i shvedskogo professora Ture Arne) [About a role of Varangians in the history of Russia (concerning article of the Swedish professor Toure Arne)], in: Grekov B.D. Izbrannye trudy. T. II [Chosen works. Volume II], Moscow, 1959 [in Russian].

Herrman 1986 – Herrman J. Slavyane i normanny v rannej istorii Baltijskogo regiona [Slavs and Normans in early history of the Baltic region], in: Slavyane i skandinavy / Obshchaya redakciya E.A. Mel'nikovoj [Slavs and Scandinavians / General editorial office E.A. Melnikova], Moscow, 1986 [in Russian].

Hlevov 1994 – Hlevov A.A. Normanskaya problema v svete arheologicheskih istochnikov. Avtoreferat dissertacii na soiskanie uchyonoj stepeni kandidata istoricheskih nauk [Norman problem in the light of archaeological sources. The abstract of the thesis for a degree of the candidate of historical sciences], St. Petersburg, 1994 [in Russian].

Hlevov 1997 – Hlevov A.A. Normanskaya problema v otechestvennoj isto-richeskoj nauke [Norman problem in domestic historical science], St. Petersburg, 1997 [in Russian].

Hlevov 2015 – Hlevov A.A. Ob osnovnyh tezisah sovremennogo antinor-manizma [About the main theses of a modern antinormanizm], in: Yaroslav Mudryj. Problemy izucheniya, sohraneniya i interpretacii istoriko-kul'turnogo naslediya: sbornik materialov VI Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii, Yaroslavl', 26-27 fevralya 2015 g. [Yaroslav the Wise. Problems of studying, preservation and interpretation of historical and cultural heritage: collection of materials VI of the International scientific and practical conference, Yaroslavl, on February 26-27, 2015], Yaroslavl, 2015 [in Russian].

Hlevov 2018 – Hlevov A.A. Sovremennyj antinormanizm kak istoriogra-ficheskij fenomen [Modern antinormanizm as historiographic phenomenon], in: Mavrodinskie chteniya 2018: Materialy Vserossijskoj nauchnoj konferencii, posvyashchennoj 110-letiyu so dnya rozhdeniya professora V.V. Mavrodina / Pod red. A.Yu. Dvornicheko [Mavrodinsky readings 2018: Materials of the All-Russian scientific conference devoted to the 110 anniversary since the birth of professor V.V. Mavrodin / Under the editorial office A.Yu. Dvornicheko], St. Petersburg, 2018 [in Russian].

Horoshev, Pushkina 2006 – Horoshev A.S., Pushkina T.A. Drevnyaya Rus' po arheologicheskim dannym [Ancient Russia according to archaeological data], in: Arheologiya: Uchebnik / Pod red. akademika V.L. Yanina [Archeology: The textbook / Under edition of the academician V.L. Yanin], Moscow, 2006 [in Russian].

Hrestomatiya 2004 – Hrestomatiya po istorii Rossii s drevnejshih vremen do 1618 g. / Pod red. A.G. Kuz'mina, S.V. Perevezenceva [The anthology of history of Russia from the most ancient times to 1618 / Under the editorial office A.G. Kuzmin, S.V. Perevezentsev], Moscow, 2004 [in Russian].

Hvol'son 1869 – Hvol'son D.A. Izvestiya o hazarah, burtasah, bolgarah, mad'yarah, slavyanah i russah Abu-ali Ahmed bek Omar Ibn-Dasta [News of Khazars, burtasa, Bulgarians, Magyars, Slavs and russa Abu-ali Ahmed Beck Omar Ibn-Dasta], St. Petersburg, 1869 [in Russian].

Ibn-Fadlan 1939 – Puteshestvie Ibn-Fadlana na Volgu / Perevod i kommentarij A.P. Kovalevskogo [Ibn-Fadlan's travel on the Volga / Translation and comment A.P. Kowalewski's], Moscow; Leningrad, 1939 [in Russian].

Ilovajskij 1876 – Ilovajskij D.I. Razyskaniya o nachale Rusi. Vmesto vvedeniya v russkuyu istoriyu [Investigations about the beginning of Russia. Instead of introduction to the Russian history], Moscow, 1876 [in Russian].

Izmajlov 2001 – Izmajlov I.L. Baltijsko-Volzhskij put' v sisteme torgovyh magistralej i ego rol' v rannesrednevekovoj istorii Vostochnoj Evropy [The Baltic and Volga way in system of trade highways and its role in early medieval history of Eastern Europe], in: Velikij Volzhskij put'. Materialy Kruglogo stola «Velikij Volzhskij put'» i Mezhdunarodnogo nauchnogo seminara «Istoriko-kul'turnoe nasledie Velikogo volzhskogo puti». Kazan', 28-29 avgusta 2000 g. [Great Volga way. Materials of the Round table «A great Volga way» and International scientific seminar «Historical and cultural heritage of the Great Volga way». Kazan, on August 28-29, 2000], Kazan, 2001 [in Russian].

Kan, Horoshkevich 1971 – Kan A.S., Horoshkevich A.L. [Recenziya]: Istori-cheskie svyazi Skandinavii i Rossii IX-XX vv. Sbornik statej. Leningrad, 1970 [[Review]: Historical links of Scandinavia and Russia of the 9-20th centuries. Collection of articles], in: Istoriya SSSR [History USSR], 1971, № 6 [in Russian].

Karger 1958 – Karger M.K. Drevnij Kiev. T. I [Ancient Kiev. Volume I], Moscow; Leningrad, 1958 [in Russian].

Kirpichnikov 1977 – Kirpichnikov A.N. Vooruzhenie voinov Kievskoj derzhavy v svete russko-skandinavskih kontaktov [Arms of soldiers of the Kiev power in the light of the Russian-Scandinavian contacts], in: Skandinavskij sbornik. Vyp. XXII [Scandinavian collection. Release XXII], Tallin, 1977 [in Russian].

Kirpichnikov 1979 – Kirpichnikov A.N. Ladoga i Ladozhskaya volost' v period rannego srednevekov'ya [Ladoga and the Ladoga volost in the period of the early Middle Ages], in: Slavyane i Rus' (Na materialah vostochnoslavyanskih plemen i Drevnej Rusi) [Slavs and Russia (On materials of East Slavic tribes and Ancient Russia)], Kiev, 1979 [in Russian].

Kirpichnikov 1985 – Kirpichnikov A.N. Rannesrednevekovaya Ladoga (itogi arheologicheskih issledovanij) [Early medieval Ladoga (results of archaeological researches)], in: Srednevekovaya Ladoga. Novye arheologicheskie otkrytiya i issledovaniya [Medieval Ladoga. New archaeological opening and researches], Leningrad, 1985 [in Russian].

Kirpichnikov 1995 – Kirpichnikov A.N. Rannesrednevekovaya Ladoga. Is-toricheskaya rol' i mezhdunarodnoe znachenie [Early medieval Ladoga. Historical role and international value], in: Slavyanskaya arheologiya. 1990. Rannesrednevekovyj gorod i ego okruga. Materialy po arheologii Rossii. Vyp. 2 [Slavic archeology. 1990. Early medieval city and its districts. Materials on archeology of Russia. Release 2], Moscow, 1995 [in Russian].

Kirpichnikov 2001 – Kirpichnikov A.N. Velikij Volzhskij put', ego is-toricheskoe i mezhdunarodnoe znachenie [Great Volga way, its historical and international value], in: Velikij Volzhskij put'. Materialy Kruglogo stola «Velikij Volzhskij put'» i Mezhdunarodnogo nauchnogo seminara «Istoriko-kul'turnoe nasledie Velikogo volzhskogo puti». Kazan', 28-29 avgusta 2000 g. [Great Volga way. Materials of the Round table «A great Volga way» and International scientific seminar «Historical and cultural heritage of the Great Volga way». Kazan, on August 28-29, 2000], Kazan, 2001 [in Russian].

Kirpichnikov 2002 – Kirpichnikov A.N. Velikij Volzhskij put' [Great Volga way], in: Rodina [Homeland], 2002, № 11-12 [in Russian].

Kirpichnikov 2002a – Kirpichnikov A.N. Velikij Volzhskij put' i evrazijskie torgovye svyazi v epohu rannego srednevekov'ya [Great Volga way and Euroasian commercial relations to an era of the early Middle Ages], in: Ladoga i ee sosedi v epohu srednevekov'ya [Ladoga and its neighbors during a Middle Ages era], St. Petersburg, 2002 [in Russian].

Kirpichnikov, Dubov, Lebedev 1986 – Kirpichnikov A.N., Dubov I.V., Lebedev G.S. Rus' i varyagi (russko-skandinavskie otnosheniya domongol'skogo vremeni) [Russia and Varangians (Russian-Scandinavian relations of domongolsky time)], in: Slavyane i skandinavy / Obshchaya redakciya E.A. Mel'nikovoj [Slavs and Scandinavians / General editorial office E.A. Melnikova], Moscow, 1986 [in Russian].

Kirpichnikov, Dubov, Lebedev 1986a – Kirpichnikov A.N., Dubov I.V., Le-bedev G.S. Posleslovie [Epilog], in: Slavyane i skandinavy / Obshchaya redakciya E.A. Mel'nikovoj [Slavs and Scandinavians / General editorial office E.A. Melnikova], Moscow, 1986 [in Russian].

Kirpichnikov, Lebedev, Bulkin, Dubov, Nazarenko 1978 – Kirpichnikov A.N., Lebedev G.S., Bulkin V.A., Dubov I.V., Nazarenko V.A. Russko-skandinavskie svyazi v epohu obrazovaniya Drevnerusskogo gosudarstva (IX-XI vv.) [The Russian-Scandinavian communications during an era of formation of the Old Russian state (the 9-11th centuries)], in: Scando-Slavica, Volume 24, Copenhagen, 1978 [in Russian].

Kirpichnikov, Lebedev, Bulkin, Dubov, Nazarenko 1980 – Kirpichnikov A.N., Lebedev G.S., Bulkin V.A., Dubov I.V., Nazarenko V.A. Russko-skandinavskie svyazi epohi obrazovaniya Kievskogo gosudarstva na sovremennom etape arheologicheskogo izucheniya [The Russian-Scandinavian communications of an era of formation of the Kiev state at the present stage of archaeological studying], in: Kratkie soobshcheniya Instituta arheologii. Vyp. 160 [Short messages of Institute of archeology. Release 160], Moscow, 1980 [in Russian].

Kirpichnikov, Lebedev, Dubov 1981 – Kirpichnikov A.N., Lebedev G.S., Dubov I.V. Severnaya Rus' (nekotorye itogi arheologicheskih issledovanij) [Northern Russia (some results of archaeological researches)], in: Kratkie soobshcheniya Instituta arheologii. Vyp. 164 [Short messages of Institute of archeology. Release 164], Moscow, 1981 [in Russian].

Kirpichnikov, Lebedev, Dubov 1985 – Kirpichnikov A.N., Lebedev G.S., Dubov I.V. [Recenziya]: Wikinger und Slawen. Zur Frühgeschichte der Ostseevölker. Berlin. Akademie-Verlag. 1982. 376 S. Vikingi i slavyane. K rannej istorii narodov Baltijskogo morya [[Review]: Vikings and Slavs. To early history of the people of the Baltic Sea], in: Voprosy istorii [History questions], 1985, № 12 [in Russian].

Kirpichnikov, Sarab'yanov 2003 – Kirpichnikov A.N., Sarab'yanov V.D. Staraya Ladoga. Drevnyaya stolica Rusi [Old Ladoga. Ancient capital of Russia], St. Petersburg, 2003 [in Russian].

Klejber 1959 – Klejber B. Poromyan' v Pskove i Poromoni dvor v Novgorode [Poromyan' in Pskov and Poromoni the yard in Novgorod], in: Slavyanskoe yazykoznanie [Slavic linguistics], Moscow, 1959 [in Russian].

Klejn 1978 – Klejn L.S. Problema ob»ektivnosti issledovanij v skandinavskoj arheologii [Problem of objectivity of researches in the Scandinavian archeology], in: Vestnik LGU. 1978. № 8. Istoriya. Yazyk. Literatura. Vyp. 2 [LIE bulletin. 1978. No. 8. History. Language. Literature. Release 2] [in Russian].

Klejn 1999 – Klejn L.S. Normanizm – antinormanizm: konec diskussii [Normanizm – antinormanizm: end of a discussion], in: Stratum plus, 1999, № 5 [in Russian].

Klejn 2004 – Klejn L.S. Voskreshenie Peruna. K rekonstrukcii vostoch-noslavyanskogo yazychestva [Perun's revival. To reconstruction of East Slavic paganism], St. Petersburg, 2004 [in Russian].

Klejn 2009 – Klejn L.S. Spor o varyagah. Istoriya protivostoyaniya i ar-gumenty storon [Dispute on Varangians. History of opposition and arguments of the parties], St. Petersburg, 2009 [in Russian].

Klejn 2010 – Klejn L.S. Varyagi, antinormanizm i chas istiny [Varangians, antinormanizm and hour of the truth], 2010, Electronic resource: http://trv-science.ru/2010/09/28/varyagi-antinormanizm-i-chas-istiny (Date of access – 08.09.2018) [in Russian].

Klejn 2015 – Klejn L.S. Leningradskij neonormanizm – v samom dele? [The Leningrad neonormanizm – really?], in: Stratum plus, 2015, № 5 [in Russian].

Klejn, Lebedev, Nazarenko 1970 – Klejn L.S., Lebedev G.S., Nazarenko V.A. Normanskie drevnosti Kievskoj Rusi na sovremennom etape arheologicheskogo izucheniya [Norman antiquities of Kievan Rus' at the present stage of archaeological studying], in: Istoricheskie svyazi Skandinavii i Rossii IX-XX vv. [Historical links of Scandinavia and Russia of the 9-20th centuries], Leningrad, 1970 [in Russian].

Kochkurkina 1969 – Kochkurkina S.I. Kurgannye gruppy yugo-vostochnogo Priladozh'ya [Kurganny groups of southeast Priladozhya], in: Kratkie soobshcheniya Instituta arheologii. Vyp. 120 [Short messages of Institute of archeology. Release 120], Moscow, 1969 [in Russian].

Kochkurkina 1969a – Kochkurkina S.I. Priladozh'e v X-XIII vv. Avtoreferat dissertacii na soiskanie uchyonoj stepeni kandidata istoricheskih nauk [Priladozhye in the 10-13th centuries. The abstract of the thesis for a degree of the candidate of historical sciences], Moscow, 1969 [in Russian].

Kochkurkina 1970 – Kochkurkina S.I. Svyazi yugo-vostochnogo Priladozh'ya s zapadnymi stranami v X-XI vv. (Po materialam kurganov yugo-vostochnogo Priladozh'ya) [Communications of southeast Priladozhya with the western countries in the 10-11th centuries. (On materials of barrows of southeast Priladozhya)], in: Skandinavskij sbornik. Vyp. XV [Scandinavian collection. Release XV], Tallin, 1970 [in Russian].

Kochkurkina 2014 – Kochkurkina S.I. Priladozhskie kurgany [Priladozhsky barrows], in: Drevnyaya Rus' v srednevekovom mire: enciklopediya / Pod obshchej red. E.A. Mel'nikovoj, V.Ya. Petruhina [Ancient Russia in the medieval world: the encyclopedia / Under the general editorial office E.A. Melnikova, V.Ya. Petrukhin], Moscow, 2014 [in Russian].

Korzuhina 1963 – Korzuhina G.F. Iz istorii igr na Rusi [From history of games in Russia], in: Sovetskaya arheologiya [Soviet archeology], 1963, № 4 [in Russian].

Korzuhina 1965 – Korzuhina G.F. Etnicheskij sostav naseleniya drevnejshej Ladogi [Ethnic structure of the population of the most ancient Ladoga], in: Tezisy dokladov Vtoroj nauchnoj konferencii po istorii, ekonomike, yazyku i literature skandinavskih stran i Finlyandii [Theses of reports of the Second scientific conference on history, economy, language and literature of the Scandinavian countries and Finland], Moscow, 1965 [in Russian].

Kozak 1993 – Kozak D.N. Pshevorskaya kul'tura [Przeworsk culture], in: Slavyane i ih sosedi v konce I tysyacheletiya do n.e. – pervoj poloviny I tysyacheletiya n.e. [Slavs and their neighbors at the end of the I millennium BC – the first half of the I millennium AD], Moscow, 1993 [in Russian].

Kunik 1875 – Kunik A.A. Dopolneniya [Additions], in: Dorn B. Kaspij [Caspian Sea], St. Petersburg, 1875 [in Russian].

Kunik 1903 – Kunik A.A. Izvestiya al-Bekri i drugih avtorov o rusi i slavyanah. Ch. 2 [News al-Bekri and other authors about Russia and Slavs. Part 2], St. Petersburg, 1903 [in Russian].

Kuraev 2001 – Kuraev I.V. Istoriografiya varyazhskogo voprosa (po issle-dovaniyam pogrebenij Gnezdova) [Historiography of a Varangian question (on researches of burials of Gnezdovo)], in: Arheologicheskij sbornik. Gnezdovo. 125 let issledovaniya pamyatnika. Trudy Gosudarstvennogo Istoricheskogo muzeya. Vyp. 124 [Archaeological collection. Gnezdovo. 125 years of a research of a monument. Works of the State Historical Museum. Release 124], Moscow, 2001 [in Russian].

Kuzenkov 2003 – Kuzenkov P.V. Pohod 860 g. na Konstantinopol' i pervoe kreshchenie Rusi v srednevekovyh pis'mennyh istochnikah [Campaign of 860 g to Constantinople and the first Christianization of Kievan Rus' in medieval written sources],

in: Drevnejshie gosudarstva Vostochnoj Evropy. 2000. Problemy istochnikovedeniya [The most ancient states of Eastern Europe. 2000. Source study problems], Moscow, 2003 [in Russian].

Kuz'min 1970 – Kuz'min A.G. «Varyagi» i «Rus'» na Baltijskom more [«Varangians» and Russia on the Baltic Sea], in: Voprosy istorii [History questions], 1970, № 10 [in Russian].

Kuz'min 1974 – Kuz'min A.G. Ob etnicheskoj prirode varyagov (k postanovke problemy) [About the ethnic nature of Varangians (to statement of a problem)], in: Voprosy istorii [History questions], 1974, № 11 [in Russian].

Kuz'min 1977 – Kuz'min A.G. Nachal'nye etapy drevnerusskogo letopisaniya [Initial stages of Old Russian annals], Moscow, 1977 [in Russian].

Kuz'min 2003 – Kuz'min A.G. Nachalo Rusi. Tajny rozhdeniya russkogo naroda [Beginning of Russia. Mysteries of the birth of the Russian people], Moscow, 2003 [in Russian].

Lapshin 2014 – Lapshin V.A. Vladimirskie kurgany [Vladimir barrows], in: Drevnyaya Rus' v srednevekovom mire: enciklopediya / Pod obshchej red. E.A. Mel'nikovoj, V.Ya. Petruhina [Ancient Russia in the medieval world: the encyclopedia / Under the general editorial office E.A. Melnikova, V.Ya. Petrukhin], Moscow, 2014 [in Russian].

Lebedev 1970 – Lebedev G.S. Raznovidnosti obryada truposozhzheniya v mo-gil'nike Birka [Kinds of a ceremony of a truposozhzheniye in a burial ground the Birka], in: Statistiko-kombinatornye metody v arheologii [Statistiko-kombinatornye methods in archeology], Moscow, 1970 [in Russian].

Lebedev 1971 – Lebedev G.S. Kamernye mogily Birki [Chamber graves of the Birki], in: Tezisy dokladov V Vsesoyuznoj konferencii skandinavistov [Theses of reports of the V All-Union conference of skandinavist], Moscow, 1971 [in Russian].

Lebedev 1972 – Lebedev G.S. Pogrebal'nyj obryad skandinavov epohi vi-kingov. Avtoreferat dissertacii na soiskanie uchyonoj stepeni kandidata istoricheskih nauk [Funeral ceremony of Scandinavians of an era of Vikings. The abstract of the thesis for a degree of the candidate of historical sciences], Leningrad, 1972 [in Russian].

Lebedev 1978 – Lebedev G.S. Etnograficheskie svedeniya arabskih avtorov o slavyanah i rusi [Ethnographic information of the Arab authors about Slavs and Russia], in: Iz istorii feodal'noj Rossii [From history of feudal Russia], Leningrad, 1978 [in Russian].

Lebedev 1985 – Lebedev G.S. Epoha vikingov v Severnoj Evrope. Istoriko-arheologicheskie ocherki [Era of Vikings in Northern Europe. Historical and archaeological sketches], Leningrad, 1985 [in Russian].

Lebedev 1985a – Lebedev G.S. Severnye slavyanskie plemena (k postanovke voprosa o svyazyah vnutri slavyanskogo mira) [Northern Slavic tribes (to formulation of the question about communications in the Slavic world)], in: Novoe v arheologii Severo-Zapada SSSR [New USSR in archeology of the Northwest], Leningrad, 1985 [in Russian].

Lebedev 1987 – Lebedev G.S. Ladoga – torgovyj, politicheskij, sakral'nyj centr sloven novgorodskih [Ladoga – the shopping, political, sacral center is nice Novgorod], in: Trudy V Mezhdunarodnogo kongressa slavyanskoj arheologii. T. I. Vyp. 2a [Works V of the International congress of Slavic archeology. Volume I. Release 2a], Moscow, 1987 [in Russian].

Lebedev 1988 – Lebedev G.S. Rus' i chud', varyagi i goty (itogi i perspektivy istoriko-arheologicheskogo izucheniya slavyano-skandinavskih otnoshenij v I tys. n.e.) [Russia and Chud, Varangians and Goths (results and the prospects of historical and archaeological studying of the slavyano-Scandinavian relations in I thousand AD)], in: Slavyano-russkie drevnosti. Istoriko-arheologicheskoe izuchenie Drevnej Rusi. Vyp. 1 [Slavic-and-Russian antiquities. Historical and archaeological studying of Ancient Russia. Release 1], Leningrad, 1988 [in Russian].

Lebedev 1995 – Lebedev G.S. Peterburg kak centr regional'noj arheologii [St. Petersburg as center of regional archeology], in: Sankt-Peterburg i otechestvennaya arheologiya. Istoriograficheskie ocherki: Trudy seminara «Problemy istorii i istoriografii arheologicheskoj nauki». Vyp. 1 [St. Petersburg and domestic archeology. Historiographic sketches: Works of a seminar «Problem of history and historiography of archaeological science». Release 1], St. Petersburg, 1995 [in Russian].

Lebedev 1999 – Lebedev G.S. Varangica problemnogo seminara L.S. Klejna [Varangica of a problem seminar of L.S. Klein], in: Stratum plus, 1999, № 5 [in Russian].

Leont'ev 1996 – Leont'ev A.E. Arheologiya meri. K predystorii Severo-Vostochnoj Rusi [Mary's archeology. To background of Northeast Russia], Moscow, 1996 [in Russian].

Leont'ev, Nosov 2012 – Leont'ev A.E., Nosov E.N. Vostochnoevropejskie puti soobshcheniya i torgovye svyazi v konce VIII-X v. [The East European means of communication and commercial relations at the end of the 8-10th century], in: Rus' v IX-X vekah. arheo-logicheskaya panorama / Otv. red. N.A. Makarov [Russia in the 9-10th centuries. archaeological panorama / Editor-in-chief N.A. Makarov], Moscow; Vologda, 2012 [in Russian].

Lev Diakon 1988 – Lev Diakon. Istoriya [History], Moscow, 1988 [in Russian].

Lihachev 1983 – Lihachev D.S. Tekstologiya. Na materiale russkoj literatury X-XVII vekov. Izdanie vtoroe [Textual criticism. On material of the Russian literature of the 10-17th centuries. Edition second], Leningrad, 1983 [in Russian].

Lihachev 1994 – Lihachev D.S. Nel'zya ujti ot samih sebya… Istoricheskoe samosoznanie i kul'tura Rossii [It is impossible to leave from itself … Historical consciousness and culture of Russia], in: Novyj mir [New world], 1994, № 6 [in Russian].

Liutprand 2006 – Liutprand Kremonskij. Antapodosis. Kniga ob Ottone. Otchet o posol'stve v Konstantinopol' / Perevod s latinskogo i kommentarii I.V. D'yakonova [Antapodosis. The book about Ottone. The report on embassy in the Constantinople / Translation with Latin and comments I.V. Dyakonov], Moscow, 2006 [in Russian].

LL 1897 – Letopis' po Lavrent'evskomu spisku. Izdanie tret'e [The chronicle according to the Lavrentyevsky list. Edition third], St. Petersburg, 1897 [in Russian].

Lovmyan'skij 1985 – Lovmyan'skij H. Rus' i normanny [Russia and Normans], Moscow, 1985 [in Russian].

Lukin 2007 – Lukin P.V. Sobytiya 1015 g. v Novgorode. K ocenke dosto-vernosti letopisnyh soobshchenij [Events of 1015 in Novgorod. To assessment of reliability of annalistic messages], in: Otechestvennaya istoriya [National history], 2007, № 4 [in Russian].

Lyapushkin 1968 – Lyapushkin I.I. Slavyane Vostochnoj Evropy nakanune obrazovaniya Drevnerusskogo gosudarstva (VIII – pervaya polovina IX v.). Istoriko-arheologicheskie ocherki / Materialy i issledovaniya po arheologii SSSR. № 152 [Slavs of Eastern Europe on the eve of formation of the Old Russian state (VIII – the first half of the 9th century). Historical and archaeological sketches / Materials and researches on archeology of the USSR. No. 152], Moscow; Leningrad, 1968 [in Russian].

Machinskij 1981 – Machinskij D.A. Migraciya slavyan v I tysyacheletii n.e. (po pis'mennym istochnikam s privlecheniem dannyh arheologii) [Migration of Slavs in the I millennium AD (on written sources with attraction of data of archeology)], in:

Formirovanie rannefeodal'nyh slavyanskih narodnostej [Formation of early feudal Slavic nationalities], Moscow, 1981 [in Russian].

Machinskij 1982 – Machinskij D.A. O vremeni i obstoyatel'stvah pervogo poyavleniya slavyan na Severo-Zapade Vostochnoj Evropy po dannym pis'mennyh istochnikov [About time and circumstances of the first appearance of Slavs in the Northwest of Eastern Europe according to written sources], in: Severnaya Rus' i ee sosedi v epohu rannego srednevekov'ya [Northern Russia and its neighbors during an era of the early Middle Ages], Leningrad, 1982 [in Russian].

Machinskij 1984 – Machinskij D.A. O meste Severnoj Rusi v processe slozheniya Drevnerusskogo gosudarstva i evropejskoj kul'turnoj obshchnosti [About the place of Northern Russia in the course of addition of the Old Russian state and the European cultural community], in: Arheologicheskoe issledovanie Novgorodskoj zemli [Archaeological research of the Novgorod earth], Leningrad, 1984 [in Russian].

Machinskij 1986 – Machinskij D.A. Etnosocial'nye i etnokul'turnye processy v Severnoj Rusi (period zarozhdeniya drevnerusskoj narodnosti) [Ethnosocial and ethnocultural processes in Northern Russia (the period of origin of Old Russian nationality)], in: Russkij Sever: Problemy etnokul'turnoj istorii, etnografii, fol'kloristiki [Russian North: Problems of ethnocultural history, ethnography, folklore studies], Leningrad, 1986 [in Russian].

Machinskij, Machinskaya 1988 – Machinskij D.A., Machinskaya A.D. Severnaya Rus', Russkij Sever i Staraya Ladoga v VIII-IX vv. [Northern Russia, the Russian North and Old Ladoga in the 8-9th centuries], in: Kul'tura Russkogo Severa [Culture of the Russian North], Leningrad, 1988 [in Russian].

Mavrodin 1971 – Mavrodin V.V. Obrazovanie Drevnerusskogo gosudarstva i formirovanie drevnerusskoj narodnosti [Formation of the Old Russian state and formation of Old Russian nationality], Leningrad, 1971 [in Russian].

Mavrodin, Froyanov 1971 – Mavrodin V.V., Froyanov I.Ya. Drevnyaya Rus' v trudah sovetskih istorikov mezhdu XXIII i XXIV s»ezdami KPSS [Ancient Russia in works of the Soviet historians between XXIII and XXIV congresses of the CPSU], in: Vestnik LGU. Seriya: Istoriya. Yazyk. Literatura. 1971. Vyp. 3 [LIE bulletin. Series: History. Language. Literature. 1971. Release 3], № 14 [in Russian].

Mel'nikova 1977 – Mel'nikova E.A. Skandinavskie runicheskie nadpisi (teksty, perevod, kommentarij) [Scandinavian runic inscriptions (texts, translation, comment)], Moscow, 1977 [in Russian].

Mel'nikova 1984 – Mel'nikova E.A. Drevnerusskie leksicheskie zaim-stvovaniya v shvedskom yazyke [Old Russian lexical loans in Swedish], in: Drevnejshie gosudarstva na territorii SSSR. Materialy i issledovaniya. 1982 [The most ancient states in the territory of the USSR. Materials and researches. 1982], Moscow, 1984 [in Russian].

Mel'nikova 1984a – Mel'nikova E.A. Novgorod Velikij v drevneskandinavskoj pis'mennosti [Veliky Novgorod in drevneskandinavsky writing], in: Novgorodskij kraj: Materialy nauchnoj konferencii [Novgorod region: Materials of a scientific conference], Leningrad, 1984 [in Russian].

Mel'nikova, Glazyrina, Dzhakson 1985 – Mel'nikova E.A., Glazyrina G.V., Dzhakson T.N. Drevneskandinavskie pis'mennye istochniki po istorii evropejskogo regiona SSSR [Drevneskandinavsky written sources on stories of the European region of the USSR], in: Voprosy istorii [History questions], 1985, № 10 [in Russian].

Mel'nikova, Petruhin 1985 – Mel'nikova E.A., Petruhin V.Ya. Posleslovie [Epilog], in: Lovmyan'skij H. Rus' i normanny [Russia and Normans], Moscow, 1985 [in Russian].

Mel'nikova, Petruhin, Pushkina 1984 – Mel'nikova E.A., Petruhin V.Ya., Pushkina T.A. Drevnerusskie vliyaniya v kul'ture Skandinavii rannego srednevekov'ya (K postanovke problemy) [Old Russian influences in culture of Scandinavia of the early Middle Ages (To statement of a problem)], in: Istoriya SSSR [History USSR], 1984, № 3 [in Russian].

Mihajlov 2001 – Mihajlov K.A. Drevnerusskie kamernye pogrebeniya i Gnezdovo [Old Russian chamber burials and Gnezdovo], in: Arheologicheskij sbornik. Gnezdovo. 125 let issledovaniya pamyatnika. Trudy Gosudarstvennogo Istoricheskogo muzeya. Vyp. 124 [Archaeological collection. Gnezdovo. 125 years of a research of a monument. Works of the State Historical Museum. Release 124], Moscow, 2001 [in Russian].

Milyutenko 1997 – Milyutenko N.I. Srednevekovaya Ladoga – nauchnyj mif i istoricheskaya real'nost' (po dannym sag, letopisej i arheologii) [Medieval Ladoga – the scientific myth and historical reality (according to sagas, chronicles and archeology)], in: XIII konferenciya po izucheniyu istorii, ekonomiki, yazyka i literatury skandinavskih stran i Finlyandii. Tezisy dokladov [XIII conference on studying of history, economy, language and literature of the Scandinavian countries and Finland. Theses of reports], Moscow; Petrozavodsk, 1997 [in Russian].

Minasyan 1982 – Minasyan R.S. Problema slavyanskogo zaseleniya lesnoj zony Vostochnoj Evropy v svete arheologicheskih dannyh [Problem of Slavic settling of a forest zone of Eastern Europe in the light of archaeological data], in: Severnaya Rus' i ee sosedi v epohu rannego srednevekov'ya [Northern Russia and its neighbors during an era of the early Middle Ages], Leningrad, 1982 [in Russian].

Moshin 2010 – Moshin V.A. Varyago-russkij vopros [Varyago-russky ques-tion], in: Varyago-russkij vopros v istoriografii. Sbornik statej i monografij / Sostavitel' i redaktor V.V. Fomin [Varyago-russky a question in a historiography. Collection of articles and monographs / Originator and editor V.V. Fomin], Moscow, 2010 [in Russian].

Murasheva 1996 – Murasheva V.V. Predmetnyj mir epohi [Objective world of an era], in: Put' iz varyag v greki i iz grek… [Way from the Varangian in Greeks and from the Greek…], Moscow, 1996 [in Russian].

Murasheva 1997 – Murasheva V.V. Byla li Drevnyaya Rus' chast'yu Velikoj Shvecii? [Whether Ancient Russia a part of Great Sweden was?], in: Rodina [Homeland], 1997, № 10 [in Russian].

Murasheva 1998 – Murasheva V.V. Skandinavskie nabornye remennye nakladki s territorii Drevnej Rusi [The Scandinavian type-setting belt slips from the territory of Ancient Russia], in: Istoricheskaya arheologiya: tradicii i perspektivy. K 80-letiyu so dnya rozhdeniya D.A. Avdusina [Historical archeology: traditions and prospects. To the 80 anniversary since the birth of D.A. Avdusin], Moscow, 1998 [in Russian].

Murasheva 2009 – Murasheva V.V. «Put' iz obodrit v greki…» (arheolo-gicheskij kommentarij po «varyazhskomu voprosu») [«The way from Obotrites in Greeks…» (the archaeological comment on «a Varangian question»)], in: Rossijskaya istoriya [Russian history], 2009, № 4 [in Russian].

Nosov 1999 – Nosov E.N. Sovremennye arheologicheskie dannye po va-ryazhskoj probleme na fone tradicij russkoj istoriografii [Modern archaeological data on a Varangian problem against the background of traditions of the Russian historiography], in: Rannesrednevekovye drevnosti Severnoj Rusi i ee sosedej [Early medieval antiquities of Northern Russia and its neighbors], St. Petersburg, 1999 [in Russian].

Nosov 2002 – Nosov E.N. Slavyane na Il'mene [Slavs on Ilmen], in: Rodina [Homeland], 2002, № 11-12 [in Russian].

Nosov 2009 – Nosov E.N. Posleslovie [Epilog], in: Klejn L.S. Spor o varyagah. Istoriya protivostoyaniya i argumenty storon [Dispute on Varangians. History of opposition and arguments of the parties], St. Petersburg, 2009 [in Russian].

Novikova 1992 – Novikova G.L. Skandinavskie yazycheskie kul'ty na territorii Drevnej Rusi. (Kul'tovye predmety: tipologiya i hronologiya). Avtoreferat dissertacii na soiskanie uchyonoj stepeni kandidata istoricheskih nauk [The Scandinavian pagan cults in the territory of Ancient Russia. (Cult objects: typology and chronology). The abstract of the thesis for a degree of the candidate of historical sciences], Moscow, 1992 [in Russian].

Novosel'cev, Pashuto, Cherepnin 1972 – Novosel'cev A.P., Pashuto V.T., Cherepnin L.V. Puti razvitiya feodalizma [Ways of development of feudalism], Moscow, 1972 [in Russian].

NPL 1950 – Novgorodskaya pervaya letopis' starshego i mladshego izvodov [Novgorod first chronicle of the senior and younger izvod], Moscow; Leningrad, 1950 [in Russian].

Pashuto 1968 – Pashuto V.T. Vneshnyaya politika Drevnej Rusi [Foreign policy of Ancient Russia], Moscow, 1968 [in Russian].

Pashuto 1970 – Pashuto V.T. Russko-skandinavskie otnosheniya i ih mesto v istorii srednevekovoj Evropy [The Russian-Scandinavian relations and their place in the history of medieval Europe], in: Skandinavskij sbornik. Vyp. XV [Scandinavian collection. Release XV], Tallin, 1970 [in Russian].

Pashuto 1973 – Pashuto V.T. Letopisnaya tradiciya o «plemennyh knyazhe-niyah» i varyazhskij vopros [Annalistic tradition about «breeding reignings» and a Varangian question], in: Letopisi i hroniki. 1973 [Chronicles and chronicles. 1973], Moscow, 1974 [in Russian].

Perevezencev 1999 – Perevezencev S.V. Russkaya religiozno-filosofskaya mysl' X-XVII vv. [Russian religious philosophical thought of the 10-17th centuries], Moscow, 1999 [in Russian].

Perevezencev 2001 – Perevezencev S.V. Tajny russkoj very. Ot yazychestva k imperii [Mysteries of the Russian belief. From paganism to the empire], Moscow, 2001 [in Russian].

Petruhin 1983 – Petruhin V.Ya. Ob osobennostyah slavyano-skandinavskih etnicheskih otnoshenij v rannefeodal'nyj period (IX-XI vv.) [About features of the Slavyano-Scandinavian ethnic relations during the early feudal period (the 9-11th centuries)], in: Drevnejshie gosudarstva na territorii SSSR. Materialy i issledovaniya. 1981 [The most ancient states in the territory of the USSR. Materials and researches. 1981], Moscow, 1983 [in Russian].

Petruhin 1993 – Petruhin V.Ya. Varyagi i hazary v istorii Rusi [Varangians and Khazars in the history of Russia], in: Etno-graficheskoe obozrenie [Ethnographic review], 1993, № 3 [in Russian].

Petruhin 1995 – Petruhin V.Ya. Nachalo etnokul'turnoj istorii Rusi IX-XI vekov [Beginning of ethnocultural history IX-XI of Russia of centuries], Smolensk; Moscow, 1995 [in Russian].

Petruhin 1998 – Petruhin V.Ya. Put' iz varyag v greki: stanovlenie Drevnerusskogo gosudarstva i ego mezhdunarodnye svyazi [Way from the Varangian in Greeks: formation of the Old Russian state and its international relations], in: Trudy VI Kongressa slavyanskoj arheologii. T. 4 [Works VI of the Congress of Slavic archeology. Volume 4], Moscow, 1998 [in Russian].

Petruhin 2000 – Petruhin V.Ya. Drevnyaya Rus': Narod. Knyaz'ya. Religiya [Ancient Russia: People. Princes. Religion], in: Iz istorii russkoj kul'tury. T. I (Drevnyaya Rus') [From history of the Russian culture. Volume I (Ancient Russia)], Moscow, 2000 [in Russian].

Platonova 2017 – Platonova N.I. «Neonormanizm», postmodernizm i Slavyano-varyazhskij seminar: razmyshleniya arheologa [Neonormanizm, postmodernism and Slavyano-varyazhsky seminar: reflections of the archeologist], in: Ex ungve leonem. Sbornik k 90-letiyu L.S. Klejna [The collection to L.S. Klein's 90 anniversary], St. Petersburg, 2017 [in Russian].

Pletneva 2002 – Pletneva S.A. Mihail Illarionovich Artamonov (1898-1972) [Mikhail Illarionovich Artamonov (1898-1972)], in: Artamonov M.I. Istoriya hazar. Vtoroe izdanie [History Khazar. Second edition], St. Petersburg, 2002 [in Russian].

Pogodin 2015 – Pogodin M.P. Gospodin Gedeonov i ego sistema o prois-hozhdenii varyagov i rusi [Mister Gedeonov and his system about an origin of Varangians and Russia], in: Skandinavomaniya i ee nebylicy o russkoj istorii. Sbornik statej i monografij / Sostavitel' i redaktor V.V. Fomin [Skandinavomaniya and her tales about the Russian history. Collection of articles and monographs / Originator and editor V.V. Fomin], Moscow, 2015 [in Russian].

Potin 1968 – Potin V.M. Drevnyaya Rus' i evropejskie gosudarstva v X-XIII vv. Istoriko-numizmaticheskij ocherk [Ancient Russia and the European states in the 10-13th centuries. Historical and numismatical sketch], Leningrad, 1968 [in Russian].

PSRL. 1 – Polnoe sobranie russkih letopisej. T. 1 [Complete collection of the Russian chronicles. Volume 1], Moscow, 1962 [in Russian].

PSRL. 2 – Polnoe sobranie russkih letopisej. T. 2 [Complete collection of the Russian chronicles. Volume 2], Moscow, 1962 [in Russian].

Pushkina 1996 – Pushkina T.A. Gnyozdovo – na puti iz varyag v greki [Gnezdovo – on the way from the Varangian in Greeks], in: Put' iz varyag v greki i iz grek… [Way from the Varangian in Greeks and from the Greek…], Moscow, 1996 [in Russian].

Pushkina 2001 – Pushkina T.A. Gnezdovo: itogi i zadachi issledovaniya [Gnezdovo: results and research problems], in: Arheologicheskij sbornik. Gnezdovo. 125 let issledovaniya pamyatnika. Trudy Gosudarstvennogo Istoricheskogo muzeya. Vyp. 124 [Archaeological collection. Gnezdovo. 125 years of a research of a monument. Works of the State Historical Museum. Release 124], Moscow, 2001 [in Russian].

Pushkina 2003 – Pushkina T.A. Nahodka redkoj fibuly iz Gnezdova [Detection of a rare fibula from Gnezdov], in: Ladoga i istoki rossijskoj gosudarstvennosti i kul'tury. Materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. Staraya Ladoga, 30 iyunya – 2 iyulya 2003 g. [Ladoga and sources of the Russian statehood and culture. Materials of the International scientific and practical conference. Old Ladoga, on June 30 – on July 2, 2003], St. Petersburg, 2003 [in Russian].

Pushkina, Murasheva, Eniosova 2012 – Pushkina T.A., Murasheva V.V., Eniosova N.V. Gnezdovskij arheologicheskij kompleks [Gnezdovsky archaeological complex], in: Rus' v IX-X vekah. Arheologicheskaya panorama / Otv. red. N.A. Makarov [Russia in the 9-10th centuries. Archaeological panorama / Editor-in-chief N.A. Makarov], Moscow; Vologda, 2012 [in Russian].

PVL 1950 – Povest' vremennyh let. Podgotovka teksta, perevod, stat'i i kommentarii D.S. Lihacheva / Pod red. V.P. Adrianovoj-Peretc. Ch. 1 [Story of temporary years. Preparation of the text, the translation, articles and D.S. Likhachev's comments / Under V.P. Adrianova-Peretts's edition. Part 1], Moscow; Leningrad, 1950 [in Russian].

Russkaya zemlya 1986 – Otkuda est' poshla Russkaya zemlya. Veka VI-X / So-stavlenie, predislovie, vvedenie k dokumentam, kommentarii A.G. Kuz'mina. Kn. 1 [From where is the Russian land went. Centuries of VI-X / Drawing up, the preface, introduction to documents, comments A.G. Kuzmin. Book 1], Moscow, 1986 [in Russian].

Rybakov 1993 – Rybakov B.A. Kievskaya Rus' i russkie knyazhestva XII-XIII vekov. Izdanie vtoroe [Kievan Rus' and Russian principalities of the 12-13th centuries. Edition second], Moscow, 1993 [in Russian].

Rydzevskaya 1945 – Rydzevskaya E.A. Svedeniya o Staroj Ladoge v drevne-severnoj literature [Data on Old Ladoga in drevneseverny literature], in: Kratkie soobshcheniya Instituta istorii material'noj kul'tury. Vyp. 11 [Short messages of Institute of history of material culture. Release 11], Moscow; Leningrad, 1945 [in Russian].

Saharov 2002 – Saharov A.N. Ryurik, varyagi i sud'by rossijskoj gosu-darstvennosti [Rurik, Varangians and destinies of the Russian statehood], in: Mir istorii [World of history], 2002, № 4/5 [in Russian].

Sedov 1979 – Sedov V.V. Proiskhozhdenie i rannyaya istoriya slavyan [Origin and early history of Slavs], Moscow, 1979 [in Russian].

Sedov 1982 – Sedov V.V. Vostochnye slavyane v VI-XIII vv. [East Slavs in the 6-13th centuries], Moscow, 1982 [in Russian].

Sedov 1994 – Sedov V.V. Slavyane v drevnosti [Slavs in the ancient time], Moscow, 1994 [in Russian].

Sedov 1995 – Sedov V.V. Slavyane v rannem srednevekov'e [Slavs in the early Middle Ages], Moscow, 1995 [in Russian].

Sedov 1995a – Sedov V.V. Izdeliya drevnerusskoj kul'tury v Skandinavii [Products of Old Russian culture in Scandinavia], in: Slavyano-russkie drevnosti. Drevnyaya Rus': novye issledovaniya. Vyp. 2 [Slavic-and-Russian antiquities. Ancient Russia: new researches. Release 2], St. Petersburg, 1995 [in Russian].

Selin 2012 – Selin A.A. Staroladozhskij mif v akademicheskom diskurse poslednih let [The old Ladoga myth in the academic discourse of the last years], in: Studia Slavica et Balcanica Petropolitana, 2012, № 1 (11) [in Russian].

Shaskol'skij 1960 – Shaskol'skij I.P. Normanskaya teoriya v sovremennoj burzhuaznoj istoriografii [The Norman theory in a modern bourgeois historiography], in: Istoriya SSSR [History USSR], 1960, № 1 [in Russian].

Shaskol'skij 1965 – Shaskol'skij I.P. Normanskaya teoriya v sovremennoj burzhuaznoj nauke [The Norman theory in modern bourgeois science], Moscow; Leningrad, 1965 [in Russian].

Shaskol'skij 1971 – Shaskol'skij I.P. Normanskaya problema na sovremennom etape [Norman problem at the present stage], in: Tezisy dokladov Pyatoj Vsesoyuznoj konferencii po izucheniyu istorii skandinavskih stran i Finlyandii. Ch. I [Theses of reports of the Fifth All-Union conference on studying of history of the Scandinavian countries and Finland. Part I], Moscow, 1971 [in Russian].

Shaskol'skij 1978 – Shaskol'skij I.P. Normanskaya problema v sovetskoj istoriografii [Norman problem in the Soviet historiography], in: Sovetskaya istoriografiya Kievskoj Rusi [Soviet historiography of Kievan Rus'], Leningrad, 1978 [in Russian].

Shaskol'skij 1981 – Shaskol'skij I.P. O roli normannov v Drevnej Rusi v IX-X vv. [About a role of Normans in Ancient Russia in the 9-10th centuries], in: Les paus du Nord et Buzance (Skandinavie et Buzance). Actes du colloque nordique et international de buzantinologie temi à Upsal 20-22 avril 1979 [North and Byzantium (Scandinavia and Byzantium). Works of a northern and international colloquium on stories of Byzantium in Uppsala on April 20-22, 1979], Uppsala, 1981 [in Russian].

Shlecer I-III – Shlecer A.L. Nestor. Ch. I-III [Nestor. Part I-III], St. Petersburg, 1809-1819 [in Russian].

Simpson 2005 – Simpson Zh. Vikingi. Byt, religiya, kul'tura [Vikings. Life, religion, culture], Moscow, 2005 [in Russian].

Skrynnikov 1997 – Skrynnikov R.G. Drevnyaya Rus'. Letopisnye mify i dejstvitel'nost' [Ancient Russia. Annalistic myths and reality], in: Voprosy istorii [History questions], 1997, № 8 [in Russian].

Slavyane i Rus' 1998 – Slavyane i Rus': Problemy i idei. Koncepcii, rozhdennye trekhvekovoj polemikoj, v hrestomatijnom izlozhenii / Sostavitel' A.G. Kuz'min [Slavs and Russia: Problems and ideas. The concepts which are given rise by three-century polemic in an axiomatic statement / the Originator A.G. Kuzmin], Moscow, 1998 [in Russian].

Sojer 2002 – Sojer P. Epoha vikingov [Era of Vikings], St. Petersburg, 2002 [in Russian].

Sokolov 2010 – Sokolov S.V. [Recenziya]: L.S. Klejn. Spor o varyagah. Is-toriya protivostoyaniya i argumenty storon. St. Petersburg, 2009. 400 s. [[Review]: L.S. Klein. Dispute on Varangians. History of opposition and arguments of the parties], in: Slavyanovedenie [Slavic studies], 2010, № 2 [in Russian].

Solov'ev 1993 – Solov'ev S.M. Istoriya Rossii s drevnejshih vremen. Kn. 1. T. 1-2 [History of Russia since the most ancient times. Book 1. Volume 1-2], Moscow, 1993 [in Russian].

Stal'sberg 1987 – Stal'sberg A. Zhenskie veshchi skandinavskogo prois-hozhdeniya na territorii Drevnej Rusi [Female things of the Scandinavian origin in the territory of Ancient Russia], in: Trudy V Mezhdunarodnogo kongressa slavyanskoj arheologii. Kiev, 18-25 sentyabrya 1985 g. T. III. Vyp. 1b [Works V of the International congress of Slavic archeology. Kiev, on September 18-25, 1985. Volume III. Release 1b], Moscow, 1987 [in Russian].

Stal'sberg 1998 – Stal'sberg A. O skandinavskih pogrebeniyah s lodkami epohi vikingov na territorii Drevnej Rusi [About the Scandinavian burials with boats of an era of Vikings in the territory of Ancient Russia], in: Istoricheskaya arheologiya: tradicii i perspektivy. K 80-letiyu so dnya rozhdeniya D.A. Avdusina [Historical archeology: traditions and prospects. To the 80 anniversary since the birth of D.A. Avdusin], Moscow, 1998 [in Russian].

Stender-Petersen 1953 – Stender-Retersen A. Varangica, Aarhus, 1953 [in Danish].

Sverdlov 1973 – Sverdlov M.B. Svedeniya skandinavov o geografii Vo-stochnoj Evropy v IX-XI vv. [Data of Scandinavians on geography of Eastern Europe in the 9-11th centuries], in: Istoriya geograficheskih znanij i otkrytij na severe Evropy [History of geographical knowledge and opening in the north of Europe], Leningrad, 1973 [in Russian].

Sverdlov 1981 – Sverdlov M.B. [Recenziya]: E.A. Mel'nikova. Skandinavskie runicheskie nadpisi (teksty, perevod, kommentarii). Moscow, 1977 [[Review]: E.A. Melnikova. Scandinavian runic inscriptions (texts, translation, comments)], in: Voprosy istorii [History questions], 1981, № 1 [in Russian].

Tolkachev 1962 – Tolkachev A.I. O nazvanii dneprovskih porogov v sochi-nenii Konstantina Bagryanorodnogo «De administrando imperio» (V svyazi s ra-botoj K.-O. Fal'ka na tu zhe temu) [About the name of the Dnieper thresholds in Konstantin Bagryanorodny's composition of «De administrando imperio» (Due to K.-O. Falk's work on the same subject)], in: Istoricheskaya grammatika i leksikologiya russkogo yazyka. Materialy i issledovaniya [Historical grammar and lexicology of Russian. Materials and researches], Moscow, 1962 [in Russian].

Tolochko 1990 – Tolochko P.P. Spornye voprosy rannej istorii Kievskoj Rusi [Controversial issues of early history of Kievan Rus'], in: Slavyane i Rus' (v zarubezhnoj istoriografii) [Slavs and Russia (in a foreign historiography)], Kiev, 1990 [in Russian].

Tolochko 2013 – Tolochko P.P. Rannyaya Rus': istoriya i arheologiya [Early Russia: history and archeology], St. Petersburg, 2013 [in Russian].

Tomsinskij 2014 – Tomsinskij S.V. Leningradskij neonormanizm: istoki i itogi [Leningrad neonormanizm: sources and results], in: Stratum plus, 2014, № 5 [in Russian].

Tomsinskij 2016 – Tomsinskij S.V. Pozvol'te koe-chto utochnit' [Allow to specify something], in: Stratum plus, 2016, № 5 [in Russian].

Tomsinskij 2017 – Tomsinskij S.V. Chego i sledovalo ozhidat': snova o tom zhe (po povodu leningradskogo neonormanizma i stat'i N.I. Platonovoj) [It was to be expected: more of the same (Leningrad's Neo-Normanist theory and N.I. Platonova's publications)], in: Istoricheskij format [Historical format], 2017, № 3-4 [in Russian].

Tuhtina 1968 – Tuhtina N.V. Ob etnicheskoj prinadlezhnosti pogrebennyh v sopkah volhovskogo tipa [About an ethnic origin buried in hills of the Volkhov type], in: Slavyane i Rus' [Slavs and Russia], Moscow, 1968 [in Russian].

Tuhtina 1971 – Tuhtina N.V. Etnicheskaya prinadlezhnost' pogrebennyh v kurganah Yugo-Vostochnogo Priladozh'ya [Ethnic origin buried in barrows of Southeast Priladozhya], in: Istoriya i kul'tura Vostochnoj Evropy po arheologicheskim dannym [History and culture of Eastern Europe according to archaeological data], Moscow, 1971 [in Russian].

Urlanis 1941 – Urlanis B.C. Rost naseleniya v Evrope. Opyt ischisleniya [Growth of the population in Europe. Experience of calculation], Moscow, 1941 [in Russian].

Valeev 1982 – Valeev G.K. Antroponimiya «Povesti vremennyh let». Av-toreferat dissertacii na soiskanie uchyonoj stepeni kandidata istoricheskih nauk [Antroponimiya of «Story of temporary years». The abstract of the thesis for a degree of the candidate of historical sciences], Moscow, 1982 [in Russian].

Verelius 1672 – Verelius O. Hervarar Saga [The Saga of Hervör and Heidrek], Upsala, 1672 [in Swedish].

Vovina-Lebedeva 2011 – Vovina-Lebedeva V.G. Istoriya Drevnej Rusi: uchebnik dlya studentov uchrezhdenij vysshego professional'nogo obrazovaniya [History of Ancient Russia: the textbook for students of institutions of higher professional education], Moscow, 2011 [in Russian].

Yansson 1987 – Yansson I. Kontakty mezhdu Rus'yu i Skandinaviej v epohu vikingov [Contacts between Russia and Scandinavia during an era of Vikings], in: Trudy V Mezhdunarodnogo kongressa slavyanskoj arheologii. T. III. Vyp. 1b [Works V of the International congress of Slavic archeology. Volume III. Release 1b], Moscow, 1987 [in Russian].

Zharnov 1991 – Zharnov Yu.E. Zhenskie skandinavskie pogrebeniya v Gnez-dove [Women's Scandinavian burials in Gnezdovo], in: Smolensk i Gnezdovo (k istorii drevnerusskogo goroda) [Smolensk and Gnezdovo (to history of the Old Russian city)], Moscow, 1991 [in Russian].

Zharnov 1992 – Zharnov Yu.E. Pogrebal'nyj obryad v Drevnej Rusi po ma-terialam Gnezdovskogo nekropolya. Avtoreferat dissertacii na soiskanie uchyonoj stepeni kandidata istoricheskih nauk [Funeral ceremony in Ancient Russia on materials of the Gnezdovsky necropolis. The abstract of the thesis for a degree of the candidate of historical sciences], Moscow, 1992 [in Russian].

Zharnov 2001 – Zharnov Yu.E. Gnezdovo, Timerevo, Shestovica: istorio-graficheskij mif ob odnotipnosti etih pamyatnikov [Gnezdovo, Timerevo, Shestovitsa: the historiographic myth about uniformity of these monuments], in: Arheologicheskij sbornik. Gnezdovo. 125 let issledovaniya pamyatnika. Trudy Gosudarstvennogo Is-toricheskogo muzeya. Vyp. 124 [Archaeological collection. Gnezdovo. 125 years of a research of a monument. Works of the State Historical Museum. Release 124], Moscow, 2001 [in Russian].

Фомин Вячеслав Васильевич
– Доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной и всеобщей истории Института истории, права и общественных наук Липецкого государственного педагогического университета (Липецк, Россия).

Fomin Vyacheslav
– Doctor of historical sciences, professor of department of national and general history of Institute of history, right and social sciences of the Lipetsk state pedagogical university (Lipetsk, Russia).

E-mail: vfominv@mail.ru

РУСЬ И РУГИ В СРЕДНЕВЕКОВЫХ ПИСЬМЕННЫХ ИСТОЧНИКАХ

К.А. Анисимов[1], А.Н. Рогожин[2]
[1]Центр образования № 23
Россия, 300041, г. Тула, улица Сойфера, 8
e-mail: anisimov.cos@yandex.ru
SPIN-код: 1323-7170
[2]Независимый исследователь (Нижний Новгород, Россия)
e-mail: roan11@mail.ru
SPIN-код: 4042-8716

АВТОРСКОЕ РЕЗЮМЕ
В статье рассматривается проблема отождествления в ряде источников раннесредневековой народности «русь», создателей Древнерусского государства, с ругами, древним народом, следы которого исчезают в эпоху Великого переселения народов. Затрагивается вопрос различного наименования Руси в письменных традициях Византии и Западной Европы IX XI вв. Внимание уделено также проблеме складывания русской летописной традиции происхождения Руси, в особенности т.н. «варяжской легенды».

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: русь, руги, росы, Русское государство, «варяжская легенда», источники.

THE RUS AND THE RUGII IN MEDIEVAL WRITTEN SOURCES

Konstantin Anisimov[1], Alexander Rogozhin[2]
[1]Center of education № 23 (Tula, Russia)
Russia, 300041 Tula, Soyfer Street, 8
e-mail: anisimov.cos@yandex.ru
[2]Independent researcher (Nizhny Novgorod, Russia).
e-mail: roan11@mail.ru

ABSTRACT
Raised in a number of sources problem of identity of the Rus, an early medieval state-forming nation, with the Rugii, an ancient tribe whose traces disappeared in the era of the Great Migration of Peoples, is the main focus of this article. Various names of Rus in the written traditions of Byzantium and Western Europe of the 9th-11th centuries are considered. Attention is also paid to the ways how views on the origin of Rus were shaped in the Russian annalistic tradition, especially to the so-called «Varangian legend».

KEYWORDS: Rus, Rugii, dews, Russian state, «Varangian legend», sources.

Происхождение средневекового этноса русь и сложение Древнерусского государства по-прежнему остаются актуальными проблемами исторической науки. Одной из дискуссионных тем, связанных с происхождением Руси и ее ранней истории, является традиция отождествления жителей, в первую очередь элиты (князей, послов, купцов), средневекового Русского государства с ругами.

Обычно это объясняли простым смешением названий древнего и современного народов, из-за стремления показать учёность (Васильевский 1888; 128. С определёнными сомнениями: Назаренко 2001: С. 45-50). Иногда, даже признавая возможность сохранения потомков ругов, всё равно считали, что тех по созвучию путали с русью, не связывая их друг с другом, поскольку это не вписывалось в летописную картину русского прошлого (Петрушевич 1865: 120-134; 1865а: 170-180). Наконец, некоторые исследователи принимали это тождество как данность, но по сути лишь подбирали соответствующие примеры, не делая более широких сопоставлений (Bielowski 1850: 511-518; Кузьмин 1987: 109-129. В более поздних работах А.Г. Кузьмин продвинулся дальше в развитии темы, но при этом зачастую прибегал к вторичным источникам, без должной проверки содержащихся в них данных).

Как мы постараемся показать ниже, проблема отождествления ругов и руси в средневековых источниках приобретает особую важность также для истории средневекового русского летописания и распространения христианства на Руси. Указанная проблема не очень вписывается в господствующие научные концепции, между тем, нам представляется, что именно здесь кроится ключ к пониманию того, кем была на самом деле «изначальная русь». В свою очередь, как мы считаем, это позволит ответить на многие вопросы, на которые не могут дать ответ ни норманская теория, ни различные гипотезы, объединяемые не слишком удачным термином «антинорманизм». Все это делает тему по-прежнему актуальной и заставляет вновь обратиться к ней.

***

1. «РУГИ» В ГЕРМАНИИ И «ФРАНКИ» В ВИЗАНТИИ

Впервые руги упоминаются в числе племен Восточной Германии Тацитом в конце I в. (Тацит 2003: 481). Впоследствии различные группы ругов принимали участие в событиях Великого Переселения народов. Одной из этих групп удалось создать небольшое королевство, включавшее часть римской провинции Норик и прилегающие земли к северу от Дуная (более подробно о ругах см.: Томпсон 2003: 112-116). Традиция называть представителей Руси «ругами» четко прослеживается на ограниченном, хотя и продолжительном отрезке времени, включающем весь X в. и первую половину XI в. Фиксируется она в пределах бывшей империи Каролингов (Восточно-Франкское королевство, сменившая его Священная Римская империя, герцогство Нормандия во Франции), а также в Англии, завоеванной франко-нормандцами. Ругами русов именуют в следующих источниках:

1. Раффельштеттенский таможенный устав (904/6 г.);
2. Грамота германского императора Оттона I об учреждении Магдебургской архиепископии (968 г.);
3. Заготовка подтвердительной папской грамоты Магдебургу (ок. 995 г.);
4. Продолжение «Хроники Регинона Прюмского» (после 973 г.);
5. «Деяния герцогов Нормандии» Гийома Жюмьежского (ок. 1070 г.);
6. Комментарий к «Законам Эдуарда Исповедника» (ок. 1134 г.), вошедший в юридическое приложение к «Хронике» Роджера из Ховедена (ум. 1201 г.);
7. Генеалогия Вельфов (около 1125/6 г.);
8. История Вельфов (около 1170 г.);
9. Деяния магдебургских архиепископов (после 1142 г.);
10. Саксонский анналист (около 1150 г.);
11. Магдебургские анналы (1170-1180-е гг.).

В последних трех случаях интересующие нас сведения заимствованы из «Продолжения хроники Регинона». Большая часть этих известий отражают контакты западноевропейской элиты с представителями высших слоёв Руси до второй половины XI в., а не просто описание событий и обстоятельств, так или иначе связанных с ней.

В Раффельштеттенском таможенном уставе начала IX в. упоминаются славяне, «отправляющиеся для торговли от ругов или от богемов» (ДРЗИ IV: 33). «Королевой ругов» названа в хронике Продолжателя Регинона Елена, «которая при Романе, константинопольском императоре, была крещена в Константинополе» (это крестильное имя княгини Ольги, приводимое также в древнерусских источниках). Адальберт, которому поручили организовать церковное управление на Руси, был «поставлен епископом народу ругов» в 959-961 гг. (Свердлов 2017: 34). Помимо упомянутой хроники, об этом говорится в учредительной грамоте Магдебургской архиепископии (Свердлов 2017: 39), а также в заготовке подтвердительной папской грамоты и ряде других памятников, связанных с Магдебургом (ДРЗИ IV: 43). Примерно 970-ми гг. датируется брак дочери графа Куно фон Энингена с «королем ругов», о чем сообщает генеалогия рода Вельфов (неназванного по имени русского князя отождествляли с Владимиром Святославичем, но по хронологическим соображениям он скорее соответствует Ярополку Святославичу) (ДРЗИ IV: 190).

В дополнение к этим немецким источникам известие о женитьбе французского короля Генриха I на дочери «Юлиуса Клодия, короля ругов», который соответствует Ярославу Мудрому, оставил нормандский современник, хотя он не только исказил имя Ярослава, но и перепутал его дочь Анну с Матильдой, первой женой Генриха I (Guillaume 1914: 185). Королём «земли ругов (догов), которую мы называем Руссией» в английских источниках назван некий Малесклод или Малескольд (по-видимому, дальнейшее искажение того же «Юлиуса Клодия»), у которого нашли приют сыновья Эдмунда Железнобокого (Матузова 1979: 58). В основном, это нарративные источники и в них возможно предполагать влияние учёной традиции, однако Раффельштеттенский таможенный устав 904-906 гг. – юридический документ и здесь использование книжной этнонимии маловероятно. Важно, как отмечает А.В. Назаренко, что «практически все случаи его (имени «руги» применительно к русам – К.А., А.Р.) употребления так или иначе связаны с автопсией, что существенно подрывает предположение о книжном характере термина Rugi применительно к руси. Вопрос продолжает оставаться открытым» (Назаренко 2001: 50).

Собственно, именно в этом заключается проблема. Примечательно не только появление этой традиции со времени установления если не первых, то регулярных торговых и дипломатических контактов Руси с западноевропейскими государствами, но и то, что уже ко второй половине XI в. практика отождествления руси с ругами в случае непосредственных контактов прекращается (последующие упоминания «ругов» в источниках XII в., лишь пересказ о событиях X-XI вв.). В дальнейшем получает широкое распространение наименование «рутены», впервые зафиксированное в отношении Руси в «Аугсбургских анналах» в начале XII в. (ДРЗИ IV: 162).

В то же время, древних ругов эпохи Великого переселения народов продолжают толковать как русских (рутенов). Это можно проследить от средневековых глосс к «Житию св. Северина», посвящённого святителю римской провинции Норик, который взаимодействовал с тремя поколениями ругийских королей, до всевозможных известий о «рутене» Одоакре, полководце варварского происхождения, захватившем власть в Италии и упразднившем Западную Римскую империю в конце V в. Позже, на собственно русское историописание повлияло упоминание Одоакра в «Польской истории» Яна Длугоша (Щавелева 2004: 220), откуда оно попало в Густынскую летопись (ПСРЛ 40: 15), Белоцерковский универсал Богдана Хмельницкого 1648 г. (Рігельман 1994: 154), Киевский синопсис 1674 г. (Синопсис 2010: 51).

В примечании к переводу Яна Длугоша Н.И. Щавелева указала, что его сообщение о русине Одоакре восходит к «Хронике пап и императоров» Мартина Опавского XIII в., а у того к «Пантеону» Готфрида из Витербо XII в. (Щавелева 2004: 372), в свою очередь, опиравшемуся на утверждение Иордана в «Римской истории» о том, что «Одоакр родом руг».

А.А. Рыбалка отметил, что в самой старой рукописи Готфрида (ок. 1185 г.) было написано «natione Rugus», но во всех остальных (с рубежа 80-90-х гг.) писалось «natione Rutenus» (Рыбалка 2014. Со ссылкой на: MGH 1872: 188). Он также упомянул нескольких итальянских писателей XIII-XIV вв.: «Благодаря популярности сочинений Готфрида, natione Rutenus получило в дальнейшем некоторое распространение среди хронистов. Natione Ruthenus повторяют Джованни Бокаччо (Boccaccio 1962: 202. При этом Фелетей, побеждённый Одоакром, чуть ниже называется Rugorum Rex: Ibid: 204. Здесь и до конца цитаты ссылки добавлены нами – К.А., А.Р.) и Бонинконтро Мориджа из Монцы (последний, однако, знает: natione Ruthenus cum Rugis) (RIS 1728: 1066), ruthenus genere пишут Мартин Опавский (MGH 1872: 454), Бартоломео ди Лукка (RIS 1727: 873), Андреа Дандоло (Andrea Dandulo. Chronicon Venetum (Chronica per extensum descripta) V, 5, 31 (RIS 1728: 80)… Odonatus Мартина попался Яну Длугошу (odouacer ruthenus) и из его сочинения распространился в польском историописании XVI столетия, включая Бельского и Стрыйковского, и, в конце концов, в 1648 г. оказался в универсале Богдана Хмельницкого» (Рыбалка 2014а).

В связи с вопросом о взаимозаменяемости этнонимов «руги» и «русь», интересно отметить, что на территории так называемого Ругиланда уже в IX в. известна «русская» топонимика. В дарственной грамоте восточнофранкского короля Людовика II Немецкого Альтайхскому монастырю (862/3 г.) упоминается местность или община Ruzaramarcha к востоку от Энса (в нынешней Нижней Австрии) (ДРЗИ 1999: 299-300; MGH 1934: 157). В том же районе, согласно дарственной грамоте германского императора Оттона II монастырю Св. Эммерама в Регенсбурге (979 г.), ручей Цаухбах, впадающий в реку Ибс, в верхнем течении назывался по-славянски (!) Русник или Русница (Zûcha et per hunc usque in montem qui dicitur Sclauanice Rûznic: Петрушевич 1865а: 125; MGH 1893: 232). В актах XII-XIII вв. упоминается пограничная с Чехией речка, носившая два альтернативных названия: Rûzische или Böhmische Muchel, то есть «Русская» или «Чешская Мюль» (ДРЗИ 1999: 302). Также можно указать ряд селений с названием Русбах (то есть «Русский ручей») в Нижней Австрии (Русбах и Гросрусбах в округе Корнойбург и Русбах в округе Гензерндорф), а также в Верхней Австрии (Русбах и Русбах-ам-Пасс-Гшютт), которые тоже можно предположительно соотнести с границами Ругиланда.

Для объяснения «русской» топонимии (не затрагивая вопрос происхождения руси и сопоставления её с ругами в средневековых источниках) некоторые немецкие исследователи, в частности, историки К. Шиффманн и Л. Шмидт, а также лингвист Э. Шварц, допускали переход герм. Rugi в слав. *Рузи. Подобную догадку, только в связи с предположением об отождествлении «варяжской» руси с хорошо знакомыми скандинавам и немцам славянами с острова Рюген (Руян, Руя), высказывал польский историк Х. Ловмяньский (Ловмяньский 1971: 43-52). В качестве возражения этому А.В. Назаренко указывает, что корневой -u- в герм. Rugi был этимологически кратким, что в славянском должно было бы дать *Ръзи, а не *Рузи (ДРЗИ 1999: 47-48). Однако исконное германоязычие ругов, помимо собственно предложенной этимологии их названия от герм. *rugiz – «рожь», подтверждается лишь парой имён, встречающихся в источниках, таких как Фридерик и Эрарих, тогда как большую часть известных ругийский имён затруднительно отнести к германским – Уалипс (Уллибос), Флаккитей, Фелетей Фева, Гизо, Фердерух.

Наряду с этим, А.В. Назаренко отмечает необычность написания имени Руси в некоторых немецких источниках не только с одинарной «z», которая в верхненемецкой письменности нередко передавала славянский звук «с», но и с удвоенной. Эта форма, хотя и нечасто, встречается вплоть до того же XI в., а впервые – ещё в так называемом «Баварском географе» (вторая пол. IX в.) (ДРЗИ 1999: 34-35), происхождение которого, в свою очередь, могло быть связано с моравской миссией святых Кирилла и Мефодия (ДРЗИ 1999: 67-70). При этом, по заключению А.В. Назаренко, анализировавшего средневековые формы наименования руси, они были восприняты немцами не позднее начала или первой половины IX в. и именно от самоназвания на славянском языке (ДРЗИ 1999: 25, 31), возможно, тогда же они узнали и древнее название в славянской форме *Рузи, отражённое в написании с двойным «zz».

Кстати, по поводу вышеупомянутой гипотезы Х. Ловмяньского следует отметить, что руяне, которые попали в поле зрения немецких авторов с середины X в., в отличие от далёкой руси вовсе не назывались ругами параллельно с ней, но только оттопонимическим именем ругиане-руяне, а также раны (ещё у готского историка Иордана в VI в. ругии и рании упоминаются рядом, но отлично друг от друга). Лишь в «Хронике» Оттона Фрейзингенского (1146 г.), южнонемецкого писателя, не бывавшего на Балтике, они названы ругами (MGH 1912: 336), а также в одной из дописок к «Деяниям архиепископов Гамбургской церкви» Адама Бременского (1070-е гг.) вместо «Runi» исправлено «Rugi» (MGH 1917: 245).

Действительное отождествление руян с русскими появляется лишь в «Житиях Оттона Бамбергского», написанных Эббоном (нач. 1150-х гг.) и Хербордом (1159 г.). У первого раны-руяне именуются «рутенами», то есть термином, который с XII в. применялся по отношению к Руси, у второго наряду с руянами так обозначаются ещё и самих русские (Свердлов 2017: 238), а кроме того, к тем и другим прилагается клише «свирепого, дикого народа» (Свердлов 2017: 239). До этого руяне не сопоставлялись с русью ни в одном источнике, что особенно наглядно у авторов, не только хорошо знакомых с обитателями Руяна, но писавших и о Руси, таких как Адам Бременский, Хельмольд из Босау, Саксон Грамматик. Можно предположить, что возникновение новой традиции именно в это время было обусловлено изменением в официальном русском самоопределении, которое отразилось в «Повести временных лет» (ПВЛ), созданной в начале того же XII в., в рассказе о призвании варягов. В этом эпизоде «варяги» представлены в собирательном значении, как название племен и народов, живущих на берегах Балтийского моря. Из их среды летописец выводил и русь, в качестве одного из «варяжских» народов.

вернуться к оглавлению ▲

А. Пауль высказал догадку, что источником сведений миссии Оттона Бамбергского о руянах (и об их «рутенстве», вероятно) был некий Иван (Iwanus) с характерной для восточных славян формой имени, посланный на переговоры к датскому епископу, когда выяснилось, что руяне относятся к его епархии (Пауль 2015). Однако вернёмся к предшествующим временам, когда отдалённая русь отождествлялась с ругами, а вместе с тем, на территории прежнего Ругиланда оказалась «русская» топонимия.

В то время как при контактах с западноевропейской элитой представители Русского государства сопоставляли себя с ругами, в Византии они ассоциировались с франками. Следы этой традиции мы обнаруживаем в Хронике Продолжателя Феофана (ДРЗИ II: 179) и Хронике Симеона Логофета в двух её редакциях из трёх: Псевдо-Симеона (ДРЗИ II: 182) и Продолжателя Георгия Амартола по Ватиканскому списку. Все эти памятники создавались в придворных кругах и получили окончательное оформление около 960 г. (Горский 2008: 55). Во всех случаях речь идет о походе князя Игоря 941 г., а у Псевдо-Симеона также в описании событий начала X в., очевидно отразившем конфликт с Вещим Олегом (Горский 2008: 56). Появление данной традиции, по мнению А.А. Горского, необходимо связывать с контактами Ромейской империи с князем Игорем около 941-948 гг.

На наш взгляд, эта «франкская» традиция греческой историографии в последствии стала важным элементом при формировании «варяжской легенды». «Росы… от рода франков» греческого оригинала Хроники Продолжателя Амартола в переводе на славянский (первая пол. XI в.), которым активно пользовались первые летописцы, превратилось в «русь… от рода варяжеска» (см.: Истрин 1920: 567), наряду с собственно варяжским происхождением династии.

Объяснить появление «франкской» родословной руси, на наш взгляд, можно, исходя из того, что руги, игравшие заметную роль в прошлом германо-романской Европы, в Византии были малоизвестны, из греческих авторов их упоминали лишь Прокопий Кесарийский (VI в.), пояснявший, что «эти руги являются одним из готских племен» (Прокопий Кесарийский. Война с готами. II (VI). 14. 24, III (VII). 2. 1; Прокопий Кесарийский 1996: 157, 216. К таковым он относил, между прочим, и аланов (Война с готами. I (V). 1. 3; Прокопий Кесарийский 1996: 19), то есть это не являлось обязательным свидетельством германоязычия), да Иоанн Антиохийский (VII в.) (Joannes Antiocheus. Fragm. 214. 4, 6, 7; FHG 1851: 620-621), а кроме того, Приск Панийский (V в.) упоминал неких рубов или рувов (Ῥούβους), в которых усматривают искажённое название ругов (FHG 1853: 24), поэтому понадобилась адаптированная для греков версия. Потомки ругов в Италии и Среднем Подунавье составляли часть населения Франкской державы и попадали под расширительное определение этнонима «франки» в Византии. Хотя большее распространение для определения жителей Киевской Руси с X в. там получил географический термин «скифы» или «тавроскифы».

В свою очередь, по всей видимости, под влиянием этой чисто греческой книжной традиции, уже на Руси, наряду с «варяжской легендой», получает в церковных кругах традиция ассоциации восточных славян и Руси со скифами. Это выразилось в появлении легенды о путешествии Андрея Первозванного по Днепру и будущей Новгородской земле в ПВЛ, летописном толковании «Великой Скуфи» как восточных славян, а позднее с отождествлением «скифов» переводных греческих хроник и житийной литературы с русскими, что позволило существенно удревнить русскую историю. Дошло даже до того, что известия о половцах, которых греки также называли по традиции «скифами», переводились на славянские языки как «русские». Скорее всего, именно так в «Степенной книге» появились «русские вои», сражавшиеся с Феодосием Великим и другие подобные сообщения.

Ранее, на возможность связи между «ругийской» традицией латинских и «франской» греческих источников обращал внимание А.Г. Кузьмин, предполагавший, что в туманном определении «росов от рода франков» как «дромитов» – «мигрирующих» сохранились воспоминания о переселении потомков ругов из Среднего Подунавья в Поднепровье (Кузьмин 1999: 451).

***

2. НАРОД РОС, «СВЕОНЫ» И «НОРМАНЫ»

Ко всему прочему, в Византии по отношению к собственному имени руси еще с IX в. прочно закрепилась несклоняемая форма «Рос» (Ῥῶς), по всей видимости, взятая из греческого перевода Библии: «И было ко мне слово Господне: сын человеческий! обрати лице твое к Гогу в земле Магог, князю Роша, Мешеха и Фувала, и изреки на него пророчество и скажи: так говорит Господь Бог: вот, Я – на тебя, Гог, князь Роша, Мешеха и Фувала!» (Иез. 38,1-3, а также 39,1), где говорится о народах, которые «в последние годы» выступят «от пределов севера» против вновь собравшегося из многих стран народа Израилева, «чтобы произвести грабёж», но падут от вызванного Богом смятения. Прямо ссылается на это пророчество Лев Диакон, описавший в своей «Истории» (кон. X в.) войну со Святославом Игоревичем в 970-971 гг.: «О том, что этот народ безрассуден, храбр, воинствен и могуч, [что] он совершает нападения на все соседние племена, утверждают многие; говорит об этом и божественный Иезекииль такими словами: “Вот я навожу на тебя Гога и Магога, князя Рос”» (Лев Диакон 1988: 79). Впервые оно определённо прилагалось к руси в «Житии преп. Василия Нового» (X в.): «Варварский народ придет сюда на нас свирепо, называемый Рос и Ог и Мог» (Лев Диакон 1988: 212), но ещё в самом раннем греческом известии о руси в «Житие Георгия Амастридского» (до 842 г.) они характеризуются как «этот губительный и на деле, и по имени народ», в чём тоже видят отсылку к этому пророчеству (Бибиков 2009: 136).

В гомилиях (проповедях) патриарха Фотия на нападение руси на Константинополь в 860 г., хотя не приводится этого имени (кроме заголовков), но всё же говорится о том, что «выполз народ с севера, словно устремляясь на другой Иерусалим, и народ поднялся от краев земли, держа лук и копье; он жесток и немилосерд; голос их шумит, как море…» (Кузенков 2003: 32). Это из Книги пророка Иеремии, а не Иезекииля, но пророчества о «народах севера» могли компилироваться, как мы ещё увидим

▲ вернуться к оглавлению

в дальнейшем. В его же Окружном послании (кон. 866 / нач. 867 г.) уже называется «многократно знаменитый и всех оставляющий позади в свирепости и кровопролитии, тот самый так называемый народ Рос», по поводу чего П. В. Кузенков отмечает: «Имеющееся в ряде рукописей ОП повторное употребление артикля (τό καλούμενον τό Ῥῶς) может быть понято как "[народ], именуемый тем самым Росом". В этой связи уместно рассмотреть вопрос о возможной связи греческого имени руси с известным библейским пророчеством из книги пророка Иезекииля (Иез. 38-39), где в греческом тексте фигурирует некий "князь Рос"» (Кузенков 2003: 77).

До XI в. только эта в буквальном смысле книжная (библейская) форма, наряду с книжными же классическими «скифами» и т.п., использовалась в византийских источниках для обозначения руси, хотя по свидетельству иностранных современников в разговорной речи греки употребляли формы, близкие с одной стороны к русскому самоназванию, а с другой – к греческому слову ῥούσιος, означающему «красный, рыжий». Так, Лиутпранд Кремонский во второй половине X в. писал, что «есть некий народ, который греки по его внешнему виду называют Ρουσιος, русиос» (Лиутпранд 2006: 96). Чуть раньше аль-Масуди писал о русах: «Византийцы называют их "русийа", что означает "красные"» (ДРЗИ III: 118). В письменных греческих памятниках подобные формы появляются только в XI в.: Ῥοῦσοι и т.п., причём в основном в актах Афона (Кузенков 2003: 79). По-видимому, в афонских монастырях было не очень удобно называть русских монахов и паломников, появившихся там, апокалиптической страшилкой. В любом случае, на фоне того, что греки настойчиво пользовались только библейской формой имени, ни разу до того же XI в. не записав даже разговорного названия руси, ходившего у них, неупоминание каких-то малоизвестных ругов, даже если те и упоминались во время представительных контактов, не выглядит чем-то необычным. Но подобные указания о родстве с народом, проживавшем когда-то в Среднем Подунавье, греки могли связать с более известными им франками, которые стали владеть теми землями.

Отметим ещё одно интересное, хотя и неоднозначное, свидетельство. В старейшей рукописи Синаксаря Константинопольской Великой церкви (кон. IX – нач. X вв.) на празднование 25 июня записано: «И нашествие сарацинов и рун, и лития во Влахернах». В других рукописях (сер. X в. и XII-XIII вв.) и поздних синаксарях данное празднование соотнесено с арабской осадой Константинополя в конце 670-х гг., но в уникальном упоминании загадочных «рун» (Ῥοῦν) усматривают указание на нашествие руси и молитву в храме Богородицы во Влахернах патриарха Фотия (Кузенков 2003: 98, 101). Как отмечал А. А. Дмитриевский, издавший этот текст: «Патмосская рукопись № 266, содержащая в себе Устав великой константинопольской церкви, писана весьма небрежным почерком безграмотного писца, как выразился покойный И. Саккелион, а поэтому переполнена массою орфографических ошибок… в силу безграмотности писца, подверглись наиболее всего искажению имена собственные, т.е. имена святых, царей, игемонов, названия городов, местностей, рек и т.п.» (Дмитриевский 1895: VII). Но если допускать искажение названия, то более вероятным представляется ошибочное написание ν не вместо ς, а вместо похожей γ. Не являлось ли это искажением другого наименования (представления) нападавших, а не хорошо известного имени руси, которое тогда передавалось греческими писателями только как «Рос»?

Кстати, почти общепризнано отражение этой греческой формы и в сообщении «Бертинских анналов» (IX в.) о посольстве «народа Rhos» в Ингельхейм под 839 г., которое прибыло к франкскому императору Людовику I в составе греческого посольства, которое считается первым достоверным известием о руси (Свердлов 2017: 14-15; ДРЗИ IV: 19). Однако при этом не принималось во внимание происхождение и значение самой этой формы, которые на наш взгляд могут пролить свет на последующие события, по поводу которых не прекращается спор, а именно – проведение «тщательного расследования», в результате которого эти представители «народа Rhos» были признаны происходящими «из народа свеонов» (Sueones), как франкские и затем немецкие хронисты, прибегнув к античной традиции, называли свеев-шведов с первой трети IX в.

Это заключение франков ещё со времён Г.З. Байера, основоположника норманской теории, рассматривалось приверженцами данного направления как одно из прямых доказательств скандинавского происхождения руси (Назаренко 2012: 16). Их же оппоненты «антинорманисты» подчёркивали, что представленные сначала росы и выявленные потом свеоны не столько отождествляются, сколько противопоставляются. Большинство их вслед за С.А. Гедеоновым сходились в том, что речь шла о природных шведах, послуживших русскому кагану (Chacanus, титул которого упоминался в том же сообщении и был совершенно не характерен для скандинавов) в качестве послов (как это описывалось в поздних сагах, рассказывающих о скандинавах, служивших конунгам Гардарики, то есть Руси), или выдававших себя за его послов, как полагал И.Ф.Г. Эверс, но как раз из-за подмеченного франками несоответствия их этнической принадлежности и заявленного дипломатического представления, вызвавших определённые подозрения, «пришли ли они честно туда или нет» (Фомин 2005: 383-384).

Даже не будь этих сложностей, данное свидетельство без дополнительных подтверждений, которые будут рассмотрены ниже, не может выступать однозначным указанием на этническую принадлежность руси, так же как и аналогичное утверждение византийских писателей о происхождении народа Рос «из племени франков», которое вовсе не спешат понимать буквально, но считают необходимым истолковывать (и порой как «свидетельство о норманнском происхождении руси») (Бибиков 2009: 267). Следует обратить внимание на все обстоятельства, при которых появилось это соотнесение руси со шведами. В, частности, на то, что имя народа приводится именно в греческой форме, а не передаёт собственно русское самоназвание, которое согласно приводимому выше заключению А.В. Назаренко в то самое время немцы перенимали в славянской форме. На это, по-видимому, и указывают слова в конце

вернуться к оглавлению ▲

оборота «qui se, id est gentem suam, Rhos vocari dicebant», что дословно можно перевести «каковых, то есть народ их, Рос зовут [как] говорят», и говорят так, судя по форме, именно греки. Помимо прочего, франкский летописец далее прямо ссылается на письмо византийского императора, в котором «он просил, чтобы по милости императора и с его помощью они получили возможность через его империю безопасно вернуться».

Почему же Пруденций (автор этой части «Бертинских анналов») записал греческое, а не их собственное название? Вероятно, важную роль при этом сыграла ссылка греков на авторитет Священного Писания в объяснение употребляемой ими формы, отличной от самоназвания. Но дело в том, что в латинском переводе Библии блаж. Иеронима соответствующее еврейское слово שׂאֹר переведено не как имя собственное, а как «глава, главный» (Gog principem capitis Mosoch et Thubal; цит. по: Biblia Sacra juxta Vulgatam Clementinam. Madrid: Biblioteca de Autores Cristianos, 1999). Особое внимание, которое франкский писатель уделил греческой, то есть библейской, форме названия руси, наряду с отсутствием той в латинской Библии, как раз и могло стать причиной «тщательного расследования», которое мог проводить сам Пруденций, помимо прочего занимавшийся редактированием заметок к Библии. Данное же пророчество Иезекииля о народах «от пределов севера» и «жителях островов» во франкской традиции с IX в. соотносилось именно со Свеонией-Швецией, как о том сообщал Адам Бременский в рассказе о миссии св. Ансгария в 829-830 гг. (Славянские хроники 2011: 22. В комментарии приводится ссылка на Книгу Исайи вместо Иезекииля 39,5-6). Хотя в параллельном месте из «Жития св. Ансгария», написанного его преемником Римбертом, приводится пророчество Исайи (Римберт 2007: 58-59), но судя по тому, что оно там приписано Иеремии, пророчества о северных народах компилировались, как и у византийских писателей, например, упоминаемого выше патриарха Фотия. Таким образом, это сопоставление могло быть просто учёной конструкцией, на что указывает сама «учёная» форма названия, приводимая при этом.

В качестве подтверждения скандинавского происхождения руси приводят ещё свидетельства, в которых они называются «норманнами» (Назаренко 2012: 16-17). В «Салернской хронике» (ок. 1300 г.) сохранилось ответное послание франкского императора и итальянского короля Людовика II византийскому императору Василию I, датируемое 871 г., где в рамках спора о титулатуре говорилось: «Хаганом же, как убеждаемся, звался предводитель авар, а не хазар или норманнов» (ДРЗИ IV: 23). Упоминание некоего «норманнского» хагана, помимо аварского и хазарского, обосновано связывают с упоминавшимся ранее хаканом «народа Рос» из «Бертинских анналов». Этим же титулом называли правителей руси восточные авторы IX-X вв., а в XI-XII вв. некоторые русские внелетописные письменные, в том числе эпиграфические, источники (Новосельцев 2000: 367-379). Однако и здесь нет полной уверенности, что франки отождествляли русь с норманнами-скандинавами. В несохранившемся письме греческого василевса народ Рос во главе с хаганом мог называться кем-то вроде τά βόρεια ἔθνη или τά βόρεια γένη, то есть «северным народом», как в византийских источниках конца IX – середины X вв. (Назаренко 2012: 16-17. Со ссылкой на: Бибиков 2004: 541), хотя А.В. Назаренко всё же полагает, что такое отождествление произошло на латинской почве, привлекая и другие источники.

Почти век спустя в 958-962 гг. ещё один итальянец, Лиутпранд Кремонский, уже прямо относил русь к норманнам, однако обстоятельства этого, указывающие на византийское влияние, ещё более характерны. В первой книге своего труда «Антаподосис» (то есть «Воздаяние» по-гречески) он сообщает: «Город Константинополь, который ранее назывался Византий, а теперь зовётся Новым Римом, расположен среди самых диких народов. Ведь на севере его соседями являются венгры, печенеги, хазары, руссы (Rusios), которых мы зовём другим именем, т.е. нордманнами» (Лиутпранд 2006: 20). Это не только можно отнести ко всем перечисленным народам (quos [«кого» во множ. числе] alio nos nomine Nordmannos apellamus), а не одной руси (как в переводе А.В. Назаренко: ДРЗИ IV: 37), но и фактически является калькой перечня народов, приводимого ещё у Константина Порфирородного, с которым будущий епископ Кремоны встречался в 949 г., возглавляя итальянское посольство. Говоря о пачинакитах-печенегах и замечая, «что у всех северных народов (τοῖς βορείοις ἅπασι γένεσι) стала как бы прирожденной жадность к деньгам и ненасытность, никогда не удовлетворяемая», император Константин чуть ниже добавляет: «Если потребуют когда-либо и попросят либо хазары, либо турки [венгры], либо также росы, или какой иной народ из северных и скифских (τι ἔθνος τῶν βορείων καὶ Σκυθικῶν)» (Константин Багрянородный 1991: 54-55) и т.д. Помимо трактата «Об управлении империей», написанного в то самое время, подобными соображениями Константин VII мог поделиться и с послами.

В пятой книге своего труда Лиутпранд поясняет: «В северных краях есть некий народ, который греки по его внешнему виду называют Ρουσιος, русиос, мы же по их месту жительства зовём “нордманнами”. Ведь на тевтонском языке “норд” означает “север”, а “ман” – “человек”; отсюда – “нордманны”, то есть “северные люди”. Королём этого народа был [тогда] Игорь; собрав более тысячи судов, он пришёл к Константинополю» (Лиутпранд 2006: 96-97). Здесь прямо отмечается, что наименование «нордманны – северные люди» прилагается к руси по её местожительству во времена князя Игоря, а не по происхождению якобы от норманнов-скандинавов, как и в первом сообщении, оно прилагалось к народам, живущим к северу от Византии, и в обоих случаях речь шла о связанных с ней событиях.

Все вышесказанное можно отнести и к рассказу о нападении на Константинополь в 860 г. в «Венецианской хронике», написанной Иоанном Диаконом в начале XI в., где нападавшие определены как «народ норманнов» (Normannorum gentes) (ДРЗИ IV: 53), что впоследствии повторили другие итальянские писатели: Андреа Дандоло (XIV в.) и Блонд Флавий (XV в.), последний при этом даже добавил, что они «вернулись в Британское море» (Кузенков 2003: 151-152). Иоанн Диакон тоже мог продолжать традицию отнесения руси к «северя-

нам», отмеченную у Лиутпранда Кремонского. Может быть, он и сам опирался на какой-то греческий источник о нападении 860 г. или вообще о руси, повествующий о «грозе гиперборейской» и «народе с севера» (как в проповеди патриарха Фотия) и т.п.

Таким образом, все случаи сопоставления руси с норманнами связаны с Византией, в которой русь вкупе с прочими обитателями «Скифии» относили к «северным народам». К тому же, все эти примеры, включая письмо Людовика II, исходят от южан-итальянцев, которые могли понимать определение «норманны – северные люди» более обобщённо, тогда как сами северяне-скандинавы порой употребляли его не только в качестве собирательного самоназвания, но и более узко – для обозначения тех из них, кто жил на «северном пути», в Норвегии. В свою очередь, потомки норвежцев и данов в Ирландии назывались «остманы», то есть «люди с востока» (Хроники 2004: 238-239), тоже просто по отношению к стороне света, а не определённому племенному (языковому) наименованию.

В дополнение к ранним франкским известиям о народе, правитель которого претендовал на степной по происхождению титул кагана, все остальные свидетельства о руси, появившиеся в IX в., связаны с её деятельностью в южных, а вовсе не северных морях, где никакая русь не упоминается до второй половины X в. (впервые, у Ибрахима ибн Якуба, писавшего именно о русах, которые «граничат с Мешко [польским князем] на востоке»: ДРЗИ III: 79). По словам византиста М.В. Бибикова, разделяющего норманистские взгляды на происхождение руси: «Сразу нужно сказать, что самые ранние византийские упоминания "росов" (IX в.: житие Георгия Амастридского, леммы двух гомилий, "Энциклика" и "Амфилохии" патриарха Фотия) не дают оснований для их сближения со скандинавами» (Бибиков 1965: 99). Даже сообщение аль-Йакуби (кон. IX в.) о нападении язычников, «которых называют русами», на Севилью в 843/4 г. (ДРЗИ III: 38), обычно увязываемое с нападением норманнов «на земли дальней Испании», о котором говорится в тех же «Бертинских анналах» под 844 г. (без всякой связи с «народом Рос», объявившимся незадолго до этого), скорее всего, было вызвано тем, что багдадский учёный отождествил далёких морских разбойников с язычниками-русами, известными своими походами на Чёрном море. Поздние авторы писали о том нападении уже без упоминания русов.

Остаётся, собственно, отнесение в ПВЛ руси к варягам, о чём будет подробнее говориться ниже. Другие свидетельства, привлекаемые для подтверждения скандинавского происхождения руси, не являются прямыми и, тем более – однозначными. К примеру, большая часть имён из договоров Олега и Игоря с греками, которые можно возвести к германским, по мнению С.Л. Николаева, восходит к формам, отличным от скандинавских (Николаев 2012: 402; 2017: 8). Впрочем, сами эти договоры, сохранившиеся в составе ПВЛ, считаются переводом с греческого оригинала, и в этом случае представленные там имена прошли двойную переогласовку. Некоторые из них могли искажаться летописцем и переписчиками, приводиться в соответствие с распространёнными в их время русскими, варяжскими и прочими именами. Упоминаемые же в труде Константина Порфиродного «Об управлении империей» названия днепровских порогов «по-росски и по-славянски» дошли до нас только в греческой передаче, точность которой можно оценить по упоминаемым в той же главе русским городам (Константин Багрянородный 1991: 45-49). О степени произвольности этимологий в таких условиях говорит само разнообразие предлагаемых версий, объясняющих «росские» названия порогов из самых разных языков (Костомаров 1860: 15-17; Вельтман 1868: 109-122; Брайчевский 1985: 23-28; Тимофеев 1999: 120-144; Тарасов 2010: 58-63; Федченко 2017: 30-36). Не берёмся оценивать их основательность, но отметим, что и скандинавские этимологии представлены в нескольких вариантах, причём для некоторых порогов пришлось обратиться к древнеисландским, а не только древнешведским основам. При этом влияние скандинавов не отразилось где-то ещё в топонимике и практически не отразилось в языке, за исключением единичных лексических заимствований (сравнимо по количеству с заимствованиями из древнерусского в шведском языке) (Мельникова 1984: 66).

Также пару слов следует сказать об археологии, которая представляется едва ли не главной основой современного «норманизма». По данным этой науки редкие вещи «скандинавского круга» появляются в Киеве и его окрестностях лишь с 930-х гг., то есть уже при Игоре (Андрощук 2004: 46), даже если не вдаваться в вопрос о принадлежности этих вещей именно скандинавам, хотя обычно их находят в сочетании с предметами «венгерского» и «восточного» стиля, не говоря уже о «славянском» материальном окружении (Андрощук 2004: 45; Комар 2012: 322). Но их не удаётся отыскать во времена Олега Вещего, провозгласившего Киев «мати городомъ Роускымъ» (ПСРЛ. 1: 23; ПСРЛ. 2: 18), что знаменуется основанием в начале X в. новых укреплений с большим посадом на Подоле (Комар 2012: 320-321).

При этом, с рубежа IX-X вв. в захоронениях Среднего Поднепровья обнаруживаются следы великоморавского влияния, наиболее ярко проявляющегося в камерном погребальном обряде русской знати этого периода (Ширинский 1978: 204). Позже моравские вещи появляются и в местах, связываемых с варягами, таких как Гнёздово в Верхнем Поднепровье (Каинов 2018). Это совпадает с усилением «киевского влияния» (по сути – собственно русского) и распространении там камерного погребального обряда с середины X в. (Нефёдов 2012: 106; Мурашёва 2014: 195).

***

3. «РУСЬ» И «ВАРЯГИ» В РУССКОЙ ЛЕТОПИСНОЙ ТРАДИЦИИ

Самым существенным аргументом против отождествления руси с ругами является отсутствие следов этой традиции в собственно русских источниках. Но при этом следует указать, что самые ранние известные нам памятники русской исторической мысли, в которых поднимался вопрос о происхождении руси, а именно Начальный свод конца XI в., отражённый в Новгородской Первой летописи младшего извода (НПЛ), и ПВЛ, отражённая в Лаврентьевской, Ипатьевской и др. ле-

тописях, создаются соответственно в конце XI и начале XII вв. (Гиппиус 2012: 61), то есть как раз в то время, когда на Западе по какой-то причине прекращается использование термина «руги» для определения жителей Киевской Руси (но при этом продолжается употребление названия русских («рутенов») по отношению к древним ругам).

Отталкиваясь от факта автопсии, выявленного А.В. Назаренко, а также представительного характера контактов в случаях наименования руси ругами (а не просто описания или сообщения о связанных с ними событиях), можно предположить, что инициаторами данного отождествления выступала именно русская сторона (особо отметим, что в Комментарии к «Законам Эдуарда Исповедника» говорится про «землю ругов, которую мы называем Руссией», а не наоборот). Исчезновение же восточноевропейских «ругов» из западных источников со второй половины XI в., как и отсутствие их в русских источниках, появившихся уже после этого времени, можно связать с тем, что русские сами перестали указывать на это тождество. Причины этого стоит искать в процессах, происходивших внутри Русского государства и его элиты в конце X – первой половине XI вв.

На наш взгляд, можно предполагать физическое замещение прежней родовой русской элиты времён Вещего Олега, Игоря и Святослава при Владимире Святославиче. Отправка 6 000 русских воинов в Византию при тех огромных потерях, что русские дружины несли в 909-912 гг. на Каспии и в Хазарии, в 941 г. под Царьградом, в 970-971 гг. в Болгарии и на днепровских порогах, а также в братоубийственной распре 977-980 гг., должны были серьезно сказаться на состоянии русской элиты. Летописное предание отмечает, что Владимир привлекал «мужѣ лучьшиѣ от Словень, и от Кривичь, и от Чюди, и от Вятичь» (ПСРЛ. 1: 121; ПСРЛ. 2: 106; ПСРЛ. 3: 159), а также варягов в 980-990-е гг., для пополнения своих дружин, защищавших южные рубежи Руси. Эти воины должны были заменить тех, кто отправился в Византию. Процесс усугубился в годы междоусобиц сыновей Владимира, когда более всего пострадала именно южнорусская знать. Уже после победы Ярослава Мудрого в его окружении стали преобладать выходцы с севера, дружина новгородско-варяжского происхождения. При сыновьях и внуках Ярослава, когда возникают древнейшие памятники исторической мысли, это должно было дать свои плоды, что проявилось в формировании «варяжской легенды», отразившейся в Начальном своде и, особенно, в ПВЛ, в которой призванные варяги уже прямо отождествлялись с русью. При этом название варягов употреблялось южнорусским летописцем в собирательном значении, включавшем скандинавские народы: свеев (шведов), урман (норвежцев), готов (жителей Готланда), а также англян (либо жителей датского Ангеля (ныне немецкий Ангельн), либо англичан, из которых происходила Гита, первая жена Владимира Мономаха и мать Мстислава Великого, при которых и создавалась «Повесть»).

Ещё А.А. Потебня и вслед за ним А.А. Шахматов, сличая рассказ о призвании Рюрика с братьями по Лаврентьевской и другим летописям с текстом НПЛ, показали, что данное определение руси и варягов является вставкой (Шахматов 2001: 11. Впервые на это обратил внимание И.Е. Нейман в письме И.Ф.Г. Эверсу. См.: Нейман 1826: 24-26). В последней, восходящей по заключению А.А. Шахматова к более раннему Начальному своду, речь идёт просто о варягах. В летописях же, передающих ПВЛ, после слов «идоша за море къ Варягомъ» добавлено «к Руси, сице бо звахуть ты Варягы Русь, яко се друзии зовутся Свее, друзии же Оурмане, Аньгляне, инѣи Готе, тако и си», а вместо слов «и пояша со собою дружину многу и предивну» сказано «и пояша по собѣ всю Русь» (ПСРЛ. 1: 19-20; ПСРЛ. 2: 14). В других местах ПВЛ, в частности, в этнографическом введении варяги представлены в качестве отдельного народа, наряду со свеями, урманами, готами, русью, аглянами, галичанами, волохами, римлянами, немцами, корлязями, венецианцами, фрягами и прочими. За исключением упомянутой вставки и связанного с ней комментария к «Сказанию о славянской грамоте», вошедшего в ПВЛ («А Словеньскыи языкъ и Роускыи одно есть, от Варягъ бо прозвашась Роусью, а первое бѣша Словене, аще и Поляне звахуся, но Словеньскаа рѣчь бѣ») (ПСРЛ 1: 28-29; ПСРЛ. 2: 20), русь и варяги последовательно различаются не только в летописных текстах, но и в таких древнейших памятниках как «Русская правда».

В задачи данной статьи не входит подробное рассмотрение «варяжского вопроса», но хотелось бы подчеркнуть различие руси и варягов (за исключением указанных вставок в ПВЛ). Это согласуется с представлением о взаимодействии двух главных государствообразующих очагов: северного и южного. Последний, судя по употреблению в летописях выражений о поездках «в Русь» из других древнерусских земель, в частности – Новгородской, вплоть до XIII в. оставался «Русской землёй в узком смысле слова» (Назаренко 2012а: 30). Обычно оба эти очага связываются с теми же варягами. В той же НПЛ, в конце рассказа о призвании варягов (не названных там русью), говорится, что «от тѣх Варягъ, находникъ тѣхъ, прозвашася русь, и от тѣх словет Руская земля» (ПСРЛ. 3: 106), но судя по словам из ПВЛ под 852 г. о том, что тогда «нача ся прозывати Руская земля», это могло означать не только «получила название», но и «стала известной».

Сразу за приведённой фразой в НПЛ добавлено: «и суть новгородстии людие до днешняго дни от рода варяжьска», что при отмеченном выше противопоставлении Новгородской земли и «Руси в узком смысле слова» вызывает недоумение: с кем же сближаются варяги – с русью, которая «прозвашася» от них, или собственно с новгородцами, сохранявшими определённую обособленность от приднепровской Русской земли? В ПВЛ (в которой русь оказалась отождествлена с варягами) по Лаврентьевской летописи, к этим словам о том, что «суть людье Ноугородьци от рода Варяжьска», добавлено пояснение (очевидно, с точки зрения объявленного тождества руси и варягов): «преже бо бѣша Словѣни», а в Ипатьевской летописи этот неясный пассаж, не вписывающийся в представление автора вставки о «варягах-руси», вовсе был исключён (Никитин 2006: 36; Жих 2018: 18-28). Примечательно, что автор Начального свода возвращается к вопросу о названии

именно в рассказе о захвате Киева Олегом и Игорем: «И бѣша у него Варязи мужи Словенѣ, и оттолѣ прочии прозвашася Русью» (ПСРЛ. 3: 107). Из этого можно заключить, что по представлениям летописца, только в связи с этим событием данное имя и распространилось на всех, заодно с «Варязи мужи Словенѣ» (в ПВЛ исправлено: «Варязи и Словѣне»: ПСРЛ. 1: 23; ПСРЛ. 2: 17), в обобщающем значении. Стоит отметить, что в рассказе о походе Олега на Царьград в 907 г. среди городов, которым полагалась выплата дани, не указан Новгород. Вызывает интерес и не очень ясное с точки зрения варяжского начала русской государственности сообщение о том, что именно Олег (или Игорь по НПЛ) «оустави дани Словѣномъ, Кривичемъ и Мери, и [устави] Варягомъ дань даяти от Новагорода гривенъ 300 на лѣто, мира дѣля, еже до смерти Ярославлѣ даяше Варягомъ» (ПСРЛ 1: 24; ПСРЛ. 2: 17). Здесь «варяги» представлены отдельным народом, не равнозначным «руси», правителем которой выступает Олег.

Параллельно с социально-политическими, происходили важнейшие процессы в культурно-религиозной сфере. В 988 г. Владимир Святославич сделал христианство официальной религией Руси. Историк церкви Н.К. Никольский в специальном исследовании убедительно продемонстрировал, что на этом этапе христианизации страны преобладали кирилло-мефодиевской традиции, независимые от Константинополя (Никольский 1930: 7-8, 84 и сл.).

При Ярославе Мудром стало усиливаться византийское влияние на русскую церковную организацию, в ведении которой и находилась складывающаяся в то время письменная традиция. Связь с ругами могла в этих условиях ассоциироваться с конкурирующим национально-ориентированным духовенством, опиравшимся на кирилло-мефодиевскую традицию, и заодно с арианской ересью, следы которой в первые века русского, а ещё ранее – моравского христианства, тесно связанных друг с другом, отмечал А.Г. Кузьмин, развивая идеи Н.К. Никольского (Кузьмин 1988: 99-122; 2003: 341-353). Согласно заключениям последнего, наряду с редакторской правкой, связавшей происхождение руси с варягами, а принятие христианства исключительно с греческим влиянием, в ПВЛ сохранились обрывки сведений, отражавших более ранние историко-идеологические концепции (Никольский 1930: 29-30). Но это тема для следующей части нашей работы.

Таким образом, мы видим, что с одной стороны на протяжении X – первой половины XI вв. существовала устойчивая традиция отождествления русской элиты с ругами, древним народом, следы которого теряются в VI в. в Северной Италии и Среднем Подунавье. С другой стороны, при контактах с Византией во времена Игоря и Ольги происхождение руси связывалось с Франкской империей («росы от рода франков»). Обратным проявлением этой традиции стало переименование в средневековых произведениях ругов в «рутенов» – русских. Всё это позволяет с большим вниманием отнестись к теории о связи руси с ругами, развивавшейся в работах А.Г. Кузьмина, но вместе с тем и к проблеме возникновения официальной летописной версии происхождения Русского государства от некоего «варяжского» племени русь, до сих пор оказывающей сильное влияние на исследователей, хоть в «скандинавском», хоть в «руянском» вариантах.

ЛИТЕРАТУРА

Андрощук 2004 – Андрощук Ф.А. Скандинавские древности в социальной топографии древнего Киева // Ruthenica. Т. 3. Киев, 2004.

Бибиков 1965 – Бибиков М.В. Скандинавский мир в византийской литературе и актах // Скандинавский сборник. Вып. X. Таллин, 1965.

Бибиков 2004 – Бибиков М.В. Byzantinorossica: Свод византийских свидетельств о Руси. Т. I. М., 2004.

Бибиков 2009 – Бибиков М.В. Byzantinorossica: Свод византийских свидетельств о Руси. Т. II. М., 2009.

Брайчевский 1985 – Брайчевский М.Ю. «Росские» названия порогов у Константина Багрянородного // Земли Южной Руси в IX-XIV вв. Киев, 1985.

Васильевский 1888 – Васильевский В.Г. Древняя торговля Киева с Регенсбургом // Журнал Министерства народного просвещения. 1888. Ч. CCLVII. Июль. СПб., 1888.

Вельтман 1868 – Вельтман А.Ф. Днепровские пороги по Константину Багрянородному // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском Университете. 1868. Кн. 2. Апрель-Июнь. М., 1868.

Гиппиус 2012 – Гиппиус А.А. До и после Начального свода: ранняя летописная история Руси как объект текстологической реконструкции // Русь в IX-X веках: археологическая панорама. М.; Вологда, 2012.

Горский 2008 – Горский А.А. Русь «от рода франков» // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2008. № 2 (32).

Дмитриевский 1895 – Дмитриевский А.А. Описание литургических рукописей, хранящихся в библиотеках Православного Востока. Т. I. Τυπικα. Ч. 1. Киев, 1895.

ДРЗИ 1999 – Древняя Русь в свете зарубежных источников. М., 1999.

ДРЗИ II – Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия. Т. II: Византийские источники. М., 2010.

ДРЗИ III – Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия. Т. III: Восточные источники. М., 2009.

ДРЗИ IV – Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия. Т. IV: Западноевропейские источники. М., 2010.

Жих 2018 – Жих М.И. О соотношении «Новгородской» и «Ладожской» версий сказания о призвании варягов в начальном русском летописании // Вестник «Альянс-Архео». 2018. Вып. 24.

Истрин 1920 – Истрин В.М. Книгы временьныя и образныя Георгия Мниха. Хроника Георгия Амартола в древнем славянорусском переводе. Текст, исследование и словарь. Т. I. Петроград, 1920.

Каинов 2018 – Каинов С.Ю. Оружие Гнездова и сложение древнерусского комплекса вооружения. 2018 / Электронный ресурс: http://www.rus-druzhina.ru/advices/gnezdova.php (дата обращения – 08.09.2018).

вернуться к оглавлению ▲

Комар 2012 – Комар А.В. Киев и Правобережное Поднепровье // Русь в IX-X веках: археологическая панорама. М.; Вологда, 2012.

Константин Багрянородный 1991 – Константин Багрянородный. Об управлении империей. М., 1991.

Костомаров 1860 – Костомаров Н.И. Начало Руси // Современник. Т. LXXIX. № 1. Отд. I. СПб., 1860.

Кузенков 2003 – Кузенков П.В. Поход 860 г. на Константинополь и первое крещение руси в средневековых письменных источниках // Древнейшие государства на территории Восточной Европы. 2000. Проблемы источниковедения. М., 2003.

Кузьмин 1987 – Кузьмин А.Г. Одоакр и Теодорих // Дорогами тысячелетий: Сборник исторических очерков и статей. Кн. 1. М., 1987.

Кузьмин 1988 – Кузьмин А.Г. Падение Перуна. М., 1988.

Кузьмин 1999 – Кузьмин А.Г. Руги и русы на Дунае // Славяне и Русь: Проблемы и идеи. М., 1999.

Кузьмин 2003 – Кузьмин А.Г. Начало Руси. М., 2003.

Лев Диакон 1988 – Лев Диакон. История / Перевод М.М. Копыленко. М., 1988.

Лиутпранд 2006 – Лиутпранд Кремонский. Антаподосис / Перевод и комментарии И.В. Дьяконова. М., 2006.

Ловмяньский 1971 – Ловмяньский Г. Руссы и руги // Вопросы истории. 1971. № 9.

Матузова 1979 – Матузова В.И. Английские средневековые источники. М., 1979.

Мельникова 1984 – Мельникова Е.А. Древнерусские лексические заимствования в шведском языке // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1982. М., 1984.

Мурашёва 2014 – Мурашёва В.В. «Град велик и мног людьми». Некоторые итоги исследований Смоленской экспедиции Исторического музея // Государственный исторический музей и отечественная археология: к Столетию отдела археологических памятников. М., 2014.

Назаренко 2001 – Назаренко А.В. Древняя Русь на международных путях. М., 2001.

Назаренко 2012 – Назаренко А.В. Русь IX века: обзор письменных источников // Русь в IX-X веках: археологическая панорама. М.; Вологда, 2012.

Назаренко 2012а – Назаренко А.В. Две Руси IX века // Древняя Русь. Кн. I. М., 2012.

Нейман 1826 – Нейман И.Е. О жилищах древнейших руссов. М., 1826.

Нефёдов 2012 – Нефёдов В.С. Ранние этапы политогенеза на территории Смоленской земли (конец IX – первая половина XI в.) // Северная Русь и проблемы формирования Древнерусского государства: Сборник материалов Международной научной конференции. Вологда, 2012.

Никитин 2006 – Никитин А.Л. Текстология русских летописей. Вып. I. Киево-Печерское летописание до 1112 года. М., 2006.

Николаев 2012 – Николаев С.Л. Семь ответов на варяжский вопрос // Повесть временных лет / Перевод Д.С. Лихачева, О.В. Творогова. СПб., 2012.

Николаев 2017 – Николаев С.Л. К этимологии и сравнительно-исторической фонетике имен северогерманского (скандинавского) происхождения в «Повести временных лет» // Вопросы ономастики. 2017. Т. 14. № 2.

Никольский 1930 – Никольский Н.К. «Повесть временных лет» как источник для истории начального периода русской письменности и культуры. Л., 1930.

Новосельцев 2000 – Новосельцев А.П. К вопросу об одном из древнейших титулов русского князя // Древнейшие государства Восточной Европы. 1998. М., 2000.

Пауль 2015 – Пауль А. Rutheni у Герборда и Эббо. IV. Источники баварских монахов в 1128 году. 2015 / Электронный ресурс: https://nap1000.livejournal.com/103578.html (дата обращения – 08.09.2018).

Петрушевич 1865 – Петрушевич А.С. О паннонских ругах или псевдоруссах (начало) // Науковый сборник, издаваемый литературным обществом Галицко-русская Матица. Вып. 2. Львов, 1865.

Петрушевич 1865а – Петрушевич А.С. О паннонских ругах или псевдоруссах (окончание) // Науковый сборник, издаваемый литературным обществом Галицко-русская Матица. Вып. 3. Львов, 1865.

Прокопий Кесарийский 1996 – Прокопий Кесарийский. Война с готами / Перевод С.П. Кондратьева. М., 1996.

ПСРЛ. 1 – Полное собрание русских летописей. Т. 1. Лаврентьевская летопись. М., 1997.

ПСРЛ. 2 – Полное собрание русских летописей. Т. 2. Ипатьевская летопись. М., 2001.

ПСРЛ. 3 – Полное собрание русских летописей. Т. 3. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов (репринт издания 1950 г., подготовленного А.Н. Насоновым). М., 2000.

ПСРЛ. 40 – Полное собрание русских летописей. Т. 40. Густынская летопись. СПб., 2003.

Римберт 2007 – Римберт. Житие святого Ансгария / Перевод и комментарии В.В. Рыбакова // Швеция и шведы в средневековых источниках. М., 2007.

Рігельман 1994 – Рігельман О.І. Літописна оповідь про Малу Росію та її народ і козаків узагалі. Київ, 1994.

Рыбалка 2014 – Рыбалка А.А. Сны аббата Килиана: Rugorum -> Ruzen. 2014 / Электронный ресурс: http://anrike.livejournal.com/100606.html (дата обращения – 08.09.2018).

Рыбалка 2014а – Рыбалка А.А. Сны аббата Килиана: доска Одоакра. 2014 / Электронный ресурс: https://anrike.livejournal.com/100102.html (дата обращения – 08.09.2018).

Свердлов 2017 – Свердлов М.Б. Латиноязычные источники по истории Древней Руси IX-XIII вв. Германия. «Правда Русская». История текста. Избранные статьи. СПб., 2017.

Синопсис 2010 – Мечта о русском единстве. Киевский Синопсис (1674). М., 2010.

Славянские хроники 2011 – Адам Бременский, Гельмольд из Босау, Арнольд Любекский. Славянские хроники / Перевод с латинского И.В. Дьяконова, Л.В. Разумовской, редактор-составитель И.А. Настенко. М., 2011.

Тарасов 2010 – Тарасов В.В. «Росские» названия днепровских порогов и топонимика Юго-Восточной Балтии // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2010. № 12.

Тацит 2003 – Публий Корнелий Тацит. О происхождении германцев и местоположении Германии / Перевод с латинского А.С. Бобовича // Публий Корнелий Тацит. Анналы. Малые произведения. История. М., 2003.

Тимофеев 1999 – Тимофеев В.П. А все-таки «Людота ковалъ»! (Название днепровских порогов – возвращение к старой проблеме) // Сборник Русского исторического общества. Т. 1 (149). М., 1999.

Томпсон 2003 – Томпсон Э.А. Рим и варвары. Падение Западной империи. СПб., 2003.

Федченко 2017 – Федченко О.Д. Днепр, «росские» и «славянские» пороги (этимология названий) // Актуальные вопросы филологических наук: Материалы V Международной научной конференции. Казань, 2017.

Фомин 2005 – Фомин В.В. Варяги и варяжская русь: К итогам дискуссии по варяжскому вопросу. М., 2005.

Хроники 2004 – Хроники длинноволосых королей / Перевод и комментарии Н.С. Горелова. СПб., 2004.

Шахматов 2001 – Шахматов А.А. Разыскания о русских летописях. М., 2001.

Ширинский 1978 – Ширинский С.С. Археологические параллели к истории христианства на Руси и в Великой Моравии // Древняя Русь и славяне. М., 1978.

Щавелева 2004 – Щавелева Н.И. Древняя Русь в «Польской истории» Яна Длугоша. (Кн. I-VI). М., 2004.

Bielowski 1850 – Bielowski A. Wstęp krytyczny do dziejów Polski. Lwów, 1850.

Boccaccio 1962 – Giovanni Boccaccio. De casibus illustrium virorum / A facsimile reproduction of the Paris edition of 1520 with an introduction by Louis Brewer Hall. Gainesville; Florida, 1962.

FHG 1851 – Fragmenta Historicorum Graecorum. T. IV. Paris, 1851.

Guillaume 1914 – Guillaume de Jumièges. Gesta Normannorum ducum / Éd. Jean Marx. Rouen, 1914.

MGH 1727 – Monumenta Germaniae Historica. Scriptorum. T. XXII. Inde ab anno Christi quingentesimo usque ad annum millesimum et quingentesimum. Hannover, 1872.

MGH 1893 – Monumenta Germaniae Historica DD reg. et imp. Germ. T. II (DD O II / O III). Hannover, 1893.

MGH 1912 – Monumenta Germaniae Historica. Scriptores rerum Germanicarum. T. XLV. Ottonis episcopi frisingensis Chronica sive Historia de duabus civitatibus. Hannover, Leipzig, 1912.

MGH 1917 – Monumenta Germaniae Historica. Scriptores rerum Germanicarum. T. II. Magistri Adam Bremensis. Gesta Hammaburgensis ecclesiae pontificum. Hannover; Leipzig, 1917.

MGH 1934 – Monumenta Germaniae Historica DD reg. Germ. ex stir. Karol. T. I (DD LD / DD Kn / DD LJ). Berlin, 1934.

RIS 1727 – Rerum Italicarum Scriptores. T. XI. Mediolani, 1727.

RIS 1728 – Rerum Italicarum Scriptores. T. XII. Mediolani, 1728.

REFERENCES

Androshchuk 2004 – Androshchuk F.A. Skandinavskie drevnosti v social'noj topografii drevnego Kieva [The Scandinavian antiquities in social topography of ancient Kiev], in: Ruthenica, Volume 3, Kiev, 2004 [in Russian].

Bibikov 1965 – Bibikov M.V. Skandinavskij mir v vizantijskoj literature i aktah [The Scandinavian world in the Byzantine literature and acts], in: Skandinavskij sbornik. Vyp. X [Scandinavian collection. Release 10], Tallin, 1965 [in Russian].

Bibikov 2004 – Bibikov M.V. Byzantinorossica: Svod vizantijskih svidetel'stv o Rusi. T. I [Set of the Byzantine certificates on Russia. Volume 1], Moscow, 2004 [in Russian].

Bibikov 2009 – Bibikov M.V. Byzantinorossica: Svod vizantijskih svidetel'stv o Rusi. T. II [Set of the Byzantine certificates on Russia. Volume 2], Moscow, 2009 [in Russian].

Bielowski 1850 – Bielowski A. Wstęp krytyczny do dziejów Polski [Critical introduction to history of Poland], Lwów, 1850 [in Polish].

Boccaccio 1962 – Giovanni Boccaccio. De casibus illustrium virorum / A facsimile reproduction of the Paris edition of 1520 with an introduction by Louis Brewer Hall, Gainesville; Florida, 1962 [in English].

Brajchevskij 1985 – Brajchevskij M.Yu. «Rosskie» nazvaniya porogov u Konstantina Bagryanorodnogo [Rosskiye of the name of thresholds at Konstantin Bagryanorodny], in: Zemli Yuzhnoj Rusi v IX XIV vv. [The earth of the Southern Russia in IXXIV of centuries], Kiev, 1985 [in Russian].

Dmitrievskij 1895 – Dmitrievskij A.A. Opisanie liturgicheskih rukopisej, hranyashchihsya v bibliotekah Pravoslavnogo Vostoka. T. I. Τυπικα. Ch. 1 [The description of the liturgical manuscripts which are stored in libraries of the Orthodox East. Volume 1. Τυπικα. Part 1], Kiev, 1895 [in Russian].

DRZI 1999 – Drevnyaya Rus' v svete zarubezhnyh istochnikov [Ancient Russia in the light of foreign sources], Moscow, 1999 [in Russian].

DRZI II – Drevnyaya Rus' v svete zarubezhnyh istochnikov. Hrestomatiya. T. II: Vizantijskie istochniki [Ancient Russia in the light of foreign sources. Anthology. T. 2: Byzantine sources], Moscow, 2010 [in Russian].

DRZI III – Drevnyaya Rus' v svete zarubezhnyh istochnikov. Hrestomatiya. T. III: Vostochnye istochniki [Ancient Russia in the light of foreign sources. Anthology. T. 3: East sources], Moscow, 2009 [in Russian].

DRZI IV – Drevnyaya Rus' v svete zarubezhnyh istochnikov. Hrestomatiya. T. IV: Zapadnoevropejskie istochniki [Ancient Russia in the light of foreign sources. Anthology. T. 4: Western European sources], Moscow, 2010 [in Russian].

Fedchenko 2017 – Fedchenko O.D. Dnepr, «rosskie» i «slavyanskie» porogi (etimologiya nazvanij) [Dnieper, «rossky» and «Slavic» thresholds (etymology of names)], in: Aktual'nye voprosy filologicheskih nauk: Materialy V Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii [Topical issues of philological sciences: Materials V of the International scientific conference], Kazan, 2017 [in Russian].

FHG 1851 – Fragmenta Historicorum Graecorum. T. IV [Fragments of the Greek historians. Volume 4], Paris, 1851 [in French].

Fomin 2005 – Fomin V.V. Varyagi i varyazhskaya rus': K itogam diskussii po varyazhskomu voprosu [Varangians and Varangian Russia: To discussion results on a Varangian question], Moscow, 2005 [in Russian].

Gippius 2012 – Gippius A.A. Do i posle Nachal'nogo svoda: rannyaya letopisnaya istoriya Rusi kak ob»ekt tekstologicheskoj rekonstrukcii [Before and after the Initial arch: early annalistic history of Russia as object of textual reconstruction], in: Rus'

v IX X vekah: arheologicheskaya panorama [Russia in IXX centuries: archaeological panorama], Moscow; Vologda, 2012 [in Russian].

Gorskij 2008 – Gorskij A.A. Rus' «ot roda frankov» [Russia «from a sort of francs»], in: Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki [Ancient Russia. Mediyevistika questions], 2008, № 2 (32) [in Russian].

Guillaume 1914 – Guillaume de Jumièges. Gesta Normannorum ducum / Éd. Jean Marx [Acts of dukes of Normandy / Prepared the edition Jean Marx], Rouen, 1914 [in French].

Hroniki 2004 – Hroniki dlinnovolosyh korolej / Perevod i kommentarii N.S. Gorelova [Chronicles of long-haired kings / Translation and comments N.S. Gorelov], St. Petersburg, 2004 [in Russian].

Istrin 1920 – Istrin V.M. Knigy vremen'nyya i obraznyya Georgiya Mniha. Hronika Georgiya Amartola v drevnem slavyanorusskom perevode. Tekst, issledovanie i slovar'. T. I [Georgy Amartol's chronicle in ancient slavyanorussky translation. Text, research and dictionary. Volume 1], Petrograd, 1920 [in Russian].

Kainov 2018 – Kainov S.Yu. Oruzhie Gnezdova i slozhenie drevnerusskogo kompleksa vooruzheniya [Gnezdov's weapon and addition of an Old Russian complex of arms], 2018, Electronic resource: http://www.rus-druzhina.ru/advices/gnezdova.php (Date of access – 08.09.2018) [in Russian].

Komar 2012 – Komar A.V. Kiev i Pravoberezhnoe Podneprov'e [Kiev and Right-bank Dnieper Bank], in: Rus' v IX-X vekah: arheologicheskaya panorama [Russia in IX-X centuries: archaeological panorama], Moscow; Vologda, 2012 [in Russian].

Konstantin Bagryanorodnyj 1991 – Konstantin Bagryanorodnyj. Ob upravlenii imperiej [On the Governance of the Empire], Moscow, 1991 [in Russian].

Kostomarov 1860 – Kostomarov N.I. Nachalo Rusi [Beginning of Russia], in: Sovremennik. T. LXXIX. № 1. Otd. I [Contemporary. Volume LXXIX. No. 1. Chapter 1], St. Petersburg, 1860 [in Russian].

Kuzenkov 2003 – Kuzenkov P.V. Pohod 860 g. na Konstantinopol' i pervoe kreshchenie rusi v srednevekovyh pis'mennyh istochnikah [Campaign of 860 g to Constantinople and the first Christianization of Kievan Rus' in medieval written sources], in: Drevnejshie gosudarstva na territorii Vostochnoj Evropy. 2000. Problemy istochnikovedeniya [The most ancient states in the territory of Eastern Europe. 2000. Source study problems], Moscow, 2003 [in Russian].

Kuz'min 1987 – Kuz'min A.G. Odoakr i Teodorih [Odoakr and Theoderich], in: Dorogami tysyacheletij: Sbornik istoricheskih ocherkov i statej. Kn. 1 [Roads of the millennia: Collection of historical sketches and articles. Book 1], Moscow, 1987 [in Russian].

Kuz'min 1988 – Kuz'min A.G. Padenie Peruna [Perun's falling], Moscow, 1988 [in Russian].

Kuz'min 1999 – Kuz'min A.G. Rugi i rusy na Dunae [Rugii and Russians on Danube], in: Slavyane i Rus': Problemy i idei [Slavs and Russia: Problems and ideas], Moscow, 1999 [in Russian].

Kuz'min 2003 – Kuz'min A.G. Nachalo Rusi [Beginning of Russia], Moscow, 2003 [in Russian].

Lev Diakon 1988 – Lev Diakon. Istoriya / Perevod M.M. Kopylenko [History / Translation M.M. Kopylenko], Moscow, 1988 [in Russian].

Liutprand 2006 – Liutprand Kremonskij. Antapodosis / Perevod i kommentarii I.V. D'yakonova [Antapodosis / Translation and comments I.V. Dyakonov], Moscow, 2006 [in Russian].

Lovmyan'skij 1971 – Lovmyan'skij G. Russy i rugi [Russians and Rugii], in: Voprosy istorii [History questions], 1971, № 9 [in Russian].

Matuzova 1979 – Matuzova V.I. Anglijskie srednevekovye istochniki [English medieval sources], Moscow, 1979 [in Russian].

Mel'nikova 1984 – Mel'nikova E.A. Drevnerusskie leksicheskie zaimstvovaniya v shvedskom yazyke [Old Russian lexical loans in Swedish], in: Drevnejshie gosudarstva na territorii SSSR. Materialy i issledovaniya. 1982 [The most ancient states in the territory of the USSR. Materials and researches. 1982], Moscow, 1984 [in Russian].

MGH 1727 – Monumenta Germaniae Historica. Scriptorum. T. XXII. Inde ab anno Christi quingentesimo usque ad annum millesimum et quingentesimum [Historical monuments to Germany. Chronicles. Volume 22], Hannover, 1872 [in German].

MGH 1893 – Monumenta Germaniae Historica DD reg. et imp. Germ. T. II (DD O II / O III) [Historical monuments to Germany. Volume 2], Hannover, 1893 [in German].

MGH 1912 – Monumenta Germaniae Historica. Scriptores rerum Germanicarum. T. XLV. Ottonis episcopi frisingensis Chronica sive Historia de duabus civitatibus [Historical monuments to Germany. Chronicles. Volume 45], Hannover, Leipzig, 1912 [in German].

MGH 1917 – Monumenta Germaniae Historica. Scriptores rerum Germanicarum. T. II. Magistri Adam Bremensis. Gesta Hammaburgensis ecclesiae pontificum [Historical monuments to Germany. Chronicles. Volume 2], Hannover; Leipzig, 1917 [in German].

MGH 1934 – Monumenta Germaniae Historica DD reg. Germ. ex stir. Karol. T. I (DD LD / DD Kn / DD LJ) [Historical monuments to Germany. Volume 1], Berlin, 1934 [in German].

Murashyova 2014 – Murashyova V.V. «Grad velik i mnog lyud'mi». Nekotorye itogi issledovanij Smolenskoj ekspedicii Istoricheskogo muzeya [«The hail is big and мног people». Some results of researches of the Smolensk expedition of the Historical museum], in: Gosudarstvennyj istoricheskij muzej i otechestvennaya arheologiya: k Stoletiyu otdela arheologicheskih pamyatnikov [State Historical Museum and domestic archeology: by Century of department of archaeological monuments], Moscow, 2014 [in Russian].

Nazarenko 2001 – Nazarenko A.V. Drevnyaya Rus' na mezhdunarodnyh putyah [Ancient Russia on the international ways], Moscow, 2001 [in Russian].

Nazarenko 2012 – Nazarenko A.V. Rus' IX veka: obzor pis'mennyh istochnikov [Russia 9th century: review of written sources], in: Rus' v IX-X vekah: arheologicheskaya panorama [Russia in IX-X centuries: archaeological panorama], Moscow; Vologda, 2012 [in Russian].

Nazarenko 2012a – Nazarenko A.V. Dve Rusi IX veka [Two Russia 9th century], in: Drevnyaya Rus'. Kn. I [Ancient Russia. Book 1], Moscow, 2012 [in Russian].

Nefyodov 2012 – Nefyodov V.S. Rannie etapy politogeneza na territorii Smolenskoj zemli (konec IX – pervaya polovina XI v.) [Early stages of a politogenez in the territory of the Smolensk earth (the end of IX – the first half of the 11th century)], in: Severnaya Rus' i problemy formirovaniya Drevnerusskogo gosudarstva: Sbornik materialov Mezhdunarodnoj nauchnoj

konferencii [Northern Russia and problems of formation of the Old Russian state: Collection of materials of the International scientific conference], Vologda, 2012 [in Russian].

Nejman 1826 – Nejman I.E. O zhilishchah drevnejshih russov [About dwellings of the most ancient russ], Moscow, 1826 [in Russian].

Nikitin 2006 – Nikitin A.L. Tekstologiya russkih letopisej. Vyp. I. Kievo-Pecherskoe letopisanie do 1112 goda [Textual criticism of the Russian chronicles. Release 1. Kyiv Pechersk annals till 1112], Moscow, 2006 [in Russian].

Nikolaev 2012 – Nikolaev S.L. Sem' otvetov na varyazhskij vopros [Seven answers to a Varangian question], in: Povest' vremennyh let / Perevod D.S. Lihacheva, O.V. Tvorogova [The Tale of Bygone Years / Translation D.S. Likhachev, O.V. Tvorogov], St. Petersburg, 2012 [in Russian].

Nikolaev 2017 – Nikolaev S.L. K etimologii i sravnitel'no-istoricheskoj fonetike imen severogermanskogo (skandinavskogo) proiskhozhdeniya v «Povesti vremennyh let» [To etymology and comparative-historical phonetics of names of the North German (Scandinavian) origin in «The Tale of Bygone Years»], in: Voprosy onomastiki [Onomastics questions], 2017, Volume 14, № 2 [in Russian].

Nikol'skij 1930 – Nikol'skij N.K. «Povest' vremennyh let» kak istochnik dlya istorii nachal'nogo perioda russkoj pis'mennosti i kul'tury [«The Tale of Bygone Years» as a source for history of an initial stage of the Russian writing and culture], Leningrad, 1930 [in Russian].

Novosel'cev 2000 – Novosel'cev A.P. K voprosu ob odnom iz drevnejshih titulov russkogo knyazya [To a question of one of the most ancient titles of the Russian prince], in: Drevnejshie gosudarstva Vostochnoj Evropy. 1998 [The most ancient states of Eastern Europe. 1998], Moscow, 2000 [in Russian].

Paul' 2015 – Paul' A. Rutheni u Gerborda i Ebbo. IV. Istochniki bavarskih monahov v 1128 godu [Rutheni at Gerbord and Ebbo. IV. Sources of the Bavarian monks in 1128], 2015, Electronic resource: https://nap1000.livejournal.com/103578.html (Date of access – 08.09.2018) [in Russian].

Petrushevich 1865 – Petrushevich A.S. O pannonskih rugah ili psevdorussah (nachalo) [About pannonsky ruga or psevdorussa (beginning)], in: Naukovyj sbornik, izdavaemyj literaturnym obshchestvom Galicko-russkaya Matica. Vyp. 2 [The scientific collection published by literary society Galitsko-russkaya of Matits. Release 2], Lviv, 1865 [in Russian].

Petrushevich 1865a – Petrushevich A.S. O pannonskih rugah ili psevdorussah (okonchanie) [About pannonsky ruga or psevdorussa (termination)], in: Naukovyj sbornik, izdavaemyj literaturnym obshchestvom Galicko-russkaya Matica. Vyp. 3 [The scientific collection published by literary society Galitsko-russkaya of Matits. Release 3], Lviv, 1865 [in Russian].

Prokopij Kesarijskij 1996 – Prokopij Kesarijskij. Vojna s gotami / Perevod S.P. Kondrat'eva [War about Ghats / Translation S.P. Kondratyev], Moscow, 1996 [in Russian].

PSRL. 1 – Polnoe sobranie russkih letopisej. T. 1. Lavrent'evskaya letopis' [Complete collection of the Russian chronicles. T. 1. Lavrentyevsky chronicle], Moscow, 1997 [in Russian].

PSRL. 2 – Polnoe sobranie russkih letopisej. T. 2. Ipat'evskaya letopis' [Complete collection of the Russian chronicles. T. 2. Ipatyevsky chronicle], Moscow, 2001 [in Russian].

PSRL. 3 – Polnoe sobranie russkih letopisej. T. 3. Novgorodskaya pervaya letopis' starshego i mladshego izvodov (reprint izdaniya 1950 g., podgotovlennogo A.N. Nasonovym) [Complete collection of the Russian chronicles. T. 3. The Novgorod first chronicle of the senior and younger izvod (a reprint of the edition of 1950 prepared by A.N. Nasonov)], Moscow, 2000 [in Russian].

PSRL. 40 – Polnoe sobranie russkih letopisej. T. 40. Gustynskaya letopis' [Complete collection of the Russian chronicles. T. 40. Gustynsky chronicle], St. Petersburg, 2003 [in Russian].

Rimbert 2007 – Rimbert. Zhitie svyatogo Ansgariya / Perevod i kommentarii V.V. Rybakova [Saint Ansgariya life / Translation and comments V.V. Rybakov], in: Shveciya i shvedy v srednevekovyh istochnikah [Sweden and Swedes in medieval sources], Moscow, 2007 [in Russian].

RIS 1727 – Rerum Italicarum Scriptores. T. XI [Italian chronicles. Volume 11], Mediolani, 1727 [in Italian].

RIS 1728 – Rerum Italicarum Scriptores. T. XII [Italian chronicles. Volume 12], Mediolani, 1728 [in Italian].

Rybalka 2014 – Rybalka A.A. Sny abbata Kiliana: Rugorum > Ruzen [Dreams of the abbot Kilian: Rugorum> Ruzen], 2014, Electronic resource: http://anrike.livejournal.com/100606.html (Date of access – 08.09.2018) [in Russian].

Rybalka 2014a – Rybalka A.A. Sny abbata Kiliana: doska Odoakra [Dreams of the abbot Kilian: Odoakr's board], 2014, Electronic resource: https://anrike.livejournal.com/100102.html (Date of access – 08.09.2018) [in Russian].

Rigel'man 1994 – Rigel'man O.I. Litopisna opovid' pro Malu Rosiyu ta ïï narod i kozakiv uzagali [The annalistic narration about Small Russia and its people and Cossacks in general], Kiev, 1994 [in Ukrainian].

Shahmatov 2001 – Shahmatov A.A. Razyskaniya o russkih letopisyah [Investigations about the Russian chronicles], Moscow, 2001 [in Russian].

Shchaveleva 2004 – Shchaveleva N.I. Drevnyaya Rus' v «Pol'skoj istorii» Yana Dlugosha. (Kn. I-VI) [Ancient Russia and «The Polish history» of Jan Dlugosh (book I-VI)], Moscow, 2004 [in Russian].

Shirinskij 1978 – Shirinskij S.S. Arheologicheskie paralleli k istorii hristianstva na Rusi i v Velikoj Moravii [Archaeological parallels to Christianity history in Russia and in Great Moravia], in: Drevnyaya Rus' i slavyane [Ancient Russia and Slavs], Moscow, 1978 [in Russian].

Sinopsis 2010 – Mechta o russkom edinstve. Kievskij Sinopsis (1674) [Dream of the Russian unity. Kiev Synopsis (1674)], Moscow, 2010 [in Russian].

Slavyanskie hroniki 2011 – Adam Bremenskij, Gel'mol'd iz Bosau, Arnol'd Lyubekskij. Slavyanskie hroniki / Perevod s latinskogo I.V. D'yakonova, L.V. Razumovskoj, redaktor-sostavitel' I.A. Nastenko [Adam of Bremen, Helmold of Bosau, Arnold of Lübeck. Slavic chronicles / The translation with Latin I.V. Dyakonov, L.V. Razumovskaya, editor originator I.A. Nastenko], Moscow, 2011 [in Russian].

Sverdlov 2017 – Sverdlov M.B. Latinoyazychnye istochniki po istorii Drevnej Rusi IX-XIII vv. Germaniya. «Pravda Russkaya». Istoriya teksta. Izbrannye stat'i [Latinoyazychny sources on stories of Ancient Russia of the 9-13th centuries Germany. «Truth the Russian». Text history. Chosen articles], St. Petersburg, 2017 [in Russian].

Tacit 2003 – Publij Kornelij Tacit. O proiskhozhdenii germancev i mestopolozhenii Germanii / Perevod s latinskogo A.S. Bobovicha [About an origin of Germans and location the Germany / Translation from Latin A.S. Bobovich], in: Publij Kornelij Tacit. Annaly. Malye proizvedeniya. Istoriya [Annals. Small works. History], Moscow, 2003 [in Russian].

Tarasov 2010 – Tarasov V.V. «Rosskie» nazvaniya dneprovskih porogov i toponimika Yugo-Vostochnoj Baltii [Rosskiye of the name of the Dnieper thresholds and toponymics of the Southeast Baltic], in: Vestnik Baltijskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta [Bulletin of the Baltic federal university of I. Kant], 2010, № 12 [in Russian].

Timofeev 1999 – Timofeev V.P. A vse-taki «Lyudota koval»»! (Nazvanie dneprovskih porogov – vozvrashchenie k staroj probleme) [Nevertheless «Lyudota is a smith»! (The name of the Dnieper thresholds – return to an old problem)], in: Sbornik Russkogo istoricheskogo obshchestva. T. 1 (149) [Collection of the Russian historical society. Volume 1 (149)], Moscow, 1999 [in Russian].

Tompson 2003 – Tompson E.A. Rim i varvary. Padenie Zapadnoj imperii [Rome and barbarians. Falling of the Western empire], St. Petersburg, 2003 [in Russian].

Vasil'evskij 1888 – Vasil'evskij V.G. Drevnyaya torgovlya Kieva s Regensburgom [Ancient trade of Kiev with Regensburg], in: Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya. 1888. Ch. CCLVII. Iyul' [Magazine of the Ministry of national education. 1888. Part CCLVII. July], St. Petersburg, 1888 [in Russian].

Vel'tman 1868 – Vel'tman A.F. Dneprovskie porogi po Konstantinu Bagryanorodnomu [The Dnieper thresholds according to Konstantin Bagryanorodny], in: Chteniya v Imperatorskom obshchestve istorii i drevnostej rossijskih pri Moskovskom Universitete. 1868. Kn. 2. Aprel'-Iyun' [Readings in Imperial society of history and antiquities Russian at the Moscow University. 1868. Book 2. April-June], Moscow, 1868 [in Russian].

Zhih 2018 – Zhih M.I. O sootnoshenii «Novgorodskoj» i «Ladozhskoj» versij skazaniya o prizvanii varyagov v nachal'nom russkom letopisanii [About a ratio of the «Novgorod» and «Ladoga» versions of the legend on calling of Varangians in initial Russian annals], in: Vestnik «Al'yans-Arheo». 2018. Vyp. 24 [Messenger «Alliance-Arkheo». 2018. Release 24] [in Russian].

Анисимов Константин Александрович
– Учитель истории Центра образования № 23 (Тула, Россия).
Konstantin Anisimov – Teacher of history of the Center of education № 23 (Tula, Russia).

E-mail: anisimov.cos@yandex.ru

Рогожин Александр Николаевич
– Независимый исследователь (Нижний Новгород, Россия).
Alexander Rogozhin – Independent researcher (Nizhny Novgorod, Russia).

E-mail: roan11@mail.ru

ЦЕРКОВНОЕ ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО КАЗАНСКОЙ ЕПАРХИИ[1]

А.Р. Нуретдинова[1], А.В. Губайдуллина[2]
[1]Казанский (Приволжский) федеральный университет
Россия, 420008, г. Казань, ул. Кремлёвская, 18
e-mail: alsu.nuretdinova@rambler.ru
SPIN-код: 7962-2393
[2]Национальный музей Республики Татарстан
Россия, 420111, г. Казань, ул. Кремлёвская, 2
e-mail: antonina.gubaidullina@mail.ru

АВТОРСКОЕ РЕЗЮМЕ
В статье рассматривается деятельность одного из научных обществ начала XX в., целью которого являлось изучение историко-археологической старины – Церковное историко-археологическое Общество при Казанской епархии. Общество, периодически собираясь в Архиерейском доме, обсуждало разные церковные историко-археологические вопросы, его члены читали и обсуждали доклады, печатные издания и статьи, консультировали и делали историко-культурные экспертизы. Кроме того, при нем существовала обширная библиотека и музей (древлехранилище). Историко-археологические коллекции были получены в начале XX в. в результате пожертвований, дарения и закупок. Большая часть этих коллекций была представлена христианскими предметами Нового и Новейшего времени. Кроме того, в Древлехранилище Общества попали предметы библейской археологии. В статье рассматривается история пополнения музейного фонда Общества и его судьба.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: археология, Казань, Архиерейский дом, церковное историко-археологическое общество, Казанская епархия.

CHURCH HISTORICAL-ARCHAEOLOGICAL SOCIETY OF KAZAN EPARCHY

Alsou Nuretdinova[1], Antonina Gubaidullina[2]
[1] Kazan (Volga Region) Federal University
19 The Kremlyovskaya Street, Kazan, 420008, Russia
e-mail: alsu.nuretdinova@rambler.ru
[2] National Museum of the Republic of Tatarstan
2 The Kremlyovskaya Street, Kazan, 420111, Russia
e-mail: antonina.gubaidullina@mail.ru

ABSTRACT
The article considers one of the scientific societies that were active in the beginning of the 20th century – the Church Historical-Archaeological Society under the Kazan Eparchy, the purpose of which was to study historical-archaeological antiquities. The members of the society, occasionally meeting in the Archbishop's house, discussed various ecclesiastical historical-archaeological issues, read and discussed reports, print media and articles, consulted and performed historical-cultural examinations. In addition, the society maintained an extensive library and museum (repository of antiquities). Historical-archaeological collections were gathered from donations, gifts and purchases made at the beginning of the 20th century. These collections mostly consisted of Christian items of the Modern and Contemporary periods, though there were also a few artifacts of biblical archeology. The article reviews history of replenishment of the museum's collections and their fate.

KEYWORDS: archaeology, Kazan, Archbishop's house, Church Historical-Archeological Society, Kazan Eparchy

В конце XIX – начале XX вв. Казань являлась крупным научным центром, а Императорский Казанский университет, являясь ведущим центром изучения восточных языков и востоковедения, сосредоточил в себе лучшие умы ученого сообщества региона. Всем хорошо известно, что при университете существовало два Общества, занимающихся изучением истории местного края и соседних регионов: Общество археологии, истории и этнографии (1878-1931 гг.) (Сидорова 2014: 22–23) и Общество естествоиспытателей (1869-1966 гг.) (Гаранин 2004:

1 Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, Проект №16-31-01055-ОГОН «История развития археологии в Казанском крае (начало XIX-1930-е гг.) по археологическим музейным собраниям».

10), коллекции которых составляют основу музеев Казанского федерального университета и Национального музея РТ. Однако, в начале XX века, существовало еще одно учреждение, целью которого была охрана и изучение церковных памятников старины – Церковное историко-археологическое Общество при Казанской епархии.

Расцвет церковно-археологических обществ в Российской империи приходится на вторую половину XIX в. Еще московский митрополит Филарет составил проект мероприятий по охране церковных памятников (Косых 2009: 121). Первое общество появилось в 1873 г. в Подольске при Киевской духовной академии (Косых 2009: 122), а к 1909 г. их было уже 18.

Согласно Уставу Общества главной его целью являлось «изучение церковно-религиозной жизни в пределах Казанской епархии в ее прошлом и настоящем, обследование охранение и собирание памятников местной церковной древности и истории» (Устав 1906: 1), а задачи сводились к:

«а) приведение в известность и описывание архивов, церквей, монастырей и других епархиальных учреждений;

б) изучение местных религиозных обычаев, преданий, церковных обрядов;

в) наблюдение за сохранностью старинных храмов, часовен, вообще старинных церковных сооружений, кладбищ, старинной церковной утвари, письменных документов и т.п.;

г) историческое обследование внешнего и внутреннего развития местной церковно-религиозной жизни, возникновения раскола и сектантства, а также местных язычества и магометанства в их отношениях к христианству;

д) распространение в Обществе и по преимуществу среди духовенства церковных историко-археологических сведений, сообщение духовенству полезных сведений по составлению приходских церковных летописей и церковных описей;

е) устройство церковного древлехранилища для сосредоточения и хранения письменных и вещественных памятников церковной древности края, археологических выставок и публичных чтений;

ж) печатание материалов и научных исследований по церковной истории и археологии Казанского края» (Устав 1906: 1).

Состав Общества. Согласно Уставу Общества оно «находится под покровительством и почетным председательством епархиального архиерея». Покровителем и почетным председателем Общества в разные годы были: архиепископы Димитрий (Самбикин) (1907-1908), Никанор (Каменский) (1908-1910), Иаков (Пятницкий) (1910-1918). Кроме того, Общество состояло из председателя и членов: 1) почетных, 2) действительных и 3) членов-сотрудников. Председателем Общества назначался местный викарий по назначению архиепископа. Ими были епископы Алексий (Дородницын) (1907-1911)[1], Анастасий (Александров) (1912-1914)[2], Анатолий (Грисюк) (1914-1917)[3]. Согласно § 10 Устава Общества: «в почетные члены избираются лица по своему положению могущие содействовать целям Общества, и лица, оказавшие особые заслуги Обществу своими денежными или вещественными пожертвованиями, или известными своими учеными трудами по церковной истории и археологии» (Устав 1906: 2-3). При этом Председатель ОАИЭ считался почетным членом ЦИАО. Действительные члены избирались Обществом из круга лиц, известных своими трудами и знаниями местной археологии. Кроме того, некоторые церковные чины считались действительными членами Общества по должности. В члены-сотрудники принимались лица-дарители и лица, предоставившие нужные ему сведения (Устав 1906: 3).

Состав Общества к 1 сентября 1908 г. выглядел следующим образом: покровитель и почетный председатель – Никанор[4], председатель Общества, архиепископ Казанский и Свияжский – Алексий, Епископ Чистопольский, ректор Казанской духовной академии, 4 почетных и 132 действительных члена. Многие члены Общества являлись также членами ОАИЭ при Казанском университете (Отчет 1908: 4-5). На открытии Общества 15 октября 1906 г. от ОАИЭ явилась целая делегация во главе с Председателем профессором Н.Ф. Катановым[5], которая пожелала ему процветания и подарила издания ОАИЭ и труды IV Археологического съезда (Открытие 1907: 17-18).

Кроме того, согласно Уставу Общества был образован Совет из 9-ти человек для составления годичных отчетов и заведывания текущими делами и денежными вопросами: председатель, его товарищ, три члена, секретарь, казначей, библиотекарь и заведующий древлехранилищем, избираемые на трехлетний срок (Устав 1906: 4). На открытии Общества был избран Совет в лице Председателя Совета – епископа Алексия, епископа Чистопольского; товарищем Председателя был избран профессор Духовной академии В.А. Нарбеков, в члены Совета были избраны кафедральный протоие-

1 Архиепископ Алексий (в миру Алексей Васильевич Молчанов; 1853-1914) – епископ Русской Православной Церкви, духовный писатель, проповедник, автор статей по богословским вопросам.

2 Епископ Анаста́сий (в миру Александр Иванович Александров; 1861-1918) – учёный-славист. В 1879 г. окончил Первую казанскую гимназию. В 1883 г. окончил историко-филологический факультет Казанского университета. Ученик известных филологов И.А. Бодуэна де Куртенэ и Н.В. Крушевского; профессор Казанского университета. В июле 1910 г. был пострижен в монашество, возведён в сан иеродиакона и иеромонаха. 15 февраля 1912 г. назначен ректором Казанской духовной академии. Далее – епископ Русской Православной Церкви, епископ Ямбургский, викарий Санкт-Петербургской епархии.

3 Митрополит Анатолий (в миру Андрей Григорьевич Грисюк; 1880-1938) – епископ Русской Православной Церкви; с 1928 г. архиепископ (с 1932 г. митрополит) Одесский и Херсонский; историк церкви.

4 Архиепископ Никанор (в миру Никифор Тимофеевич Каменский; 1847-1910) – епископ Русской Православной Церкви, архиепископ Казанский и Свияжский, богослов, археограф.

5 Николай Фёдорович Катанов (1862-1922) – российский тюрколог, профессор Императорского Казанского университета и Казанской духовной академии, доктор сравнительного языкознания, этнограф, фольклорист, общественный деятель. Считается первым хакасским учёным.

рей А.П. Яблоков[6], который с 1910 г. был библиотекарем и заведующим древлехранилищем (Руденко 2013: 74), профессор А.И. Александров[7], профессор И.М. Покровский[8], преподаватель Семинарии К.В. Харлампович[9], заслуженный профессор Академии П.В. Знаменский[10], профессор Н.Ф. Катанов и секретарь при архиепископе – Н.А. Ипатов[11] (Открытие 1907: 19).

могильной плите 1-й половины XVI в. (Отчет 1917: 8), И.М. Покровским – о бывшем с 1 по 12 августа 1908 г. в г. Чернигове XIV Всероссийском Археологическом съезде (Отчет 1909: 8) и сообщение об археологическом значении Вознесенского храма Седмиозерной пустыни, построенного в XVII столетии (Отчет 1914: 3), профессором К.В. Харламповичем – доклады ко-

	Почетные	Действительные члены, члены-сотрудники и члены по должности	Члены-учредители	Итого
1907-1908гг. (2-й год существования)	4	132		136
1908-1909гг. (3-й год существования)	6	136		142
1909-1910 гг. (4-й год существования)	9	144		153
1915 г.	20	128	9	157
1916 г.	28	184	9	217

Таблица 1. Состав и численность Общества

Место и время заседаний. Местом проведения заседаний Общества являлись покои Его Высокопреосвященства в Архиерейском доме. Несколько собраний было у Преосвященного Председателя Общества – в Духовной академии (Отчет 1908: 6). Согласно Уставу Общества общие собрания бываю ежегодные и ежемесячные. На деле количество заседаний варьировалось от 4 до 10 в год (Таблица 2).

Деятельность Общества. На заседаниях Общества обсуждались разные церковные историко-археологические вопросы, читались и обсуждались доклады, печатные издания и статьи, молитвенно чтили память о скончавшихся членах Общества, избирались новые члены и т.д.

Были прочитаны следующие доклады: 27 августа 1908 г. Высокопреосвященным архиепископом Никанором – «Краткий очерк истории Казанского края до возникновения Казани», 4 марта 1908 г. А.И. Александровым – «О хранящихся в Архиве Казанской духовной консистории древних богослужебных книгах и священных предметах» (Отчет 1908: 7), архиепископом Никанором 2 сентября 1908 г. – «Покорение Казани», 16 декабря 1908 г. – «Памятники христианского Херсонеса» (Отчет 1909: 6), Н.Ф. Катановым 17 марта 1909 г. о пожертвованных в Общество священником села Вознесенского Казанского уезда Ф.А. Ставропольским 3 серебряных и 1 медной древних монетах, с арабскими надписями (Отчет 1909: 8) и о татарской

6 Андрей Поликарпович Яблоков (1854-?) – духовный писатель, протоиерей в Казани.
7 См. епископ Анастасий.
8 Иван Михайлович Покровский (1865-1941), доктор церковной истории, ординарный профессор кафедры истории Русской Церкви Казанской духовной академии.
9 Константин Васильевич Харлампович (1870-1932) – российский и советский историк церкви, историк просвещения, богослов.
10 Пётр Васильевич Знаменский (1836-1917) – российский историк, специалист по истории Русской церкви, член Совета и товарищ (заместитель) председателя Совета Казанского отдела Русского собрания.
11 Епископ Николай (в миру Николай Александрович Ипатов; 1878-1938) – епископ Русской Православной Церкви, епископ Ижевский и Воткинский. В течение ряда лет состоял личным секретарем при Казанских епархиальных архиереях.

миссии по описанию археологических достопримечательностей церквей гор. Казани: Грузинской и Духосошественской (Отчет 1910: 3), историко-археологический очерк о Троицкой церкви г. Казани (Отчет 1911: 2), профессором Е.Я. Полянским – «Краткий исторический обзор исследования Палестины и еврейских древностей» (Отчет 1911: 3), «Историко-археологическое исследование о месте претория Пилата» (Отчет 1912: 2), приват-доцентом ИКУ С.П. Сингалевичем 16 ноября 1915 г. – «Из церковной старины г. Цивильска» (Отчет 1916: 7), протоиереем А.П. Яблоковым – «Путевой образок», пожертвованный Обществу Д.И. Образцовым (Отчет 1916: 10), студентом университета В.Ф. Смолиным «Следы христианской колонии в Волжской Булгарии» (Отчет 1917: 15) и т.д.

Зачитывались статьи и рукописи близкие по тематике деятельности Общества, например, о жизни и деяниях какого-либо священнослужителя, речи, произнесенные на памятных мероприятиях (церковных торжествах), об архитектуре или росписи какого-то храма и пр. (Отчет 1908: 8). Члены Общества могли печатать свои статьи в «Известиях по Казанской епархии» и «Православный собеседник». Обменивались литературой с другими научными, образовательными и духовными учреждениями.

В круг деятельности Общества входил осмотр и составление экспертных заключений об исторической ценности памятников. Например, икон, присланных Управлением земледелия и государственных имуществ Казанской губернии (Церковное 1907: 13). Также в Общество обратилось приходское попечительство Макарьевской церкви г. Казани с ходатайством о разрешении построить новый каменный храм, вместо существовавшего старого (Церковное 1907: 15). Специально избранная Обществом Комиссия осматривала церковные памятники старинной архитектуры, списывалась с Императорским Археологическим Обществом, которое в свою очередь ходатайствовало перед Святым Синодом о принятии мер археологического и материального характера (Отчет 1916: 5). Выработан план изучения архивов:

– местные (Казанской духовной консистории, Губернского правления, Окружного суда, Академии, церковных, волостных и монастырских архивов), на разбор которых привлечены профессоры и преподаватели Казанской Академии и Духовной Семинарии (Отчет 1916: 5);

– сельские поручены настоятелям сельских храмов под руководством Общества. Им предоставлялись специальные программы с указаниями и разъяснениями (Отчет 1916: 5-6).

В Казанской губернии созданию Церковного историко-археологического общества предшествовал ряд событий: еще в 1868 г. молодые ученые Казанской духовной академии профессор П.В. Знаменский, бакалавры Е.А. Малов и Н.И. Ивановский выступили с инициативой составления историко-статистического описания церквей и приходов Казанской епархии. Однако, работа началась лишь через три десятилетия: в первом номере «Известий по Казанской епархии» за 1899 г. была напечатана анкета описания храмов и приходов Казанской епархии (Троепольская 2015: 228). Из запланированных 14 выпусков «Историко-статистическое описание церквей и приходов Казанской епархии» в 1904 г. вышел лишь один выпуск VI «Город Мамадыш и Мамадышский уезд» (Троепольская 2015: 231-232) под редакторском И.М. Покровского. Положительную рецензию «Описанию» дало ОАИЭ (ИОАИЭ). Однако, из-за сокращения финансирования и занятости И.М. Покровского работа над изданием следующих выпусков была прекращена (Троепольская 2015: 234).

первые очерки по Казанскому уезду под редакторством К.В. Харламповича и Н.В. Никольского[12], которые были частично опубликованы в «Известиях по Казанской епархии» (Историко-статистическое описание 1916-1916л). К сожалению, из-за дальнейшей политической ситуации в стране все работы над изданием были прекращены, журнал «Известия по Казанской епархии» был закрыт, а все собранные материалы утеряны (Троепольская 2015: 238).

Учреждения Общества. «Для сосредоточения и сохранения собираемых Обществом памятников церковной археологии и истории» образовали Древлехранилище. При этом на перспективу обговаривалось, что при нем могут быть открыты: «1) архив для содержания в нем письменных памятников церковной старины и 2) библиотеки историко-археологических сочинений» (Устав 1906: 5). В Древлехранилище могли поступать следующие памятники церковной старины: а) письменные памятники религиозного содержания, б) памятники церковной архитектуры, в) памятники церковной живописи и скульптуры, г) предметы церковно-богослужебного характера, д) другие памятники религиозного быта Казанского края (Устав 1906: 5). Кроме того, в § 28 Устава Общества обговаривалось, что при Древлехранилище должна вестись подробная опись вещей за подписью председателя (Устав 1906: 6).

Библиотека и Древлехранилище Общества располагались в Архиерейском доме, а с 1910 г. в отдельном каменном здании на дворе Архиерейского дома. Это певческое здание специально было отремонтировано и передано Обществу Высокопреосвященным Никанором.

Годы существования Общества	Древлехранилище, единиц	Библиотека, единиц
1906-1907 гг. (2-й год существования)	41	
1907-1908 гг. (2-й год существования)	12	142 (138 – книги и брошюры, 4 – рукописи)
1908-1909 гг. (3-й год существования)	477 (58 – разные церковные и богослужебные предметы, 373 – монеты, 46 – картины церковно-библейского характера, предметы Св.Земли и портреты казанских церковных деятелей)	142 (81 – книги и брошюры, 11 – рукописи)
1909-1910 гг. (4-й год существования)	150 (иконы, кресты, Св. сосуды и др.)+13 картин церковного характера и портреты церковных деятелей	375 (335 – книги и брошюры, 40 – рукописи)
1910-1911 гг. (5-й год существования)	-[2]	20
1911-1912 гг. (6-й год существования)	-	до 20 названий
1912-1913 гг. (7-й год существования)	16 (13 – медные складни и имитация древней лампады, 2 – фотографии, 1 – монета)	10
1915 г.	7	44
1916 г.[3]	51	122+

1 Нет общего количества.
2 К 1 января 1916 г. в Древлехранилище числилось 504 предмета (Отчет 1916: 27).

Таблица 3. Количество и динамика поступлений в Древлехранилище и библиотеку Общества.

В 1908 г. Церковное историко-археологическое общество Казанской епархии выразило намерение продолжить работу над изданием «Историко-статистическое описание церквей и приходов Казанской епархии». И лишь к началу 1916 г. к печати были подготовлены

12 Николай Васильевич Никольский (1878-1961) – доктор исторических наук, профессор Казанского университета, Восточного педагогического института, Марийского педагогического института.

На обновление строения из личных средств Его Высокопреосвященства было пожертвовано 300 руб. Общество получило большие и светлые помещения; для обеспечения сохранности предметов Древлехранилища к окнам были вставлены железные решетки и по южной и северной стороне устроены хоры. Однако, помещения были сырыми и холодными, хотя возможность отапливать их была (Отчет 1916: 10, 26). 5-го апреля 1909 г. здание было торжественно освящено, а затем сюда были перенесены библиотека и Древлехранилище, ранее располагающиеся в кельях Его Высокопреосвященства. Кроме того, Высокопреосвященный Никанор предложил Совету Общества перенести в Древлехранилище древние церковные предметы из загородного Архиерейского дома. Советом Общества были командированы в городской Архиерейский дом члены Совета протоиерей Яблоков и профессор Университета А.И. Александров, которые отобрали наиболее ценные в археологическом отношении вещи (Отчет 1916: 26). Из загородного Архиерейского дома в Древлехранилище поступили иконы XVII и XVIII вв., напрестольные кресты и Евангелия. Более подробный список поступлений представлен в Приложении 1.

Таким образом, к 1917 г. к Древлехранилище хранилось более 500 музейных предметов. Последний отчет о деятельности Общества (за 1916 г.) вышел в 1917 г. Далее о деятельности Общества нет информации. Однако, нам известно, что хранитель Древлехранилища Общества, являвшийся также по совместительству хранителем ризницы Благовещенского собора протоиерей А. Яблоков ушел из Казани вместе с другими представителями казанского духовенства накануне захвата города войсками Красной армии в сентябре 1918 г. (Степанов 2014: 282; Степанов 2016: 248). Если о ризнице Благовещенского собора сохранилась хоть какая-то информация: что-то было конфисковано и передано в Казанский городской научно-промышленный музей (ныне Национальный музей РТ), но в большая часть хранится в Музее истории Благовещенского собора (Степанов 2014; Степанов 2014а), то судьба коллекций Общества остается неизвестной. Они не попали ни в Музей истории Благовещенского собора, ни в Казанский городской научно-промышленный музей. «Часть предметов и библиотеки вероятно погибла» (Руденко 2013: 95).

ПРИЛОЖЕНИЕ 1.

1908/1909 гг.

58 – разные церковные и богослужебные предметы: каменная плита из Харитоновой пустыни близ Иерусалима, древние светильники, несколько монет из Палестины, оссуарий каменный, найденный при раскопках при постройке храма св. Марии Магдалины в Иерусалиме, сосуды палестинские, мозаика из Палестины, мозаика из Рима – привезены из Палестины доцентом Казанской духовной академии Е.Я. Полянским; 46 – картины церковно-библейского характера, предметы Св. Земли и портреты казанских церковных деятелей, 372 – монеты (Отчет 1909: 11-12).

1909/1910 гг.

150 – иконы, кресты, святые сосуды и другие церковно-богослужебные предметы, из них 55 – металлические образки и крестики от Н.Ф. Высоцкого, от него же – оловянные потир и дискос (Отчет 1910: 4).

1910/1911 гг.

В музей поступили:

– от Кафедрального собора: 1) 3 напрестольных креста[13], 2) 5 древних митрополичьих белых клобуков [14], 3) седло деревянное, употреблявшееся Казанскими Митрополитами и архиепископами при совершении ими обряда шествия на осляти в неделю Вия, 4) две иконы с изображениями ветхозаветного жертвоприношения, 5) коллекция антиминсов[15] XVI и XVII веков, 6) кресло, на котором изволила сидеть Екатерина II при посещении Митрополита Казанского Вениамина в бытность свою в Казани;

от Николо-Ляпуновской церкви: две иконы с резными на слоновой кости изображениями Благовещения и Св. Великомученика Георгия Победоносца;

– от директора учительской Ташкентской семинарии Н.П. Остроумова: обломки украшений Самаркандских древностей Тамерлановой эпохи;

– от преосвященного Михаила несколько монет;

– от Н.Ф. Катанова снимки икон Казанского Городского музея (Отчет 1911: 3-4).

1911/1912 гг.

Древлехранилище пополнилось:

– образками и крестиками – от почётного члена Общества Д.И. Образцова;

– серебряной монетой с изображением на одной стороне Спасителя с поднятыми благословляющими двуперстно руками, а на другой – Свв. Константин и Елена и между ними крест надпись на Спасителем «Ic. – X» (Отчет 1912: 3).

1912/1913 гг.

В музей было пожертвовано:

– 12 медных складней со священными изображениями и имитация древней лампады, употреблявшийся в катакомбах – от почётного члена Общества Д.И. Образцова;

– 2 фотоснимка с гальванического слепка рубля Емельяна Пугачева – от директора коммерческого женского училища в г. Луганске Екатеринославской губернии;

– юбилейный рубль, отчеканенный в 1913 г. в память трехсотлетия Царствования Дома Романовых от г. Воскресенского (Отчет 1913: 4).

1915 г.

В Древлехранилище поступило:

– маленький путевой медный образок XVII в. с изображением на нем Ветхозаветной Троицы – от почётного члена Общества Д.И. Образцова;

13 Алтарный крест, распятие, хранящееся на престоле в алтаре храма.

14 Высокий монашеской головной убор с покрывалом.

15 Четырёхугольный, из шёлковой или льняной материи плат со вшитой в него частицей мощей какого-либо православного мученика, лежащий в алтаре на престоле; является необходимой принадлежностью для совершения полной литургии. Одновременно он является также и документом, разрешающим совершение литургии.

– серебряно-вызолоченные потир[16], дискос[17], два блюдца, звездица[18] и лжица[19], на которых имеется пробное клеймо с изображением св. Георгия Победоносца и дата: 1787 г. из церкви с. Иккова Чебоксарского уезда. Эти сосуды даны на время до востребования (Отчет 1916: 14).

1916 г.

По предложению Архиепископа Никанора в Древлехранилище из городского Архиерейского дома и загородной дачи поступили следующие древности: иконы XVII и XVIII вв., напрестольные кресты и Евангелия XVII и XVIII вв., оловянные напрестольные сосуды и разная церковная металлическая утварь и другие предметы (Отчет 1917: 26). «Весьма ценная жертва поступила в Древлехранилище от почетных членов Общества – профессоров Университета Н.Ф. Высоцкого и Д.И. Образцова; ими пожертвованы большие коллекции предметов церковной старины, главным образом, литейного искусства – металлических крестов, образков, складней, в составе этих предметов были оловянный потир, напрестольный крест и ковш для теплоты; последние два предмета украшены разноцветной узорчатой эмалью» (Отчет 1917: 26-27).

Всего в Древлехранилище к отчетному году – к 1 января 1916 г. – было 504 номеров предметов (Отчет 1917: 27). В отчетном году следующие предметы:

1) «Образок желтомедный – Покрова Пресвятой Богородицы в такой композиции: трехглавый храм; внутри его Богоматерь с омофором в руках стоит на облаках; выше ее Иисус Христос, а по другую сторону лики ангелов, пророков и апостолов. Среди храма на особом амвоне стоит Св. Роман Сладкопевец в стихаре и ораре с хартией в правой руке; по правую сторону его патриарх Геннадий в саккосе и омофоре, за ним фигура императора Льва VI Мудрого, а выше под балдахином царица – супруга Льва VI. По левую сторону Св. Романа Св. Андрей Юродивый указует своему ученику Епифанию, стоящему рядом с ним, на Божью Матерь. Верх иконки имеет вид короны, украшенной кругом херувимами. На короне изображена Св. Троица новозаветная. Вокруг иконы вырезана надпись, которая на нижней стороне иконы читается с трудом вследствие того, что мастер неумело вырезал буквы: они поставлены в обратном виде.

2) Складень триптих желто-медный; на средней доке изображена Божья Матерь, вверху в облаках Спаситель; на двух сторонах изображены праздники.

3) Складень-тетраптих. Верх складня отлит в виде кокошников на храмах московской архитектуры. В этой верхней части складня изображены: Распятие с предстоящими, Троица новозаветная, Воздвижение Креста Господня и Похвала Богоматери. На трех дисках изображены 12 праздников; на четвертом диске имеются изображения: Свв. Преподобные Александр и Кирилл Белозерский с иконой Белозерской Божьей матери, Свв. Преподобные Антоний и Феодосий Печерские с Печерскою иконою Богоматери, Препод. Блаженные Максим и Василий Московские чудотворцы с Владимирской иконой Богоматери, Свв. Преподобный Антоний Римлянин и свят. Леонтий Ростовский с Новгородской иконой Знамения Божьей матери. Верхняя диска складня отлита с изящным орнаментом; на ней в красивом медальоне изображен восьмиконечный крест с копьем и тростью, Голгофой и адамовой головой; вид города Иерусалима с башнями; надпись: царь славы Ис. Хс. Сын Божий на-ка К.Т.М.Л.Р.Б.Г.Г. Над крестом слова: кресту Твоему покланяемся владыко и святое воскресение Твое славим».

4) Крест осьмиконечный киотный, отлитый из желтой меди; на нем изображено распятие Господня с тростью и копьем, Голгофой и адамовой головой; вверху Господь Саваоф, Дух святой в виде голубя и парящие ангелы. Надписи: Господь Саваоф, Ангелы Господни, Царь Славы I, Н. Ц. И. Сын Божий IC-XC. Кресту Твоему покланяемся Владыко и святое воскресение Твое славим. К.Т.М.Л.Р.Б.Г.Г.Г.А.

5) Крест осьмиконечный вылит из желтой меди; украшен выемчатой эмалью – синею и голубою. В середине – распятие Господня и надписи. Выше распятия изображены: Господь Саваоф, Дух святой в виде голубя и приникающие ангелы. Особенность этого креста та, что к нему приделаны две боковые пластинки, на которых помещены изображения – Богоматери, Марии, апостола Иоанна Богослова и сотника Логгина; кроме того, очень красиво отработана верхняя часть креста в виде короны, составленной из пяти иконок праздников – Сретения Господня, вход в Иерусалим, Воскресения, Вознесения и Троицы, и фигур херувимов. На оборотной стороне креста вырезано: «Крест Хранитель всей вселенной крест красота церковная, крест царем держава, крест верным утверждение, крест ангелам слава, крест бесом язва».

Все эти предметы пожертвованы в Древлехранилище Свияжским Иоанно-Предтеченским женским монастырем.

6) Медная иконка с изображением Божией Матери с Богомладенцем на ее руках; кругом иконки надпись: «все упование возлагаю мати Божия сохрани… мя… во своем си кров; верхний угол иконки отломан.

7) Иконка желто-медная с изображением Казанской Божьей Матери.

8) Желто-медный образ Божией Матери всех скорбящих радости.

9) Шесть желто-медных образков святителя и чудотворца Николая с благословляющей рукой двуперстно.

10) Две жёлто-медные иконки св. Николая с предстоящими.

11) Четыре медные створки от складней: одна покрыта выемчатой голубой эмалью; на трех створках изображены праздники.

12) Желто-медный складень-триптих с изображением на центральном диске Божией Матери всех скорбя-

16 Чаша на высокой ножке для освящения вина и принятия причастия.

17 Небольшое круглое металлическое блюдо на подножии с изображением младенца Иисуса. Согласно литургическим толкованиям дискос символически изображает Вифлеемские ясли, а также гроб, в котором было погребено тело Иисуса Христа.

18 Две металлические крестообразно соединенные дуги. Она ставится на дискос для предохранения от смешения частиц при покрытии покровами. Символически изображает Вифлеемскую звезду.

19 Небольшая ложка с крестом в конце рукояти, употребляется для преподания Причастия из чаши (потира) мирянам.

щих радости, – на левой створке – Архангела Гавриила, Ап. Павла, свв. Григория, Дмитрия, Афанасия и Василия; правая створка утеряна.

13) Три медных небольших 8-конечных креста с изображением распятия Господня; у одного креста-верхняя часть отломана.

14) Медный восьмиконечный крест с изображением распятия Господа; над распятием изображены приникающие ангелы, Дух святый в виде голубя и Господь Саваоф; к большой балке креста прикреплены два херувима, крылья которых соединяются с верхней поперечной балкой. Надписи на кресте: Іс. Хс. Царь Славы І. Н. Ц. И. Распятие Господа нашего Іисуса Христа. Кресту твоему покланяемся владыко… На обороте надпись: крест хранитель всей вселенной…

15) Медный образ с изображением Нерукотворенного Спаса, Владимирской Божией Матери, Знамения Богоматери и св. мученицы Улиты с Кириком. Иконка помятая.

16) Медная иконка Божией Матери млекопитательницы в киотке деревянной.

17) Иконописный образ св. Николая с благославляющей правою рукою двуперстно, а в левой держащей раскрытое Евангелие, где начертаны слова. «Вовремя оно ста Іисус на месте равне и народ у …». Размер 4×2 1/2 вер.

18) Живописное изображение Божией Матери с Богомладенцемпо-видимому, Ченстоховской. Размер иконы 6×4 верш.

19) Дарохранительница оловянная, местами позолоченная, в виде храма в два яруса. Нижний ярус дарохранительницы четырехугольный с отворяющейся наружу дверкой и с двумя отделениями наверху; по углам прикреплены четыре литые фигуры евангелистов.

Верхний ярус представляет собой синь над ковчежцем, находящимся внутри, с тоники литыми колечками, которые вверху соединяются полуциркульными дугами с изображением на них коронок; по углам верхнего яруса четыре ангела с рипидами; на крышке ковчежца изображение Спасителя, лежащего в гробу; позади ковчежца три литые фигуры –Божией Матери и Жен Мироносиу; над ковчежцем прикреплен металлический круг с сиянием, в середине которого треугольник с надписью: «Бог». Дарохранительница увенчивается крестом с литым распятием.

Дарохранительница – из церкви села Савинова Казанского уезда.

20) Красномедная тарелочка, бывшая в употреблении в церкви села Пихтулина Космодемьянского уезда. На внешней стороне тарелки имеется фабричное клеймо с такой арабской надписью: «Хусаин сын Ибрагима».

21) Фотоснимок с арабской надписи на каменной мухаммеданской плите, найденной в Кафедральном соборе под полом при прокладке там тепловых печных труб от Н.Ф. Катанова.

22) Рукописный сборник проповедей, сказанных в разных церквах города Казани 1805-1819 гг. 2 кн.

23) Пять серебряных монет; 3 монеты по 1 рублю: 1) с изображением императора Петра III, 2) 1811 г. и 3) 1831 г. Одна монета – 50 коп. 1814 г. и одна монета – 30 коп. 1836 г. Восемь медных монет разных достоинств – 5 коп. 1781 г.» (Отчет 1917: 27-32).

ЛИТЕРАТУРА

Историко-статистическое 1916 – Историко-статистическое описание церквей и приходов Казанской епархии. Выпуск III. Казанский уезд // Известия по Казанской епархии. 1916. № 3-4. 15-22 января. Приложение. С. 1-16.

Историко-статистическое 1916а – Историко-статистическое описание церквей и приходов Казанской епархии. Выпуск III. Казанский уезд // Известия по Казанской епархии. 1916. № 7-8. 15-22 февраля. Приложение. С. 17-32.

Историко-статистическое 1916б – Историко-статистическое описание церквей и приходов Казанской епархии. Выпуск III. Казанский уезд // Известия по Казанской епархии. 1916. № 11-12. 15-22 марта. Приложение. С. 33-48.

Историко-статистическое 1916в – Историко-статистическое описание церквей и приходов Казанской епархии. Выпуск III. Казанский уезд // Известия по Казанской епархии. 1916. № 15-16. 15-22 апреля. Приложение. С. 49-64.

Историко-статистическое 1916г – Историко-статистическое описание церквей и приходов Казанской епархии. Выпуск III. Казанский уезд // Известия по Казанской епархии. 1916. № 19-20. 15-22 мая. Приложение. С. 65-80.

Историко-статистическое 1916д – Историко-статистическое описание церквей и приходов Казанской епархии. Выпуск III. Казанский уезд // Известия по Казанской епархии. 1916. № 23-24. 15-22 июня. Приложение. С. 81-96.

Историко-статистическое 1916е – Историко-статистическое описание церквей и приходов Казанской епархии. Выпуск III. Казанский уезд // Известия по Казанской епархии. 1916. № 29-30. 15-22 августа. Приложение. С. 97-112.

Историко-статистическое 1916ж – Историко-статистическое описание церквей и приходов Казанской епархии. Выпуск III. Казанский уезд // Известия по Казанской епархии. 1916. № 33-34. 1-8 сентября. Приложение. С. 113-128.

Историко-статистическое 1916з – Историко-статистическое описание церквей и приходов Казанской епархии. Выпуск III. Казанский уезд // Известия по Казанской епархии. 1916. № 35-36. 15-22 сентября. Приложение. С. 129-144.

Историко-статистическое 1916и – Историко-статистическое описание церквей и приходов Казанской епархии. Выпуск III. Казанский уезд // Известия по Казанской епархии. 1916. № 43-44. 15-22 ноября. Приложение. С. 145-160.

Историко-статистическое 1916к – Историко-статистическое описание церквей и приходов Казанской епархии. Выпуск III. Казанский уезд // Известия по Казанской епархии. 1916. № 45-46. 1-8 декабря. Приложение. С. 161-176.

Историко-статистическое 1916л – Историко-статистическое описание церквей и приходов Казанской епархии. Выпуск III. Казанский уезд // Известия по Казанской епархии. 1916. № 47-48. 15-22 декабря. Приложение. С. 177-195.

Косых 2009 – Косых В.И. Церковного-Археологические Общества русской православной церкви (конец XIX – начало XX вв.) // Ученые записки Забайкальского государственного университета. Серия: Филология, история, востоковедение. 2009. № 3. С. 121-126.

ОАИЭ – Общество археологии, истории и этнографии.

Отчет 1907 – Открытие Церковно-Археологического Общества Казанской епархии. 15.10.1906. Казань: Центральная типография, 1907. 19 с.

Отчет 1908 – Отчет Церковного Историко-Археологического Общества Казанской епархии за 1907/8 – II год существования Общества. Казань: Центральная Типография, 1908. 12 с.

Отчет 1909 – Отчет Церковного Историко-Археологического Общества Казанской епархии за 1908/9 – III год существования Общества. Казань: Центральная Типография, 1909. 15 с.

Отчет 1910 – Отчет Церковного Историко-Археологического Общества Казанской епархии за 1909/10 – IV год существования Общества. Казань: Центральная Типография, 1910. 5 с.

Отчет 1911 – Отчет Церковного Историко-Археологического Общества Казанской епархии за 1910/11 – V год существования Общества. Казань: Центральная Типография, 1911. 4 с.

Отчет 1912 – Отчет Церковного Историко-Археологического Общества Казанской епархии за 1911/12 – VI год существования Общества. Казань: Центральная Типография, 1912. 4 с.

Отчет 1914 – Отчет Церковного Историко-Археологического Общества Казанской епархии за 1912/13 – VII год существования Общества. Казань: Центральная Типография, 1914. 5 с.

Отчет 1916 – Отчет Церковного Историко-Археологического Общества Казанской епархии за 1915 год – IX год существования Общества. Казань: Центральная Типография, 1916. 31 с.

Отчет 1917 – Отчет Церковного Историко-Археологического Общества Казанской епархии за 1916 год – X год существования Общества. Казань: Центральная Типография, 1917. 48 с.

Руденко 2013 – Руденко К.А. Музеи Церковного историко-археологического общества Казанской епархии в Казанской духовной академии. Очерки по истории музейного дела Татарстана: XIX – первая половина XX века. Казань: Республиканский центр мониторинга качества образования, 2013. 128 с.

Руденко 2014 – Руденко К.А. История археологического изучения Волжской Булгарии (X – начало XIII в.). Казань: Школа, 2014. 768 с.

Сидорова 2015 – Сидорова И.Б. Общество археологии, истории и этнографии и «дело краеведов». 2015 / Электронный ресурс: http://posredi.ru/obshhestvo-arxeologii-istorii-i-etnografii-i-delo-kraevedov.html (дата обращения – 27.11.2018).

Степанов 2014 – Степанов А.Ф. Художественные сокровища ризницы казанского Благовещенского собора: обретенные и утраченные. Часть 1 // Вестник церковной истории. 2014. № 1/2 (33/34). С. 282-320.

Степанов 2014а – Степанов А.Ф. Художественные сокровища ризницы казанского Благовещенского собора: обретенные и утраченные. Часть 2 // Вестник церковной истории. 2014. № 3/4 (35/36). С. 271-303.

Степанов 2016 – Степанов А.Ф. История Казанской епархии в 1918-1924 гг. в свидетельствах современника // Вестник церковной истории. 2016. № 1-2 (41-42). С. 233-298.

Троепольская 2015 – Троепольская О., Троепольская Н. К истории составления и издания сборников «Историко-статистическое описание церквей и приходов» // Эхо веков. 2015. № 3/4. С. 228-238.

Устав 1906 – Устав Церковного Историко-Археологического Общества Казанской епархии. Казань, 1906. 5 с.

Церковное 1907 – Церковное историко-археологическое общество Казанской епархии (Протоколы Общества за первый год его существования). Казань: Казанская типография, 1907. 24 с.

ЦИАО – Церковное историко-археологическое общество.

REFERENCES

Cerkovnoe 1907 – Cerkovnoe istoriko-arheologicheskoe obshchestvo Kazanskoj eparhii (Protokoly Obshchestva za pervyj god ego sushchestvovaniya) [Church historical and archaeological society of the Kazan diocese (Protocols of Society for the first year of its existence)], Kazan, Kazanskaya tipografiya Publ., 1907, 24 p. [in Russian].

CIAO – Cerkovnoe istoriko-arheologicheskoe obshchestvo [Church historical and archaeological society] [in Russian].

Istoriko-statisticheskoe 1916 – Istoriko-statisticheskoe opisanie cerkvej i prihodov Kazanskoj eparhii. Vypusk III. Kazanskij uezd [Historical and statistical description of churches and arrivals of the Kazan diocese. Release of III. Kazan County], in: Izvestiya po Kazanskoj eparhii. 1916. № 3-4. 15-22 yanvarya. Prilozhenie [News on the Kazan diocese. 1916. No. 3-4. January 15-22. Appendix], pp. 1-16 [in Russian].

Istoriko-statisticheskoe 1916a – Istoriko-statisticheskoe opisanie cerkvej i prihodov Kazanskoj eparhii. Vypusk III. Kazanskij uezd [Historical and statistical description of churches and arrivals of the Kazan diocese. Release of III. Kazan County], in: Izvestiya po Kazanskoj eparhii. 1916. № 7-8. 15-22 fevralya. Prilozhenie [News on the Kazan diocese. 1916. No. 7-8. February 15-22. Appendix], pp. 17-32 [in Russian].

Istoriko-statisticheskoe 1916b – Istoriko-statisticheskoe opisanie cerkvej i prihodov Kazanskoj eparhii. Vypusk III. Kazanskij uezd [Historical and statistical description of churches and arrivals of the Kazan diocese. Release of III. Kazan County], in: Izvestiya po Kazanskoj eparhii. 1916. № 11-12. 15-22 marta. Prilozhenie [News on the Kazan diocese. 1916. No. 11-12. March 15-22. Appendix], pp. 33-48 [in Russian].

Istoriko-statisticheskoe 1916d – Istoriko-statisticheskoe opisanie cerkvej i prihodov Kazanskoj eparhii. Vypusk III. Kazanskij uezd [Historical and statistical description of churches and arrivals of the Kazan diocese. Release of III. Kazan County], in: Izvestiya po Kazanskoj eparhii. 1916. № 23-24. 15-22 iyunya. Prilozhenie [News on the Kazan diocese. 1916. No. 23-24. June 15-22. Appendix], pp. 81-96 [in Russian].

Istoriko-statisticheskoe 1916e – Istoriko-statisticheskoe opisanie cerkvej i prihodov Kazanskoj eparhii. Vypusk III. Kazanskij uezd [Historical and statistical description of churches and arrivals of the Kazan diocese. Release of III. Kazan County], in: Izvestiya po Kazanskoj eparhii. 1916. № 29-30. 15-22 avgusta. Prilozhenie [News on the Kazan diocese. 1916. No. 29-30. August 15-22. Appendix], pp. 97-112 [in Russian].

Istoriko-statisticheskoe 1916g – Istoriko-statisticheskoe opisanie cerkvej i prihodov Kazanskoj eparhii. Vypusk III. Kazanskij uezd [Historical and statistical description of churches and arrivals of the Kazan diocese. Release of III. Kazan County], in: Izvestiya po Kazanskoj eparhii. 1916. № 19-20. 15-22 maya. Prilozhenie [News on the Kazan diocese. 1916. No. 19-20. May 15-22. Appendix], pp. 65-80 [in Russian].

Istoriko-statisticheskoe 1916i – Istoriko-statisticheskoe opisanie cerkvej i prihodov Kazanskoj eparhii. Vypusk III. Kazanskij uezd [Historical and statistical description of churches and arrivals of the Kazan diocese. Release of III. Kazan County], in: Izvestiya po Kazanskoj eparhii. 1916. № 43-44. 15-22 noyabrya. Prilozhenie [News on the Kazan diocese. 1916. No. 43-44. November 15-22. Appendix], pp. 145-160 [in Russian].

Istoriko-statisticheskoe 1916k – Istoriko-statisticheskoe opisanie cerkvej i prihodov Kazanskoj eparhii. Vypusk III. Kazanskij uezd [Historical and statistical description of churches and arrivals of the Kazan diocese. Release of III. Kazan County], in: Izvestiya po Kazanskoj eparhii. 1916. № 45-46. 1-8 dekabrya. Prilozhenie [News on the Kazan diocese. 1916. No. 45-46. December 1-8. Appendix], pp. 161-176 [in Russian].

Istoriko-statisticheskoe 1916l – Istoriko-statisticheskoe opisanie cerkvej i prihodov Kazanskoj eparhii. Vypusk III. Kazanskij uezd [Historical and statistical description of churches and arrivals of the Kazan diocese. Release of III. Kazan County], in: Izvestiya po Kazanskoj eparhii. 1916. № 47-48. 15-22 dekabrya. Prilozhenie [News on the Kazan diocese. 1916. No. 47-48. December 15-22. Appendix], pp. 177-195 [in Russian].

Istoriko-statisticheskoe 1916v – Istoriko-statisticheskoe opisanie cerkvej i prihodov Kazanskoj eparhii. Vypusk III. Kazanskij uezd [Historical and statistical description of churches and arrivals of the Kazan diocese. Release of III. Kazan County], in: Izvestiya po Kazanskoj eparhii. 1916. № 15-16. 15-22 aprelya. Prilozhenie [News on the Kazan diocese. 1916. No. 15-16. April 15-22. Appendix], pp. 49-64 [in Russian].

Istoriko-statisticheskoe 1916z – Istoriko-statisticheskoe opisanie cerkvej i prihodov Kazanskoj eparhii. Vypusk III. Kazanskij uezd [Historical and statistical description of churches and arrivals of the Kazan diocese. Release of III. Kazan County], in: Izvestiya po Kazanskoj eparhii. 1916. № 35-36. 15-22 sentyabrya. Prilozhenie [News on the Kazan diocese. 1916. No. 35-36. September 15-22. Appendix], pp. 129-144 [in Russian].

Istoriko-statisticheskoe 1916zh – Istoriko-statisticheskoe opisanie cerkvej i prihodov Kazanskoj eparhii. Vypusk III. Kazanskij uezd [Historical and statistical description of churches and arrivals of the Kazan diocese. Release of III. Kazan County], in: Izvestiya po Kazanskoj eparhii. 1916. № 33-34. 1-8 sentyabrya. Prilozhenie [News on the Kazan diocese. 1916. No. 33-34. September 1-8. Appendix], pp. 113-128 [in Russian].

Kosyh 2009 – Kosyh V.I. Cerkovnogo-Arheologicheskie Obshchestva russkoj pravoslavnoj cerkvi (konec XIX – nachalo XX vv.) [Tserkovnogo-Arkheologichesky Societies of Russian Orthodox Church (the end of XIX – the beginning of the 20th centuries)], in: Uchenye zapiski Zabajkal'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya, istoriya, vostokovedenie [Scientific notes of the Transbaikal state university. Series: Philology, history, oriental studies], 2009, № 3, pp. 121-126 [in Russian].

OAIE – Obshchestvo arheologii, istorii i etnografii [Society of archeology, history and ethnography] [in Russian].

Otchet 1907 – Otkrytie Cerkovno-Arheologicheskogo Obshchestva Kazanskoj eparhii [Opening of Church and Archaeological Society of the Kazan diocese], 15.10.1906, Kazan, Central'naya tipografiya Publ., 1907, 19 p. [in Russian].

Otchet 1908 – Otchet Cerkovnogo Istoriko-Arheologicheskogo Obshchestva Kazanskoj eparhii za 1907/8 – II god sushchestvovaniya Obshchestva [The report of Church Historical and Archaeological Society of the Kazan diocese for 1907/8 – the II year of existence of Society], Kazan, Central'naya Tipografiya Publ., 1908, 12 p. [in Russian].

Otchet 1909 – Otchet Cerkovnogo Istoriko-Arheologicheskogo Obshchestva Kazanskoj eparhii za 1908/9 – III god sushchestvovaniya Obshchestva [The report of Church Historical and Archaeological Society of the Kazan diocese for 1908/9 – the III year of existence of Society], Kazan, Central'naya Tipografiya Publ., 1909, 15 p. [in Russian].

Otchet 1910 – Otchet Cerkovnogo Istoriko-Arheologicheskogo Obshchestva Kazanskoj eparhii za 1909/10 – IV god sushchestvovaniya Obshchestva [The report of Church Historical and Archaeological Society of the Kazan diocese for 1909/10 – the IV year of existence of Society], Kazan, Central'naya Tipografiya Publ., 1910, 5 p. [in Russian].

Otchet 1911 – Otchet Cerkovnogo Istoriko-Arheologicheskogo Obshchestva Kazanskoj eparhii za 1910/11 – V god sushchestvovaniya Obshchestva [The report of Church Historical and Archaeological Society of the Kazan diocese for 1910/11 – the V year of existence of Society], Kazan, Central'naya Tipografiya Publ., 1911, 4 p. [in Russian].

Otchet 1912 – Otchet Cerkovnogo Istoriko-Arheologicheskogo Obshchestva Kazanskoj eparhii za 1911/12 – VI god sushchestvovaniya Obshchestva [The report of Church Historical and Archaeological Society of the Kazan diocese for 1911/12 – the VI year of existence of Society], Kazan, Central'naya Tipografiya Publ., 1912, 4 p. [in Russian].

Otchet 1914 – Otchet Cerkovnogo Istoriko-Arheologicheskogo Obshchestva Kazanskoj eparhii za 1912/13 – VII god sushchestvovaniya Obshchestva [The report of Church Historical and Archaeological Society of the Kazan diocese for 1912/13 – the VII year of existence of Society], Kazan, Central'naya Tipografiya Publ., 1914, 5 p. [in Russian].

Otchet 1916 – Otchet Cerkovnogo Istoriko-Arheologicheskogo Obshchestva Kazanskoj eparhii za 1915 god – IX god sushchestvovaniya Obshchestva [The report of Church Historical and Archaeological Society of the Kazan diocese for 1915 – the IX year of existence of Society], Kazan, Central'naya Tipografiya Publ., 1916, 31 p. [in Russian].

Otchet 1917 – Otchet Cerkovnogo Istoriko-Arheologicheskogo Obshchestva Kazanskoj eparhii za 1916 god – X god sushchestvovaniya Obshchestva [The report of Church Historical and Archaeological Society of the Kazan diocese for 1916 – the X year of existence of Society], Kazan, Central'naya Tipografiya Publ., 1917, 48 p. [in Russian].

Rudenko 2013 – Rudenko K.A. Muzei Cerkovnogo istoriko-arheologicheskogo obshchestva Kazanskoj eparhii v Kazanskoj duhovnoj akademii. Ocherki po istorii muzejnogo dela Tatarstana: XIX – pervaya polovina XX veka [The museums of Church historical and archaeological society of the Kazan diocese in the Kazan spiritual academy. Sketches on stories of museum business of Tatarstan: XIX – the first half of the 20th century], Kazan, Respublikanskij centr monitoringa kachestva obrazovaniya Publ., 2013, 128 p. [in Russian].

Rudenko 2014 – Rudenko K.A. Istoriya arheologicheskogo izucheniya Volzhskoj Bulgarii (X – nachalo XIII v.) [History of archaeological studying of the Volga Bulgaria (X – the beginning of the 13th century)], Kazan, Shkola Publ., 2014, 768 p. [in Russian]

Sidorova 2015 – Sidorova I.B. Obshchestvo arheologii, istorii i etnografii i «delo kraevedov» [Society of archeology, history and ethnography and «business of local historians»], 2015, Electronic resource: http://posredi.ru/obshhestvo-arxeologii-istorii-i-etnografii-i-delo-kraevedov.html (Date of access – 27.11.2018) [in Russian].

Stepanov 2014 – Stepanov A.F. Hudozhestvennye sokrovishcha riznicy kazanskogo Blagoveshchenskogo sobora: obretennye i utrachennye. Chast' 1 [Art treasures of a vestry of the Kazan Annunciation Cathedral: found and lost. Part 1], in: Vestnik cerkovnoj istorii [Messenger of church history], 2014, № 1/2 (33/34), pp. 282-320 [in Russian].

Stepanov 2014a – Stepanov A.F. Hudozhestvennye sokrovishcha riznicy kazanskogo Blagoveshchenskogo sobora: obretennye i utrachennye. Chast' 2 [Art treasures of a vestry of the Kazan Annunciation Cathedral: found and lost. Part 2], in: Vestnik cerkovnoj istorii [Messenger of church history], 2014, № 3/4 (35/36), pp. 271-303 [in Russian].

Stepanov 2016 – Stepanov A.F. Istoriya Kazanskoj eparhii v 1918-1924 gg. v svidetel'stvah sovremennika [History of the Kazan diocese in 1918-1924 in certificates of the contemporary], in: Vestnik cerkovnoj istorii [Messenger of church history], 2016, № 1-2 (41-42), pp. 233-298 [in Russian].

Troepol'skaya 2015 – Troepol'skaya O., Troepol'skaya N. K istorii sostavleniya i izdaniya sbornikov «Istoriko-statisticheskoe opisanie cerkvej i prihodov» [To history of drawing up and the edition of collections «Historical and Statistical Description of Churches and Arrivals»], in: Ekho vekov [Echo of centuries], 2015, № 3/4, pp. 228-238 [in Russian].

Ustav 1906 – Ustav Cerkovnogo Istoriko-Arheologicheskogo Obshchestva Kazanskoj eparhii [Charter of Church Historical and Archaeological Society of the Kazan diocese], Kazan, 1906, 5 p. [in Russian].

Нуретдинова Алсу Ренатовна
– главный хранитель музейных предметов Археологического музея Казанского (Приволжского) федерального университета (Казань, Россия).

Alsou Nuretdinova
– the chief keeper of museum objects of the Archaeological museum of the Kazan (Volga) federal university (Kazan, Russia).

E-mail: alsu.nuretdinova@rambler.ru

Губайдуллина Антонина Викторовна
– научный сотрудник отдела вещевых источников Национального музея Республики Татарстан (Казань, Россия).

Antonina Gubaidulina
– the research associate of department of ware sources of National Museum of the Republic of Tatarstan (Kazan, Russia).

E-mail: antonina.gubaidullina@mail.ru

К ПРОБЛЕМЕ ПЕРЕНОСА ДРЕВНЕРУССКИХ ГОРОДОВ (ПО ПОВОДУ РАБОТ М.И. ЖИХА)

А.А. Карпенко
Институт переподготовки и повышения
квалификации МГУ им. М.В. Ломоносова
Россия, 119991, г. Москва, Ленинские горы, 1
e-mail: alnikar1953@mail.ru
Researcher ID: F-1250-2018
http://orcid.org/0000-0001-5905-2313
SPIN-код: 1459-5673

АВТОРСКОЕ РЕЗЮМЕ
В статье рассматривается перенос древнерусских городов и его связь с процессом становления древнерусской государственности. Дискуссия по соответствующей проблематике вышла на новый уровень после публикации ряда работ М.И. Жиха, которые задали новую рамку осмысления проблемы восточнославянского политогенеза и стимулируют её дальнейшее углублённое обсуждение.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: древнерусские города, перенос городов, градообразование, археология, летописи.

TO THE PROBLEM OF TOWN RELOCATION IN ANCIENT RUS (ABOUT THE WORKS OF M.I. ZHIKH)

Andrey Karpenko
Institute of Retraining and Professional development of Lomonosov Moscow State University
e-mail: alnikar1953@mail.ru

ABSTRACT
The article focuses on phenomenon of town relocation in ancient Rus and state-forming process associated with it. Publication of a number of works by M.I. Zhikh revived relevant debates; these works set a new framework for understanding the problem of the East Slavic political genesis and further stimulated its in-depth discussion.

KEYWORDS: ancient towns of Rus, transfer, town formation, archaeology, chronicles.

Перенос городов с места на место в Древней Руси – феномен, который в значительной степени считается явлением чисто археологическим и весьма слабо отражен в древнерусских письменных источниках. В летописные времена, как, вероятно, и в более раннее время, перенос города с места на место с сохранением названия мыслился как его отпочкование. Но когда город переносился на место практически в непосредственной своей округе и они оба вместе затем сосуществовали на протяжении некоего времени – явление возможно стержневое для понимании становления древнерусской государственности, почти неизвестное письменным источникам и прослеживаемое только археологически.

Если бы в одном из соседствующих в паре городов Древней Руси среди археологических находок преобладали скандинавские, западнославянские, аланские, полянские или северянские древности – это было бы, возможно, весьма весомым аргументом в пользу той или иной версии этнического происхождения элиты древнерусского государства. Но этого нет. Быть может, существовала древняя славянская, возможно, восходящая ещё к индоевропейским временам традиция (вспомним Аркаим, который был покинут его жителями) перенесения поселений с места на место при сохранении названия. Так ведь и нынешняя Рязань – это перенесённый в Переяславль-Рязанский центр Рязанской земли после разорения прежней, а ныне Старой Рязани Батыем. По сообщению Ипатьевской летописи беловежцы в 1117 г. перенесли свой город с Дона или Северского Донца на Русь (ПСРЛ. 2: 285), а жители южной Руси, переселяясь на её северо-восток, принесли с собой также свои названия различных «Переяславлей», «Галича», «Владимира» и других южнорусских городов. При сравнении летописных сообщений с данными современных археологических исследований оказывается, что большинство крупнейших городов Древней Руси переносились с одного места на другое, причём иногда, возможно ни по одному разу.

Важным вкладом в исследование проблемы переноса древнерусских городов стали работы М.И. Жиха (Жих 2008; 2010; 2013; 2017).

В самом начале своего исследования (Жих 2008) М.И. Жих со ссылкой на И.Д. Беляева высказывает мысль

о вечевом характере древнейших русских государственных образований (ср.: Беляев 1956: 6). Далее он пишет, что этой позиции придерживалось большинство отечественных и зарубежных дореволюционных историков и ссылается в числе прочих на Д.Я. Самоквасова (ср.: Самоквасов 1873), но последний писал о вечевом строе на юге Руси в «дорусское», то есть, в его понимании, ещё донорманнское время. Уже позднее советские исследователи показали, что нельзя считать пример вечевого строя Новгорода, архаичным вариантом, ранее существовавшим у восточных славян повсеместно, в том числе и на юге. В Киеве «вече» как активная сила проявляется не ранее XI в. и ничто не говорит о его существовании там в «дорусский» период. В Повести временных лет (далее – ПВЛ) сказано, что уже Кий имел у полян «княжение», которое, судя по ПВЛ, также существовало и у других окрестных южнорусских племён (ПВЛ 2007: 9-10). Князьями являлись также Аскольд и Дир (ПВЛ 2007: 13).

У И.Д. Беляева был идеалистический настрой в отношении городов и государственности до Рюрика, существование которых он и пытался обосновать с помощью ПВЛ, за что был подвергнут решительной критике тем же Д.Я. Самоквасовым. Поэтому, если следовать контексту, который вкладывал И.Д. Беляев, то получается, что русские городские и одновременно государственные образования существовали уже в период от Кия до Рюрика. Потому-то и выглядит преждевременным вывод о том, что этой позиции придерживались большинство отечественных дореволюционных историков, в числе которых назван и Д.Я. Самоквасов. Но Д.Я. Самоквасов, как археолог, в само понятие «город» вкладывал смысл «ограждение», причём, скорее, сельского типа, и насчитывал на Руси их несколько десятков тысяч, да, к тому же, считал, что крупные «города», способные спаять Русь, появились позже.

Далее М.И. Жих говорит, что термин «княжество» было совершенно неизвестным древнерусским источникам (Жих 2008). Правильный вывод, но вместо этого существовал близкий к нему термин «княжение». Древнерусским же источникам не был известен не только термин «княжество» или «Киевская Русь» (не говоря уже о «городе-земле» и «государстве-общине»), но и, как выяснилось, сам термин «Русская земля», который успел окончательно закрепиться на Руси не раньше начала XII в.

Не вижу указанного М.И. Жихом противоречия в выводе А.П. Толочко «об отсутствии на Руси самостоятельных государств-земель» (Жих 2008), который также отметил, что древнерусские «князья (видимо, и все остальные) мыслили Русь в виде групп семейств княжеского рода» (Толочко 2005: 294-295). Конечно, А.П. Толочко преувеличивает роль княжеской династии. Но не стоит забывать, что именно в её лице были те скрепы, которые не позволили огромной территории, на которой уже существовали диалектные отличия, обусловленные разными направлениями расселения славян (Седов 1982; 1999), и значительные различия в образе правления (Новгород и Киев), расползтись подобно тому, как это случилось, например, с западными и южными славянами. Владимир Мономах, как и его соперник, Олег, князь Чернигово-Тмутараканскский, перед тем, как сесть в Киеве или Чернигове, побывали на различных столах по всей Руси, и вместе, хотя и были «вечными соперниками», в промежутках между распрями, воевали на просторах – от Чехии до Половецкой степи против общих врагов Руси. Именно эта подвижность княжеского рода, основанная на «лественной» системе, как ни парадоксально это выглядит, и позволила Древней Руси, сохраниться как органичному целому и единому пространству, хотя бы до монголо-татарского нашествия.

М.И. Жих пишет о том, что такой вывод противоречит прямым данным летописей о социально-политическом устройстве Древней Руси (Жих 2008): «Новгородци бо изначала и Смоляне и Кыяне и Полочане и вся власти яко ж на думу на вече сходятся» (ПСРЛ. 1: 377-378) и т.д.

Но на самом деле здесь противоречия нет, а в летописи просто даётся реконструкция быта поселений славян догосударственного периода с использованием городской терминологии периода, современного летописцу. Ведь образование государственности на юге Руси на долгое время дезавуировало институт вечевых собраний. При первых русских князьях в Киеве они уже не собирались. Новгородские институты власти ближе подходили к общеславянским, в том числе, и восточнославянским традициям, что и пытался показать летописец.

М.И. Жих пишет, ссылаясь на наблюдения А.В. Журавеля, что, в этих летописных известиях волость сходится на вече, идёт на войну и т.д. (Жих 2008. Ср.: Журавель 2003: 339). То есть, понятие «волость», по его мнению, включало в себя в древнерусский период как территорию, тянувшую к определённому городу (Киеву, Чернигову, Новгороду, Смоленску и т.д.), так и проживавшее на этой территории население (Жих 2008). Но ведь на первые роли в споре с княжеской властью Новгородское вече вышло только после 1136 г. Из чего же мы должны сделать вывод, что подобная система в киевский период была на юге? Летописец никакой информацией по этому поводу не владел. Все писатели от Прокопия Кесарийского до Гельмольда пишут о множестве князьков в славянской среде, называя как на юге, так и на севере славянского ареала множество их имён. При этом говорится об их постоянной вражде между собой, которая занимала намного больше времени, чем борьба с внешним врагом. У восточных славян, кроме русов, мы не видим больше имён «князей». Статус и даже историчность Гостомысла, Вадима и Мала определить почти невозможно.

Мало того, исследователи не обращают внимания на показательный факт: восточнославянские племена совершенно не воюют между собой. Кривичи не воюют со словенами, поляне с северянами, вятичи с радимичами, хорваты с волынянами и т.д. Почему? Ведь это разные племенные союзы и их столкновения между собой в раннее средневековье были неизбежными. А мы только видим глухой намёк на то, что «поляне» обижались после смерти Кия «древлянами» (ПВЛ 2007: 11) – анахронизм, пытающийся объяснять последующую борьбу Киева с древлянами во времена Игоря и Ольги. Волости, следовательно, стали образовываться много позже го-

родов, и сам их институт был вспомогательным при образовании Древнерусского государства. А главной, вероятно, была завоевательная политика Киева.

Обратимся к вопросу о «городах-государствах» в понимании И.Я. Фроянова (Фроянов 1980: 216-243; 1992). Да, действительно, на Руси существовало подобие городов-государств (Жих 2008), но если под ними понимать последующие «волости» или «земли», то они были вторичными по отношению к Киевскому государству и образовались много позже последнего. Мало того, вопреки мнению И.Я. Фроянова, городовые волости нельзя назвать городами-государствами, поскольку классическому варианту этого института в Греции не предшествовало объединение Греции, а, следовательно, и период её единства. Общность Греции сформировалась сперва лишь на этническом уровне, благодаря относительной замкнутости и однородности греческих племён.

Восточное славянство, образовавшее единство относительно быстро, как выяснил археолог В.В. Седов, включило в свой состав помимо различных ветвей славянства (в его состав вошли и венеды, и склавены, и анты), ещё в качестве субстрата и балтские, и иранские, и финно-угорские неславянские элементы (Седов 1982; 1999).

Действительно, «вотчины основывались на рабском и полурабском труде» (Жих 2008), но не в самом Среднем Поднепровье, где даже топонимов и гидронимов, созвучных словам «смерд» и «челядь» не обнаружено. А, следовательно, «рабы» и «полурабы» если и набирались из местных племён, то с ведома Киева, а, таким образом, это было такое явление, которое было вызвано политическими, а не социальными или экономическим факторами.

И.Я. Фроянов был прав, когда делал вывод о том, что «сами вотчины были островками, затерянными в море общинного крестьянского землевладения, господствовавшего в Киевской Руси». Но ещё в XIX в. Д.Я. Самоквасов справедливо указал, что у восточных славян в IX и, вероятно, также в X вв., не было ни городов, в полном смысле этого слова, ни, тем более, деревень. Он обратил внимание на то, что на своей огромной территории все восточнославянские поселения имеют смешанный как городской, так и сельский тип хозяйствования, а сами размеры этих поселений имеют чрезмерно маленькую амплитуду колебаний. То есть, Русь – это страна маленьких и укреплённых полугородских-полусельских поселений – «градов». Их ещё нельзя причислить к городам, но их уже нельзя назвать деревнями. И это, как ни парадоксально, совершенно не отменяло для него существования у восточных славян IX-X вв. имущественной дифференциации, наличие которой в ходе археологических раскопок он и наблюдал.

Нельзя согласиться с тем выводом, что данничество – это только зависимость, не имеющая отношения к феодализму, это своеобразная контрибуция, накладывавшаяся на побеждённых и свойственная не классовому, а только доклассовому обществу (Жих 2008). Система данничества, в том или ином виде, способна существовать и при рабовладении и при феодализме. Что же такое «русский» феодализм? Это вопрос сложный и запутанный. Отмечу лишь только то, что под понятие «государство» образование со столицей в Киеве подходит, а «города-государства», если под ними понимать племенные центры «славиний» (союзов племён), по сути дела, не являлись ни городами, ни государствами. Киевская Русь в IX-X вв., в свою очередь, не была «грандиозным союзом племенных союзов (словен, радимичей и т.д.) под главенством полян» (Жих 2008). Это был не «союз», поскольку подчинение «славиний» Киеву было достаточно жёстким, а радимичи, древляне и др. явно не были ему сколько-нибудь равноправными союзниками.

Как на рубеже X-XI вв. происходил «переход от родовых связей к территориальным» (Жих 2008) вызывает большой вопрос. Как можно проследить этот процесс, если сама община у славян носила территориальный характер, а до 90% названий племён (как выяснил А.А. Горский, причём по всему славянству) варьируются от характера местности (Горский 2011 : 129-180.).

«Города-государства у восточных славян» (Жих 2008), не были «первыми» (первым было Киевское) и не были даже в полной мере «государственными» образованиями (Фроянов, Дворниченко 1988; Фроянов 1992). Института регулярно созываемого (а не время от времени) веча – «главного органа власти городов-государств» (Жих 2008), помимо Новгорода в указанный период не существовало. Поэтому спорным выглядит и тезис о том, что «после монгольского нашествия затухает вечевая деятельность и возникает монархия» (Фроянов 1995б). Сложно представить себе как «древнерусское градообразование и политогенез в древнерусскую эпоху были совершенно неразделимы» (Жих 2008). Эти процессы могли быть взаимосвязаны, и могли даже пересекаться, но подменять одно другим вряд ли возможно. М.И. Жих пишет о том, что «восточнославянские города в историко-социологическом их понимании рождаются, как административно-организационные центры племён и союзов племён» (Жих 2008). Но здесь встаёт вопрос о фактическом обосновании этого тезиса в плане того, существовали ли общие у союзов племён, единые центры. Например, у кривичей таких центров было не менее трёх: Смоленск, Изборск и Полоцк; не менее трёх и у северян: Чернигов, Переяславль и Любеч; два у древлян: Искоростень и Овруч. А у радимичей, вятичей, тиверцев и словен до Новгорода таких ярко выраженных центров, по-видимому, или не существовало или, возможно, также было сразу несколько. Причём сложно определить к каким именно племенным группировкам относились те или иные протогорода. Например, Б.А. Рыбаков относил основание Чернигова и Переяславля к полянам, а В.В. Седов, не только эти города, но и, помимо них, даже основание Киева отдавал не полянам, а носителям волынцевской культуры, то есть предкам северян и вятичей. По-видимому, все эти города находились на стыке союзов племен, так же как Любеч располагался на стыке северян и радимичей, Псков и Изборск – на стыке словен и кривичей, Вышгород – на стыке полян с древлянами, а Белгород Днестровский – с тиверцами и уличами, Минск – на стыке дреговичей и кривичей. Размещение городов на по-

граничье – явление явно массовое, и все эти города, за редким исключением, являются весьма древними и крупными. Поэтому исчезает сама необходимость комментирования главного и основного тезиса исследователя: «Древнерусская государственность носила, таким образом, городской характер, а сами понятия “город” и “государство” в древнерусскую эпоху совершенно неразделимы, как неразделимы и сами процессы рождения городов и возникновения государственности» (Жих 2008).

Несколько замечаний следует сделать и к пониманию М.И. Жихом вопроса о процессе «переноса» городов. Он правильно заметил, что не вполне понятно, как И.Я. Фроянов решает проблему соотношения восточнославянских племенных союзов (северян, древлян и т.д.), составивших в IX-X вв. суперсоюз Киевская Русь и реконструируемых им для того же времени городов-государств на родоплеменной основе (Жих 2008). И увязка этого вопроса с проблемой «переноса» городов в высшей степени интересна. М.И. Жиху надо было бы раскрыть хотя бы некоторые из его деталей, которые, думается, помогли бы ему для конкретизации его концепции.

Во-первых, древнейшим крупным центром северян был Седнев. Чернигов появился несколько позже, но несколько поселений на его территории по масштабам уже в конце IX в. превосходили аналогичные поселения даже в Киеве. В черте современного Чернигова находится также знаменитая Чёрная могила. В то же время в этот период Шестовиц, как крупного поселения, ещё не существовало, а расцвет оно получило только в 960-е гг., спустя почти век после присоединения Киева к Руси северян.

Во-вторых, проблема соотношения Рюрикова городища (далее – Городище) и Новгорода очень сложна. Оба центра ни в IX в., ни в первой половине X в. (Новгорода в это время вообще ещё не существовало: Смирнова 1974; 1976, и это касается, прежде всего, Городища) не были крупнейшими у словен. А это очень важно. Ведь аналогичных городищ у словен было несколько и не похоже, чтобы именно эти были наиглавнейшими, или, по крайней мере, явно выделялись. Но главное, что их объединяет – это то, что это городища словен и они территориально близки друг к другу. Только этими двумя сближениями и можно объяснить общность археологии обоих поселений. Поэтому говорить о «переносе» или взаимосвязи здесь весьма сложно.

В-третьих, явление «переноса» с трудом объясняется летописными известиями, которые должны стать основополагающими в данном вопросе. Археологические данные в этом вопросе должны носить лишь вспомогательный характер. Например, о каком Смоленске может идти речь в IX в.? Лишь несколько процентов захоронений Гнёздова относятся к IX в. и почти все к X в. А в отношении X в. к Смоленску, в отличие от IX в. в ПВЛ, как раз полное молчание. Не зря А.Г. Кузьмин предполагал полную независимость Смоленска от Киева вплоть до XI в. Также не совсем понятно, каким статусом обладал в нём сын Владимира – Станислав. Очевидно, его автономия от Ярослава была ещё большей, чем автономия Полоцка. Не был ли Станислав первым «Рюриковичем», севшим в Смоленске так же, как и Владимир в 970 г. в Новгороде? И не был ли Смоленск вплоть до определённого времени, подобно Чернигову в 1023-1034 гг., независимым от Руси времён князя Владимира и Ярослава? В свете состояния имеющихся письменных и археологических данных вопросы не праздные.

Не выручает и Константин Багрянородный, говорящий лишь о крепости «Милиниски» (Константин Багрянородный 1991: 44-45), но не о городе. А уже это может поменять даже сам вопрос о том, что подразумевалось под «Милиниской». Ведь само название «Милиниски» больше созвучно «Менеску», также находящемуся в днепровской речной системе, как и Смоленск. Ведь и нынешний Минск был позже перенесён. Крепость предшествующая ему существовала уже в X в., причём относилась к Полоцкому отделению кривичей, власть Руси над которым засвидетельствована договором Олега (ПВЛ 2007: 17), а его зависимость от Киева в середине X в. никто из исследователей не оспаривает. Полоцк же был менее укреплен, чем и объясняется его странное отсутствие в списке Константина Багрянородного.

Даже если практика переноса городов и существовала, то она имела место на севере Руси, а это уже совершенно меняет дело. В этом случае наличие двух сменяющих друг друга или соседствующих городов на севере Руси является вторым этапом древнерусской государственности, положившим начало интеграции севера восточного славянства с его югом. Но можно поставить вопрос и иначе. М.И. Жих пишет о том, что в статье В.А. Булкина и Г.С. Лебедева (Булкин, Лебедева 1974), а позднее в их монографии, написанной в соавторстве с И.В. Дубовым (Булкин, Лебедев, Дубов, 1978), названные учёные надёжно показали существование на Руси в IX-X вв. особого типа ремесленно-торговых поселений, сходных с аналогичными центрами балтийского региона, в частности в землях балтийских славян и скандинавов (Жих 2008). Но материал, которым подтверждался бы данный тезис, находится почти исключительно на севере Руси. А, следовательно, и наличие более древних центров, предшествующих появлению городов, можно связать, главным образом, со скандинавским и западнославянским влиянием, присутствие коего на севере Руси бесспорно, а на юге даже наличие, особенно в отношении IX в., вызывает много вопросов.

Поэтому стоит больше внимания уделять географии исследуемого явления. Далее М.И. Жих пишет о том, что в последнее время установлено широкое распространение поселений, именуемых некоторыми исследователями «протогородами», в различных регионах Киевской Руси (Жих 2008), что требует корректировки. Мнение Л.В. Алексеева о так называемом «гнёздовском» периоде в истории Древней Руси (по имени наиболее значительного подобного центра: Алексеев 2006: 41-80) правомерно, но лишь в отношении её юга. Концепция Е.Н. Носова о важности поселений типа Новгородского городища в плане функционирования ремесла и торговли и о том, что они не являлись непосредственным порождением местной сельской округи (Носов 1990; 1999; Носов, Горюнова, Плохов 2005), имеет право на существование, но не намного шире тех географических рамок, которые определил сам её автор. Поэтому не сто-

ит сильно упрекать Е.Н. Носова в том, что он не даёт ей сколько-нибудь удовлетворительного объяснения как общерусскому явлению, сосредоточив внимание на локальной проблеме соотношения Рюрикова городища и Новгорода. То, что известно об этом явлении, не позволяет согласиться с мнением А.А. Горского о том, что явление «переноса» характерно для подавляющего числа древнерусских городов (Горский 2004: 87-94).

Мы согласны с М.И. Жихом в том, что В.Я. Петрухин и Т.А. Пушкина действительно верно сместили акценты в изучении вопроса, рассмотрев «парные» центры не с точки зрения их генетической преемственности, а с позиции их сосуществования, различного характера и соперничества. Учёные правильно попытались рассмотреть проблему «парных» центров сквозь призму борьбы центральной великокняжеской власти с местной верхушкой в период образования Древнерусского государства. Причина «парности» действительно заключается в том, что в X в. силы великого князя и местного боярства оказались уравновешенными. В результате чего возникло своеобразное «двоевластие», и рядом с племенными центрами, где сильна была местная знать, на жизненно важных для Древнерусского государства международных путях, привлекающих разноплемённых воинов, торговцев и ремесленников, появляются новые центры, ориентированные на обслуживание внешних связей Руси, феодализирующейся дружины, на сбор дани и т.д. (Петрухин, Пушкина 1979).

Мысль о создании Киевом своих опорных пунктов рядом с центрами местной власти и для борьбы с ней верна, также, как и география новых центров – Гнёздово, Тимерево, Сарское городище и т.д., находящихся почти исключительно на севере Руси. Не правы авторы лишь в том, что считают, что эти центры не что иное, как великокняжеские дружинные погосты (Жих 2008). М.И. Жих прав, и действительно, вопреки мнению этих авторов время появления и возвышения и упадка старых центров поразительно совпадает по времени с распространением власти Киева на славянские земли (Жих 2008). Но он не задался вопросом, почему, вопреки данным материалов археологии Руси уже к 1979 г., эти исследователи полагали, что Смоленск, Ярославль, Новгород и т.д. древнее, чем Гнёздово, Тимерево, Рюриково городище и т.д. (Жих 2008).

М.И. Жих не до конца проработал очень важный, по нашему мнению, вопрос: если Смоленск и Гнёздово, Ярославль и Тимерёво, Рюриково городище и Новгород существовали параллельно, то как же они тогда назывались? В.Я. Петрухин и Т.А. Пушкина этот вопрос, по-видимому, решали заочно из-за убеждённости в норманнском происхождении, как варягов, так и Руси.

Дело в том, что названия всех «перенесённых» городов – и Новгорода и Смоленска и Ростова – явно славянского происхождения. Если предположить, как М.И. Жих правильно и сделал, что Гнёздово, Тимерево и Рюриково городище по своему происхождению были древними местными центрами, так сказать «более славянскими», чем будущие Смоленск, Ярославль, Новгород и т.д., то естественно предполагать, что и названия у них также были славянскими. А это уже идёт в полный диссонанс с гипотезами норманнского происхождения их основателей.

Как правильно отметил А.Г. Кузьмин, ещё С.А. Гедеонов поставил перед норманистами непримиримую с сущностью их гипотез проблему: полное отсутствие на Руси городов со скандинавскими названиями (Кузьмин 2003). Современное состояние изучения источников ещё более усугубляет для них эту проблему. Поэтому, если следовать логике норманистов, княжеские погосты обязательно должны были носить германские названия. По нашему мнению, существует минимум два возможных варианта распределения названий у парных центров:

(1) Летописец переносил названия современных ему городов в древние времена на старые племенные центры, названия которых не сохранились;

(2) Когда княжеский «погост» перерастал по своей силе племенной «протогород», название последнего переходило и на первый.

Первый вариант не выдерживает критики, как мы уже выяснили, хотя бы на примере Смоленска. Гнёздова в IX в. фактически ещё не было, а в X в. одновременно с тем, как оно превращается в значительный центр, Смоленск исчезает из летописей.

Второму варианту противоречит пример Рюрикова городища, долго на равных сосуществовавшего с Новгородом. Отсюда следует, что Рюриково городище звалось не Новгородом, а названием, которое позволило Новгороду позднее получить именно данное имя. Может быть Старгород? – но и эта догадка вне современного состояния и информативных возможностей источников. Поэтому практически все примеры данного явления имеют явную слабость, из-за слишком долгого сосуществования парных городов. Единственный выход из положения: предположить, что, несмотря на конкуренцию и соперничество, Рюриково городище и Новгород, Тимерево и Ярославль, Сарское и Ростов являлись двумя частями, выступающими под одним и тем же именем. Фактически, было подобие двойных систем звёзд в астрономии, то есть племенной «протогород» и княжеский «погост» – впоследствии «город-государство» являлись двумя автономными частями одной системы, подобно тому, как, например, позднее частями единой Руси являлись Новгород на севере и Киев на юге.

Правда, и здесь могут возникнуть различные мнения относительно того, что произошло на самом деле:

(1) общие названия происходили от имени нового центра, распространённого через летописи и на старый «протогород», или, наоборот;

(2) в процессе появления «погостов» со старого центра на новый.

С учётом того факта, что даже Константин Багрянородный в середине X в. не называет ни одного названия княжеского «погоста», в его время уже превратившегося в город, окончательно этот вопрос решить так и не удастся. Аналогичные примеры из более позднего времени (Рязань, Белая Вежа, Оренбург и др.) показывают глубокую архаичность этих названий, относительно возраста последующих поселений, носивших древние имена.

Далее не лишним будет коснуться и сделать некоторые замечания относительно понимания М.И. Жихом племенной структуры славян.

вернуться к оглавлению ▲

Он пишет о том, что накануне и во время складывания того политического объединения, которое мы именуем Киевской Русью, восточнославянский мир состоял из неких общностей: полян, древлян, северян и т.д. под которыми подавляющее большинство учёных понимает племенные союзы (Жих 2008). Далее он ставит интересный вопрос о том, когда же возникли сами эти названия? И сразу же на него отвечает: очевидно, что до Великого расселения славян, то есть до VI в., так как позднее они встречаются далеко разошедшимися друг от друга, а это позволяет ставить вопрос об их бытовании до славянского расселения (Жих 2008). Затем у него следует целый ряд примеров, которые, думается, сами по себе значительно более сложные и разноплановые, чем это ему видится:

1. северяне на Десне и северы на Балканах;
2. древнерусский город Смоленск и смоляне на Балканах;
3. сербы лужицкие и балканские;
4. хорваты европейские, адриатические и западнославянские;
5. поляне в Среднем Поднепровье и в Малой Польше;
6. ободриты на Дунае и в Полабье;
7. дреговичи и кривичи Восточной Европы и другувиты, кривитеины византийских источниках на Балканах (Жих 2008. Ср.: Трубачёв 1974).

В.В. Седов считал, что складывание племенных группировок у восточных славян происходило не в VI в. или раньше, а не ранее начала или середины IX в. Именно тогда дулебское объединение распалось на древлян, волынян и т.д., а объединение представителей волынцевской культуры на северян и вятичей. Далее в связи с притоком населения из разгромленной венграми Моравии, формирование племенных союзов продолжалось и в X в. (Седов 1982; 1999). Необходимо составить полный перечень совпадающих назван разных славянских племён.

Во-первых, вопрос о времени появления названия Смоленска, как мы выяснили, тёмный. Его имя, судя по состоянию источников, не связано с названием какой-либо племенной группировки, а сам город располагается в лесах и болотах, где подобные названия для поселений были всегда весьма распространенными. Поэтому увязывать Смоленск с балканскими смолянами лишь на основании тождества названий нет никаких видимых оснований. С таким же успехом можно волынян, достаточно поздно выделившихся из дулебского союза племён сблизить с жителями западнославянского прибалтийского города Волина, основанного не ранее X в.

Во-вторых, поляне – это более поздний вариант названия «польского» племенного союза гоплян и в источниках появляется достаточно поздно. Лишь с XI в. название полян начинает употребляться в источниках в качестве самоназвания всех поляков. Вопрос о русских полянах ещё сложнее. В источниках термин «поляне» никогда не выходит за пределы Киева, даже, например, в отношении сопредельного Вышгорода. Есть основания видеть в Вышгороде один из центров древлян. Русских полян не знает ни один иностранный источник, ни «Баварский географ», ни Константин Багрянородный, ни один арабский, западноевропейский, греческий и даже ранний восточноевропейский источник. Влияние Польши, о котором говорят польские историки, невероятно, так как самоназванием поляков оно стало достаточно поздно. Вероятно, скорее всего, книжное происхождение этого термина при работе летописца со списком славянских племён. Сам термин, как видно из примера Польши, обозначает смешанный состав населения территории, к которой он прилагался. Вероятно, под полянами (а летописец знал, судя по ПВЛ, о том, что этот термин уже внедряется в лоскутной Польше в качестве самоназвания) обозначалась некая смесь из древлян и северян. Археологически северяне и древляне на Днепре как раз и соприкасались. Для летописца главным было показать относительное единство судеб населения разноплемённой в древности территории будущей столицы Руси. Поэтому следует осторожнее относиться к тому, что «суперсоюз восточнославянских племён» возглавил и цементировал полумифический племенной союз полян.

В-третьих, ободриты, упоминаемые помимо Полабья, ещё и на Дунае – это явная ошибка источника, поскольку само название «ободриты» означает «люди живущие по обоим берегам реки Одер». Их название источниками относительно событий происходивших до конца VIII в. не зафиксировано. Хотя существует вероятность того, что в период своего расцвета полабский ободритский союз и простирал своё влияние до верховьев Дуная.

В-четвёртых, хотя другувиты и кривитеины действительно упоминаются на Дунае в византийских источниках, но всего один раз (во время расселения) фиксируются на Балканах. Следует отметить, что другувиты Балкан никакого этнического отношения к русским дреговичам не имеют. Единственное, что их роднит, так это то, что как в белорусских, так и в придунайских болотах, дреговичи действительно фиксируются источниками в болотистых местностях. Также в южных прибалтийских лесах и на правобережье Среднего Поднепровья фиксируются, справедливо неуказанные М.И. Жихом, западнославянские и восточнославянские древляне. А вот поляне Польши живут в лесах, а русские поляне – «в лесах и горах» (ПВЛ 2007: 11), что заставляет подыскивать иную природу происхождения их названий, чем по созвучию «от полей». Очевидно, в союз польских гоплян вошли остатки различных окрестных племенных союзов, что впоследствии обеспечило живучесть этого названия и его применение ко всему населению Польши. Такой была природа и киевских полян. Очевидно, летописец не совсем правильно смог истолковать народные предания, и полян в действительности «не обижали древляне и другие окрестные люди», а их земли просто заселялись и со стороны древлян.

Что же касается «другувитов» и «кревитеинов» Константина Багрянородного, плативших дань росам, то они вполне надёжно отождествляются с восточнославянскими кривичами и древлянами.

Таким образом, в процессе заселения Восточной Европы разношёрстное славянское население в подавляющем большинстве случаев объединялось, отталкиваясь или от характера местности своего расселения (болота, леса), или от названия реки, берега которой

▲ вернуться к оглавлению

они занимали. При этом родовая структура объединений была в среде восточного славянства скорее исключением, чем правилом. Лишь жители Киева вели происхождение от легендарного Кия, а радимичи и вятичи от Радима и Вятко. Но и эти предания, возможно, сложились в эпоху, не столь отдалённую от летописца и под влиянием преданий о Рюрике, в котором часть знатных новгородцев уже видела своего пращура. Сказания о Черниговском князе Чёрном, Новгородских князьях Гостомысле, Вадиме, Словене, Русе и Скифе, волынском Радаре и др. явно ещё более поздние.

В-пятых, если племенные подразделения склавенов и венедов в процессе расселения славян были разрушены и выстроены в VI-IX вв. фактически заново исходя из характера местности, которую они занимали, то в отношении антов этого сказать нельзя. Хотя наличие у потомков венедов кое-какого количества этнонимов кельтского происхождения, как показал А.Г. Кузьмин (Кузьмин 2003), несколько ослабляет данный тезис, но как выяснил А.А. Горский, подробно подсчитавший все славянские этнонимы, он, всё же, неоспорим (Горский 2011: 129-180).

Другое дело анты, которые хоть и были рассеяны по различным частям Восточной Европы, но, всё же, сохранили свою структуру и старые названия, с трудом понимаемые в процессе славянизации. Поэтому появляется возможность сблизить не только восточнославянских северян на Десне и болгарских северов между собой, но и их также с различными группами сербов, как лужицких, так и балканских. Название «сербы»/«сорбы»/«северы», вероятно, происходят от иранского «сев» – черный, а поэтому анализ древнерусского и сербского язычества (например, спор у учёных за главенство в пантеоне между Перуном и Дажьбогом, причём и там и там), постоянное обыгрывание цвета в топонимике (в частности, «сев» – чёрный, «Русь» – светлая, «Рашка» – область в Сербии) и в гидронимике (например, «Рось» – светлая), а также в названиях крупнейших городов (в частности, главный город северян – Чернигов. Позднее в Северской земле был основан Белгород. Белград – будущая столица Сербии, была основана на месте бывшей Византийской крепости причём, как и Чернигов очень рано, не позднее IX в. н.э. и т.д.) позволяет сблизить различные группы сербов и северов-северян.

Вероятно, сначала часть крупного северского, или сербского, антского союза была развеяна аварами, вытеснившими сербов в Лужицу, откуда их часть, согласно сведениям Константина Багрянородного о Белосербии, располагавшаяся к северу от Балкан, впоследствии переселилась на территорию нынешней Сербии (Константин Багрянородный 1991: 141). Другая группа сербов-северов, известных в источниках как «север» сохранилась, но спустя век была развеяна булгарами, часть которых они увлекли с собой на Балканы, а другая или осталась на прежнем месте (на территории нынешнего левобережья Днепра) или была немного смещена на северо-восток. Хорваты европейские, адриатические и западнославянские были частями второго подразделения антов, вопросам этнгогенеза которого посвящены работы А.В. Майорова (Майоров 2006; 2006а). Если учесть, что в славянской среде надёжно можно считать иранскими названия – антов, сербов/северов и хорватов, то, вероятно, предположить, что до славянизации анты состояли всего из двух этих групп.

М.И. Жих частично прав, считая, что в ходе расселения произошло раздробление праславянских племенных объединений, но не смог увидеть, что старая система племенных подразделений склавинов и венедов была до основания разрушена. Он пишет о том, что «расселение на огромных территориях, постоянные междоусобицы и войны с соседями, ассимиляции целых соседних народов и принятие в общины огромного числа иноплеменников привели к началу распада родовых связей. Вероятно, ранее всего они рухнули на “нижнем” уровне – кровнородственная община сменилась территориальной. Вследствие этого племена и союзы племён начинают изменяться, превращаясь постепенно в территориальные этнополитические союзы» (Жих 2008).

Но склавенско-венедская общественная система была очень сложной и, вероятно, изначально имела территориальный характер. Поэтому проследить этот процесс по источникам невозможно. Действительно, ещё Иордан пишет, что венеды и склавены имеют свои племенные подразделения (Иордан 2001: 67, 85). Но, думается, всё обстояло несколько иначе. Славяне, живя на относительно небольшой территории, звались по названиям различных рек или местностей – лесов, болот, полей. При переселении различные племена меняли свою местность – дреговичи, например, при переселении из болотистой местности в леса, вероятно, превращались в древлян, или же наоборот. В свою очередь люди жившие, например, по Одеру и звавшиеся ободритами, при переселении на Вислу получали бы имена вислян и т.п. А.Г. Кузьмин на основании этого считал характер славянской общины изначально территориальным и сравнивал его с кельтским (Кузьмин 2003), а поэтому распад родовых связей и образование территориальных этнополитических союзов выявить в письменных источниках невозможно. Трактовка археологических данных вряд ли способна окончательно прояснить ситуацию. Поэтому и споры о том, каким была Киевская Русь – патриархальным, рабовладельческим или феодальным государством или обществом, во многом, беспредметны. Римляне, греки, германцы, да и почти все другие индоевропейцы, имели в своей основе родовую общину. Славяне, как и кельты, являлись в этом отношении явлением уникальным, и поэтому его игнорирование ведёт к диаметрально противоположным выводам у различных исследований и образованию «школ», которые штампуют крайности, пытаясь отстоять свою позицию.

М.И. Жих пишет о том, что славянские объединения, «славинии», утрачивают племенной характер и превращаются в союзы, объединённые скорее по этнополитическому и территориальному принципу (Жих 2008. Ср.: Горский 2004: 9-19; 2011: 129-180). Поэтому он считает логичным заменить термин «племенные союзы» на «этнополитические и территориальные союзы», считая, что именно такими союзами и были летописные северяне, вятичи, уличи и т.д. Эти союзы обладали политическим единством, а в известной мере и этническим, признаком чего является наличие единой материальной

культуры для каждого такого союза (ср.: Ляпушкин 1968; Седов 1982, 1999; Смиленко 1989). По степени своего этнического развития они, по его мнению, приближались к народностям (Жих 2008).

Но и этот тезис выглядит сугубо теоретическим из-за изначально территориального характера славянской общины. Когда «славинии» утрачивают свой племенной характер и превращаются в этнополитические союзы? Думается, что сами «славинии» изначально имели этнополитический, а не классический племенной характер, но были позднее перестроены под давлением Киевской династии, получив теперь смешанный характер.

Причём система взаимоотношений в виде территориальной «русской общины» в различных вариациях просуществовала у восточных славян до реформ начала XX в. «Родовая» же система продолжала жить в системе власти даже после пресечения «Рюриковичей» в лице их приемников «Романовых». Две династии по отцовской линии правили на Руси суммарно свыше 1000 лет. Львиная доля русского дворянства, и не без оснований, вела своё происхождение непосредственно от Рюрика или Михаила Романова.

То, что первые князья попытались устроить перестройку, которая и была кардинальной, видно из полного несовпадения территорий древних «славиний» и будущих «княжеств», «земель», «волостей» (можно их называть как угодно), подробные карты которых были составлены А.Н. Насоновым (Насонов 1951). Например, северяне были подроблены между Черниговским, Переяславским и Новгород-Северским княжествами, вятичи – между Ростово-Суздальским, Муромо-Рязанским и Черниговским, дреговичи – между Киевским и Полоцким, радимичи – между Смоленским, Черниговским и Киевским, кривичи – между Полоцким и Смоленским, Новгородской, а позднее и Псковской землёй, а часть их вошла в Ростово-Суздальское княжество. Таким образом, тезис Б.А. Рыбакова о том, что княжества и племенные союзы по своим территориальным границам в основном совпадали, в дальнейшем не подтвердился историческими данными.

Следует также отдельно коснуться и вопроса о роли «реформы» Ольги в процессе формирования «земель»/«волостей»/«княжений», взгляды на который М.И. Жих впервые наметил в рассмотренной работе (Жих 2008), а в дальнейшем основательно развил (Жих 2013; 2017).

Необходимо разграничить «волости» и «славинии». М.И. Жих пишет о том, что дальнейшее развитие и внешняя опасность приводят к появлению в восточнославянском мире более крупных союзов, объединяющих в своём составе уже несколько «славиний» (Жих 2017: 182-191). Но этого на самом деле не могло быть, поскольку лишь один племенной союз (древляне) вошёл в «землю»/«волость»/«княжество» полностью. Получается парадокс: союзы сначала раздробились, а потом по отдельным племенам вошли в «волости». Поэтому вторжение Киева не просто «значительно ускорило» (Жих 2008) образование «волостей», а было определяющим в этом процессе. Киев, для того чтобы удержать в повиновении все «склавинии», полностью перестроил их систему, разрушив их внешнюю структуру, но сохранив в рамках «волостей» – внутреннюю. Потому и племенные названия северян, радимичей, вятичей, дреговичей, древлян и др. исчезают из летописей с течением времени, а не потому, что они превратились в «волости» в результате реформы Ольги.

Этот процесс явно не был одномоментным и не был связан с реформой, приписываемой Ольге, или, по крайней мере, только с ней. Это видно хотя бы из того, когда именно рядом с Гнёздово, Городищем, Сарским, Тимерево появились Смоленск, Новгород, Ростов и Ярославль. А этот процесс явно не был одномоментным. Сперва появился Полоцк (полностью разрушенный в 970-ее гг. Владимиром), ещё через несколько десятилетий – Смоленск, спустя несколько десятилетий появился – Новгород, а затем Ростов, и ещё через несколько десятилетий Ярославль и т.д. Этот процесс шёл постепенно и был связан с расширением территории Киевского государства. Приписывать Ольге можно только «основание» Новгорода, но и то с большими условностями, поскольку «взрыв» его роста и превалирование над Рюриковым городищем и другими окрестными словенскими поселениями в точности совпадает с призванием туда Владимира – будущего крестителя Руси. Затем Владимир укрепил Смоленск, переборовший Гнёздово только при Ярославе, заново отстроил разрушенный Полоцк. С вокняжением в Ростове Ярослава совпадает основание Ростова, с вокняжением Ярослава в Новгороде – основание Ярославля и т.д.

Что же касается так называемой реформы Ольги, (а М.И. Жих считает, это важнейшим событием в ранней истории Киевской Руси: Жих 2013; 2017), то мы считаем убедительной точку зрения А.А. Шахматова, согласно которой летописный рассказ о поездке Ольги на север в 946-947 гг. имеет книжное происхождение (Шахматов 2002: 91, 129-130), а, следовательно, и учреждение ею погостов по Луге и Мсте. Дело в том, что эти первые погосты появились именно на той территории, где позднее образовалась Деревская пятина. Иначе говоря, новгородский летописец понял одно из мест летописи, в котором говорилось о «мсте», то есть мести Ольги древлянам, как название северорусской речки, а Деревская земля была по этой причине также перенесена из реалий южной Руси на север. Но поскольку во времена первых летописцев уже существовала система погостов, а первый из них на севере Руси был установлен как раз в районе Новгорода, то его появление было и увязано летописцем с деятельностью первой русской святой княгини Ольги. Мало того, на этом только и строится житийная теория северного варяжского или кривичского Изборско-Псковского происхождения самой Ольги, занесённая потом и в ПВЛ (ПВЛ 2007: 16). Современные же исследователи излишне буквально истолковывают эти сообщения.

Особое мнение И.Я. Фроянова, который решительно отверг проведение Ольгой «судьбоносной реформы» (Фроянов 1996) в принципе для советской историографии не является каким-то особым, поскольку не один из послереволюционных историков не признавал «одномоментной» Ольгиной реформации. По мнению И.Я. Фроянова: «Киевская княгиня вводила не новые порядки и правила, а восстанавливала старые тради-

ции, неосмотрительно нарушенные её супругом Игорем. Она вернулась к нормированной дани, земельной собственностью. Ольга не обзаводилась, «общегосударственных» законов не издавала. Нет оснований, чтобы говорить об изменении порядка сбора дани в деятельности Ольги отсутствует то, что можно было бы назвать реформой» (Фроянов 1996: 412). Но, книжный характер самих сообщений об Ольге, к сожалению, не позволяет аргументированно спорить о деятельности Ольги, о том, что она делала, а чего нет.

М.Б. Свердлов полагает, что Ольга напротив осуществила в середине X в. значительную реформу Русского государства – замену на Руси древнего племенного деления территориальным. Эти изменения, по его мнению, способствовали дальнейшему развитию социальных и государственных структур, формированию политически единого государства (Свердлов 2003: 188). Это мнение, близкое М.И. Жиху, во многом исходит из желания историков найти точку отсчёта для замены на Руси «славиний» «землями» или «волостями». Но этот процесс, как уже говорилось, не был одномоментным. Так Деревская земля, выделенная при разделе Святославом своей «отчины» между сыновьями (ПВЛ 2007: 33) имела подвижный характер и в процессе её управления из Киева через Вышгород и при её консолидации с частью дреговичей, земля древлян впоследствии к 30-м гг. XI в. стала основой для «Киевской» или «Русской земли». Подобные процессы позднее отмечались и в словенской – «Новгородской» и в иных землях. Происходило это по мере проникновения в них и укрепления власти Киева.

С.В. Бахрушин справедливо отметил интереснейшую деталь: если договоры Руси с Византией 907 и 944 гг. заключались от имени киевского князя и подчинённых ему местных князей, то в договоре 971 г. никаких упоминаний о них нет (Бахрушин 1937). Но здесь же кроется некоторая неточность. Уже договор Игоря никаких князей не знает, а знает «княжьё» (ПВЛ 2007: 23), то есть княжеский род, часть которого уже тогда была разбросана по «славиниям». Следовательно, в «славинях существовала двойная система власти, и мелкие князья старых племенных центров подчинялись киевскому ставленнику из княжеского рода. Святослав, как известно, сажает сына князем в Древлянской земле, из чего И.Я. Фроянов заключает, что «к моменту посажения Олега в Древлянской земле своего князя не было» (Фроянов 1995а: 78). Но это могло быть и не так, поскольку в тот же период в «Полоцкой земле», а не в «склавинии» кривичей, правил Рогволод, а в «Туровской», ограниченной окрестностями будущего Турова – Туры. Между тем характер действий Рогволода во время войны с Владимиром показывает его подчинённое положение по отношению к Ярополку и существование стоящей над этим «князем» силы, совместно с которой он, вероятно, и пытался противостоять Владимиру. Не является подтверждением завершения этого процесса и тот факт, что Владимир сажает своих сыновей уже повсеместно. Глеб в Муроме, также как и Ярослав в Ростове, судя по сведениям тех же летописей и житий, были лишь правителями номинальными. Между тем, уже во времена Владимира Мономаха в окружении Черниговских земель существовала полунезависимая земля вятичей, воевать с которой опасался Черниговский князь, но которая, по-видимому, всё же входила в состав Черниговского княжества. Управлял этой территорией со стороны этой земли некий Ходота со своими сыновьями.

Единственным свидетельством того, что некогда повсеместно существовали восточнославянские князья «славиний», является договор Олега, по которому под рукой светлого русского князя были и другие князья (ПВЛ 2007: 18). Вероятно, в это время данническая зависимость окрепла только на внешнеполитическом, но не на внутриполитическом уровне, а институт управления «князьями» русского рода был на самом зачаточном уровне. Возможно, что взятие северянским, по нашему мнению, князем Олегом Киева и дальнейшее оседание там его рода является даже не первым подобным прецедентом у восточных славян. Но сам этот процесс сим окончательно не завершился и ещё долгое время, даже во времена Владимира Мономаха продолжался, но уже в отношениях славян с финнами.

Поэтому нет оснований предполагать, что местных князей в восточнославянских областях к тому времени не имелось или они были полностью подчинены главным образом в результате деятельности Ольги. Так же, очевидно, нужно понимать и «созданную Ольгой» систему погостов. Это центры управления славянскими областями, создававшиеся Киевом для борьбы с местной знатью и более полного подчинения «славиний» (Жих 2008; 2013; 2017: 196-211). Со страниц летописи действительно исчезают поляне, кривичи, словене, а вместо них появляются кияне, смоляне, новгородцы и т.д., но происходит это не одномоментно, а постепенно.

М.И. Жих конечно прав, говоря, что сепаратистские настроения, подавленные на время Киевом, затем переходят на новый виток, что в дальнейшем приведёт к распаду Киевской Руси (ср: Фроянов, Дворниченко 1988). Но сам механизм этого «витка» он, на наш взгляд, упустил. Думается, что верхушка «славиний» – старейшины, стали понемногу перебегать из центров «славиний» в княжеские города постепенно образуя боярство. С увеличением территории, а, следовательно, и количества таких центров, из Киева управлять ими стало очень сложно. Этим и воспользовалось боярство, частично унаследовавшее от «славиний» его механизм влияния на «князя». Когда же территория Руси достигла своего максимального роста, а княжеский род продолжал множиться, это привело к постепенному дроблению земель.

Сама система «погостов», рождённая вместе с Киевским государством, изначально заложила в себе процесс, который был обусловлен не столько социально-экономическими, сколько политическими причинами. Тем не менее, процесс формирования древнерусской народности в удельный период не только не прекратился, а наоборот усилился. Поскольку все князья принадлежали к одному роду и обладали подвижностью, то их связи и обеспечивали единство Руси. Если бы не единый княжеский род и его совместные действия по обороне Руси, глубокое уважение к Киеву как к центру политическому, духовному и идейному, то Русь, вероятно, не миновала бы судьба Великой Моравии, на рубеже IX и X вв. буквально за несколько десятилетий рассыпавшейся

на глазах. Даже когда начался удельный период, в этнополитическом отношении Русь всё ещё продолжала собираться. Излишне прямолинейным, поэтому выглядит и вывод о том, что «местная знать потерпела сокрушительное поражение в борьбе с Киевом и уступила место людям, присланным из Киева» (Жих 2008). Сама Киевская Русь была огромным «городом-государством», поскольку нигде более ни в Европе, ни в славянстве не было такой большой роли всего одного города в этногенезе народа, в образовании его государственности и формировании его политического единства. Вероятно, по подобию Киева формировались и те «города-государства», о которых, вслед за И.Я. Фрояновым, пишет М.И. Жих. Но поскольку на юге Руси роль Киева была чрезмерно велика, там они не могли образовываться. Поэтому они возникали на северных и восточных окраинах.

Несмотря на ряд положений, вызвавших наши замечания, М.И. Жих делает в целом правильные, на наш взгляд, выводы. Причём эти выводы и подчёркивают огромную роль Киева в формировании государственности на Руси и сами по себе ставят вопрос о характере Киевского государства. Местные протогорода повсеместно приходят в упадок и в это же время начинается расцвет новых уже собственно городов: Смоленска, Ростова, Ярославля, Новгорода и т.д. Видимым поражением древних местных торгово-ремесленных центров в конкуренции с новыми выраставшими из киевских опорных пунктов стало появление у последних примерно на рубеже X-XI вв. значительных ремесленных посадов (Тихомиров 1956: 133). Таким образом, большинство древнерусских городов, действительно, выросло из опорных пунктов, создававшихся центральной киевской властью для борьбы с местными верхушками и их центрами, а не непосредственно из местных центров. Так начали свой путь Смоленск, Ярославль, Новгород, Ростов, Муром, возможно, Псков и т.д. Впрочем, например, Ладога развилась в «настоящий» город из самого древнего протогорода. Вероятно, опорный пункт центральной власти были размещены прямо на ней. Создавались же эти города с наибольшей интенсивностью по мере удаления от южного Киева, то есть, главным образом на севере Руси.

Наблюдения М.И. Жиха вместе с данными к ним замечаниями в преломлении к спору антинорманнистов с норманистами ещё более усугубляют положение последних. Государственная система подобно Киевской немыслима для норманнов, у которых было множество мелких городов и поселений. Огромную зону влияния имели на окрестные славянские племена западнославянские Аркона и Волин, но оно носило больше религиозный, чем политический характер. Но если обратить свой взгляд не на северо-запад, а на юго-восток, то нельзя не отметить ту огромную роль, которую, судя по археологическим данным, сыграл в формировании донского алано-булгарского этнополитического союза, соседствовавшего с Русью при начале её формирования, Верхний Салтов. Это серьёзная тема, имеющая большую литературу, поскольку, к сожалению, история донских средневековых алан, в мировой и даже в отечественной истории остаётся недооценённой. Так в интернете уже появился подготовленный Федеральным государственным бюджетным научным учреждением «Федеральный институт педагогических измерений» «Демонстрационный вариант контрольных материалов единого государственного экзамена 2019 г. по истории» на 27 страницах. Не может ни привлечь внимания в нём карта на странице 11, обозначенная как «схема» для «выполнения задания 13-16». Схема эта представляет собой карту Восточной Европы IX-X вв. в современном научном понимании этого термина (Древняя Русь с обозначением 12 восточнославянских племенных союзов в её составе, а так же балтских, финно-угорских, тюркских, кавказских и румынских (на то время волошских) её соседей). Как автора книги «Русь северян Вещего Олега» меня не могло не удивить, помимо отсутствия обозначения собственно Руси и хотя бы одного ещё какого-нибудь другого из соседних западно- или южнославянских государств (Болгарии, Польши, Чехии или, например, Моравии), отсутствие наименования земель крупнейшего восточнославянского племенного союза, собственно северян. Между тем этот, по единодушному мнению историков и археологов, крупнейший восточнославянский племенной союз существовал намного раньше IX в. (возможно уже с рубежа V-VI вв.) и упоминался в летописях много позднее (уже в XI в.). В IX-X вв. сама столица Руси город Киев и сформировался из 3-х поселений, крупнейшим из которых и являлось собственно северянское (роменское). Да и два других крупнейших восточнославянских города, попавшие в договоры первых восточнославянских князей Вещего Олега и Игоря Старого с византийскими императорами, Чернигов и Переяславль (ПВЛ 2007: 17, 24), также являлись северянскими, как и, например, Любеч и Новгород-Северский, в легенде не указанные вовсе, хотя первый из них, согласно ПВЛ, Вещий Олег захватил перед взятием Киева в 882 г., а второй, согласно местным преданиям записанным в XVIII в. (Шафонский 1787: 382), появился аж в первой половине IV в. и к началу XI в. занимал огромную площадь в 20 га (Поляков 1998; 2000: 4-6).

Работы М.И. Жиха вносят, наш взгляд, существенный вклад в исследование проблем восточнославянского градообразования и политогенеза, и выводят дискуссию по данным проблемам на новый уровень, задают её новую рамку, что, надеемся, показали и наши размышления, стимулированные ими.

ЛИТЕРАТУРА

Алексеев 2006 – Алексеев Л.В. Западные земли Домонгольской Руси: очерки истории, археологии, культуры. Кн. 1. М., 2006.

Бахрушин 1937 – Бахрушин С.В. «Держава Рюриковичей» // Вестник древней истории. 1937. № 2.

Беляев 1956 – Беляев И.Д. Рассказы из русской истории. Кн. 1. М., 1956.

Булкин, Лебедев 1974 – Булкин В.А., Лебедев Г.С. Гнёздово и Бирка (к проблеме становления города) // Культура средневековой Руси. Л., 1974.

Булкин, Лебедев, Дубов 1978 – Булкин В.А., Лебедев Г.С., Дубов И.В. Археологические памятники Древней Руси IX-XI вв. Л., 1978.

Горский 2004 – Горский А.А. Русь: От славянского расселения до Московского царства. М., 2004.

Горский 2011 – Горский А.А. Славянское расселение и эволюция общественного строя славян // Буданова В.П., Горский А.А., Ермолова И.Е. Великое переселение народов: Этнополитические и социальные аспекты. СПб., 2011.

Жих 2008 – Жих М.И. Проблема переноса древнерусского города и вопрос о возникновении городов-государств в Киевской Руси // Историческая наука и российское образование (актуальные проблемы). Сборник статей памяти проф. А.Г. Кузьмина и проф. В.Г. Тюкавкина. Ч. I. М., 2008.

Жих 2010 – Жих М.И. К проблеме возникновения Новгорода в контексте централизаторской политики киевских князей середины X – начала XI вв. // Российский город в исторической ретроспективе: материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 250-летию г. Ижевска. Ижевск, 2010.

Жих 2013 – Жих М.И. Реформа княгини Ольги как попытка централизации Руси // Прошлое Новгорода и Новгородской земли: материалы научной конференции 17-18 ноября 2011 г. / Сост. В.Ф. Андреев. Великий Новгород, 2013.

Жих 2017 – Жих М.И. Восточнославянский политогенез и реформы княгини Ольги // Исторический формат. 2017. № 3-4.

Журавель 2003 – Журавель А.В. С.В. Юшков – наш современник // Сборник Русского исторического общества. Т. 6 (154). М., 2003.

Иордан 2001 – Иордан. О происхождении и деяниях гетов (Getica) / Вступительная статья, перевод и комментарии Е.Ч. Скржинской. СПб., 2000.

Константин Багрянородный 1991 – Константин Багрянородный. Об управлении империей / Тексты, перевод, комментарий; под редакцией Г.Г. Литаврина и А.П. Новосельцева. М., 1991.

Кузьмин 2003 – Кузьмин А.Г. Начало Руси: Тайны рождения русского народа. М., 2003.

Ляпушкин 1968 – Ляпушкин И.И. Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства (VIII – первая половина IX века): Историко-археологические очерки / Материалы и исследования по археологии СССР. Вып. 152. Л., 1968.

Майоров 2006 – Майоров А.В. Константин Багрянородный о происхождении и ранней истории хорватов: Великая Хорватия и белые хорваты // Rossica antiqua: Исследования и материалы. СПб., 2006.

Майоров 2006а – Майоров А.В. Великая Хорватия: Этногенез и ранняя история славян Прикарпатского региона. СПб., 2006.

Насонов 1951 – Насонов А.Н. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. М., 1951.

Носов 1990 – Носов Е.Н. Новгородское (Рюриково) городище. Л., 1990.

Носов 1999 – Носов Е.Н. Речная сеть Восточной Европы и её роль в образовании городских центров Северной Руси // Великий Новгород в истории средневековой Европы. М., 1999.

Носов, Горюнова, Плохов 2005 – Носов Е.Н., Горюнова В.М., Плохов А.В. Городище под Новгородом и поселения Северного Приильменья (Новые исследования и материалы) / Труды Института истории материальной культуры РАН. Т. XVIII. СПб., 2005.

ПВЛ 2007 – Повесть временных лет / Подготовка текста, перевод, статьи и комментарии Д.С. Лихачёва; Под редакцией В.П. Адриановой-Перетц. Третье издание (подготовил М.Б. Свердлов). СПб., 2007.

Петрухин, Пушкина 1979 – Петрухин В.Я., Пушкина Т.А. К предыстории древнерусского города // История СССР. 1979. № 4.

Поляков 1998 – Поляков А.Н. Новгород-Северский в истории Черниговской земли в конце X – начале XIII веков. Автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата исторических наук. СПб., 1998.

Поляков 2000 – Поляков А.Н. К вопросу о возникновении Новгорода-Северского // Вестник Оренбургского государственного университета. Философия, юриспруденция, история. 2000. № 3.

ПСРЛ. 1 – Полное собрание русских летописей. Т. I. Лаврентьевская летопись. М., 1997.

ПСРЛ. 2 – Полное собрание русских летописей. Т. II. Ипатьевская летопись. М., 1998.

Самоквасов 1873 – Самоквасов Д.Я. Древние города России. СПб., 1873.

Свердлов 2003 – Свердлов М.Б. Домонгольская Русь: Князь и княжеская власть на Руси VI – первой трети XIII в. СПб., 2003.

Седов 1982 – Седов В.В. Восточные славяне в VI-XIII вв. М., 1982.

Седов 1999 – Седов В.В. Древнерусская народность. М., 1999.

Смиленко 1989 – Смиленко А.Т. К изучению локальных особенностей культуры союзов восточнославянских племён VIII-X вв. // Древние славяне и Киевская Русь. Киев, 1989.

Смирнова 1974 – Смирнова Г.П. О трёх группах новгородской керамики X – начала XI вв. // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 139. М., 1974.

Смирнова 1976 – Смирнова Г.П. Лепная керамика древнего Новгорода // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 146. М., 1976.

Тихомиров 1956 – Тихомиров М.Н. Древнерусские города. М., 1956.

Толочко 2005 – Толочко А.П. «История Российская» Василия Татищева: Источники и известия. М.; Киев, 2005.

Трубачёв 1974 – Трубачёв О.Н. Ранние славянские этнонимы – свидетели миграции славян // Вопросы языкознания. 1974. № 6.

Фроянов 1980 – Фроянов И.Я. Киевская Русь. Очерки социально-политической истории. Л., 1980.

Фроянов 1992 – Фроянов И.Я. Мятежный Новгород: Очерки истории государственности, социальной и политической борьбы конца IX – начала XIII столетия. СПб., 1992.

Фроянов 1995а – Фроянов И.Я. Древняя Русь: Опыт исследования истории социальной и политической борьбы. М.; СПб., 1995.

Фроянов 1995б – Фроянов И.Я. О возникновении монархии в России // Дом Романовых в истории России. СПб., 1995.

Фроянов 1996 – Фроянов И.Я. Рабство и данничество у восточных славян (VI-X вв.). СПб., 1996.

Фроянов, Дворниченко 1988 – Фроянов И.Я., Дворниченко А.Ю. Города-государства Древней Руси. Л., 1988.

Шафонский 1787 – Шафонский А.Ф. Краткое топографическое описание Новгородского Северского наместничества 1787 года // Черниговские губернские ведомости. 1851. № 45.

Шахматов 2002 – Шахматов А.А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах // Шахматов А.А. История русского летописания Т. I. Кн. 1. СПб., 2002.

REFERENCES

Alekseev 2006 – Alekseev L.V. Zapadnye zemli Domongol'skoj Rusi: ocherki istorii, arheologii, kul'tury. Kn. 1 [Western lands of Domongolsky Russia: sketches of history, archeology, culture. Book 1], Moscow, 2006 [in Russian].

Bahrushin 1937 – Bahrushin S.V. «Derzhava Ryurikovichej» [«Power of Ryurik dynasty»], in: Vestnik drevnej istorii [Messenger of ancient history], 1937, № 2 [in Russian].

Belyaev 1956 – Belyaev I.D. Rasskazy iz russkoj istorii. Kn. 1 [Stories from the Russian history. Book 1], Moscow, 1956 [in Russian].

Bulkin, Lebedev 1974 – Bulkin V.A., Lebedev G.S. Gnyozdovo i Birka (k probleme stanovleniya goroda) [Gnezdovo and the Birka (to a problem of formation of the city)], in: Kul'tura srednevekovoj Rusi [Culture of medieval Russia], Leningrad, 1974 [in Russian].

Bulkin, Lebedev, Dubov 1978 – Bulkin V.A., Lebedev G.S., Dubov I.V. Arheologicheskie pamyatniki Drevnej Rusi IX-XI vv. [Archaeological monuments to Ancient Russia 9-11th centuries], Leningrad, 1978 [in Russian].

Froyanov 1980 – Froyanov I.Ya. Kievskaya Rus'. Ocherki social'no-politicheskoj istorii [Kievan Rus'. Sketches of socio-political history], Leningrad, 1980 [in Russian].

Froyanov 1992 – Froyanov I.Ya. Myatezhnyj Novgorod: Ocherki istorii gosudarstvennosti, social'noj i politicheskoj bor'by konca IX – nachala XIII stoletiya [Rebellious Novgorod: Sketches of history of statehood, social and political struggle of the end of IX – the beginning of the XIII century], St. Petersburg, 1992 [in Russian].

Froyanov 1995a – Froyanov I.Ya. Drevnyaya Rus': Opyt issledovaniya istorii social'noj i politicheskoj bor'by [Ancient Russia: Experience of a research of history of social and political struggle], Moscow; St. Petersburg, 1995 [in Russian].

Froyanov 1995b – Froyanov I.Ya. O vozniknovenii monarhii v Rossii [About emergence of the monarchy in Russia], in: Dom Romanovyh v istorii Rossii [House of Romanovs in the history of Russia], St. Petersburg, 1995 [in Russian].

Froyanov 1996 – Froyanov I.Ya. Rabstvo i dannichestvo u vostochnyh slavyan (VI-X vv.) [Slavery and dannichestvo at east Slavs (the 6-10th centuries)], St. Petersburg, 1996 [in Russian].

Froyanov, Dvornichenko 1988 – Froyanov I.Ya., Dvornichenko A.Yu. Goroda-gosudarstva Drevnej Rusi [City-states of Ancient Russia], Leningrad, 1988 [in Russian].

Gorskij 2004 – Gorskij A.A. Rus': Ot slavyanskogo rasseleniya do Moskovskogo carstva [Russia: From Slavic resettlement to the Moscow kingdom], Moscow, 2004 [in Russian].

Gorskij 2011 – Gorskij A.A. Slavyanskoe rasselenie i evolyuciya obshchestvennogo stroya slavyan [Slavic resettlement and evolution of a social order of Slavs], in: Budanova V.P., Gorskij A.A., Ermolova I.E. Velikoe pereselenie narodov: Etnopoliticheskie i social'nye aspekty [Great resettlement of the people: Ethnopolitical and social aspects], St. Petersburg, 2011 [in Russian].

Iordan 2001 – Iordan. O proiskhozhdenii i deyaniyah getov (Getica) / Vstupitel'naya stat'ya, perevod i kommentarii E.Ch. Skrzhinskoj [The Origin and Deeds of the Getae (Getica) / Introductory article, translation and comments E.Ch. Skrzhinskaya], St. Petersburg, 2000 [in Russian].

Konstantin Bagryanorodnyj 1991 – Konstantin Bagryanorodnyj. Ob upravlenii imperiej / Teksty, perevod, kommentarij; pod redakciej G.G. Litavrina i A.P. Novosel'ceva [On the Governance of the Empire / Texts, translation, comment; under edition G.G. Litavrin and A.P. Novoseltsev], Moscow, 1991 [in Russian].

Kuz'min 2003 – Kuz'min A.G. Nachalo Rusi: Tajny rozhdeniya russkogo naroda [Beginning of Russia: Mysteries of the birth of the Russian people], Moscow, 2003 [in Russian].

Lyapushkin 1968 – Lyapushkin I.I. Slavyane Vostochnoj Evropy nakanune obrazovaniya Drevnerusskogo gosudarstva (VIII – pervaya polovina IX veka): Istoriko-arheologicheskie ocherki / Materialy i issledovaniya po arheologii SSSR. Vyp. 152 [Slavs of Eastern Europe on the eve of formation of the Old Russian state (VIII – the first half of the 9th century): Historical and archaeological sketches / Materials and researches on archeology of the USSR. Release 152], Leningrad, 1968 [in Russian].

Majorov 2006 – Majorov A.V. Konstantin Bagryanorodnyj o proiskhozhdenii i rannej istorii horvatov: Velikaya Horvatiya i belye horvaty [Constantine Porphyrogennetos about an origin and early history of Croats: Great Croatia and white Croats], in: Rossica antiqua: Researches and materials, St. Petersburg, 2006 [in Russian].

Majorov 2006a – Majorov A.V. Velikaya Horvatiya: Etnogenez i rannyaya istoriya slavyan Prikarpatskogo regiona [Great Croatia: Ethnogenesis and early history of Slavs of the Carpathian region], St. Petersburg, 2006 [in Russian].

Nasonov 1951 – Nasonov A.N. «Russkaya zemlya» i obrazovanie territorii drevnerusskogo gosudarstva [«Russian land» and formation of the territory of the Old Russian state], Moscow, 1951 [in Russian].

Nosov 1990 – Nosov E.N. Novgorodskoe (Ryurikovo) gorodishche [Novgorod (Ryurikovo) ancient settlement], Leningrad, 1990 [in Russian].

Nosov 1999 – Nosov E.N. Rechnaya set' Vostochnoj Evropy i eyo rol' v obrazovanii gorodskih centrov Severnoj Rusi [River network of Eastern Europe and its role in formation of the city centers of Northern Russia], in: Velikij Novgorod v istorii srednevekovoj Evropy [Veliky Novgorod in the history of medieval Europe], Moscow, 1999 [in Russian].

Nosov, Goryunova, Plohov 2005 – Nosov E.N., Goryunova V.M., Plohov A.V. Gorodishche pod Novgorodom i poseleniya Severnogo Priil'men'ya (Novye issledovaniya i materialy) / Trudy Instituta istorii material'noj kul'tury RAN. T. XVIII [The ancient settlement near Novgorod and settlements of Northern Priilmenya (New researches and materials) / Works of Institute of history of material culture of RAS. Volume XVIII], St. Petersburg, 2005 [in Russian].

Petruhin, Pushkina 1979 – Petruhin V.Ya., Pushkina T.A. K predystorii drevnerusskogo goroda [To background of the Old Russian city], in: Istoriya SSSR [History USSR], 1979. № 4 [in Russian].

Polyakov 1998 – Polyakov A.N. Novgorod-Severskij v istorii Chernigovskoj zemli v konce X – nachale XIII vekov. Avtoreferat dissertacii na soiskanie uchyonoj stepeni kandidata istoricheskih nauk [Novgorod-Seversk in the history of the Chernihiv earth at the end of X – the beginning of the 13th centuries. The abstract of the thesis for a degree of the candidate of historical sciences], St. Petersburg, 1998 [in Russian].

Polyakov 2000 – Polyakov A.N. K voprosu o vozniknovenii Novgoroda-Severskogo [To a question of emergence of Novgorod-Seversk], in: Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya, yurisprudenciya, istoriya [Bulletin of the Orenburg state university. Philosophy, law, history], 2000, № 3 [in Russian].

PSRL. 1 – Polnoe sobranie russkih letopisej. T. I. Lavrent'evskaya letopis' [Complete collection of the Russian chronicles. Volume I. Lavrentyevsky chronicle], Moscow, 1997 [in Russian].

PSRL. 2 – Polnoe sobranie russkih letopisej. T. II. Ipat'evskaya letopis' [Complete collection of the Russian chronicles. Volume II. Ipatyevsky chronicle], Moscow, 1998 [in Russian].

PVL 2007 – Povest' vremennyh let / Podgotovka teksta, perevod, stat'i i kommentarii D.S. Lihachyova; Pod redakciej V.P. Adrianovoj-Peretc. Tret'e izdanie (podgotovil M.B. Sverdlov) [Primary Chronicle / Preparation of the text, translation, articles and comments of D.S. Likhachyov; Editor-in-chief V.P. Adrianova-Peretts. The third edition (prepared of M.B. Sverdlov)], St. Petersburg, 2007 [in Russian].

Samokvasov 1873 – Samokvasov D.Ya. Drevnie goroda Rossii [Ancient cities of Russia], St. Petersburg, 1873 [in Russian].

Sedov 1982 – Sedov V.V. Vostochnye slavyane v VI-XIII vv. [East Slavs in the 6-13th centuries], Moscow, 1982 [in Russian].

Sedov 1999 – Sedov V.V. Drevnerusskaya narodnost' [Old Russian nationality], Moscow, 1999 [in Russian].

Shafonskij 1787 – Shafonskij A.F. Kratkoe topograficheskoe opisanie Novgorodskogo Severskogo namestnichestva 1787 goda [Short topographical description of the Novgorod Seversk namestnichestvo of 1787], in: Chernigovskie gubernskie vedomosti [Chernihiv provincial sheets], 1851, № 45 [in Russian].

Shahmatov 2002 – Shahmatov A.A. Razyskaniya o drevnejshih russkih letopisnyh svodah [Investigations about the most ancient Russian annalistic arches], in: Shahmatov A.A. Istoriya russkogo letopisaniya T. I. Kn. 1 [History of the Russian annals Volume I. Book 1], St. Petersburg, 2002 [in Russian].

Smilenko 1989 – Smilenko A.T. K izucheniyu lokal'nyh osobennostej kul'tury soyuzov vostochnoslavyanskih plemyon VIII-X vv. [To studying of local features of culture of the unions of East Slavic tribes of the 8-10th centuries], in: Drevnie slavyane i Kievskaya Rus' [Ancient Slavs and Kievan Rus'], Kiev, 1989 [in Russian].

Smirnova 1974 – Smirnova G.P. O tryoh gruppah novgorodskoj keramiki X – nachala XI vv. [About three groups of the Novgorod ceramics of X – the beginnings of the 11th centuries], in: Kratkie soobshcheniya Instituta arheologii. Vyp. 139 [Short messages of Institute of archeology. Release 139], Moscow, 1974.

Smirnova 1976 – Smirnova G.P. Lepnaya keramika drevnego Novgoroda [Modelled ceramics of ancient Novgorod], in: Kratkie soobshcheniya Instituta arheologii. Vyp. 146 [Short messages of Institute of archeology. Release 146], Moscow, 1976 [in Russian].

Sverdlov 2003 – Sverdlov M.B. Domongol'skaya Rus': Knyaz' i knyazheskaya vlast' na Rusi VI – pervoj treti XIII v. [Domongolsky Russia: The prince and the princely power in Russia VI – the first third of the 13th century], St. Petersburg, 2003 [in Russian].

Tihomirov 1956 – Tihomirov M.N. Drevnerusskie goroda [Old Russian cities], Moscow, 1956 [in Russian].

Tolochko 2005 – Tolochko A.P. «Istoriya Rossijskaya» Vasiliya Tatishcheva: Istochniki i izvestiya [«History Russian» of Vasily Tatishchev: Sources and news], Moscow; Kiev, 2005 [in Russian].

Trubachyov 1974 – Trubachyov O.N. Rannie slavyanskie etnonimy – svideteli migracii slavyan [Early Slavic ethnonyms – witnesses of migration of Slavs], in: Voprosy yazykoznaniya [Linguistics questions], 1974, № 6 [in Russian].

Zhih 2008 – Zhih M.I. Problema perenosa drevnerusskogo goroda i vopros o vozniknovenii gorodov-gosudarstv v Kievskoj Rusi [Problem of transfer of the Old Russian city and question of emergence of city-states in Kievan Rus'], in: Istoricheskaya nauka i rossijskoe obrazovanie (aktual'nye problemy). Sbornik statej pamyati prof. A.G. Kuz'mina i prof. V.G. Tyukavkina. Ch. I [Historical science and Russian education (urgent problems). Collection of articles of memory of professor A.G. Kuzmin and professors V.G. Tyukavkin. Part I], Moscow, 2008 [in Russian].

Zhih 2010 – Zhih M.I. K probleme vozniknoveniya Novgoroda v kontekste centralizatorskoj politiki kievskih knyazej serediny X – nachala XI vv. [To a problem of emergence of Novgorod in the context of tsentralizatorsky policy of the Kiev princes of the middle of X – the beginning of the 11th centuries], in: Rossijskij gorod v istoricheskoj retrospektive: materialy Vserossijskoj nauchnoj konferencii, posvyashchennoj 250-letiyu g. Izhevska [The Russian city in a historical retrospective: materials of the All-Russian scientific conference devoted to the 250 anniversary of the city of Izhevsk], Izhevsk, 2010 [in Russian].

Zhih 2013 – Zhih M.I. Reforma knyagini Ol'gi kak popytka centralizacii Rusi [Reform of the princess Olga as attempt of centralization of Russia], in: Proshloe Novgoroda i Novgorodskoj zemli: materialy nauchnoj konferencii 17-18 noyabrya 2011 g. / Sost. V.F. Andreev [Past of Novgorod and Novgorod earth: materials of a scientific conference on November 17-18, 2011 / Originator V.F. Andreyev], Velikij Novgorod, 2013 [in Russian].

Zhih 2017 – Zhih M.I. Vostochnoslavyanskij politogenez i reformy knyagini Ol'gi [Eastern Slav's polity's genesis and reforms by Princess Olga], in: Istoricheskij format [Historical format], 2017, № 3-4 [in Russian].

Zhuravel' 2003 – Zhuravel' A.V. S.V. Yushkov – nash sovremennik [S.V. Yushkov is our contemporary], in: Sbornik Russkogo istoricheskogo obshchestva. T. 6 (154) [Collection of the Russian historical society. Volume 6 (154)], Moscow, 2003 [in Russian].

Карпенко Андрей Александрович
– Соискатель на степень кандидата исторических наук Института переподготовки и повышения квалификации МГУ им. М.В. Ломоносова (Волгодонск, Россия).
Andrey Karpenko – Applicant on degree of the Candidate of historical sciences of Institute of Retraining and Professional development of Lomonosov Moscow State University (Volgodonsk, Russia).

E-mail: alnikar1953@mail.ru

ПРАВИЛА ПУБЛИКАЦИИ В ЖУРНАЛЕ

В соответствии с требованиями ВАК и наукометрических баз данных РИНЦ и Scopus, в международном научном журнале «Исторический формат» вводятся следующие правила публикации.

Журнал публикует оригинальные статьи с результатами научных исследований на русском, английском, французском и немецком языках, относящиеся к исторической тематике, а также сообщения о проводимых под эгидой или при участии журнала научных мероприятиях. Редакция не вступает с авторами в содержательное обсуждение статей, переписку по методике написания и оформления научных статей и не занимается доведением статей до необходимого научно-методического уровня. Плата за публикацию в международном научном журнале «Исторический формат» не взимается. Авторский гонорар не выплачивается, не оплачивается рецензирование статей. Для обеспечения широкого доступа материалы журнала размещаются в Интернете: на сайте журнала, в научной электронной библиотеке «КиберЛенинка», в наукометрической базе данных РИНЦ и т.д.

Авторы статей, принятых к публикации высылают на электронный адрес редакции скан-копию бланка согласия, в котором дают разрешение на редактирование статьи, включение ее в электронные базы данных, а также на безвозмездную передачу указанных прав третьим лицам, при условии соблюдения их неимущественных авторских прав, извлечение из статьи и использование на безвозмездной основе метаданных (название, имя автора/правообладателя, аннотации, библиографические материалы и пр.) с целью включения в базы данных РИНЦ и Scopus, и подтверждение, что материал ранее не был опубликован и не находится на рассмотрении и/или не принят к публикации в каком-либо ином издании. Бланк согласия должен быть подписан автором и заверен в организации, в которой он работает или обучается.

В случае несоблюдения каких-либо требований редакция оставляет за собой право не рассматривать поступившие статьи. Журнал не публикует авторские материалы, ранее напечатанные в других изданиях; материалы, не соответствующие тематике журнала; статьи, не содержащие новой информации либо содержащие фактологические, исторические или иные ошибки, которые не могут быть исправлены; статьи, содержащие утверждения и гипотезы, прямо противоречащие установленным научным фактам; литературно-художественные и публицистические произведения любого содержания, в том числе и на научную тему; любую информацию и объявления, не имеющие непосредственного отношения к научной деятельности; материалы, содержащие сведения, которые составляют государст-венную либо коммерческую тайну; материалы, содержащие оскорбления, клевету либо заведомо ложные сведения в отношении граждан и организаций.

ПОРЯДОК СДАЧИ МАТЕРИАЛА:

Статья оформляется в соответствии с требованиями к оформлению материалов и высылается вместе со скан-копией заверенного бланка согласия на электронный адрес редакции: mail@histformat.com

Файлы должны быть поименованы по фамилии автора в латинской графике (например, IvanovStatya, IvanovBlank). Рукописи принимаются к рассмотрению непрерывно в течение года. Материал не должен превышать 1 п.л. (40 тыс. знаков с пробелами, включая рисунки, таблицы, список литературы и прочие компоненты статьи), сообщения — 0,5 п.л., рецензии — 0,2 п.л.

Статьи, поступившие в редакцию, подлежат внутреннему и внешнему рецензированию. Внутреннее рецензирование осуществляется редколлегией. Внешнее рецензирование научных материалов обеспечивается автором предоставленного материала и осуществляется специалистом соответствующего профиля, имеющим ученую степень доктора или кандидата наук. В случае несоблюдения каких-либо требований редакция оставляет за собой право не рассматривать такие статьи.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ МАТЕРИАЛОВ:

Редколлегия журнала «Исторический формат» принимает только материалы, присланные файлом, прикрепленным к электронному письму (формат Word, файл с расширением .doc ., docx ., rtf). Статья должна быть оформлена строго в соответствии общими требованиями к оформлению научных публикаций и тщательно вычитана.

Рукописи, направляемые в журнал, должны содержать следующие разделы:

1. Индекс по Универсальной десятичной классификации (УДК).

2Название статьи, ФИО автора(ов), сведения об авторе, адресные данные (полное юридическое название организации, адрес организации, адрес электронной почты всех или одного автора), авторское резюме и ключевые слова на русском языке, адрес электронной почты. Объем аннотации должен включать от 100 до 250 слов. Ключевых слов и словосочетаний должно быть не более 10.

3. Те же данные, указанные на английском языке, в той же последовательности, что в п. 2. Авторское резюме на английском языке (Abstract) может отличаться от русского аналога, но обязательно должно быть максимально подробным, чтобы выполнять функцию независимого от статьи источника информации. Информация резюме на английском должна быть понятна и интересна англоязычному читателю, который мог бы без обращения к полному тексту получить наиболее полное представление о тематике и уровне исследования.

4. Полный текст статьи, оформленный в соответствии с действующими требованиями журнала, примечания, список использованной литературы (название

«Литература»), список литературы в романском алфавите (название “References”).

Параметры оформления статьи: выравнивание — по ширине листа; первая строка — отступ 1,25; межстрочный интервал — одинарный; шрифт — Times New Roman; размер — 14; без автоматической расстановки переносов.

Иллюстрации (фотографии, рисунки, таблицы, графики, диаграммы и т.п.) должны иметь сквозную нумерацию согласно их положению в тексте и дополнительно прилагаться в виде отдельных файлов. Иллюстрации предоставляются в форматах tif или jpeg (разрешением не менее 300 dpi).

При оформлении статьи используется «гарвардский стиль» — оформление библиографии, когда список литературы выстроен в алфавитном порядке, а отсылка в тексте оформляется через фамилию автора (или фамилия первого автора, если авторов несколько), год издания и по необходимости номер страницы.

5. Список литературы с последующей английской транслитерацией. Автоматизировать процесс транслитерации можно, воспользовавшись программным обеспечением, которое доступно по адресу http://translit.ru (в раскрывающемся списке «Варианты» выбирать BGN). После автоматического транслитерирования необходимо вручную проверить правильность полученного результата и внести необходимые коррективы. Транслитерированные ссылки должны содержать только значащие для аналитической обработки элементы (ФИО авторов, название первоисточника, выходные данные). В списке литературы названия работ на языках, использующих нелатинизированные алфавиты, должны быть переведены на английский и заключены в квадратные скобки; названия источников должны быть транслитерированы, в конце следует указать язык оригинала в квадратных скобках. В случае цитирования книги название издательства (если это название учреждения) должно быть переведено на английский язык, во всех остальных случаях — транслитерировано, место издания — переведено.

Примером оформления публикации может служить любая статья в последнем опубликованном номере журнала. Просим авторов обратить на это внимание и следовать принятым правилам оформления материалов.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ФОРМАТ

2019, № 1

* * *

ЭЛЕКТРОННОЕ
ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

Дата выхода номера: 20.12.2019
Формат 210x297
Электронный файл PDF
Гарнитура «Source Sans Pro»

Издатель: Редакция журнала
«Исторический формат»

Верстка: Пезиков В.Н.

Редакция может не разделять точку зрения авторов статей, не вступает с авторами в содержательное обсуждение статей, переписку по методике написания и оформления научных статей и не занимается доведением статей до необходимого научно-методического уровня. Ответственность за содержание публикуемых материалов несет автор.

При любом использовании материалов ссылка на журнал обязательна.

* * *

E-mail редакции: **mail@histformat.com**
Официальный сайт: **http://histformat.com/**

ISSN 2411-9415

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ФОРМАТ

http://histformat.com/